

СЕРГЕЙ ВАХРИН

КАМЧАТКА
РОССИЯ
МИР

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ОБОРОНА 1854 г.

Камчатпресс
2021

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)
В 22

Вахрин С.И.
В22 Камчатка – Россия – Мир. Петропавловская оборона 1854 г. — Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2021. — 268 с. : ил.
ISBN 978-5-9610-0360-4

Эта книга о сохранении исторической памяти о героях обороны Петропавловского порта — уроженцах Камчатки, а также многих других регионов Российской империи, включая Царство Польское и Великое княжество Финляндское, Лифляндскую и Эстляндскую губернии, которые в августе-сентябре 1854 года сумели малыми силами отразить удар объединенной десантной группы англо-французской эскадры.

Эта книга об исторических и духовных связях Камчатки со всей великой Россией и со многими государствами мира, представители которых оставили свой след в истории нашего края.

Книга рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию.

В книге использованы фотоматериалы из открытых источников, а также из фотоархива холдинга «Витязь-Авто».

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)

Издано при поддержке
холдинга «Витязь-Авто»

IISBN 978-5-9610-0360-4

© КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2021
© Вахрин С.И., 2021
© «Камчатпресс», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АВАЧА 25
АСТРАХАНЬ 39
БОРОВИЧИ 47
БУЙ 55
ВАРНАВИНСК 63
ВЕЛЬСК 81
ВЕРХНЕКАМЧАТСК 89
ВЯТКА 99
ГАНАЛЫ 117
ГИЖИГИНСК (ИЖИГИНСК) 129
КИРГАНИК 149
КИЧИГА 157
КЛЮЧИ 161
КОЗЫРЕВСК 177
КОРЯКИ 183
КРАСНЫЙ ЯР 191
МАЛКА 201
МАШУРА 207
МИЛЬКОВО 215
НАЧИКИ 227
НЕЖИН 237
ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ 249
ГДОВ, ОРАНИЕНБАУМ, ЦАРСКОЕ СЕЛО 323
СЕРОГЛАЗКА 353
СОЛИГАЛИЧ 363
СТАРЫЙ ОСТРОГ (ЗАВОЙКО, ЕЛИЗОВО) 377
ТИГИЛЬ 391
УСТЬ-КАМЧАТСК 405
УШКИ 417
ХАЛАКТЫРКА 421
ХАРЧИНО 433
ЧИСТОПОЛЬ 443
ШАРОМЫ (ШЕРОМЫ) 455
ШЕНКУРСК 463
ЩАПИНО 469
ЮРЬЕВЕЦ 477

Уважаемые читатели!

Тема, которую поднимает и раскрывает в этой книге наш камчатский писатель Сергей Иванович Вахрин, не просто близка и дорога мне.

Я сам сын военного, который служил на Камчатке. Впоследствии — выпускник Уссурийского суворовского, а затем — Дальневосточного высшего общевойскового командного училища. Поэтому тема военного подвига, защиты Отечества и исторической памяти для меня священны.

Как правило, в исторической литературе о военных событиях в первую очередь говорится не о тех, кто был на ратном поле, сражался под ядрами, снарядами и пулями, истекал кровью от ран — то есть рядовых участниках сражений, а о тех, кто командовал этим сражением и ковал стратегическую и тактическую основу победы.

И безусловно, они заслуживают ту дань нашего общего уважения и собственного бессмертия, которые сохраняются в народной памяти.

Но эта книга именно о рядовых (чаще всего — мало- или совершенно до сих пор не известных) участниках Петропавловской обороны. В том числе и о детях. Кто, скажите, из нас знал, что участниками обороны нашего города были даже десятилетние пацанята, которые в период «тишины» между обстрелами «пускали кораблики». Среди этих мальчишек был прямой потомок «камчатского Ермака» — Владимира Владимировича Атласова — Степан Семенович Атласов (1844 года рождения). Двенадцатилетний Иван Киселев погиб в сражении.

И конечно, обидно, что эти имена становятся известны нам только через 170 лет.

В этой книге, которая посвящена не только 170-летию Петропавловской обороны, но и 325-летию присоединения Камчатки к России, главный акцент сделан на камчатских участниках обороны и эвакуации Петропавловского порта.

Но задумка более масштабная — увековечить в нашей исторической памяти имена всех, без исключения, участников обороны нашего города.

И эта задумка уже претворяется в жизнь.

Свидетельство тому — первая книга из цикла «Камчатка – Россия – Мир. Петропавловская оборона 1854 г.».

С уважением,
Игорь Владимирович Редькин,
Председатель Совета Директоров холдинга «Витязь-Авто», руководитель издательского проекта «Камчатка-Россия-Мир»

Петропавловская гавань

В августе-сентябре 2024 года мы будем отмечать 170-летие Петропавловской обороны. Тогда небольшой гарнизон Петропавловского порта, состоящий из матросов и офицеров 46-го Камчатского флотского экипажа, казаков Камчатской казачьей команды, экипажей фрегата «Аврора» (на борту фрегата в это время находились 14 офицеров, 4 гардемарина, 2 юнкера, 13 унтер-офицеров, 4 кондуктора морской артиллерии, 5 музыкантов, 241 рядовой, 7 нестроевых, 7 мастеровых, 1 младший врач, 1 фельдшер, 1 иеромонах), а также добровольцев из числа гражданского населения Петропавловска (по данным командира Петропавловского порта В.С. Завойко — 349 человек на кораблях, 368 на батареях и 271 человек — в стрелковых партиях), противостоял превосходящим силам противника, насчитывающим 2200 человек экипажа и 500 человек морского десанта. При этом английские и французские суда располагали значительным количеством орудий: 52 орудия на фрегате «Президент», 44 на фрегате «Пик», 6 на пароходе «Вираго» у англичан, 60 на фрегате «Форд», 32 на фрегате «Евридика» и 18 на фрегате «Облигадо» у французов.

Артиллерийский заслон Петропавловского порта был выполнен в форме подковы и составлял следующее количество орудий и мортир.

Батарея №1 «Сигнальная» располагалась на мысе Сигнальном (три 36-фунтовых орудия, 2 мортиры, 64 чел.). Она защищала вход в Петропавловскую гавань.

Самая крупная батарея № 2 «Кошечная» (девять 36-фунтовых орудий, одно 24-фунтовое орудие, 127 чел.) располагалась на Кошке — песчаной косе, также преграждающей врагу возможность зайти в гавань.

На перешейке, соединяющем Сигнальную сопку с Никольской сопкой, стояла батарея № 3 «Перешеечная» (пять 24-фунтовых орудий, 51 чел.).

Батарея № 4 «Кладбищенская» (три 24-фунтовых орудия, 28 чел.) располагалась на противоположном от мыса Сигнального берегу Петропавловской гавани, на Красной сопке (или Красном Яру, как называли это место в период обороны), перекрывая возможность вражескому десанту захватить порт с этой стороны.

Непосредственно в самом порту находилась батарея № 5 «Портовая» (из пяти 3-фунтовых медных орудий, которые выполняли более декоративную, нежели боевую, задачу).

У Култучного озера располагалась батарея № 6 «Озерная» (шесть 6-фунтовых орудий, четыре 18-фунтовых орудия, 34 чел.).

У северного подножия Никольской сопки на берегу Авачинской бухты стояла батарея № 7 (пять 24-фунтовых орудий, 49 чел.).

А также одно полевое 3-фунтовое орудие на конной тяге (19 человек нижних чинов).

Макет «Смертельной» батареи Максутова. Расположен между Никольской и Сигнальной сопками в центре Петропавловска-Камчатского

Култучное озеро

Непосредственно в самой Петропавловской гавани находились два русских судна — фрегат «Аврора» и транспорт «Двина», орудия которых также представляли из себя две дополнительные батареи.

18 августа 1854 года, когда англо-французская эскадра подошла к линии огня, по ней ударили пушки третьей, а затем первой, второй и четвертой батарей. Но цели достигли только бомбы из мортир батареи № 1, расположенной на Сигнальном мысу, разбив корму флагманского английского фрегата «Президент» и убив семь матросов-артиллеристов на французском фрегате «Форт».

Но основной удар врага принял на себя 46-й Камчатский флотский экипаж, который и понес, соответственно, самые большие потери в двух последующих сражениях на берегу.

Первая десантная группа из 600 человек высадилась 20 августа по старому стилю со стороны мыса Кислая Яма на берегу Красной сопки, предварительно подавив своим огнем маломощную батарею № 4. Заклепав орудия, артиллеристы покинули батарею.

Но этот день был днем сплошных неудач для нашего врага.

Как выяснилось, накануне то ли покончил жизнь самоубийством, то ли был убит нечаянным русским осколком, то ли застрелился случайно (есть всякие версии) командующий объединенной эскадрой английский контр-адмирал Дэвид Прайс.

Командование эскадрой принял французский контр-адмирал Де Пуант (Огюст Февврье-Деспуант). Французы начали десантную операцию, как вдруг случилась следующая «неудача» — ядро, выпущенное якобы по русской батарее с английского судна, попало в толпу французов, захвативших эту самую батарею.

И французы ретировались, не дожидаясь русской контратаки, понеся значительные потери от собственных союзников.

Но при бомбардировке «Кладбищенской» батареи понесли потери и русские. В тот день погибли матросы 46-го флотского экипажа Даниил Белоусов (1824 г.р.), Трофим Губин (1823), Савелий Гудин (1820), Иван Жбанов (1821), боцманмат Андрей Лысаков (1820), унтер-офицер Алексей Лыткин (1824) и двенадцатилетний кантонист Иван Киселев. Умер от полученных в том бою ран матрос Федор Куклин (1823).

24 августа по старому стилю 1854 года после артподготовки, в результате которой были уничтожены батареи №№ 3 и 6, расположенные на перешейке между Сигнальной и Никольской сопками и у подножия последней со стороны Култучного озера, 250 человек из англо-французского десанта высадились в районе перешейка и 700 человек — со стороны Култучного озера, чтобы ударить по гарнизону Петропавловского порта с тыла.

Но случилась новая «неудача». Разгромив батарею № 6, десантники имели практически прямой выход на Петропавловск, как вдруг единственный выстрел, произведенный из полевой пушки на конной тяге казачьим пятидесятником Алексеем Степановичем Карандашевым, как и в случае с английским ядром, произвел ошеломляющий эффект — свинцовая смесь из картечи ударила в самый центр колонны, вызвав панику, в результате которой английская морская пехота ринулась не на город, а на вершину Никольской сопки, откуда эту королевскую английскую военную элиту вместе с ее знаменем и убитым командиром капитаном Паркером сбросили со скал несколько отрядов матросов, казаков и охотников-добровольцев, общая численность которых была вдвое, если не втрое, меньше численности десантной группировки…

И англичане, и французы в панике бежали. По их собственным данным, погибло в тот день от 300 до 400 (по разным источникам) человек и еще 150 получили ранения разной степени тяжести.

27 августа по старому стилю англо-французская эскадра позорно ретировалась из Авачинской бухты, пленив на выходе из нее экипаж шхуны «Анадырь» с лесом и судно Российско-Американской компании «Ситха».

Оборона Петропавловского порта на Камчатке 24 августа 1854 г. Копия с картины художника А.П. Боголюбова 1865 г. (ЦВММ). Картина была написана А.П. Боголюбовым по заказу Александра II. Для максимальной достоверности ученик художника Ф.Ф. Боганц посетил Камчатку и сделал этюды местности

Памятник «Слава» в честь защитников города от англо-французской эскадры в 1854 г.

Благодаря исследованиям, проведенным Камчатским объединенным музеем, нам сегодня известны имена русских людей, погибших в тот день или скончавшихся от полученных ран позже. В этом списке — имена тех, кто погиб на самой незащищенной и самой, как выяснилось, значимой для победы «Смертельной» батарее Александра Максутова, и тех, кто пошел в штыковую атаку на вершине Никольской сопки.

И, как бы позже офицеры с фрегата «Аврора», первыми прибывшими в столицу, не утверждали, что именно экипаж фрегата обеспечил победу в том сражении, мы, ни в коем случае не преуменьшая значения всего того, что сделали для общей победы матросы и офицеры с легендарной «Авроры», имеем сегодня список имен тех, кто за эту общую победу 24 сентября 1854 года отдал свою жизнь.

Это прежде всего матросы и унтер-офицеры 46-го Камчатского флотского экипажа: Яков Гагарин (1827 г. р.), Савелий Гудин (1820), Николай Данилов (1814), Даниил Николаевич Дунаев (1816), Михаил Екимов (1822), Прокопий Изотов (1822), Иван Кокотцев (1822), Иван Конев (1822), Прокопий Коновалов (1818), Иван Костев (1824), Максим Костоусов (1814), Василий Мышьянов (1814), Терентий Николаев (1824), Георгий Васильевич Опашков (1819), Яков Осипцов (1821), Сергей Перцов (1822), Александр Петров (1824), Алексей Петунин (1820), Капитон Прокопьев (1820), Иван Савельев (1819), Степан Сажин (1815), Василий Стефанов (1820), Михаил Стуков (1826), Иван Шпикин (1823), Степан Шулаков (1815).

Члены экипажа фрегата «Аврора» (19-го флотского экипажа): лейтенант Александр Петрович Максутов (1831), матрос Николай Сапенков (1828).

Камчатские охотники-добровольцы: Филипп Дурынин (1817), камчадал селения Ко-

На Никольской сопке. Театрализованная постановка «Героическая оборона Петропавловска от нападения англо-французской эскадры в 1854 г.», 7 сентября, 2019 г.

ряки; Николай Федорович Калмаков (1827), вольный штурман; Федор Михайлович Сахаров, купеческий сын; Евгений Сапожков (Сопожков), мещанин; Роман Юшин (1811), отставной матрос.

Казаки Камчатской казачьей команды: Александр Костоломов (1821), Иван Селиванов (1823).

Да, в истории российского флота навсегда сохранится имя фрегата «Аврора», которое впоследствии получил в честь него крейсер «Аврора».

В память о Петропавловском сражении был назван броненосец «Петропавловск», подорвавшийся на мине в период Русско-японской войны 31 марта 1904 года, на борту которого в тот период был командующий Тихоокеанским флотом, выпускник Николаевского-на-Амуре штурманского училища вице-адмирал Степан Осипович Макаров.

1 декабря 1854 года за отличие при отражении нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт «всемилостивейше пожалованы» кавалерами орденов:

Святого Георгия III степени: камчатский военный губернатор и командир Петропавловского и Камчатских портов контр-адмирал В.С. Завойко.

Святого Владимира III степени: командир фрегата «Аврора» капитан-лейтенант И.Н. Изыльметьев.

Святого Владимира IV степени с бантом: капитан 2-го ранга Александр Васильев, капитан-лейтенанты: Василий Кораллов и Михаил Тироль, лейтенанты: Евграф Анкудинов, Петр Гаврилов, князь Д.П. Максутов, Константин Пилкин, Иосиф Скандраков и Михаил Федоровский, мичманы: Дмитрий Михайлов, Василий Попов и Николай Фесун, подпоручик корпуса морской артиллерии Николай Можайский, старшие врачи флотских экипажей: надворный советник Николай Клинген и коллежский асессор Михаил Давыдов.

Святой Анны III степени с бантом: поручик корпуса флотских штурманов Василий Дьяков, подпоручик корпуса флотских штурманов Семен Самохвалов, состоящий по ластовым экипажам поручик Михаил Губарев, управляющий аптекой Петропавловского морского госпиталя, титулярный советник Федор Литкин, служащий в Петропавловском порте, коллежский регистратор М.А. Алелюхин.

Святой Анны III степени без банта: старший ординатор Петропавловского морского госпиталя, коллежский советник Семен Петрашевский, младший врач 23-го флотского экипажа, доктор медицины Виталий Вильчковский.

В. Шиляев «Петропавловский бой. Первый день обороны 20 августа 1854 г.»

Крейсер «Аврора» и транспортное судно «Двина»

Знаки отличия ордена Святого Георгия, которым были награждены не только нижние чины и унтер-офицеры, но и юнкера и гардемарины: Невшетулин Абубекеров — младший унтер-офицер госпитальной полуроты, Михаил Богданов — квартирмейстер 47 флотского экипажа, Александр фон Греверн — рядовой Сибирского линейного №15 батальона, Владимир Давыдов — гардемарин 27 флотского экипажа, Степан Дементьев — прапорщик 19 флотского экипажа, Дмитрий Кайсаров — гардемарин 27 флотского экипажа, Алексей Карандашев — пятидесятник Камчатской казачьей команды, Иван Колокольцев — гардемарин 27 флотского экипажа, Александр Левкович — писарь штаба командира портов Восточного океана, Константин Литке — юнкер 27 флотского экипажа, Николай Орурк, граф — юнкер 27 флотского экипажа, Семен Подсамыльев — квартирмейстер 27 флотского экипажа, Андрей Рейнов — боцман 27 флотского экипажа, Халит Саитов — матрос 27 флотского

экипажа, Степан Соловьев — квартирмейстер 27 флотского экипажа, Степан Спылихин — боцман 27 флотского экипажа, Алексей Степанов — матрос 19 флотского экипажа, Иван Сунцов — матрос 27 флотского экипажа, Иван Суровцев — боцман 19 флотского экипажа, Иван Сутурнин — боцманмант 27 флотского экипажа, Яков Тимофеев — боцманмант 19 флотского экипажа, Гавриил Токарев — гардемарин 27 флотского экипажа, Иван Федоров — квартирмейстер 27 флотского экипажа, Алексей Церковников — квартирмейстер 27 флотского экипажа, Иван Шестаков — боцман 27 флотского экипажа.

Обратим внимание также на мало кому известный факт, что 27-й Амурский флотский экипаж — это бывший 47-й (46-й в период обороны Петропавловского порта) Камчатский флотский экипаж.

В Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГАВМФ) удалось найти именные списки обер- и унтер-офицеров и нижних чинов 46-го (впоследствии 47-го) Камчатского флотского экипажа, переведенного в 1855 году в Николаевск-на-Амуре, с именами непосредственных участников Петропавловской обороны и сражения в заливе Де-Кастри в мае 1855 года.

О том, что происходило после Петропавловской обороны на тихоокеанском побережье России, мало кому известно.

На Никольской сопке. Театрализованная постановка «Героическая оборона Петропавловска от нападения англо-французской эскадры в 1854 г.», 7 сентября, 2019 г.

Командир фрегата «Аврора» капитан-лейтенант И.Н. Изыльметьев

Слева направо, сверху вниз: ордена Святого Георгия III степени, Святого Владимира III степени, Святого Владимира IV степени с бантом, Святой Анны III степени с бантом, Святого Георгия

Англо-французская эскадра, прибыв в 1855 году на Камчатку, чтобы отомстить за свое прошлое поражение, не застала в Петропавловском порту ни флота, ни батарей, ни воинского гарнизона, которые в срочном порядке были эвакуированы на Амур.

Англо-французы, разорив и расстреляв из пушек Петропавловск и произведя размен пленными (трех русских матросов с плашкоута боцмана Усова на двух с эскадры Де Пуанта), отправились в погоню.

И они действительно догнали тяжело груженные имуществом Петропавловского порта и людьми суда Камчатской флотилии в Татарском проливе, в заливе Де-Кастри (ныне залив Чихачева). Правда, сами они не знали, что этот пролив является таковым, ибо, по данным Лаперуза, который открыл 25 июля 1787 года залив, назвав его Де-Кастри в честь морского министра Франции, остров Сахалин был полуостровом, а Татарский пролив — не проливом, а заливом. Более того, и Лаперуз, а вслед за ним и Крузенштерн, также посещавший здешние места, считали, что устье реки Амура несудоходное.

Таким образом, как полагали англо-французы, русские суда Камчатской флотилии попали в ловушку.

На самом деле Амур в своем устье еще не очистился ото льда, и русские суда отстаивались в заливе Де-Кастри, дожидаясь, когда откроется (или вскроется) Амур.

Русский флот состоял из фрегата «Аврора» и корвета «Оливуца», а также транспортов — «Диана», «Иртыш», «Байкал» и двух ботов — «Кадьяк» и №1. На бортах этих судов находилось в общей сложности 1413 человек.

На рассвете 8 мая 1855 года отряд английских судов в составе 40-пушечного фрегата «Сибил», 17-пушечного винтового парохода-корвета «Хорнет» и 12-пушечного брига «Биттерн» под флагом коммдора Элиота вошли в залив Де-Кастри.

Братская могила защитников города Петропавловска от нападения англо-французской эскадры в 1854 г.

«Аврора», «Оливуца» и «Диана» встали в диспозицию, приготовившись встретить врага своей артиллерией.

Эллиот послал на разведку пароходо-корвет «Хорнет», который, обменявшись несколькими выстрелами с русскими судами, вернулся назад, доложив о превосходящих силах противника, запертых в заливе.

Эллиот не стал рисковать, о чем сокрушался потом всю оставшуюся жизнь, так как русские оставили его «с носом».

Отправив бриг в Хакодате за подкреплением к адмиралу Стерлингу, новому командующему объединенной англо-французской Тихоокеанской эскадрой, фрегат с пароходо-корветом начали осуществлять патрулирование, не подозревая о том, что

В трофеи русским досталось знамя, 7 офицерских сабель и 56 ружей. Европейские туристы здесь не редкость. Интересно, что думают сегодняшние французы и англичане, глядя на это трофейное знамя?

русские суда уже ушли на Амур и разгрузились в Николаевске-на-Амуре.

Англо-французская эскадра, пришедшая в залив Де-Кастри, оказалась в полном недоумении и позже, в июне, попыталась взять реванш на берегу, атаковав размещенные на побережье казачьи посты, но и тут им дали отпор.

Командовали казаками офицеры 47-го Камчатского флотского экипажа — мичманы Николай Иванович Эльчанинов, Александр Михайлович Линден и капитан-лейтенант с фрегата «Аврора» (19-й флотский экипаж) Михаил Яковлевич Федоровский.

Против них был высажен десант из 400 человек. Но он был успешно отбит.

Предпринимались отдельные попытки высадки англо-французского десанта и позже, вплоть до октября 1855 года, но они были столь же безуспешными.

Итак, в 1855 году 47-й Камчатский флотский экипаж и Камчатская флотилия переведены на Амур, и, соответственно, вскоре экипаж получает новое наименование – и мы видим в списках Георгиевских кавалеров, отличившихся в Петропавловской обороне, представителей уже 27-го Амурского экипажа, которого в дни обороны еще не существовало.

В РГАВМФ сохранились списки матросов и унтер-офицеров 47-го флотского экипажа за 1855 год, в котором указаны все оставшиеся в живых участники Петропавловской обороны и сражения в заливе Де-Кастри.

География призыва этих воинов охватывает практически всю территорию Российской империи — это Архангельская, Вологодская, Вятская, Казанская, Пермская, Оренбургская, Санкт-Петербургская, Псковская, Енисейская, Иркутская (в состав которой входили тогда Охотская и Камчатская области), Олонецкая, Тверская, Костромская, Смоленская, Ярославская, Московская, Новгородская, а также Волынская, Витебская, Радомская, Херсонская, Гродненская, Лифляндская и Эстляндская губернии, Великое княжество Финляндское и Царство Польское.

Каждая из этих губерний включала в себя по две-три, а то и больше, современных областей, краев и республик Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Польши и Финляндии.

И задача, которую мы сегодня перед собой ставим, — вернуть нашим современникам память о каждом участнике того великого сражения, которое вошло в мировую историю как очередная ПОБЕДА РУССКОГО ОРУЖИЯ.

И очень надеемся, что в этом поиске мы будем не одиноки…

Вид на современный поселок Авача, фото Д. Гуркина

Герб Приморской области Восточной Сибири

АВАЧА, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Расположенное в устье реки Авача на берегу Авачинской бухты, это село было очень удобным для проживания, почему многие жители Петропавловского порта после переселения авачинских камчадалов в соседние села — Коряки, Начики, Малка, Ганалы охотно переселялись сюда на постоянное местожительство.

Смена населения произошла где-то на границе 1835 года и, по всей видимости, была связана с тем, что разрастался военный гарнизон Петропавловского порта — увеличивалась численность казачьей команды и Петропавловской экипажной роты Охотского флотского экипажа.

Одной из первых в Аваче поселилась семья казачьего урядника Степана Лукича Карандашева с женой Евдокией Андреевной и сыновьями — малолетним Тимофеем (1823) и взрослым, имеющим собственную семью, — Антоном Степановичем (1813) с супругой Домникой Михайловной и сыном Капитоном (1834). Другой сын урядника — казак Алексей Степанович Карандашев, один из главных героев нашего рассказа, в то время еще в Аваче не жил.

Из казаков, чьи имена нам известны по последующим событиям Петропавловской обороны, здесь проживали еще Тувалины — Степан Григорьевич с женой Евфимией Дмитриевной и сыном Александром.

Первопоселенцами Авачи были также отставные военные — Степан Иванович Ломаев (1785) с малолетними детьми — Ильей (1828), Петром (1830) и Параскевой (1834) и отставной урядник Яков Степанович Минюхин с детьми — Екатериной (1818), Андреем (1822), Акилиной (1828), Матвеем (1832) и племянниками Алексеем (1820) и Егором (1823) — детьми умершего в 1831 году солдата Матвея Степановича Минюхина, служившего в Тигильской крепости. Старший

из сыновей Якова Степановича — Александр Яковлевич — был в это время урядником в Усть-Приморске (Усть-Камчатске).

Обращает на себя внимание тот факт, что основной состав первых русских жителей Авачи — Карандашевы, Ломаевы, Минюхины — были из старожилов Камчатки, имена которых нам известны с самого начала освоения полуострова — патриарх рода Ломаевых, например, тобольский казак Семен Ломаев, был одним из первых наказных атаманов камчатских казаков, долгое время исполнявший обязанности приказчика; его земляк, тобольский казак Степан Карандашев появляется в здешних местах в период Харчинского бунта в составе команды бота «Святой архангел Гавриил», а казак Семен Минюхин (подьячий, возможно, из иркутских казаков, при повешенном позже камчатском приказчике Шехурдине) был одним из виновников этого бунта, за что и был наказан в Нижнекамчатском остроге кнутом и оставлен здесь в «вечное житье».

Дом Карандашевых в селе Авача. Альбом Б. Дыбовского

Вячеслав Кусков в своем очерке об Алексее Степановиче Карандашеве дает некоторые интересные подробности из его биографии, которые мы тоже не можем обойти своим вниманием: «Карандашев родился в 1810 году. Отец его был казаком Якутского городового полка. По законам того времени якутским казачьим детям полагалось по достижении совершеннолетия поступать на службу в какую-либо из команд полка. Правда, на Камчатке закон не всегда соблюдался в точности; иногда казачьих детей определяли не в казаки, а в матросы, иногда зачисляли на службу задолго до совершеннолетия. Все же попасть в матросы было выгоднее: после двадцатипятилетней службы матроса увольняли в отставку, а казаки служили “до полной неспособности”. В отношении Алешки Карандашева отклонений не допущено — его сделали казаком, и с 25 апреля 1828 года он значится в списках Камчатской казачьей команды. [ЦГВИА ф. 330, оп. 22, д. 105, к.705, лл. 3-4 (Формулярный список Карандашева, из него же взяты и другие даты)].

В сравнении с сослуживцами Карандашев имел два преимущества: во-первых, он обладал большой физической силой (“бывало, кулаком камни разбивал и вколачивал рукою гвозди в дерево”). Второе, важное преимущество — грамотность. В его формулярных списках значится: “русской грамоте читать и писать умеет”.

Однако служебную карьеру Карандашева не назовешь блестящей. Лишь через тринадцать лет, в 1841 году, он произведен в урядники. Впрочем, многие оставались рядовыми, прослужив двадцать, а то и все сорок лет.

Служил Карандашев, как все, случалось, что и уклонялся от исполнения своих обязанностей. В 1852 году, например, исправник Куклин взял его с собою в командировку. В Милькове исправник обнаружил упущения в ведении хозяйства и дал старосте распоряжения об устранении их. Сам он поехал дальше, а Карандашеву приказал контролировать выполнение его приказаний. Карандашев же занялся охотой, что и обнаружил камчатский губернатор, проезжая через деревню. Карандашев оправдывался тем, что-де мильковцы во главе со

старостой его не слушают. Завойко уличил Карандашева во лжи, страшно разгневался и велел “употреблять его, Карандашева, для примера прочих, во все должности вместо рядового на три года”.

То ли Завойко забыл о своем приказе, то ли Карандашев чем-то отличился, но не прошло и двух лет, как он получил повышение: 31 декабря 1853 года его произвели в пятидесятники».

Сразу внесем некоторые уточнения — урядник и пятидесятник — один и тот же чин. Следовательно, Карандашева действительно понизили в чине, а потом восстановили.

В казачьих войсках сохранялось наследственное право на получение чина своего отца — и после смерти (или отставки) урядника Степана Лукича Карандашева в этот чин произведен его старший сын Алексей Степанович, Антон оставался в рядовых казаках, а другой брат — Иван Степанович (1811) — служил кононром Петропавловской экипажной роты. Точно так же было и у Минюхиных — после отставки Якова Степановича в чин казачьего пятидесятника (урядника) был произведен его старший сын Александр.

Брат Степана Лукича, Василий Лукич Карандашев, из казаков был взят в гренадеры Камчатского гарнизонного батальона (1800–1812), а потом, после расформирования батальона, зачислен в канониры Петропавловской экипажной роты — и это типичный случай.

Со служилыми людьми в России не церемонились не только на Камчатке — повсеместно. Камчатская экипажная рота, а впоследствии Камчатский флотский экипаж постоянно пополнялся солдатами 12–15 Сибирских линейных батальонов, рекруты в которые набирались со всех губерний империи.

Алексей Степанович Карандашев, альбом Б. Дыбовского

При распределении обязанностей в период обороны Петропавловского порта пятидесятнику Карандашеву досталась незначительная роль — он был приставлен к полевой пушке на конной тяге, которая была рассчитана на отражение десанта, если тот попытается высадиться в районе Озерновской косы.

Никто не знал тогда, какая на самом деле роль выпадет и этой пушке, и самому Алексею Степановичу в судьбе Петропавловской обороны.

Героическая оборона Камчатки, художник С.Н. Трошин

Генерал-майор (он тогда еще не стал контр-адмиралом) В.С. Завойко в своем историческом приказе по случаю отражения врага такими словами охарактеризовал значение подвига пятидесятника Карандашева: «…будучи ранен тяжело, все же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погреба, и затем не оставил пушки, пока я не приказал отправиться в госпиталь».

Собственно, из этого ничего не ясно. Ну, выстрелил… И что?

Напомним, что 5 сентября (по новому стилю) 1854 года основной десант англо-французов, узнав от американских китобоев, оказавшихся волею судьбы в бухте Тарья, о дороге, ведущей в Петропавловский порт по Озерновской косе, высадили в районе Култучного озера основную часть своего десанта — 600 человек, задачей которого было ворваться в порт с тылу…

«К полудню на северном фланге обороны сложилось критическое положение. Неприятельские фрегаты разбили батареи номер 3 и 7, после чего у северного подножья Никольской сопки был высажен десант. Часть его пошла к перешейку, чтобы оттуда подняться на вершину сопки, остальные намеревались атаковать батарею номер 6 и пороховой погреб. Когда заморенные лошаденки притащили полевую пушку к озеру, расчет развернул ее неподалеку от батареи номер 6, глазам Карандашева представилась картина, наводящая на мрачные мысли: десантники строились в колонну для атаки батареи номер 6 и порохового погреба (где, подчеркнем это, находился и командир Петропавловского порта генерал В.С. Завойко. — *С.В.*). На вершине Никольской мелькали цветные пятна чужих мундиров, а все пространство между озером и сопкой осыпалось дождем пуль и ручных гранат. Казаки и писаря не стали размышлять о том, как развернутся события в дальнейшем, по команде Карандашева они занялись своим прямым делом — заряжали пушку и стреляли из нее. При том действовали они довольно проворно, успели сделать по неприятельской колонне три картечных выстрела.

Когда расчет зарядил пушку в четвертый раз, на пушкарей обрушился град штуцерных пуль. Большинство из пушкарей были ранены, некоторые убиты. Была убита наповал и одна из лошадей, вторая ранена в глаз. Обезумевшее от боли животное бешено забилось в постромках и потащило в сторону неприятеля и пушку, и зарядный ящик. В конце концов порвалась упряжь, и лошадь умчалась куда-то.

Уже заряженная пушка оказалась поверженной в ров возле батареи, ствол ее свалился со станка. Спрыгнул в ров и Карандашев. Посмотрев на ствол, он принялся вытаскивать его изо рва. Не так уж много весила старая медная пушчонка, отлитая еще в екатерининские времена, всего-навсего пудов пятнадцать. Помогать Карандашеву было некому — все, кроме самого пятидесятника, вышли из строя. Приходилось напрягаться одному. Он сумел выкатить ствол пушки по крутости рва наверх, развернул его в сторону неприятеля и начал наводить поточнее, подкладывая под ствол камни и деревяшки. Затем раздул фитиль, но в этот момент ему пулей прострелило руку. Карандашев испугался того, что рана заставит его упасть, и поспешил приложить фитиль к затравке. Прогремел выстрел. В сторону неприятеля с визгом полетели картечины, кусочки же-

На вершине Никольской мелькали цветные пятна чужих мундиров, а все пространство между озером и сопкой осыпалось дождем пуль и ручных гранат

леза и прочая мелочь, которой набили ствол из-за нехватки картечи, в другую сторону отскочила сама пушка и снова покатилась в ров, вопреки стараниям раненого Карандашева задержать ее. Трудно сказать, то ли Карандашев очень хорошо навел пушку, то ли это случайно, но выстрел оказался на редкость удачным: заряд картечи ударил в центр колонны. Ряды наступающих смешались, расстроились...»

Я не знаю, почему Кусков решил, что англо-французы намеревались подняться на вершину сопки — в этом не было никакого смысла. Они должны были, используя дорогу, обойти сопку у ее подножия и прорваться в город.

На вершину сопки их загнала пушка Карандашева — туда они бросились в панике, боясь, что их расстреляют в упор.

А с вершины, завершая начатое Карандашевым, англо-французов сбросили уже отряды казаков, матросов и добровольцев-охотников.

Именно этот единственный выстрел полевой пушки и определил судьбу Петропавловской обороны.

В списке на награждение высшей солдатской наградой того времени — Знаком военного отличия ордена Святого Георгия Победоносца (ордена полагалось иметь только привилегированному классу дворян) имя Карандашева стоит третьим по счету.

29 августа 1855 года Алексей Степанович Карандашев был уволен в отставку в связи с ранением.

И о нем, как у нас это водится, забыли.

Забыли даже о том, что Георгиевскому кавалеру и инвалиду требовалась военная пенсия.

Вспомнили о нем только через много лет. В связи с... тридцатилетним юбилеем Петропавловской обороны.

«Отставной пятидесятник Карандашев ...семидесяти двух лет от роду, почти не владея левой рукой, ездит на шлюпке за пятнадцать верст из селения Авачинского в Петропавловск вдвоем с женой, чтобы продать ведро ягод за один рубль...»

Но этой фразе предшествовало очередное прошение самого Алексея Степановича, датированное августом 1882 года: «Трудность пропитывать себя с семейством, получая только один паек, побуждала меня неоднократно обращаться к начальству с просьбою об исходатайствовании причитающегося мне на орден пенсиона; но прошения мои, по неизвестным причинам, остаются по сие время без последствий».

Вы думаете, назначили ему пенсию? Нет, поставили в очередь — кандидатом, и пенсии он не дождался — умер 17 декабря 1885 года. Военной пенсии в 1902 году дождалась его жена — Агафья Ивановна (1830), которая заявилась как участница боевых действий, и в это поверили (живых-то участников военных событий к тому времени — через пятьдесят почти лет — уже и не осталось, а нужны были герои для, как водится у нас на протяжении уже веков, — «юбилейной отчетности»): «Вдова отставного пятидесятника Агафья Ивановна Карандашева, 80 л., участвовала в исправлении земляных закрытий батареи, на которой сражался ее муж».

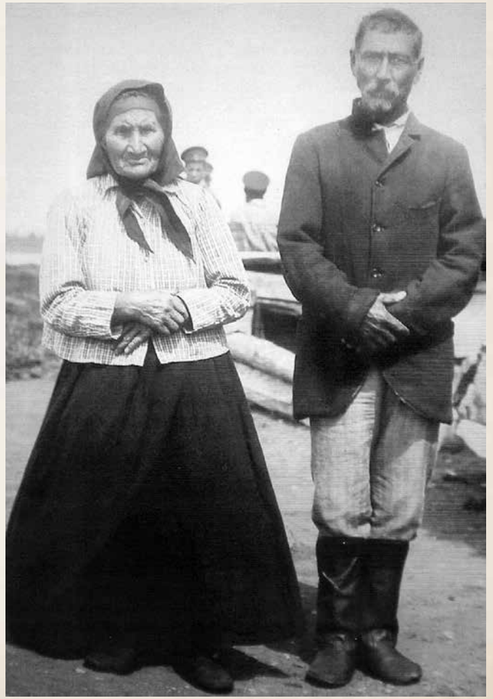
В этом сражении участвовал и брат Алексея Степановича Антон Степанович Карандашев и тоже был ранен. Но до юбилеев он не дожил (умер в 1862 году) — и его имени нет в списках ветеранов Петропавловской обороны.

В 1882 году, когда готовились к тридцатилетию Петропавловской обороны и открывали памятник «Слава», был составлен список отставных нижних чинов, участвовавших в сражениях. Названо было семнадцать имен отставных нижних чинов.

Из числа авачинских старожилов — казаки Дмитрий Степанович Тувалин (1838) и Матвей Яковлевич Минюхин (1832).

Почему я подчеркиваю, что из числа старожилов? Потому что к 1854 году численность населения села Авача, а главное, его состав, коренным образом изменились.

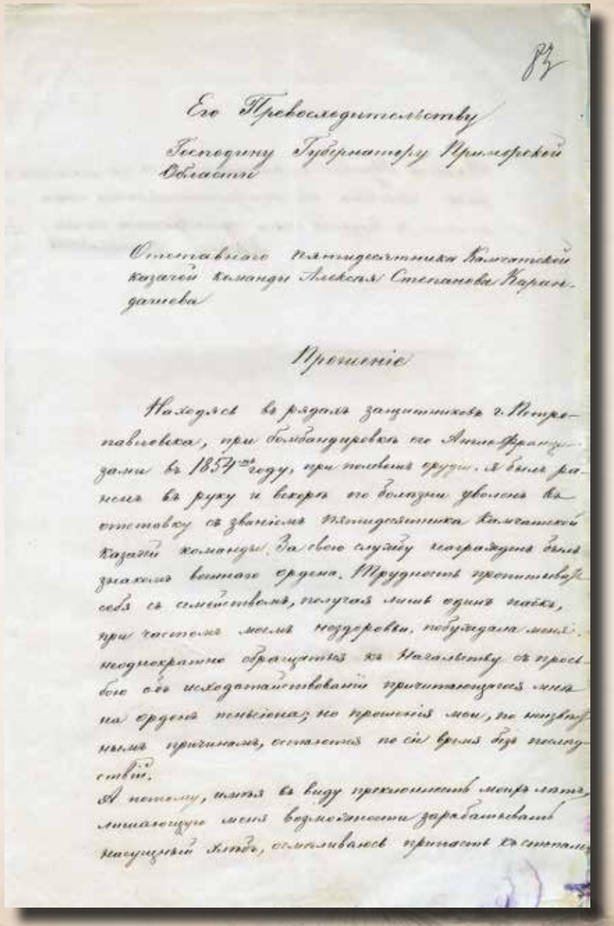
По итогам Крымской войны участники сражений были представлены к награждению памятными бронзовыми медалями на Георгиевской ленте. Но это не полный список. Награды (и тоже на Георгиевских лен-

Агафья Ивановна Карандашева с сыном Алексеем

тах, как участники сражений) получили также «лица, не участвовавшие в сражении, но находившиеся в окрестностях Петропавловского порта в блокадном положении».

И жители села Авача были в этом списке: Илья Тимофеевич Занин (1809), сын крестьянина Тимофея Яковлевича Занина (1772–1827); Егор Игнатьев (1809), сын крестьянина; Климовы — Николай (1832) и Дмитрий (1837) Ивановичи, дети ссыльного; Иван Герасимович Пономарев (1824–1862), сын якутского крестьянина Герасима Пономарева (1789) из селения Тиховского на реке Паратунке; Степан Алексеевич Тюрюков (1818), сын Алексея Герасимовича Тюрюкова (1779) из военных поселенцев (после расформирования Камчатского гарнизонного батальона); Кузьма Семенович Уваровский (1817–1866), из солдатских детей; Степан Леонтьевич Филиппов (1827), сын отставного солдата; Явловские (Ивойловские) — Иван (1817) и Гаврила (1819) Устиновичи, из якутских крестьян.

Его Превосходительству

Господину Губернатору Приморской Области

Отставного пятидесятника Камчатской казачей команды Алексея Степанова Карандашева

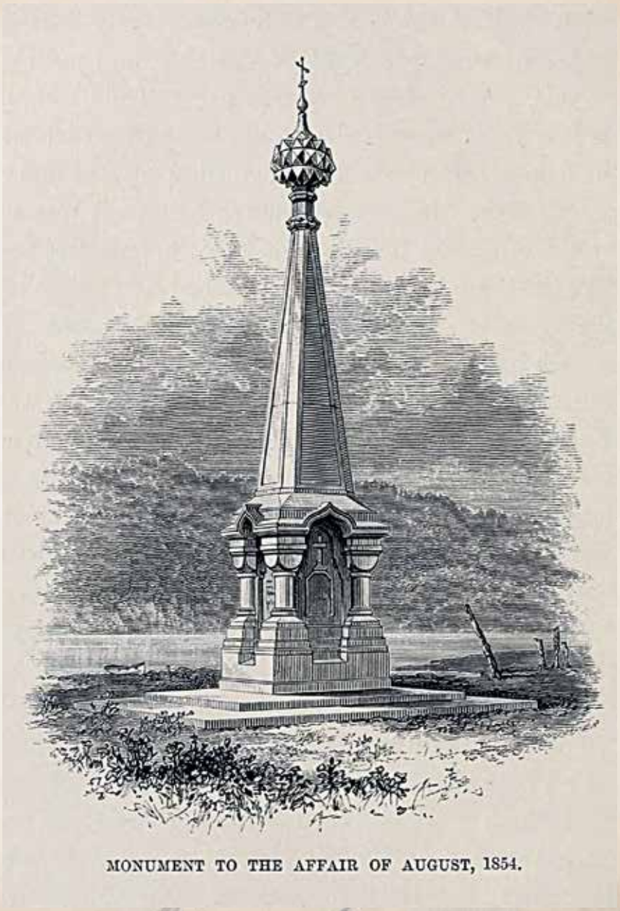
Прошение

Находясь в рядах защитников г. Петропавловска, при бомбардировке его Англо-Французами в 1854-м году, при полевых орудиях, я был ранен в руку и вскоре по болезни уволен в отставку с званием пятидесятника Камчатской казачей команды. За свою службу награждена была знаками военного ордена. Трудности претерпевая с семейством, получая лишь один паек, при частом моем нездоровье, побуждала меня неоднократно обращаться к Начальству с просьбою о исходатайствовании причитающейся мне на ордена пенсии; но прошения мои, по неизвестным причинам, остаются по сие время без последствий.

А потому, имея в виду прекратить мои страдания, лишающие меня возможности зарабатывать насущный хлеб, осмеливаюсь принести Вашему

Но этот состав села так же не был постоянным — Ивойловские, например, позже были переселены в село Николаевку, а оттуда — в Паратунку (или, как тогда говорили, в селение на Паратунских ключах).

В 1904 году Ивойловский (тогда фамилия писалась Евойловский) Егор Яковлевич, будучи главным обвиняемым в уголовном деле по убийству своего земляка, искупил свою вину, выполнив роль разведчика, — он пошел в японский военный лагерь, разместившийся в устье реки Озерной, и собрал сведения о численности и вооружении участников японского десанта, целью которых было под видом освобождения своих подданных (жителей островов Шумшу и Парамушир, переселившихся на Камчатку в 1875 году, когда Курильские острова были отданы Японии в обмен на Южный Сахалин, который отходил к России) захватить эту «курильскую» территорию, а потом ее расширить, используя свой военный потенциал.

MONUMENT TO THE AFFAIR OF AUGUST, 1854.

Десантников было сто пятьдесят человек, вооружены все они были винтовками, в их распоряжении была даже легкая полевая пушка. За эту разведывательную операцию Егор Яковлевич впоследствии был освобожден от уголовной ответственности.

Кстати, в Петропавловской обороне принимал участие еще один человек, проживавший в Аваче. Это был ссыльный Антон Говорущенко.

Вот что сообщал о нем сотрудник РГИА ДВ Горчаков: «Известно, что в числе волонтеров, участвовавших в отражении англо-французского десанта, находились ссыльнокаторжные. Один из них — Антон Говорущенко изъявил желание действовать наравне с волонтерами, был включен в третью партию стрелков и с начала открытия огня нес службу наравне с военными чинами. Наградой ему за заслуги стало освобождение от каторжных работ и разрешение выбрать себе место жительства по усмотрению».

По всей видимости, это сын ссыльного Саввы Антоновича Грюченко (1778), который появляется на Камчатке в начале 1820-х годов в большой группе ссыльных людей. К этому времени камчатская ссылка, которая в 1771 году прекратила свое существование в связи с бегством важнейших государственных преступников во главе с конфедератом Августом Беньевским, снова была возобновлена.

Среди этих ссыльных был Иосиф Яковлевич Бутлер — прелюбопытнейший человек, поэтому я позволю себе несколько отклониться от главной темы, чтобы вы смогли представить себе, какой контингент ссыльных был в ту пору на Камчатке. Эразм Стогов, морской, а впоследствии жандармский, офицер, в молодости служивший на Камчатке, писал о Бутлере: «Был в гавани старичок англичанин Бутлер, он давно уже попался в делании фальшивых ассигнаций, наказан по-русски кнутом, вырваны ноздри и поставлены на лице знаки. Это был образованный старик, жил, ничего не делая, кое-как рисовал портреты, картинки, образа — и тем существовал без нужды. Бутлер нарисовал замысловатый транспарант с сердцами, стрелами, амурами и вензелями. Транспарант горел над воротами дома Рикорда — было все в порядке, но всякий из нас знал, что эта свадьба, как карикатура, сочинена была Рикордом для потехи».

Но в 1827 году этот «старичок» получил в Англии большое наследство, в которое вступить не мог по простой причине — он не был дееспособным, так как пребывал в местах отбывания наказания. Ему пошли навстречу — и в 1827 году он стал горожанином — жителем Петропавловского порта.

У Бутлеров авантюризм, вероятно, был в крови. Поэтому я расскажу еще одну маленькую историю (автор Владимир Глазов): «Вот и далекому предку нашего героя — ирландскому дворянину Уолтеру Батлеру не сиделось на своих угодьях во время первой, по-настоящему большой, европейской войны — Тридцатилетней. Воевал он на стороне великого полководца, генералиссимуса Альбрехта Валленштейна, правда, затем вроде бы поучаствовал в заговоре против него. А уж после окончания войны так и вовсе остался на близких к нашим широтам и осел, и корни дальнейшие распустил на литовских землях». То есть этот романтический флер и жажда приключений были присущи нашему герою, что называется, генетически.

Но, чтоб не зависать на рыцарских турнирах, мушкетерских дуэлях и тому подобных ярмарках тщеславия, а поскорее перебраться к нашим временам, скажем, что бабка героя принадлежала к роду Пилсудских. А отец его — Фаддей — по образованию был дорожным инженером и, будучи человеком либеральных взглядов, приобрел огромный авторитет среди крестьян и помещиков. В 1861-м, после отмены крепостного права, он был избран мировым посредником. А уж во время непосредственно восстания 1863 года Фаддей Бутлер (к тому времени саксонское произношение фамилии, видимо, позабылось) не только выказывал сочувствие, но и напрямую помогал восставшим. За что и поплатился. Сослало царское правительство либерала в Казанскую губернию, естественно, с конфискацией имущества, а точнее в Цивильск, о котором у нас разговор еще впереди.

Но вернемся к нашей теме.

В 1904–1905 годах, то есть ровно через полвека после героической обороны Петропавловского порта, жители Петропавловска, включая и выселки — села Халактырку и Авачу, организовали народное ополчение — Петропавловскую дружину для отражения японцев, в составе которой, помимо разведчика Ивойловского, был и другой уроженец села Авача — Константин Степанович Тюрсуков (Тюрюков).

Современный поселок Авача

Астраханский морской порт

Герб Астраханской губернии

АСТРАХАНЬ

Судьба сына матроса Степана Семеновича Степанова, родившегося в Астрахани в 1826 году — втором по значимости морском порту России после Архангельска, была типичной для многих его сверстников — солдатских и матросских детей, которые по факту своего рождения были записаны в военную службу. На Камчатке, как мы выяснили из документов, в кантонисты записывали чуть ли не с момента рождения — по крайней мере в годовалом возрасте дети были уже в этом списке.

Практически в каждом крупном городе и, наверное, в каждом порту (даже таком, внутреннем, как Иркутск) были школы (или роты) кантонистов, которые с малолетства готовили детей к военной (в том числе и морской) службе.

Была рота военных кантонистов и в Астрахани.

Что же касается Каспийской военной флотилии, то это вопрос интересный. Астраханское царство было покорено при царе Иване Грозном — через два года после Казанского царства.

Но только в 1634 году при царе Михаиле Федоровиче возник вопрос о строительстве флота на Хвалынском (Каспийском) море для торговли с Персией. И возник не по нашей инициативе — а по просьбе голштинского (прибалтийского) герцога Фридриха III, который замыслил было построить на Каспии целую флотилию торговых судов.

Царь был милостив — хотелось поучиться мореходному мастерству у прибалтов. Было построено одно судно, но команду голштинцы привезли не свою, а наняли в России из проживающих здесь иностранцев и, частично, — русских. Назвали судно в честь герцога и отправились на нем в плавание, но возле Дербента попали в шторм, не справившись с управлением, и посадили «Фредерика» на мель. И сразу пропал даль-

нейший интерес к судостроительству как у голштинцев, так и у русских.

Но в 1669 году, во время правления Алексея Михайловича, снова встал, и довольно остро, вопрос о строительстве военного морского флота для охраны торговых путей с Персией. Теперь уже голландские мастера построили для России в селе Дединово на Оке (Коломенского уезда) трехмачтовое судно — фрегат, названный «Орел» (в честь российского герба), вооруженный 20 пушками. Но это его не спасло — в 1670 году, когда «Орел» прибыл в Астрахань, его захватили восставшие казаки во главе со Степаном Разиным и сожгли.

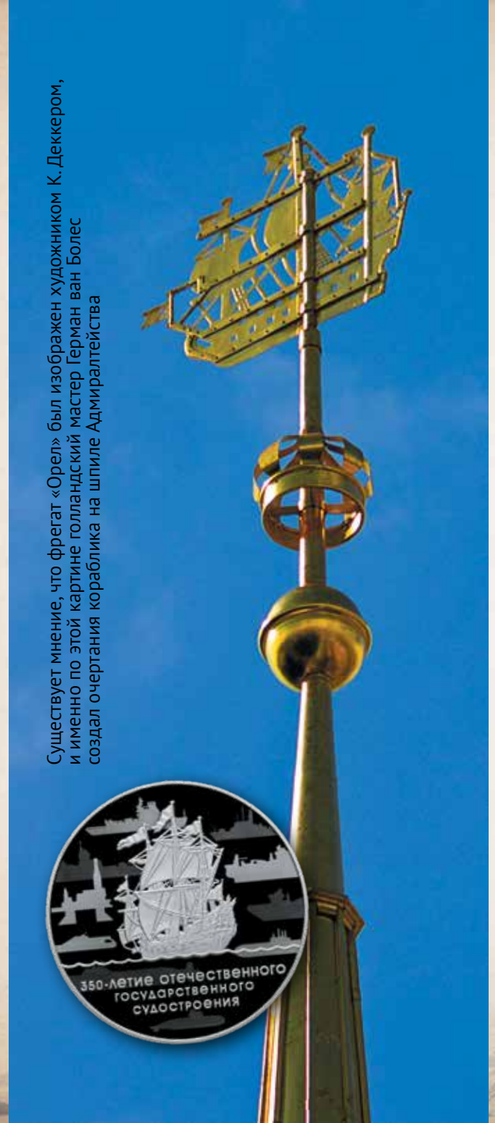

М.В. Петров-Маслаков, корабль «Орел» на рейде Астрахани

Но это судно вошло в историю России еще и по другой причине: на нем был впервые поднят трехполосный флаг с двуглавым орлом: «Цвета полос флага “Орла” совпадали с цветами голландского флага (красно-бело-голубого). Но на российских флагах корабля “Орел” была очень важная деталь — двуглавые орлы, нашивавшиеся в центр полотнища. Какого они были цвета, сказать сложно, но исследователи полагают, что золотого».

«В 1693 году в Архангельске, который должен был стать одним из первых центров петровского кораблестроения, на своей яхте “Святой Петр” Петр I поднял бело-сине-красный трехполосный флаг с золотым двуглавым орлом в центре. Этот так называемый “флаг Царя Московского” стал известен в Европе во время Великого посольства 1697–1698 годов (то есть первого заграничного путешествия Петра). Именно он символизировал Россию на международной арене».

Но стоило ли «огород городить» со строительством этих судов, когда на Каспии (Хвалынском море), а еще раньше

Существует мнение, что фрегат «Орел» был изображен художником К. Деккером, и именно по этой картине голландский мастер Герман ван Болес создал очертания кораблика на шпиле Адмиралтейства

на Черном (или Русском) море прекрасно зарекомендовали себя русские струги, на которых сам Степан Разин без труда добирался до Персии и грабил торговые караваны. Персы в 1669 году направили на уничтожение разинцев свой флот из 50 судов, но разгромлен был именно этот — персидский — флот.

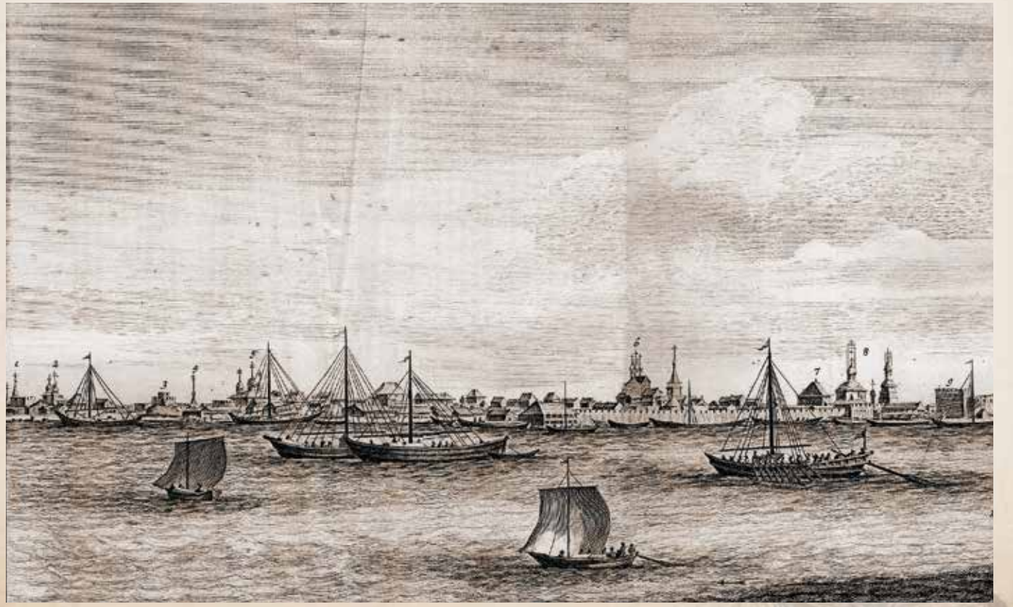
Третья попытка была уже на счету царя Петра Алексеевича, который даже создал для этого в Казани Адмиралтейство.

И в 1722 году, эту дату и считают годом рождения Каспийской военной флотилии, в Персидский поход из Астрахани отправилась эскадра из 274 судов с десантом численностью 22 тысячи человек. 23 августа 1722 года был занят Дербент. А 4 ноября 1722 года Петр I подписал указ о создании Каспийской военной флотилии с портом базирования в Астрахани. Но при Анне Иоанновне все персидские завоевания царя Петра пошли прахом — она вернула их Персии. И только во времена Екатерины II князь Потемкин в 1781 году восстановил Каспийскую флотилию и вернул России ее завоевания.

В 1812 году представитель одной из самых знаменитых фамилий России — Николай Николаевич Муравьев (в отличие от дальневосточного Амурского названный Карским) прошел Каспийским морем до туркменских берегов.

А далее, в XIX столетии, будучи уже военно-морским монополистом на Каспии, российский флот утрачивает здесь свою былую славу — и сюда, как правило, служить уже не посылают, а ссылают за какие-либо провинности.

И поэтому только небольшая часть ребят из Астраханской роты военных кантонистов оставалась служить на родине, другая — большая — их часть направлялась в главную морскую крепость России — в Кронштадт. Здесь в 1826 году император Николай I учредил 1-й Учебный морской экипаж, где матросов учили не только корабельной службе, но и грамоте — чтению, письму, арифметике. По достижении 20-летнего возраста выпускников направляли на флот в чине унтер-офицеров (даже если они были просто барабанщиками).

Муштровали будущих унтер-офицеров отменно. Эти воспоминания, которые мы цитируем, приходятся как раз на те годы, когда здесь обучался Степан Степанов, поступивший в 1-й Учебный морской экипаж в 1843 году: «В Кронштадте в то время помещался Учебный экипаж, командир его был из армейских, полковник Курлов. Такой палочной дисциплины и точности в военных артикулах и в гвардии не бывало. <...> Был и бригадный командир генерал-лейтенант Кохиус. Этот генерал был [что] три Курлова по изучению шагистики и всякой солдатской выправки».

Солдатская муштровка становилась как бы самоцелью, вытесняя все остальное, что касалось морской службы. Император лично контролировал качество пешего строя, вынуждая моряков создавать специальные команды для «показухи»: «А ловкий был чело-

Астрахань. Гравюра по рис. К. Бруина 1692 г. из кн.: Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Index orientales. Tome 1 (1718)

век наш Морской министр <...> он надувал царя на морских смотрах. То же выделывал он и на суше, когда государь приезжал раз в зиму в Кронштадт, где ему представляли экипаж, идущий в караул по городу и крепости, а после обвозили по батареям и местам вылощенным и вычищенным, тогда как рядом везде была мерзость и запустение. Ко дню этому, конечно, готовились целые месяцы, и из матросов комендант генерал-лейтенант делал важных солдат просто на диво. Но вот раз как-то государь отложил свою поездку с среды на четверг. В рапорте значился 18-й экипаж, на четверг, конечно, нельзя было показать тот же, а следовало идти в караул экипажу 3-й дивизии. Долго не думали, доложили князю о затруднении и получили приказ перешить погоны на мундирах, обменять номера киверов, офицерам эполеты. В ночь все обделали. И все сошло как по маслу, царь благодарил. Дали полугодовое жалованье офицерам за муку 4-х месячную, а матросам по рублю».

Вполне вероятно, что в составе такой команды был и барабанщик Степан Степанов, который до 1852 года ни разу не был в море.

А потом ему повезло — в 1852–1853 годах он стал участником кругосветного плавания на транспорте «Двина».

В море вышли 12 сентября 1852 года.

«Двина» — судно длиной 120 футов (фут — 30 см) и водоизмещением 640 тонн. Командир — капитан-лейтенант Петр Николаевич Бессарабский.

По пути в Петропавловск посетили Копенгаген, Хельсингер, Портсмут.

Внутренний вид 2-й западной казармы в Кронштадте. Акварель художника М.М. Семенова. 1851 г. (ЦВММ). На акварели изображены матросы 1-го флотского экипажа за повседневными занятиями – чисткой оружия, амуниции, обмундирования и т. п.

«Далее транспорт заходил в порт Прайа (острова Зеленого Мыса) и в Саймонс-бей (мыс Доброй Надежды). На переходе от Африки до Тасмании он выдержал жестокий шторм и пришел в Порт-Джексон (Сидней) 15 июня.

На пути из Сиднея в Петропавловск 5 августа была усмотрена и определена группа из шестнадцати островов, названная в честь великого князя Константина. Южная оконечность группы была названа берегом Беллинсгаузена, но осмотреть ее из-за штормовой погоды не удалось. Это был атолл Лаэ (Маршалловы острова). Считается, что это открытие было последним из сделанных русскими парусными судами в тропической части Тихого океана».

27 августа 1853 года судно пришло в Петропавловск и встало здесь на зимовку.

Экипаж «Двины» влился в состав 46-го Камчатского флотского экипажа, в их числе был и ротный барабанщик Степан Семенович Степанов.

В 1854 году транспорт «Двина» вместе с фрегатом «Авророй» были поставлены левыми бортами к косе-перешейку, преграждающему вход в Петропавловскую гавань судам вражеской англо-французской эскадры, как дополнительные к размещенным на побережье артиллерийским батареям.

По всей видимости, здесь Степан Семенович и принял участие в сражении за Петропавловский порт, а затем на этом же транспорте «Двина» 8–9 мая 1855 года он участвовал и в сражении с англо-французами в заливе Де-Кастри.

Позже транспорт «Двина» был возвращен на Балтику...

ЮАР, мыс Доброй Надежды

Памятник лоцманам в Боровичах

Герб Новгородской губернии

БОРОВИЧСКИЙ УЕЗД НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Боровичи — второй по значимости город на Новгородчине.

Он лежал на Великом водном пути — так как река Мста являлась важной составной частью главной торговой магистрали России — Вышневолоцкой водной системы. Боровицкий погост возник в Деревской пятине Новгородской земли еще в 1495 году, а вскоре, известный уже как Боровицкой рядок, насчитывал 42 торговые лавки.

Основным занятием жителей Боровичей и окрестных сел и деревень была проводка торговых судов через Боровицкие пороги реки Мсты — и когда императрица Екатерина II возводила Боровичи в статус уездного города, то историческая миссия города и его окрестностей была отражена в его гербе — «Щитъ на двое разрезанный: голубой и серебряный; въ первомъ золотое солнце, показуетъ милость къ сему селенію Ея Императорского Величества; въ серебряномъ полѣ окованный железом руль означаетъ, что искусство тутошнихъ кормщиковъ, причиняетъ безопасность пловущимъ судамъ въ опасныхъ сихъ местахъ».

Вот как описывают труд боровичских лоцманов историки: «На протяжении всего XVIII века и в XIX веке река Мста была

Герб города Боровичи воссоздан на основе исторического герба уездного города Боровичи Новгородского наместничества. Воссоздание исторического герба показывает бережное отношение жителей города Боровичи к своему прошлому, верность традициям, сохранившуюся преемственность многих поколений жителей

частью важнейшей Вышневолоцкой водной системы — самой старой искусственной водной системы в России, связавшей новую столицу империи — Санкт-Петербург с остальной страной и решившей вопрос его продовольственного снабжения.

Боровицкие пороги были самым трудным и опасным местом для судоходства во всей России (40 стремительных порогов на протяжении 31 километра из которых только 8 километров тихая вода). Проскок всех этих порогов со специальными командами рулевых из местных жителей (по 15 человек на каждую из четырех рулевых двадцатиметровых потесей барки и сам пороговый лоцман) занимал всего полтора часа и регулировался специальным сигнальным телеграфом из 26 ручных семафоров на берегах. Чтобы поднять уровень Мсты для прохода огромных караванов судов, периодически в специальном порядке открывались плотины многочисленных водохранилищ на ее притоках. В ожидании этого момента в Опеченском Посаде собиралось одновременно до 1500 барок. Они швартовались к сохранившейся до настоящего времени каменной, почти километровой пристани».

Но эта земля, находясь в русском приграничье, рождала не только замечательных лоцманов-речников, но и великих воинов.

Здесь, в родовом имении дворян Суворовых в селе Каменка (ныне Любытинского района Новгородской области) — в 20 км от села Кончанского — родился Александр Васильевич Суворов. Село Кончанское Боровичского уезда было приобретено отцом Суворова в 1763 году и перешло к Александру Васильевичу по наследству. И здесь, перед своим знаменитым альпийским походом, он отбывал по воле императора Павла I ссылку…

Среди героев Петропавловской обороны также есть выходцы из здешних мест.

Из деревни Удовище Никандровской волости, из крестьян помещика Мякинина.

Мякинины владели этой деревней более 400 лет — они получили здесь земли еще во времена Ивана III Васильевича Грозного.

А опричники его внука Ивана IV, унаследовавшего титул деда, проходили по здешним местам, как враги — с огнем и мечом.

В 1797 году император Павел I подтвердил права дворян Мякининых на Удовище. После смерти помещика Семена Константиновича усадьба отошла по наследству к его брату — Гавриилу, скончавшемуся в 1843 году, а затем — его жене Любови Михайловне Свяцкой и дочери — Прасковье Гаврииловне Мякининой (1837–11.08.1884), вышедшей 24 июля 1860 года замуж за горного

Генералиссимус, князь Италийский, граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский. 1730–1800 гг.

Боровичи, памятник русского мостостроения. Автор проекта Н.А. Белелюбский. Движение открыто в 1905 г.

инженера Александра Филипповича Михеля (02.02.1839–26.11.1915).

Эти подробности нам нужны, чтобы проследить жизненный путь одной из дочерей Александра Филипповича, семья которой имеет самое непосредственное отношение к Дальнему Востоку России: Надежда Александровна Михель (1880–17.05.1960) 11 июля 1904 года вышла замуж за горного инженера Владимира Николаевича Френца (1876–1911) и уехала с ним на Дальний Восток, где он был управляющим Сучанскими каменноугольными предприятиями и, по существу, стал одним из основателей города Сучана (ныне Партизанск).

Церковь Успения Пресвятой Богородицы: городской парк, Боровичи

В 1844 году по решению деревенского схода был отдан в рекруты крепостной крестьянин Мякининых Михаил сын Богдана, получивший при оформлении соответствующую фамилию — Богданов.

Он был доставлен в Санкт-Петербург и зачислен матросом 2-й статьи в 13-й флотский экипаж. В 1846–1850 годах служил на кораблях «Великий князь Михаил», «Сысой Великий», транспорте «Пинега».

В 1851 году, будучи уже в штате транспорта «Двина», совершил кругосветное плавание на Камчатку, где был оставлен служить матросом 1-й статьи 46-го флотского экипажа.

Принял самое непосредственное участие в сражении 5 сентября (по новому стилю) 1854 года с десантом англо-французов и за проявленную во время боя храбрость награжден высшей солдатской наградой того времени — знаком отличия ордена Святого Георгия Победоносца № 102501. А также произведен в унтер-офицеры, получив чин квартирмейстера.

В 1855 году Михаил Богданович на корвете «Оливуца» участвовал в бою с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри.

Но он не был единственным представителем Боровичской земли, участвовавшим в Петропавловской обороне.

Из деревни Поддубье Новоселицкой волости был матрос 1-й статьи Арсентий Александров сын Александров (1824), который так же, как и Михаил Богданович прибыл для укомплектования 46-го Камчатского флотского экипажа на транспорте «Двина» и принимал участие в обоих сражениях.

Из дворовых людей помещика Тегиева сельца Емельяновского Левочской волости был Николай Ерофеев сын Воробьев (1822) — так же служивший на транспорте «Двина» и принимавший на нем участие как в обороне Петропавловского порта, так и в сражении в заливе Де-Кастри.

Из деревни Башево Волоцкой волости был крепостной генерала от кавалерии Киприяна Васильевича Носильчинова (возможно — Новосильцева или Васильчикова) Иван Михайлов сын Михайлов, который прибыл на Камчатку в 1853 году на корвете «Оливуца», служил на нем в дальнейшем, совершив плавание на Гавайские острова в 1853–1854 годах, а в 1855 году участвовал на этом корвете в сражении в заливе Де-Кастри.

Этот же и кругосветный и боевой путь проделал вместе с ним и его земляк матрос 1-й статьи Иван Николаев сын Николаев (1825) — уроженец Боровичского уезда из крестьян помещика действительного советника Дмитрия Николаевича Козома (? — в тексте неразборчиво).

Благовещенский собор в Буе

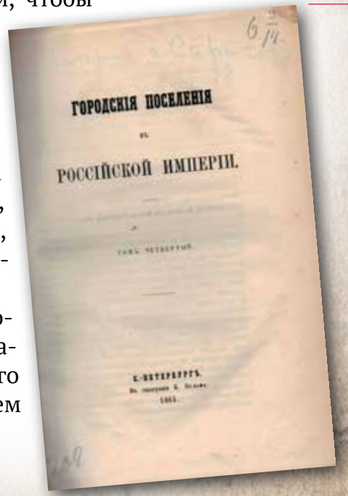
Герб Костромской губернии

БУЙСКИЙ УЕЗД КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В Никоновской летописи говорится о том, что появление крепости Буй на стрелке (слиянии) рек Кострома и Векса связано с тем, что в 1536 году «били челом и великому князю (Ивану IV Васильевичу. — *С.В.*) и его матери (Елене Глинской из Мамаевого рода. — *С.В*) из Костромского уезда волость Корега, Ликурга, Залесье, Борок Железный, чтобы государь пожаловал, велел поставити город того ради, что тамо волости многие, а от городов далече. И князь великий и мати его великая княгиня велели поставити на Кореге Буй-город».

А в книге «Городские поселения в Российской империи», вышедшей в 1861 году, эта версия подвергается сомнению: «...город этот, как и прочие, построенные правительницей, был населен жителями Литвы, коих она вызывала, давая им земли и разные преимущества и льготы...» И это более похоже на правду, так как крестьяне, как правило, не «гнали телегу впереди лошади» — и селились в необжитых местах только возле укрепленных пунктов — либо военных постов-крепостей, либо монастырей, которые были укреплены порой даже лучше, чем крепости, чтобы в случае нападения врагов (а их вокруг Волги было множество) уйти в безопасное место, а не быть убитым, либо плененным, а потом проданным в рабство.

Позже, с продвижением границ Московского княжества, а затем

Костромская область, город Буй, Привокзальная площадь

и царства, на юг, значение Буйгорода меняется — и сюда Борис Годунов ссылает самых строптивых из своих врагов — князей Шуйских, имеющих первенствующее право из всех Рюриковичей на титул великих князей и царей Московских, так как они вели свой род от старшего брата князя Александра Невского, первым получившего ярлык на великое княжение. В Буйгороде, по одной из версий (по другой — в Галиче), отбывал ссылку будущий царь Василий IV Иванович Шуйский — тот самый, которого наши предки сначала свергли, а потом позорно и подло выдали польскому королю, а через десятилетия одумались и, как у нас водится, возвратили его прах в Россию для торжественного перезахоронения.

С потерей стратегического значения Буйгород постепенно угасал. Судьбу его впоследствии решила железная дорога, одна из важных веток которой пролегла через город Буй. А в первой половине XIX века это был маленький городок, уездное население которого по численности в 30 раз превышало число буйских мещан, которых едва было около двух тысяч человек. Кустарное производство было примитивным и обеспечивало только внутренние потребности населения самого уезда.

А первым промышленным предприятием уезда был винокуренный завод, ежегод-

но производивший 600 тысяч литров водки, рабочие на котором получали свою зарплату ведрами водки — дефицитным товаром во все российские времена.

Любопытен герб уездного города Буй, утвержденный императрицей Екатериной II в 1779 году, который, вероятно, и повлиял на судьбу нашего героя, связанную с водными стихиями.

Выглядел он так: в первой части щита, в голубом поле — часть из герба Костромского наместничества, корма галерная с 3 фонарями и опущенными лестницами. Во второй части щита — в голубом поле железный якорь с привязанным на золотой веревке буем, означающим имя этого города.

Трофим Иванов сын Рачков родился в 1813 году в деревне Лиховарово Ильинской-на-Кореге волости Буйского уезда, в семье крепостных крестьян надворного советника Зварикана (? — неразборчиво).

В 1837 году он был взят в рекруты, направлен в Кронштадт и записан матросом 2-й статьи во 2-й флотский экипаж. В 1837–1841 годах служил на бриге «Диомид», в 1842 году на корабле «Гангут», а в 1843 году

Железнодорожный вокзал

отправился в кругосветное плавание на транспорте «Иртыш».

«Иртыш» — деревянное трехмачтовое парусное военное транспортное судно, купленное специально для нужд Охотской флотилии. Несло службу на протяжении 19 лет, с 1843 по 1862 год.

Это был период, когда решалась судьба Охотского порта о его переносе либо в Аян, либо в Петропавловск: «Не рассчитывая, видимо, на успех в деле переноса Охотского порта на лучшее место и учитывая важное значение его для всей жизни Дальнего Востока, правительство приняло решение одновременно с поиском нового места укрепить существующий порт всем необходимым. Для этого посылаемый в кругосветное плавание в 1843 году транспорт “Иртыш” под командованием вновь назначенного начальником Охотского порта капитана I ранга Вонлярлярского должен был остаться в составе Охотской флотилии. На транспорте шел для Охотского порта пятилетний запас различных материалов общим весом до 10 тысяч пудов. С ним же шло новое пополнение команды Охотской флотилии. Зайдя в Петропавловск, транспорт прибыл в Охотск 1 июля, 12-го Вонлярлярский принял командование портом.

В Охотске теперь жило только 884 человека (596 мужчин и 288 женщин) …перед входом у устья реки Кухтуй, на косе, стояла батарея из семи пушек. Вход в порт ограждался двумя парами входных створных знаков. Входящие в Охотск суда встречал лоцман, обязанности которого, как правило, исполнял начальник штурманского училища или кто-нибудь из штурманских офицеров, назначаемых по указанию частного инспектора штурманов подполковника Телицына.

Дальше следовало Охотское адмиралтейство с верфью, мастерскими и магазинами. В самом городе выделялась видная с моря церковь, рядом — портовая канцелярия, дом начальника, офицерский дом, казармы для команд и вокруг этого центра — частные дома. В освободившихся зданиях фактории помещался лазарет». (А.И. Алексеев «Охотск — колыбель Тихоокеанского флота»).

Матрос Рачков продолжал служить на «Иртыше», только он был переведен в мастеровые матросы 2 класса. А встреча с англо-французской эскадрой у него, как и у многих других матросов 46-го флотского экипажа, произошла в Петропавловском порту, где он вместе со всеми принял участие в сражении.

В 1855 году он снова служил на «Иртыше» и был участником военных событий в заливе Де-Кастри 8–9 мая.

Памятник преподобному Варнаве Ветлужскому, скульптор А. Пшеничный

Герб Костромской губернии

ВАРНАВИНСКИЙ УЕЗД КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Село, а впоследствии уездный город Варнавин (в настоящее время находится в Нижегородской области), возник в далекой древности в соответствии с русской традицией (в отличие от той, что была связана с появлением Буйгорода) — в 1417 году монах Варнава, пришедший с Русского Севера из Великого Устюга, основал на берегу реки Ветлуги пустынь, ставшую позднее монастырем, вокруг которого сложилось торговое село. А сам преподобный Варнава был прославлен в лике святых и является небесным покровителем Ветлужья.

Варнава не был простым человеком — по одной из версий он происходил из новгородских бояр Борецких и был родным братом Исаака Борецкого — мужа знаменитой Марфы Посадницы.

В Великом Устюге, куда были сосланы знатные новгородцы после присоединения Новгорода к Московскому княжеству, Варнава Борецкий был священником, но после набега ветлужских черемисов (марийцев), потеряв семью, принял монашеский постриг и отправился в землю язычников-черемисов на реку Ветлугу для проповеди слова Божия. В те годы Великий Устюг был центром миссионерской деятельности, и устюжане проводили таким образом мирную колонизацию окраинных земель, создавая в проповеднических местах новые монастыри и привлекая сюда поселян со всей русской земли.

И в 1913 году в Варнавинском уезде (с 1923 года это уже Краснобаковский уезд) существовала 21 волость.

Герб Варнавина

В 1841 году из деревни Подушкино Варнавинского уезда и волости, из крепостных крестьян капитанши Аграфены Алек-

Сицилия, Рагуза

сандровны Дурново, был взят в рекруты Иван Григорьев сын Зеленин (1821) и в партии Костромского гарнизонного батальона был доставлен в Кронштадт, где был записан в матросы 2-й статьи 14-го флотского экипажа. Служба проходила попеременно в Кронштадте и Санкт-Петербурге на кораблях «Император Александр I», «Георгий Победоносец», фрегате «Верность».

В 1850 году он стал членом экипажа корвета «Оливуца». Здесь же служил и его земляк из деревни Афанасихи (ныне Чащихинского сельсовета Краснобаковского района Нижегородской области) — Антон Анисимов сын Анисимов.

Корвет был построен в 1839 году в Севастополе для нужд Черноморской флотилии. И назван он был вовсе не «Оливуца», а «Менелай» — в память об античном царе государства Спарта, возглавившего осаду легендарной Трои. «Менелай» был построен из крымского дуба и был очень прочен, имел три мачты, был в длину 40, в ширину 11 метров, имел осадку при полном грузе 4,7 метра. Команда состояла из 13 офицеров и 135 матросов.

В 1844 году корвет отправлен в распоряжение русского посланника в Греции, сопровождавшего в путешествии царскую семью, которая отправилась на «Менелае» на Сицилию в местечко Оливуца — и оно произвело такое благоприятное впечатление на Романовых, что по указанию великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича велено было «Менелай» переименовать в «Оливуцу».

А в 1846 году корвет был переведен на Балтику.

Корвет «Оливуца», художник Е.В. Войшвилло

Корвет «Оливуца», модель

Именно ему и выпала роль в 1850 году отправиться в российские владения на Дальнем Востоке и в Русской Америке для их защиты от американских и канадских браконьеров, уничтожающих морских бобров (каланов) и морских котиков, чей мех имел очень высокий спрос на мировом рынке, а браконьеры сбивали цену, вводя русские компании в убыток.

23 сентября 1850 года «Оливуца» под командованием капитан-лейтенанта И.Н. Сущева вышел из Кронштадта. Пройдя по маршруту Копенгаген – Плимут – Рио-де-Жанейро – мыс Горн – Вальпараисо – Маркизские острова, 29 мая 1851 года корвет прибыл в Петропавловский порт.

23 сентября 1851 года случилось несчастье — в Авачинской бухте перевернулась шлюпка, при этом погибли командир корвета И.Н. Сущев и три матроса. Командовать корветом поставлен лейтенант И.Ф. Лихачев.

Из состава экипажа корвета «Оливуца» Г. Невельской взял в Амурскую экспедицию офицеров — мичманов Николая Матвеевича Чихачева, Григория Даниловича Разградского и Александра Ивановича Петрова (первостроителя Николаевского-на-Амуре военного поста), а также десять матросов.

В 1853–1854 годах «Оливуца» был в морском походе — на Сандвичевых (Гавайских островах) и в Японии (Нагасаки), присоединившись к дипломатической миссии адмирала Путятина. Но из варнавинцев на его борту был только Анисимов: квартирмейстер Иван Зеленин оставался в Петропавловском порту.

В 1853 году на транспорте «Двина» прибыли в Петропавловский порт еще двое из их земляков: Ипат Григорьев сын Лебедев (1823) из Уренского приказа (ныне Уренский район Нижегородской области) из крестьян двора Наберезкова и Семен Кузьмин сын Удалов из села Сидорова — либо Карповской волости, где была деревня Большое Сидорово на реке Уста, либо Тонкинской волости — здесь была деревня Малое Сидорово.

Первым из них боевое крещение принял 19 августа (по старому стилю) 1854 года Семен Удалов, который вместе с другими матросами 46-го флотского экипажа и их командиром — боцманом Павлом Усовым на парусном плашкоуте везли в Петропавловский порт кирпичи из бухты Тарья, где стоял маленький кирпичный заводик, работавший на местной глине.

Сегодня нам известен полный список экипажа этого плашкоута.

Кроме боцмана Павла Васильевича Усова (1812) с женой и двумя малолетними детьми был еще и матрос Иван Степанович Киселев (1832), приходившийся племянником жене Усова, которые были освобождены из плена французским адмиралом Де Пуантом.

А в плену оставались:

Павел Петрович Аникин
(Пермская губерния),
Михаил Петрович Бурнаев
(Костромская губерния),
Прокопий Никифорович Емандуков
(Вятская губерния),
Николай Степанович Косарев
(Костромская губерния),
Арсений Максимов
(без отчества, Казанская губерния),
Алексей Андреевич Таскаев
(Архангельская губерния),
Семен Кузьмич Удалов
(Костромская губерния),
Егор Григорьевич Щелканов
(Пермская губерния).

Вид на Новую Тарью и рыбзавод, 1961 г.

Итак, 19 августа 1854 года.

В. Завойко: «В два часа (пополудни. — *С.В.*) показался из Тарьинской губы плашкоут под парусами, нагруженный кирпичом, имея на буксире шестерку. Он послан был в Тарью за два дня до появления неприятеля; плашкоут прямо держал курс на эскадру. Неприятель, дозволив ему приблизиться на одну милю, выслал семь гребных судов; заметив их, плашкоут стал держать на северо-запад и удаляться от эскадры. К несчастью, ветер стих, и гребные суда завладели плашкоутом».

21 августа 1854 года.

В. Завойко: «В час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка по направлению к Сигнальному мысу. Это была наша шестерка, взятая неприятелем вместе с плашкоутом: на ней пристали к берегу квартирмейстер Усов, жена с двумя малолетними детьми и матрос Киселев. Первый передал мне от французского адмирала письмо следующего содержания:

“Его превосходительству господину губернатору Завойко.

Господин губернатор.

Благодаря военной случайности в мои руки попала русская семья. Имею честь вернуть ее Вам. Примите, г. губернатор, уверение в моем высоком почтении. Командующий адмирал и шеф К. Депуант”.

...Поименованные люди рассказали, что они утром 19-го числа отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашкоуте с 4 тысячами кирпича, имея на буксире шестерку. Усов взял с собой жену, которая пришла к нему из деревни Озерной (Паратунки. — *С.В.*) с двумя малолетними детьми. Неприятельскую эскадру они приняли за эскадру адмирала Путятина, и хотя, подойдя ближе, узнали неприятельские флаги и отворотили от эскадры, но гребные суда отрезали им отступление; выстрелы, слышанные ими накануне и утром 19-го числа, приняты ими были за салюты и пальбу в цель; оружия они не имели. Квартирмейстер Усов передал... что французы приглашали пленных вступить к ним в службу, но они отказались; что офицеры, отпуская его, обещали остальным пленным освобождение, когда Петропавловский порт будет взят».

Но защитники Петропавловского порта, в числе которых были и Иван Григорьевич Зеленин, и Ипат Григорьевич Лебедев, не позволили им взять город и порт.

В.С. Завойко («Морской сборник» № 7, июль 1857 года).

«По прибыли моем в Санкт-Петербург, явились ко мне мои сослуживцы, матросы 47 Флотского экипажа, которые, в Авачинской губе, по нечаянному случаю, попались в плен

Варнавино, здание мужской гимназии, построенное на средства купца И.Г. Попова

к неприятелю. Я заметил, что между ними не достает матроса Удалова, и спросил их:

— А что, верно, Удалой позабыл меня, что не пришел ко мне поздороваться?

Один из матросов отвечал мне: “Никак нет, В.П. (Ваше Превосходительство. — *С.В.*)! Удалой погиб, как вы изволили нам приказывать”.

Этот ответ заставил меня вызвать одного из них, который потолковее, разъяснить мне, что такое городит на меня наш сослуживец. Вызванный стал рассказывать.

Было вот как: когда мы на ботишке выплыли с кирпичами из Тарьинской бухты и увидали эскадру, то приняли ее за нашу — Адмирала Путятина; наладили на ботишке паруса, как следно, и хотели поближе пройти под кормой адмиральского Фрегата; глядь - поглядь, суда-то не наши; давай мы в берег, а враги наши со всей эскадры со шлюпками погнались за нами; на беду нашу заштилило, и вооруженные шлюпки окружили ботик — что нам делать? Мы хорошо помнили разные случаи, которые вы нам изволили приказывать, и тот, что матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю; а у нас, на ботике, как сами изволите знать, все были только кирпичи.

Тут Удалой сказал нам: на эвтот случай, что у нас ружей нет, а все кирпичи, ничего не приказано, — что нам делать? Если кирпичем станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибешь до смерти; не замай: пусть нас берут, а вы смотри не зевай, не можем ли мы какого случая найти на судне на погибель врагам. А боцман Усов (ехавший с нами со своею семьею) прибавил: смотри не разговаривать, что будет неприятель выспрашивать, знай отвечай на все спросы: “не могу знать”, а там что Бог даст!

Неприятельския шлюпки забрали нас и побуксировали наш ботишко, словно мыши кота погребали; привезли нас на Фрегат и, не добившись от нас ничего, кроме “не могу знать”, заперли нас в трюм. На другие дни слышали пальбу, и больно было сердцу, что мы сидели скованные в трюме, а наши товарищи проливают кровь за Царя и Отечество: скованные по рукам, мы и перекреститься не могли; горько было нам, пока Господь Бог помог вам поколотить врагов, и они отошли в даль от крепостей. Тут к работе нас вызвали; порадовалось сердце наше, видя на Фрегате везде стон и щепы; видим, что делать нечего, ослушиваться нельзя — принялись за работу.

Вышла неприятельская эскадра из Авачинской губы и пришла в Калифорнию, а потом Французы повезли нас на остров Отаити и там заставляли строить каменную крепость. Удалой не хотел работать крепости и сказал им, что на кораблях работать — дело другое — работа вам идет не в прок, а “против своих крепости делать не буду”. Его заковали в железа и посадили на хлеб и воду; и мы сиживали в железах за то, что не хотели крепости работать, но нам нездоровилось сидеть, стали пухнуть, делать нечего: принялись работать.

К другому лету повезли нас на бриге “Облигадо” в Петропавловский порт; при входе в Авачинскую губу забили тревогу: Удалой был записан у пушки, а мы у подачи ядер. Удалой не пошел к своей пушке, а стал у грот-мачты, и сказал нам: “Ребята! грех на своих руки поднимать! Уж лучше смерть! Помните приказание начальства — чему нас учили!” Сказавши эти слова, он скрестил руки на груди и закричал во весь голос: “Слышь вы, Французы! — и к этому прибавил, как тут, В.П., сказать, да вы изволите знать крутой нрав Удалова, он, то есть так сказать, попросту выругал их, а потом сказал, — слышите ли Французы? У

Русских руки не поднимаются на своих, я к пушке не иду".

А Польша сейчас слово в слово и переведи старшему лейтенанту. Лейтенант затопал ногами и закричал на него, — "ежели не пойдешь к пушке, то сейчас повешу!" — и приказал гордень готовить, это перевели Удалому. Удалой в ответ закричал сердито, — "врешь, такой-сякой Француз, ты меня не повесишь, и я к пушке не пойду!" — и с этими словами бросился по снастям вверх по мачте, и поднявшись, перепрыгнул с них на ванты, и закричал нам: "Ребята! не поднимайте рук на своих, не сделайте срама на семь свете и греха на том! Прощайте! Видите, я принимаю смерть!" и с этими словами, перекрестясь, бултых в воду.

Знаете, В.П., он нам на последние ваши слова повторил, которые вы нам сказывали по отслушании молебна, когда получено было известие, что неприятель будет к нам сильный и вы нас готовили победить или умереть. Изволите видеть, где он погиб; он вовсе не погиб, а он утонул, как вы изволили "приказать".

Рассказ этот тронул меня до слез, и я сказал: да, ребята, Удалой кончил жизнь свою во славу русских матросов и Верно заслужил царство небесное!»

А теперь давайте обратимся к свидетельствам со стороны тех, кто так же был непосредственным участником событий, связанных с гибелью Семена Удалого. Вот что писал дю-Айи (или дю-Гальи, как его тоже называют в источниках): «Первоначально у нас было четверо русских пленных, но кончина четвертого достойна быть подробно описанной. Его звали Семеном (Simeon). С первого дня поступления на бриг он приобрел всеобщую любовь как усердным участием в работах команды, так и сообщительной веселостью своего счастливого характера. Во время обеда у стола, за которым сидел Семен, раздавался наибольший хохот вследствие его бесконечных шуток и острот. Ночью, когда между двумя пушками собирался кружок около любимого рассказчика, этим рассказчиком непременно оказывался Семен, восхищавший своих слушателей предлинною сказкою на странном языке своего изобретения, составленном на смеси русского, французского, бретонского, прованского.

Но настал час, когда бригу "Obligado" пришлось вторично направить курс на Камчатку. С этого момента нрав Семена переменился. Усердие к работе осталось прежнее, но его веселость исчезла. От постоянной мысли, что его заставят участвовать в предстоящем нападении на Петропавловские укрепления, он сделался печальным и молчаливым. Тщетно уверяли его, что ни в каком случае не заставят его драться против своих соотечественников. Ничто не было в состоянии убедить его в этом, и за несколько дней до прихода в Авачинскую губу, воспользовавшись моментом, в который никто не обращал на него внимания, он бросился за борт.

Тотчас были выброшены спасательные буйки, спущена на воду шлюпка, но тщетно. Видели с брига, как, перекрестясь, он исчез под водою, даже не пытаясь бороться против смерти и не делая тех движений, которые невольно делаются вследствие чувства самосохранения даже людьми, одаренными самою железною волею. С тех пор, слушая рассказы о Крымской войне и о тех остервенелых сражениях, которым рукоплескала внимательная Европа, я часто восхищался многими геройскими подвигами, удивлялся многим славным кончинам,

составляющим честь военных летописей, но, признаюсь, каждый такой рассказ напоминал мне трогательную смерть бедного русского. Ничто не могло затмить в моем воспоминании безвестную жертву неведомого Курция».

Конечно, не понятно, почему де-Айи, который рисует вовсе даже не героическую сцену гибели Семена Удалого вдали от Авачинской бухты, в то же время сравнивает его с Курцием — легендарным античным героем, который пожертвовал своей жизнью ради спасения Рима.

Ответ на этот вопрос нашел камчатский писатель Павел Калмыков: «...подвиг Семена подтверждает лейтенант дю Айи — притом, не оспаривая героизм поступка, объясняет его не более чем мнительным недомыслием Семена. Дю Айи в основном добросовестный автор, но в изложении именно этого эпизода имеет личную заинтересованность. В версии Завойко (опубли-

Вид на монастырь со стороны реки Ветлуги (фото начала XX века)

кованной раньше и, вероятно, известной дю Айи) действует старший лейтенант брига “Облигадо” — топает ногами, ставит Семена к пушке, грозится повесить... Так вот, этим старшим лейтенантом и был дю Айи (настоящее имя Эдуар Полидор Ванеку)».

И тогда все встает на свои места — если, как пишет Павел Калмыков, дю Айи был главным отрицательным героем в этой трагедии — тем самым французским офицером, который приказал Удалому стрелять по своим, то становится понятным, почему автор, смещая акценты, тем не менее не может не выразить своего восхищения поступком русского матроса, который предпочел смерть позору...

Андрей Александрович Степанов в книге «Петропавловская оборона» (Хабаровск, 1954 г.) — продолжает эту тему, опираясь на известные исторические публикации («Морской сборник», № 9, 1855 и «Морской сборник», № 7, 1857), но он не называет конкретных фамилий тех матросов, которые рассказали Завойко историю гибели Семена, а свой собственный расказ он заканчивает этими вот словами: «В героическом подвиге Семена Удалого слиты безграничность любви к родине и честь русского моряка. Он показал врагам и друзьям всю силу непримиримости к насильникам, покушавшимся на землю отчизны. Имя Удалого не забудется его потомками, советскими моряками!..»

Имена этих матросов впервые появляются в книге Г.И. Щедрина «Петропавловский бой» (1975 г.): «Интересна судьба камчатских пленников. Когда более многочисленная объединенная эскадра вновь прибыла в Петропавловск, Семен Удалов и два его товарища — матросы Зыбин и Ехлаков находились на французском бриге “Облигадо”.

...По приходе в Петропавловск Зыбина и Ехлакова союзники обменяли на четырех своих военнопленных».

Но вот что интересно: в списке нижних чинов 47-го флотского экипажа за 1855 год, где перечислены все матросы, попавшие в плен на плашкоуте вместе с семьей боцмана Усова, таковых имен нет.

Обращает на себя внимание одна деталь, которую заметили многие — некий «Польша», которому, по словам русских матросов, Удалов говорит, перед тем как погибнуть: «Польша, сейчас слово в слово переведи...»

Возможны два варианта.

Первый — в составе экипажа был поляк, говорящий и на русском, и на французском языках.

Второй — поляк, говорящий на французском и русском языках, был среди русских военнопленных.

Фонтан трех Карниольских рек, Любляна, Словения

И вполне возможен именно второй вариант — среди русских пленных, взятых англо-французами при захвате шхуны «Анадырь», которая с грузом леса шла в Петропавловский порт из Нижнекамчатска и которую караулил бот №1 Харитона Новограбленного, чтобы предупредить об опасности, был квартирмейстер Ян Колиновский (1815) — из польских пленных, «уроженец местечка Килирии», из мещан, в 1830 году поступил на службу рядовым в Галицкий егерский польской армии полк, а в 1832 году направлен на службу в Кронштадт и записан матросом 2-й статьи 12-го флотского экипажа. В 1845 году он был участником кругосветного плавания на транспорте «Иртыш», а в 1854 году на шхуне «Анадырь» взят в плен англо-французами. О дальнейшей его судьбе мы ничего не знаем.

Что за «местечко Килирия», откуда был родом пленный поляк?

Есть два варианта ответа на этот вопрос.

Первый — Кальварийский уезд Августовской губернии Царства Польского.

Второй — Иллирийское Королевство, которое было административной единицей Австрийской империи с 1816 до 1849 года. Административным центром королевства был Лайбах (немецкое название Любляны). Оно включало западную и центральную часть современной Словении, нынешнюю австрийскую федеральную землю Каринтию и некоторые территории в северо-западной Хорватии и северо-восточной Италии (области Триест и Гориция).

А события 1830 года, которые круто изменили судьбу Яна, — это польское восстание, к которому присоединились и некоторые нижние чины польской армии, являвшейся в то время частью вооруженных сил Российской империи.

Поэтому Ян Колиновский мог владеть разными европейскими языками.

Вопрос в другом: могли ли быть пленные с «Анадыря» на «Облигадо»? И этот вопрос пока остается для нас открытым.

Мы уточнили все имена матросов с «Анадыря» — фамилий Ехлакова и Зыбина в этих списках также нет. Может быть, они просто выдуманы? Но тогда кто эти трое военнопленных, которых в действительности поменяли на англо-французов в 1855 году в Петропавловском порту?

И этот вопрос тоже пока остается открытым.

Правда, в рапорте есаула Мартынова, который и занимался разменом пленных, сообщается следующее: «8 числа [июня 1855 г.] остался на рейде один английский корвет “Тринкомалей”, и на нем поднят парламентерский флаг и через американца Чейза предложен был англичанами размен пленных. Для этого отправился я на “Тринкомалей” и 14 числа взамен наших трех матросов, взятых на плашкоуте в августе месяце прошлого года, отданы 1 англичанин и 1 француз».

Но и в этом случае не сообщается ни одной фамилии.

Так что вопрос остается открытым для новых исследователей.

А мы пока завершаем наш рассказ о варнавинских участниках Петропавловской обороны.

После гибели матроса Семена Удалова и расстрела мирного города Петропавловска англо-французская эскадра разделилась и направилась на поиски русского флота.

В заливе Де-Кастри произошло небольшое сражение.

В нем на корвете «Оливуца» участвовал Иван Зеленин, на транспорте «Двина» — Антон Анисимов и Ипат Лебедев.

И последнее. В книге «Защитники Отечества» — сборнике документов, посвященном обороне Петропавловского порта, изданной в 1989 году, есть два последних абзаца в рассказе о подвиге Семена Удалого.

Я хочу привести здесь их, чтобы напомнить своим современникам об исторической ответственности каждого из нас перед памятью о героях нашего Отечества:

«Мы полагаем, что подвиг Удалова заслуживает того, чтоб на месте родины героя

воздвигнуть, по подписке, скромный, но выразительный памятник и украсить славным, но еще мало известным именем Удалова какой-нибудь пароход. Кроме памятника, если бы собранная по подписке сумма перевысила смету на его сооружение, можно было бы сделать вспомоществование ближайшим родным Удалова, если таковые найдутся, а не то оказать помощь школе того прихода, где родина Удалова, чтобы процветала там грамотность как средство для молодого поколения узнать из книг о подвиге своего земляка» (Морской сборник № 3, 1859 г., т. XXXVIII).

И далее: «Увы, в царской России это пожелание осталось только пожеланием. Ни памятник, ни пароход, названный в честь героя, тогда не появился. Ограничились лишь упоминанием его имени в некоторых печатных “Беседах для солдат”. Но зато в наше время имя камчатского героя Семена Удалова пользуется необычайно широкой известностью. Особенно горячо чтут его имя в Петропавловске. И хочется верить, что со временем в Петропавловске будет создан особый памятник Семену Удалову» (Петропавловск-Камчатский, 1989 г.).

И еще раз «увы» — проходят десятилетия, столетия, но ничего не меняется.

Мы впервые сейчас за прошедшие более чем полтора столетия называем место рождения нашего героя — либо это деревня Большое Сидорово, либо деревня Малое Сидорово.

И разумеется, никакого памятника Семену Удалову там нет. И о самом Семене Удалове в Нижегородской области в Тонкинском районе (в бывших Тонкинской или Карповской волостях Варнавинского уезда Костромской губернии), где ныне располагается деревня Большое Сидорово, входящее в Большесодомовское сельское поселение, скорее всего, никогда и не слышали.

Да и в Петропавловске-Камчатском, в котором одну из улиц назвали именем Семена Удалого, не каждый житель города знает что-либо о подвиге, который он совершил в 1855 году…

А об установлении памятника, о котором мечтали в далеком 1989 и еще в более далеком 1859, и вовсе сегодня никто уже даже и не вспоминает…

Вот такая у нас короткая память!

Ильинский погост около Кадникова, Вологодская область

Герб Вологодской губернии

ВЕЛЬСКИЙ И КАДНИКОВСКИЙ УЕЗДЫ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

В наше время город Вельск — административный центр Вельского района Архангельской области.

Когда-то этот уезд выделился из Важского уезда Архангелогородской губернии, существовавшего до 1780 года с центром в Ваге (посад Шенкурье)

В 1137 году Вельск появляется как пункт для сбора дани новгородским князем Святославом Ольговичем. В 1462 году в составе Важской волости Вельск присоединен к Московскому княжеству. В 1708 году входил в Архангелогородскую губернию, затем был отнесен к Вологодской губернии — к Верховажской половине Важского уезда.

Дальше хуже: «В 1615 году, при Михаиле Федоровиче, Важский уезд отнесли к ведению Приказа Большого Дворца и разделили на четыре чети (четверти): Шенкурскую, Подвинскую, Верховажскую и Кокшеньгскую. В 1659 году эти чети раздробили на 11 более мелких станов... В 1692 году в состав Важского уезда входили: Березницкая, Борецкая, Ваеньгская, Заостровская, Конецгорская, Корбальская, Кургоминская, Осиновская, Прилуцкая, Пяндская, Ростовская, Слободская, Топецкая, Тулгасская, Чаровстровская, Шиленгская, Устьважская и Устьваеньгская волости, Зарецкая и Осерецкая боярщины».

И еще: «В 1851 году из Вельского уезда в Кадниковский уезд были переданы территории Емской, Нижеслободской, Митюковской, Вальской, Катромской, Петряевской, Вожегодской, Ухтомской, Енальской, Зубовской, Давыдовской, Вотчинской и Глубоковской волостей».

Герб Вельска

Поэтому мы и объединили эти два уезда в своем рассказе.

Герб Кадникова

Город Кадников, в отличие от Вельска, по-прежнему находится на Вологодчине — в Сокольском районе в 40 километрах к северо-востоку от Вологды: «В 1492 году на Кадниковской пустоши для защиты торгового пути был установлен сторожевой пост, давший начало деревне Кадниковской. Название произошло от прозвищного личного имени Кадник (“бондарь”). Город образован в 1780 году из одноименной деревни. По тому времени это был довольно значительный населенный пункт, расположенный на бойком Архангельском тракте. Видную роль в жизни города играла торговля. Население занималось главным образом кустарными промыслами. На протяжении почти полутора столетий Кадников являлся уездным центром Вологодской губернии. В начале XX века была построена Северная железная дорога из Вологды в Архангельск, прошедшая в стороне от Кадникова».

И город, соответственно, начал терять свое былое значение.

Старшим представителем этих северных русских земель в Петропавловском порту в период его обороны от англо-французов был Федор Архипов сын Анучин (1810) — матрос-рулевой, уроженец бывшего Вельского, а теперь уже Кадниковского уезда Нижеслободской волости деревни Якутинской, из крестьян помещицы Елизаветы Никитичны Лихаревой.

В 1838 году будучи рекрутом доставлен в Санкт-Петербург и определен матросом 2-й статьи в 8-й флотский экипаж.

Оказался весьма способным к морской службе и начал быстро расти в должностях: матрос 1-й статьи, марсовый матрос, матрос-рулевой. Место службы было постоянным: с 1839 по 1843 год на бриге «Охта», а с 1844 по 1847 год — на бриге «Улис».

В сентябре 1847 года на верфи «Боргетрем и К°» в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) был заложен военный транспорт для кругосветного плавания. Судно строилось под личным контролем капитан-лейтенанта Геннадия Невельского, и в июле 1848 года оно спущено на воду.

Геннадий Иванович также лично подбирал и членов своей команды, в том числе и матросов.

«Байкал» являлся небольшим двухпалубным судном с парусным вооружением бригантины с полными обводами корпуса и почти плоским днищем. Длина по верхней палубе — 28,65 метра (94 фута). Ширина — 7,38 метра. Высота борта — 5,1 метра. Водоизмещение — 477 тонн. Скорость — до 8,5 узла. Вооружение — 6 трехфунтовых пушек (76-мм). Экипаж — 9 офицеров, 4 унтер-офицера и 34 матроса, всего 47 человек.

Готовились к проведению Амурской экспедиции

Адмирал Геннадий Иванович Невельской

и работе во льдах Охотского моря, поэтому корпус судна был сделан из сосны, крепления — из металла, обшивка днища ниже ватерлинии — из меди.

В декабре 1847 года, несмотря на строгую резолюцию царя «Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, отставить!», Г.И. Невельской добивается у начальника Главного морского штаба князя А.С. Меньшикова в счет сэкономленного времени на строительстве судна и переходе из Кронштадта в Петропавловский порт, провести Амурскую экспедицию. В этот период только один на всю Россию никому прежде не известный капитан-лейтенант не мог поверить в тот факт, что такая полноводная, мощная, крупная река, как Амур-батюшка, не имеет судоходного устья. Но так считал сам Иван Крузенштерн — а он был большим авторитетом!

Поэтому Невельской так придирчиво строго отбирал себе команду, ибо только от нее зависело, сколько времени удастся сэкономить на исследования Амура.

21 августа (по старому стилю) или 2 сентября 1848 года транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта 10-го флотского экипажа Геннадия Ивановича Невельского отправился в свое легендарное плавание.

На его борту был и марсовый матрос Федор Архипович Анучин.

Транспорт взял курс на Копенгаген (куда прибыл 8 сентября), оттуда на Портсмут (16 сентября). Затем, пройдя по Атлантике, «Байкал» пересек экватор 30 октября и бросил якорь на рейде Рио-де-Жанейро (15 ноября). 1 декабря «Байкал» продолжил свой путь, сопровождавшийся сильным штормом, через мыс Горн, который обогнул 10 (22) января 1849 года. Когда вошли в Тихий океан, шторм утих, и транспорт взял курс на Вальпараисо (2 февраля). 31 марта (2 апреля) «Байкал» прибыл в Гонолулу, где встретился с транспортом «Иртыш», 10 апреля вышел из Гонолулу и 12 мая прибыл к месту назначения — в Петропавловский порт. Переход занял 8 месяцев и 23 дня.

А летом экипаж транспорта провел исследование Амурского лимана и доказал, что устье Амура является судоходным. Это было одно из величайших географических открытий, определивших дальнейшую судьбу развития русского Дальнего Востока.

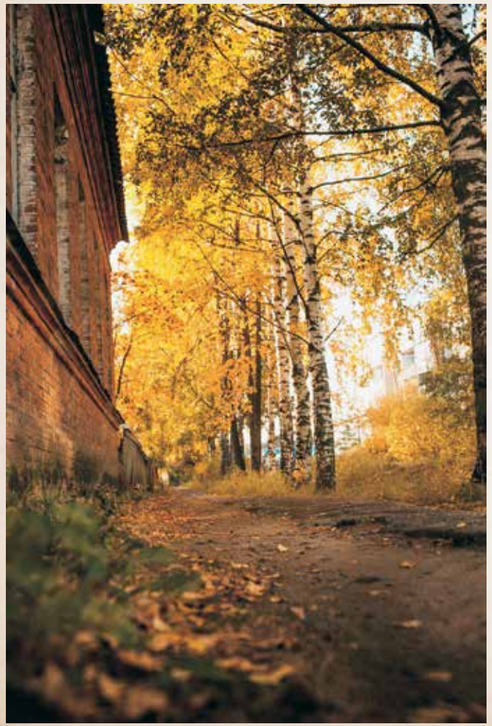
В 1849 году экипаж транспорта «Байкал» был приписан к Охотской флотилии.

По именным спискам 47-го флотского экипажа мы смогли отыскать членов экипа-

Вокзал Вельска

жа «Байкала», участвовавших в кругосветном плавании, которые в составе 46-го Камчатского флотского экипажа в 1854–1855 годах участвовали в боевых действиях: квартирмейстеры Флегонт Гречухин сын Никитин (1815) — уроженец Костромской губернии; Дмитрий Киркин сын Кирилов (1822), Иван Подобин сын Матвеев (1822), Василий Усков сын Прокопьев (1813) — уроженцы Вологодской губернии; старший писарь Сергей Дементьев сын Егоров (1825) — из Смоленских военных кантонистов; Иван Капустин сын Ларионов (1820) — матрос-рулевой, уроженец Вологодской губернии; Афанасий Михайлов сын Михайлов (1820) — марсовый матрос, уроженец Костромской губернии; Якуб Предит сын Якуб (1822) — марсовый матрос, уроженец Лифляндской губернии; Давид Котов сын Осипов (1825) — матрос 1-й статьи, уроженец Вологодской губернии; матрос 2-й статьи Ермолай Камнев сын Мартынов (1820) — уроженец Костромской губернии; Василий Коноплев сын Мартынов (1817) — матрос 2-й статьи, из крестьян Вологодской губернии; Афанасий Лебедев сын Семенов (1818) — мастеровой, уроженец Костромской губернии; Юрий Лауристин сын Лаурсон (1814) — мастеровой, уроженец Эстляндской губернии.

Осенний Вельск

Но о каждом из них у нас будет отдельный рассказ.

В 1854 году матрос-рулевой Федор Анучин зачислен в экипаж корвета «Оливуца», который совершает плавание на Сандвичевы (Гавайские) острова, а потом в Японию (Нагасаки), в 1855 году экипаж корвета участвует в эвакуации гарнизона Петропавловского порта, а 8–9 мая в заливе Де-Кастри — в сражении с судами англо-французской эскадры.

Вместе с ним на «Оливуце» служит Максим Исаев сын Наумов (1820) из деревни Андреевской Усть-Вельской волости Вельского уезда, который прибыл на этом корвете из Кронштадта, совершив кругосветное плавание. А также прибывшие вместе с Исаевым матрос 1-й статьи Александр Самойлов сын Михайлов (1821) из деревни Фоминской Морозовской волости Вельского уезда и из Кадниковского уезда — Михаил Григорьев сын Катков (деревня Середнево Кокошиловской волости) и Василий Беляев сын Иванов (1813) из Ухтомской волости.

В 1850–1851 годах, так же совершив кругосветное плавание, на транспорте «Двина» прибывают в Петропавловский порт и участвуют в отражении вражеского десанта мастеровой матрос Илья Федоров сын Каратаев (1813) — из Вальской волости Вельского уезда и матрос 1-й статьи Петр Кузнецов сын Кузьмин (1827) из деревни Высотинской Кулойско-Покровской волости, которые в 1855 году на транспорте «Двина» участвуют в сражении в заливе Де-Кастри.

Окрестности Кадникова

Острог, Милково, wiki-org.ru

Герб Камчатской области

ВЕРХНЕКАМЧАТСК, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Зимовье в верхнем течении реки Камчатки появляется задолго до официального присоединения нашего полуострова к Российской империи, что является для меня загадкой: колоссальный по своим пушным богатствам край, который официально был известен якутскому воеводе уже в 1660-х годах по итогам промысловой экспедиции тобольского казака на якутской службе Ивана Меркурьевича Бакшеева Рубца, только после похода Владимира Атласова 1696–1698 годов стал частью России.

И оставленный Атласовым в качестве первого приказчика Камчатки казак Потап Серюков с товарищами основали свое зимовье в тех же примерно местах, где лет сорок назад расположился лагерем Иван Рубец с целовальником Федотом Лаптевым — вблизи Федотовского зимовья, название которого долгое время связывали с именем организатора промысловой экспедиции (в которой участвовал казак Семен Дежнев) торгового человека Федота Попова из Холмогор.

Потап Серюков (Сюрюков) три года прожил на Камчатке и, не дождавшись обещанного возвращения Атласова, попытался самостоятельно добраться до Анадырского острога, но…

Читаем у С.П. Крашенинникова: «Между тем оставленной на Камчатке служивой Потап Серюков жил в Верхнем Камчатском остроге три года без всякого утеснения от камчадалов…»

В другом месте С. Крашенинников уточняет, что Серюков построил два зимовья, «где ныне Верхней Камчатской острог». Острог — это уже укрепление с крепостной стеной, построенный гораздо позже, когда сюда прибыл отряд первого приказчика Камчатки, назначенного якутским воеводой, — Тимофея Родионовича Кобелева.

И называлось это зимовье первоначально просто Камчатском (или Камчадальским), так как слово Верхний говорит о том, что к этому времени должен быть уже и Нижний, если не острог, то Нижнее зимовье, что, в принципе, было уже вполне возможно — так как кто-то из промышленников из отряда Атласова предпочел остаться в устье реки Еловки, впадающей в реку Камчатку, чтобы вести промысел, который в здешних местах был очень богатый.

И далее С.П. Крашенинников пишет о том, что, как выясняется, не соответствовало действительности: «...он за малолюдством ясаку собирать не отважился, но под видом купца торговал с ними (с камчадалами. — *С.В.*); наконец и тот в Анадырск поехал, однакож коряки не допустя его до Анадырска убили».

Нам кажется, что роль тобольского казака Потапа Серюкова (Сюрюкова) гораздо более значительна, чем та его оценка, которую дал С. Крашенинников.

В РГАДА найден документ, в котором все эти события прошлого освещаются иначе. Идя весной 1701 года из Анадырского острога на Камчатку, Кобелев встретился с подчиненными Потапа Серюкова, которые и сообщили, что Потап Серюков был убит неясачными коряками. Вместе с ним погибли

Церковь в Милькове, сгорела в 2014 г.
Рис. из книги «Всемирная иллюстрация», 1883 г.

два русских промышленных человека и юкагиры. Уходя с Камчатки, товарищи Серюкова на Камчатке реке ясачное зимовье «...оставили пусто». Серюков вынужден был уйти с Камчатки потому, что «от неясачных немирных коряк нам на Камчатке жить малолюдством стало не в мочь». К тому же кончилась бумага, не стало ясачных книг. Но все-таки с Камчатки они вывезли ясак — 159 соболей.

Обратим внимание на то, что не камчадалы заставили Серюкова покинуть Камчатку, а неясачные коряки, которые постоянно совершали разбойные нападения на Камчатку и были во враждебных отношениях не только с русскими казаками, но и с местными племенами камчадалов.

Владимир Атласов,
художник А.В. Ковалев

С камчадалами же Серюков жил мирно, несмотря на то, что собирал с них ясак. И когда в 1701 году на полуостров прибыл Тимофей Кобелев, у него тоже не было никаких конфликтов с верхнекамчатскими казаками.

Георг Стеллер даже сочинил по этому поводу собственную сказку: «В те времена жил в том месте, где ныне находится Верхний острог, могущественный ительмен по имени Ивар Асидам, которому все до самой Большой реки было покорно. Этот человек, к моему величайшему сожалению, умер в 1741 году, а мне так хотелось повидаться и поговорить с ним. Он послал к Большой реке своих людей и велел нескольким прибывшим морским путем казакам явиться

к нему. При посредстве корякской переводчицы он спросил их, что им нужно, откуда они и зачем они прибыли. Казаки ответили, что они явились от великого и могущественного владыки, которому подвластна вся земля, и что ему, ительмену, надлежит платить им ежегодно ясак или дарить соболей за то, что они, казаки, будут проживать на его земле. Очень удивившись, что пришельцы будут проживать не в своей стране, а в чужой, и что они прибыли из страны, о которой ительмены никогда ничего не слыхали, Ивар созвал совет. На том совете он заявил, что раз эти сильные, высокие и храбрые люди, числом четыре, осмелились появиться среди такой большой толпы народа и столь смело потребовали ясака для своего повелителя, то ему, Асидаму, этот иноземный народ представляется весьма могущественным и притом очень умным; это можно усмотреть по одежде чужеземцев и по их железным инструментам. А так как эти люди привезли ительменам всевозможного рода полезный железный товар и требуют за него только лисьи и соболиные меха, он считал бы необходимым не только не причинять им никакого вреда, но согласиться, в силу обилия у них, ительменов, зверья, на их предложение и из-за подобных пустяков не превращать этих людей в своих врагов: ведь если их убить, то появятся более значительные отряды их, которые пожелают отмстить за своих братьев. Вдобавок, закончил он свою речь, он принял во внимание также мужество и силу русских сравнительно с соответственными качествами камчадалов. И вот когда русских снова допустили к нему, им вынесли гораздо больше собольих шкурок, чем они рассчитывали; тогда русские, в свою очередь, одарили ительменов ножами. Упомянутый Ивар пользовался этим своим первым ножом, в память о рассказанном событии, почти до конца своей жизни. Затем русских с их соболями, отправили, со строгим запретом причинять им какой-либо вред, под конвоем к Большой реке и отпустили там с любезным указанием, что они поступят очень хорошо, если больше сюда не вернутся» (Г. Стеллер «Описание земли Камчатки», 1999, с. 135–136).

Не знаю, зачем Стеллеру потребовалось все это придумывать, вполне возможно, что он искал причины, по которым вождь (той-он) камчадалов, проживавший в верховьях реки Камчатка Начика Машурин, не только не препятствовал деятельности русских казаков в здешних местах, но и не поддержал Харчинский бунт в 1731 году (хотя дал след-

Старый Якутский острог

Поезд на собаках в северной части Камчатки

Иллюстрация к первому изданию книги «Описание земли Камчатки»

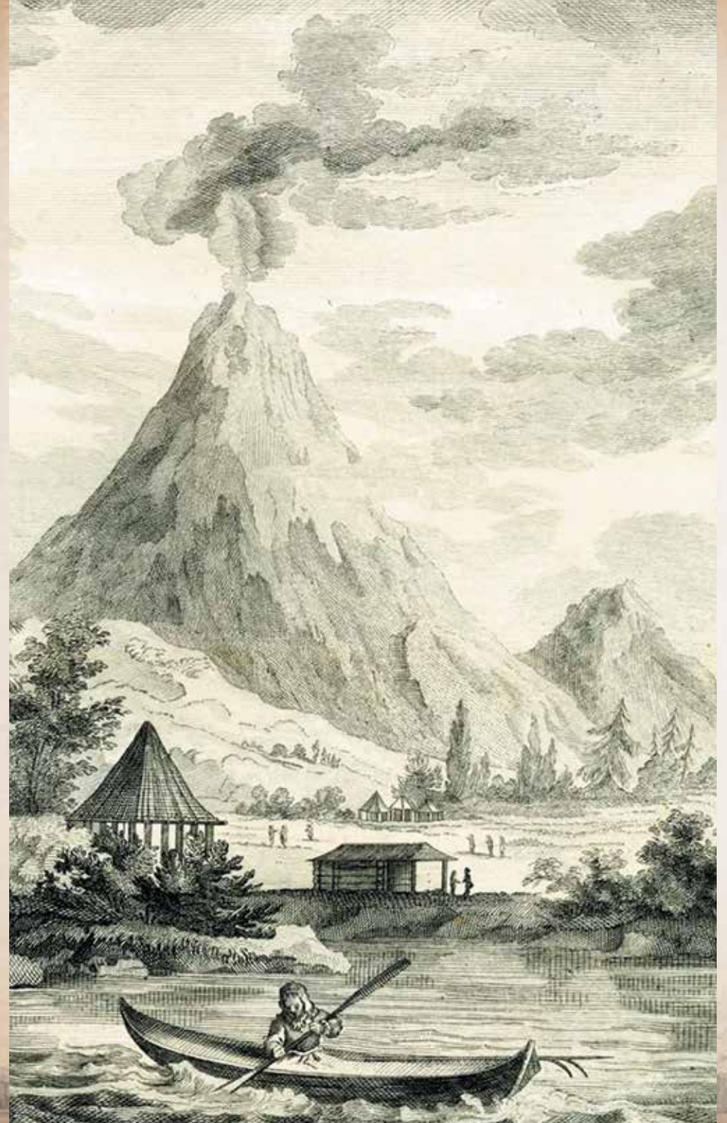

Иллюстрация к первому изданию книги «Описание земли Камчатки»

ствию самые убийственные показания о злоупотреблениях русских казаков), а впоследствии стал крестником руководителя Следственной комиссии, занимавшейся розыском по этому бунту, и после крещения получил новое имя — Егор Васильевич Мерлин — родоначальник всех камчадалов Мерлиных.

Верхний Камчадальский острог — административный центр полуострова того времени — оставил в истории Камчатки целый ряд событий, который был связан с казачьей вольницей, бунтами, грабежами, а вслед за ними — наказаниями и казнями.

Дело закончилось тем, что с Верхнекамчатского острога был снят статус казачьего поселения, верхнекамчатские казаки были переведены в разночинцы и перераспределены-расселены по другим казачьим острогам, а оставшиеся — были переведены в крестьянское сословие, а сам Верхнекамчатск стал обычным селом.

Из тех казаков, которые в числе самых первых пришли обживать Камчатку, здесь остались только Машихины (Месихины), Нечаевы и Беляевы.

В 1854 году в Петропавловской обороне приняли участие многие из тех казаков Камчатской казачьей команды и Камчатского флотского экипажа, чьи предки были верхнекамчатскими казаками (об этом мы рассказываем в главе «Петропавловский порт»).

Но после сражения и позорного бегства англо-французской эскадры губернатор Камчатской области Василий Степанович

Художник И.П. Пшеничный. Казаки идут

Завойко, отдавая себе полный отчет в том, что с оставшимися у него в подчинении матросами Петропавловского гарнизона ему не отразить новый удар англо-французов, которые вернутся, чтобы отомстить за свое поражение, обращается к населению Камчатской области: «Вам уже известно, что в этом году англичане и французы с шестью военными судами напали на Петропавловский порт и что принуждены были уйти с большой потерей в людях и с повреждением в судах. Может быть, на будущий год они возобновят нападение. Я приготовился встретить их как следует и надеюсь, что они ничем не поживятся.

Но так как враги наши могут проникнуть в Камчатку, даже и не взявши Петропавловского порта, то объявляю вам, что в соседних к порту острожках следует приготовиться заранее так, чтобы жены и дети ваши, все имущество, в особенности скот были в безопасности…

Надеюсь, что вы и встретите врага, то не иначе как с винтовкой в руках, и встретите его не хлебом и солью, а меткою пулею, в таких случаях топор, вилы и коса тоже идут в дело. Примеры известны: пораспросите у людей бывалых, они вам расскажут, как в России угощали француза в 1812 году. Не то, что мужики — бабы били чем ни попало…

Дошло до сведения моего, что многие из вас жалели, что они поздно узнали о нападении на Петропавловский порт француза и англичанина и не могли прийти сюда вовремя. Чтобы не получилось этого и в будущем, то я объявляю вам вперед: кто из желающих помоложе да поздоровей, тот будущею весною бери свою винтовку да по последней зимней дороге и являйся в порт. Здесь будет каждому квартира, прокормление, платье и оружие, какое понадобится от казны…

Общими усилиями в другой раз прогоним врага…

Те же, которые будут оставаться в острожках, должны всеми силами стараться запасти сколь возможно больше рыбы и посеять картофеля, чтобы достало с избытком и на тех, кто проживет лето в Петропавловске…»

Часовня в Мильково

По весне 1855 года в Петропавловский порт прибыло около 250 добровольцев.

Все они приняли участие в погрузке судов для эвакуации имущества и гарнизона Петропавловского порта.

Более половины из тех, кто прибыл на защиту порта, были впоследствии награждены бронзовыми медалями на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 годов. К сожалению, памятной медали в честь Петропавловской обороны не было выпущено ни тогда, ни через сто, ни через сто пятьдесят лет…

Из селения Верхнекамчатского были награждены медалями: Николай Николаевич Зимин (1833–1893); Порфирий Николаевич Зимин (1832); Василий Машихин (1824); Егор Михайлович Машихин (1832–1893); Петр Машихин (1824); Стрателлат Нечаев (1830); Федор Ухов (1831).

Слова В.С. Завойко о том, что «враги наши могут проникнуть в Камчатку, даже и не взявши Петропавловского порта» сбылись ровно через пятьдесят лет в период Русско-японской войны 1904–1905 годов, когда овладеть Камчаткой попытался японский десант из отставных унтер-офицеров, высадившийся на юго-западном побережье полуострова в устье реки Озерной.

И вновь последовало обращение главы администрации Камчатки (тогда Петропавловского округа Приморской области Приамурского генерал-губернаторства) Антона Петровича Сильницкого к жителям Камчатки с призывом отстоять полуостров, создав народное ополчение.

И вот кого мы видим в первых рядах ополчения из крестьян Верхнекамчатска: Михаил Зимин; Николай Афанасьевич Зимин (1883); Парфений Афанасьевич Зимин (1878).

Последние — родные племянники Порфирия и Николая Зиминых.

Аггей Георгиевич (Егорович) Машихин (1886) и Иннокентий Георгиевич Машихин (1872), награжденный серебряной медалью «За усердие» — дети Егора Михайловича Машихина.

А также их ближайшие родственники — Арсений Степанович Машихин (1856), награжденный серебряной медалью «За усердие», и его племянник Федор Николаевич Машихин (1881).

Собор св. Серафима Саровского, Вятка

Герб Вятской губернии

ВЯТКА, ВЯТСКИЙ УЕЗД ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Многие историки и краеведы цитируют Николая Ивановича Костомарова, замечательного русского историка: «Нет ничего в русской истории темнее судьбы Вятки и земли ее».

Русская история Вотской земли (земли вотяков — удмуртов) официально начинается с 1374 года — с набега ушкуйников с Русского Севера, где они базировались. Летопись об этом гласит: «Того же лета (1374) идоша на низ Вяткою ушкуиници разбойници, совокупишеся 90 ушкуев, и Вятку пограбиша, и шедше взяша Болгары, и хотеша зажещи и взяша окупа 300 рублев и оттуда разделишася на двое, 50 ушкуев поидоша по Волзе на низ к Сараю, а 40 ушкуев идоша вверх по Волзе, и дошедше Обухова пограбиша все Засурье и Маркваш, и переехаша за Волгу лодьи, поромы и насады, павузки и стругы, и прочая вся суды изсекоша, а сами поидоша к Вятце на конех посуху и идучи много сел по Ветлузе пограбиша».

Ушкуйники — это северные русские казаки-разбойники, которые на своих речных челнах-ушкуях совершали дерзкие налеты на все окрестные земли.

Собственно, в истории всей, в том числе и европейской цивилизации, на которую нам рекомендуют равняться как исторически самую гармоничную, — грабежи и разбои в землях своих соседей были более правилом той далекой от нас жизни, нежели исключением из него. Поэтому не стоит давать русским ушкуйникам, в отличие от разбойников норманнов или бандитов из рыцарских орденов, какие-то обидные названия — все это было в обычае тех далеких лет.

Герб Вятки

В память о поколениях мастериц дымковской игрушки, своим трудом и талантом в веках прославивших землю Вятскую

Правда, московский митрополит Иона в 1452 году был по этому поводу совершенно другого мнения, нежели я, и писал: «Не вемы убо, како вас нарещи: зоветесь именем христиане, а живете делающе злая, горше нечестивых, ни по христьянству, ни по крестному целованью, ни по божественному писанию православныя истинныя христианскыя веры; святую соборную Апостольскую церковь русскыя митрополия обидите и законы церковные старые разоряете, а зався своему господарю великому князю грубите и приставаете к его недругу, и издавна, и с поганьством съединяющесь, и с отлученным от Божья церкве с князем Дмитрием с Шемякею, приходили есте многожды на великого князя вотчину, на Устюг, на Вологду, на Галич, а через крестное целованье, целовав животворящей крест у князя у Дмитрия Ивановича у Ряполовьского, у Глеба у Семенова трижды крест целовав, у Олександра у Мякинина дважды крест целовав, на великаго князя добро, да то крестное целование забыв, да зався изменяюще, и християньство губите, и с теми християньскыми губители и само собою вотчину его воююте безпрестанно, християньство губите убийством и полоном и граблением, и церкви Божьей разоряете и грабите вся церковная священная приходия, кузьнь и книги и колоколы, и вся творите злая и богомерьзкая дела, якоже погании».

Но здесь вмешалась политика — вятичи-ушкуйники сделали ставку не на того великого кня-

зя и проиграли свое историческое сражение — к власти в Москве пришел Василий Темный, а не тот, на кого ставили они…

Но «темные пятна» в истории вятской земли начинаются с первых же лет ее колонизации.

Вятка-Киров начала XX в.

Например, первый вятский историк Александр Вештомов «на основании всеобщего убеждения, бытовавшего среди горожан», написал, что «первые у реки Вятки поселившиеся славяно-российского происхождения люди, сделавшиеся праотцами вятчан, были из Новгорода Великого выходцы».

Но есть и другое мнение: «По мнению А.В. Эммаусского, нижегородско-суздальский князь Дмитрий Константинович объявил Вятку своим владением в конце 1370-х годов, когда после страшных и опустошительных татарских погромов множество его подданных бежало в Кострому, Галич и Вятку, где прочно поселилось. Новгородская республика, кстати, никогда не заявляла о своих притязаниях на Вятку. В 1400-х годах, после того как великий князь московский присоединил к Москве Суздальско-Нижегородское княжество, сломленные суздальские князья Семен Дмитриевич и Василий Дмитриевич Кирдяпа (отсюда название села Кирдяпино) бежали на Вятку с семьями и здесь жили какое-то время. После скорой смерти этих братьев московский князь Василий I передал права на Вятку своему брату — удельному галицкому князю Юрию Дмитриевичу. После смерти Юрия Галицкого вятчане долго поддерживали его сыновей — князей Василия Косого и Дмитрия Шемяку».

То есть выбор вятичами Шемяки не был случайным — он действительно был их «патроном» и самым яростным противником вокняжения Василия Темного.

А Василий Темный это помнил, и впоследствии его рать во главе с князем Иваном Патрикеевым обложила Хлынов «со многой

силой» и держала в осаде долго, до тех пор, пока он не бил челом московскому великому князю «на всей его воли, как надобе великому князю». Хлынов был обложен данью и приведен к присяге (крестному целованию) на верность Москве.

Но слова своего вятичи не сдержали. И уже только большая рать, состоящая из представителей всех северных городов Руси, наиболее страдавших от грабительских набегов вятичей, которую послал в эти земли великий князь Иван III в 1489 году, заставила непокорных вятичей склонить свою голову перед Москвой и каждого жителя этой земли принести присягу на верность великому князю Ивану III, который задолго до правления своего внука имел прозвище Грозный.

Вид города Вятки с юго-западной стороны

Кстати, о Хлынове. Ожидая, что Москва не оставит без внимания вятичей, они в 1455–1456 годах выстроили себе кремль — крепость для обороны от неприятеля, наименованную по названию речки Хлыновицы, впадавшей здесь в Вятку, — Хлыновом. Хотя — «По другой гипотезе местных лингвистов в говоре удмуртских жителей деревень по реке Чепце существует слово “клыно”, переводимое на русский язык в значении — главный. Удмурты этих деревень еще несколько десятилетий назад называли Киров — “Клыно”».

И это более похоже на правду — Хлыновский кремль, конечно же, был главным, по сравнению с другими поселениями.

И о поселениях. Историки считают так: «Если северный, более ранний путь колонизации русскими вятского края шел, в основном, из новгородских владений, то западный путь — со средней Волги, из Нижегородского края стал, особенно после татарского нашествия на Русь, главной дорогой для русских поселенцев в область средней Вятки и ее притоков. Спасаясь от ужасов нашествия, люди хлынули в глухие вятские леса, где уже существовали компактные русские поселения, обнесенные небольшими укреплениями для защиты от дикого зверя. Миролюбивые удмурты отступили на восток, оставляя обжитые места».

Впоследствии на левом берегу реки Суна согласно «Жалованной оброчной грамоте царя Алексея Михайловича вятскому воеводе И.Ф. Соковнину об отдаче архимандриту Успенского Трифонова монастыря Иоакиму на оброк без переоброчки дикого раменья за Кырмыжем до устья р. Суны и по р. Лудяне в Березовском стане Вятского уезда» от 15 сентября 1650 года строится бревенчатая церковь с престолом в честь Вознесения Господня и создается приход — село Вознесенское, более известное как Суна — центр Сунской вотчины (впоследствии волости). Ее заселение шло двумя путями — из традиционных уже русских вятских земель будущих Слободского и Орловского уездов, а также — из Казанской губернии. Приказчик Евтифей Исупов был сам, например, из села Нагорское Слободского уезда.

Эта связь с исторической родиной крестьян-переселенцев проявляется и в их фамилиях: «Мотивирующую связь многих фамилий и названий населенных мест, распространенных в Сунском и Нолинском районах, мы находим и в наименованиях населенных пунктов Белохолуницкого и Нагорского районов: Поломских — с. Полом, Марьины — д. Марьинцы, Булатовы — д. Булатовы, Леушины — д. Леушинцы, Шуплецовы — д. Шуплецы, Осетровы — д. Осетры на р. Осетровка, Кашины — д. Кашата, Шабали-

ны — д. Шабалята, Двоеглазовы — д. Двоеглазовцы, Исуповы — д. Исуповцы и т. д.».

К чему, спросите вы, этот экскурс в историю сунских фамилий?

Только к тому, чтобы понять происхождение фамилии одного из вятских героев Петропавловской обороны матроса 2-й статьи Ивана Ильина сына Сунцова, кавалера знака отличия военного ордена Святого Георгия Победоносца № 102496.

Вы не находите здесь связь этой фамилии с рекой Суной и Сунской волостью?

Правда, Иван Ильич родился в 1831 году в Сулаевской волости Вятского уезда Вятской же губернии, откуда были призваны также и другие участники обороны Петропавловского порта и сражения в заливе Де-Кастри: Никита Степанович Булычев (1827), уроженец села Малый Кунгур, являвшегося центром Сулаевской волости, и представители Лекминского, Родигинского, Северухинского, Якшинского обществ, входивших в состав волости, матросов 2-й статьи Захара Столбова (1830), Ивана Сысоева сына Ходырева (1831) и Андрея Черемискина сына Степанова (1830), которые были направлены на Камчатку в 1854 году из 13-го и 14-го Восточно-Сибирских линейных батальонов.

За что Иван Ильич Сунцов был награжден самой высокой солдатской наградой того времени?

Он убил в сражении с англо-французским десантом на Никольской сопке командира английского десанта капитана Чарльза Аллана Паркера.

В своих воспоминаниях будущий контр-адмирал Александр Павлович Арбузов, участник того сражения на Никольской сопке, пишет: «Рекрут 47 флотского экипажа, невидный собою, Сунцов был отправлен в дело. Когда подползли к неприятелю, он просил боцмана показать, где неприятельский офицер. Боцман ему указал. Сунцов выскочил вперед и заколол офицера: то был командир всего неприятельского десанта. Сунцов получил по статуту Георгиевский крест, а от убитого неприятельского офицера достались ему труба и золотые часы. Когда я призвал Сунцова и спросил, как он это сделал, он отвечал: “Я слышал, за что Георгиевским крестом награждаются — и пожелал умереть или заслужить крест”».

Думаю, что вряд ли в той суматохе боя, когда буквально секунды решали его исход, Сунцову с боцманом было кого выбирать — Паркер был всего лишь одним из шестисот человек, представлявших морскую пехоту Англии на Никольской сопке. Да и мыслями ли о награде была занята в это время голова матроса-новобранца, когда вокруг свистели пули и мельтешили вражеские солдаты и офицеры. Кто попался под руку, того он и убил…

За офицерами охотились снайперы — местные охотники: «Петропавловцы прекрасно маскировались в лесу, стреляли редко, но наверняка, выбивая в первую очередь командный состав. В первые же минуты боя тяжелые ранения получили офицеры с “Пайка” Блэнд, Мэм Робинзон, Чичестер, Кулум, Клэменс, с “Президента” — Говард, Палмер, Морган. Сраженный насмерть, пал лейтенант Баммлер, личный адъютант де Пуанта. Пуля пробила сердце лейтенанта Гикеля из известной на французском флоте морской фамилии, а в десятке метров от него свалился его младший брат, лишь на десяток минут пережив старшего. Де Айи признает: “У нас были тяжелые потери. Мы потеряли треть своих людей. Офицеры особенно дорого заплатили за свою честь”».

И вот уже родилась новая версия: «Рекрут сибиряк Сунцов выстрелом в упор убил капитана морской пехоты Паркера. Он тихо подкрался к возвышению, на котором красовался этот командир английских морских пехотинцев, и выстрелил. Возле него петропавловцы захватили знамя полка. На его шелковом полотнище изображены королевская корона и хищная когтистая лапа леопарда, распростертая над увитым лаврами земным шаром. Сверху надпись по-латыни — “Сушей и морем”, внизу по-английски — “Гибралтар”. Упало британское знамя на чужую ему сушу, рядом с водой чужой для Англии бухты. И место ему с этого часа определилось не в боевых порядках полка, а в музее далекой от Гибралтара Камчатки…»

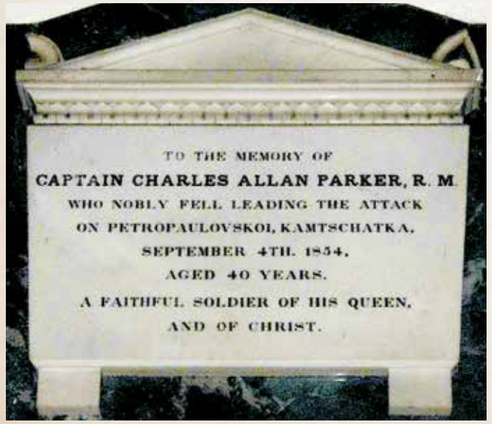
На самом деле царила паника — английская морская пехота, привыкшая победно шествовать по дорогам Европы, заблудилась на Никольской сопке в «трех березах», потеряв ориентиры и связь друг с другом, в результате чего небольшие отряды русских, обрушившихся на англо-французов с разных сторон, показались морским пехотинцам «армадою», и они бросились наутек, не слыша команд своих офицеров, да и команды эти звучали, как мы уже поняли, все реже и реже — офицеры один за другим выбивались из этой ошалелой от страха толпы в синих мундирах…

А вот и третья версия: «Капитан Королевской Морской пехоты Чарлз Аллан Пар-

Вид с Никольской сопки

кер погиб одним из первых, на самом верху сопки. Пуля пробила голову снизу вверх; лейтенант Палмер не успел помочь своему другу. Паркера очень уважали и любили на эскадре — удалой рыжебородый весельчак, добрая душа, умный и сильный, красавица-жена да четверо детишек. Но было не суждено бравому офицеру вернуться домой, в маленькую деревушку Госфорт на севере Англии, в свой добрый дом под названием Парк-Нук. И похоронят его не на тихом уютном дворе церкви Св. Марии, где стоит старинный каменный крест (который, как считается, самый высокий во всей Англии), а на далекой Камчатке, у подножия Никольской сопки, на склоне которой он и был застрелен простым сибирским парнем Иваном Сунцовым…

Большая мраморная доска в церкви Госфорта, описывающая смерть капитана Чарльза Аллана Паркера, Королевского морского пехотинца

…Капитана Паркера опознали по метке на белье и по найденному в кармане носовому платку с вышитой монограммой, а также по щегольской одежде. Золотые ручные часы и подзорную трубу Паркера вручили подстрелившему его сибиряку Сунцову».

Вятские земли когда-то давным-давно входили в Сибирскую губернию, поэтому простим авторам тот факт, что все историки, как и сам командир, доставивший этих солдат на Камчатку для укомплектования 46-го Камчатского флотского экипажа, единодушно считали, что солдаты 12–15 Восточно-Сибирских линейных батальонов являлись исключительно сибиряками.

В очерке адмирала Г.И. Щедрина «Петропавловский бой» Сунцов упомянут даже дважды: «Рекрут сибиряк Сунцов выстрелом в упор убил капитана морской пехоты Паркера. Он тихо подкрался к возвышению, на котором красовался этот командир английских морских пехотинцев, и выстрелил. …С криками “ура” к неприятелю подбежали сибиряки во главе с капитаном 1 ранга Арбузовым и без выстрела ударили в штыки. “В одно мгновение, — вспоминает Арбузов, — до 35 врагов лежали заколотыми, несколько сбросились с высокой скалы… Молодой матрос, француз, остался в плену, ошеломленный падением”. Рядовой Сунцов штыком проложил дорогу к английскому офицеру и заколол его».

Есть и такой вариант: «Рекрут 47-го экипажа Сунцов, заметив английского офицера, метким выстрелом уложил его наповал. Пуля прошла под бородой в затылок, и капитан Чарльз Алан Паркер, “мужественный солдат королевы и Христа”, мгновенно умер со счастливой улыбкой на лице». …Потеряв начальника, английские солдаты пришли в замешательство, а матросы, обескураженные выстрелами и криками со всех сторон, растерялись совершенно. «Перенесенный с одной стихии на другую, матрос подвергается странному изменению, — вспоминал с горечью офицер дю Айи, — он, который на корабле раб дисциплины, с удивительным

хладнокровием переносит все опасности, совершенно изменяется, лишь только оставит свою плавучую отчизну. Храбрость и добрая воля хотя остаются те же, но, в противность рассказу легенды, касаясь земли, он теряет качества, составлявшие его силу. Увлекаясь впечатлением минуты, не зная требований нового для него рода дисциплины, он не способен к службе, в сущности простой, но изучать которую препятствуют долгие и отдаленные походы. Так и здесь, в виду храброго неприятеля, знакомого с местом действия, с превосходной дисциплиной, это была колоссальная ошибка. Мы изведали это горьким опытом» — (А.А. Степанов «Петропавловская оборона. Хабаровск», 1954).

Француз ошибался — новобранцы из 46-го флотского экипажа, как и матросы с фрегата «Аврора», сбросившие англо-французов с вершины Никольской сопки, были здесь так же в первый раз в своей жизни, как и их враги, прибыв в Петропавловский порт лишь на месяц раньше англо-французов.

«Хорошее знание местности позволило маленькому отряду Спылихина оказаться в самом центре неприятеля, и рядовой Иван Сунцов, новобранец из Забайкалья, застрелил Чарльза Паркера, капитана роты английских морских пехотинцев. Этот выстрел, прозвучавший около десяти утра 5 сентября 1854 года, стал переломным в битве за Петропавловск-Камчатский. Потеряв командира самой боеспособной части десанта, противник стал отступать. Вскоре отступление переросло в бегство. Позднее сам командующий обороной Василий Завойко подчеркивал нервный хаос и запал

ВИД ВЯТСКОГО КРЕМЛЯ · СО СТОРОНЫ РЕКИ ВЯТКИ

того боя: “Казалось, минуты наши сочтены… Что было, никто не знает. Опомнились: груды тел, мы в крови, как в луже. Неприятель бежит и знамя нам свое оставил”».

По поводу этого знамени тоже много споров среди краеведов и историков.

В 1664 году английский король Карл II Стюарт приказал сформировать «полк морской службы» — морскую пехоту.

Это, скажем сразу, были элитные и прославленные в боях войска империи.

Вот их символика, которая полностью была воспроизведена на том знамени, которое подобрал на берегу Авачинской бухты поручик Губарев и которое позже князь Дмитрий Максутов, доставивший победную реляцию в столицу Российской империи, бросил к ногам царя: «Лев и корона являются отличительными знаками Королевского полка. Корпусу Британской морской пехоты присвоили статус “Королевский” (Royal) в 1802 г. Надпись “Гибралтар” (Gibraltar) присутствуем на эмблеме в честь захвата и дальнейшего успешного удержания Гибралтара в 1704 г. Лавровый венок был пожалован за отвагу в сражении при Бель-Иле в 1761 г. Глобус появился по указу короля Георга IV в 1827 г. за большое количество боевых отличий в ходе участия Royal Marines в военных конфликтах по всему земному шару. Якорь — это эмблема Высшего Лорда-Адмирала. Была принята как часть символа Морскими Пехотинцами в 1747 г. “Per Mare Per Terram” (По морю и по земле). Девиз Королевских морских пехотинцев был впервые использован в сражении при Банкер Хилле в 1775 г.

Эмблема Королевской морской пехоты является высшим символом для любого морпеха. Именно она украшает знаменитый зеленый берет Королевского морского пехотинца Великобритании».

Знамя — это не кусок материи. Это воинская святыня. Утеря знамени, независимо ни от каких причин, ведет к расформированию воинской части. Так, в 1942 году, когда оборонявшиеся под Севастополем части 25-й Чапаевской дивизии утопили свое дивизионное знамя в Черном море, чтобы оно не досталось врагу, а сами погибли в неравном бою с фашистами, легендарная Чапаевская дивизия была расформирована.

Поэтому сегодняшние рассуждения краеведов и историков о том, какое значение имело это знамя для англичан, которые якобы его использовали чисто символически, просто смешны…

Свое знамя — воинскую святыню — англичане бросили как ненужную тряпку, спасая свои драгоценные жизни, драпая от русских солдат, удирая от них во все лопатки…

После они стыдливо выискивали причины своего поражения.

А причина была только одна — мужество русских парней.

В том числе и земляков Ивана Ильича Сунцова из разных волостей Вятского уезда Вятской губернии.

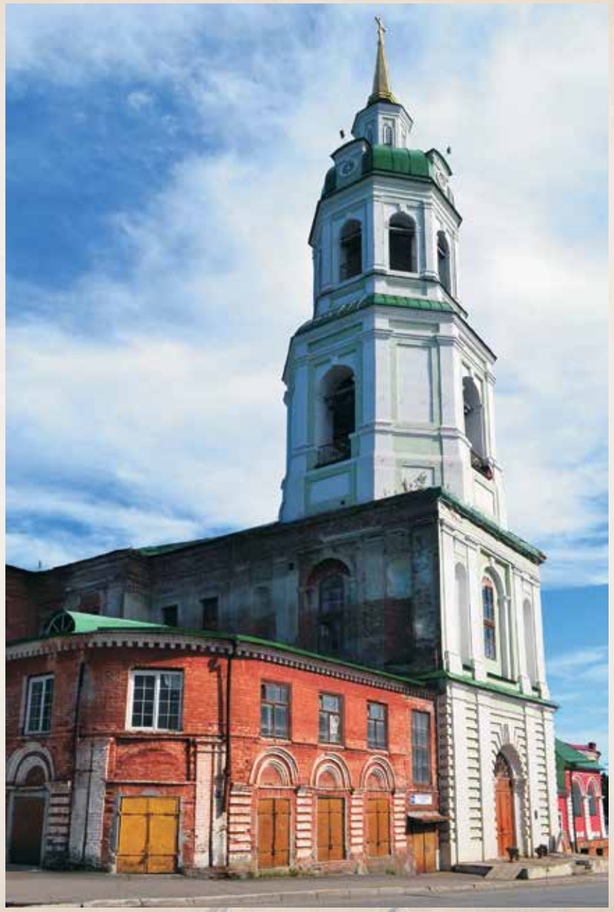
А конкретно это: Агафоновская волость (общества Богатыревское, Киселевское, Надбельницкое, Семушинское): Иван Бармин сын Ермолов (1831), Никон Кощеев сын Лукинов (1831), Михайло Лошкин сын Самсонов (1831), Миней Чирков сын Михайлов (1831); Летовская волость (общества Ашихминское, Могильское, Перемотинское, Чернушинское): Игнатий Комаров сын Никитин (1831), Никифор Лебедев (1830), Николай Новокрещенов сын Климентьев (1831); Лыстанская волость (общества Большерепелазовское, Коноплянское, Поповское, Суслопаровское): Демид Зайцов сын Пантелев (1831), Яков Караулов сын Иванов (1830); Нагорская волость (общества Ключевское, Симахинское, Фищенское): Гаврило Шабанов сын Демидов (1831); Пальничная волость: Макар Соловьев сын Миронов (1830); Пасеговская волость (общества Богоявленское, Вахрушевское, Родиономарфинское): Павел Иванов (он же Гаврилов) (1831); Поломская волость: Казаков Никита Евдокимов (1834), Савва Колесницын сын Михайлов (1832),

Осень на Вятской набережной

Дмитрий Шуряков сын Елизаров (1830), Михайло Мальцов сын Артамонов (1832); Салтыковская волость (общества Востриковское, Высоковское, Гапинское): Иван Клюкин сын Семенов (1830), Тимофей Парфенов сын Петров (1830), Феоктист Копысов сын Игнатьев (1830), Тимофей Широков сын Иванов (1830); Югринская волость: Потап Колупаев сын Тимофеев (1831); Якшинская волость (выделилась из Сулаевской волости, откуда родом Иван Ильич Сунцов, в нее также входили, кроме Якшинского, Лекминское, Родигинское и Северухинское общества): Трофим Корякин сын Ульянов (1834), Прохор Салтыков сын Терентьев (1832), Филип Симанов сын Савельев (1830).

Возможно, кто-то из современных жителей Кировской области и города Вятки встретят в этом списке имена своих далеких родственников.

Вятка, отреставрированная колокольня когда-то величественного Спасского собора, построенного в 1767 г. на месте прежней деревянной Троицкой церкви

Ганальские востряки, архив «Витязь-Тревел»

Герб Камчатской области

ГАНАЛЫ, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Во времена Степана Петровича Крашенинникова это поселение, в отличие от других населенных пунктов коренной Камчатки, которые назывались «острожками» (то есть укреплениями), считалось просто жилищем, «лучшего мужика» которого звали Ганалой.

До середины 18-го столетия «Ганалово жилище» не имело стратегического значения, но со строительством для нужд Второй Камчатской экспедиции Авачинского острога на берегу гавани святых апостолов Петра и Павла, который вскоре стали называть просто Гаванью, потребовалось наладить дополнительную транспортную линию, соединяющую исторические центры Камчатки — Большерецкий, Верхний и Нижний Камчатские остроги.

И вот как это было исполнено: «В прежнее время зимнее сообщение Большерецка с Верхнекамчатском производилось через Петропавловскую гавань по берегу Восточного океана до р. Жупановой или по западному берегу до Облукоминского острога, откуда переваливали через хребет; а летний путь лежал по р. Быстрой в вершину р. Камчатки. Пленеснер по мысли своего канцеляриста Данилова устроил дорогу между этими двумя пунктами через Шеромы, Ганалы, Малку, Апачу и Пущино, запретив езду через Облукоминский острог. Но чтобы этот новый путь был более оживлен, он распорядился переселением на него с берега Бобрового моря из двух Кроноцких и Харчинского селений 60 семейств камчадалов, противу их желания. Переселенцы эти на прежних местах своего жительства преимущественно занимались бобровым и соболиным промыслами, которые вполне обеспечивали их существование. На новом же, совершенно пустынном, месте они лишились возможности снискивать себе даже дневное пропита-

ние и в скором времени в нужде и болезнях все перемерли» (А.С. Сгибнев).

Тем не менее от задачи обеспечения «каюрной гоньбы» (как называли на Камчатке «ямскую» повинность) власти не отказались — и постоянно переселяли камчадалов из дальних мест, не затронутых «оспяным поветрием», в эти важнейшие стратегические поселения центральной Камчатки.

Этот же процесс продолжался и в XIX веке: «В 1841 г. приказом начальника Камчатки было предписано “исъ острасковъ съ Голыгинскаго и Явинскаго въ остроски въ Начику и в ганалы по три человѣка для отбивания там каюрной Гоньби…, с Явиной в Начику 3 человека, а именно: василей дехтерев, Петръ Лукошевский и василей Лукошевский, съ Голыгинскаго селѣния в Ганалы 3 человѣка: Степан Заевъ, Прокопей Марковъ, Илья Сторозевъ”. В 1843 г., как сообщил Апачинский удельный старшина, “съ Явино Камчедалы Петръ и Федоръ с синомъ Николаемъ Лукошевския переведѣны въ Ганалы… на постоянное жительство”. Несколько семей предписывалось переселить из Ичи в Апачинское селение. Е.В. Лукашевский, 98-летний уроженец Ганал, сообщил, что его мать была якуткой, рос он в “круглых широтах” и в жены взял “мэшнуйу туд жы в одном шылени”. Уроженец с. Малки П.Е. Панов точно так же, как и Е.В. Лукашевский и др. большерецкие камчадалы (речь которых специально изучалась), не может быть отнесен к камчатским русским. Большерецкие камчадалы — это обрусевшие ительмены, которые в течение длительного времени смешивались с айнами, а также с русскими и частично с якутами. Иноязычное влияние на русские говоры здесь, несомненно, было иным, чем, например, в долине р. Камчатки. Большерецкие камчадалы находились в более тесной связи с населением Петропавловска и особенно его пригорода, чем, например, отдаленные потомки русских крестьян долины р. Камчатки. Население Петропавловского пригорода пополнялось за счет большерецких камчадалов. Жители с. Начики были переселенцами с западного берега полуострова. Довольно много большерецких камчадалов проживало в 1962 г. в с. Северные Коряки (по течению р. Авачи), куда переселились они совсем недавно» (К.М. Браславец «Диалектологический очерк»).

Благодаря этому исследованию, мы находим Федора Лукашевского (1814), уроженца села Явино, а впоследствии жителя села Ганалы, который в 1855 году откликнулся на призыв военного губернатора Камчатской области Василия Степановича Завойко и прибыл весной 1855 года в Петропавловский порт, чтобы дать отпор врагу.

Историки сообщают нам о причинах появления этой фамилии среди коренных жителей Камчатки: в 1719 году камчатский служилый Максим Лукашевский стал заказчиком Большерецкого острога. Новый приказчик Иван Харитонов прибыл на Камчатку 1 сентября 1719 года морским путем, избрал

Ганальская тундра, www.caas.ru

Селение Ганалы, альбом Б. Дыбовского

местом своего пребывания Верхнекамчатск. При столкновении с восставшими «палланцами» он был убит в начале 1720 года. После смерти И. Харитонова управление в Большерецке взял на себя казак Лукашевский и он же отправил казну в Охотск. ...В 1729 оставлены для сбора ясака в Нижнем — Гавриил Чудинов, в Верхнем — Михаил Сапожников, в Большерецком — Степан Петров. В том же году в Камчатку на смену Петровых послан Иван Новгородов, который оставался приказчиком по 1 января 1731 года, и с ним писчик Мухоплев, служилый Максим Лукашевский и монах Спиридон.

То есть история появления этой фамилии приходится на период, когда первые лица камчатской администрации «братались» через крещение «лучших людей» коренной Камчатки — их вождей (тойонов) и передачи им своей фамилии. Так на Камчатке появились Атласовы, Мерлины, Павлуцкие, Лукашевские.

A MAN of KAMTSCHATKA, TRAVELLING in WINTER.

Вполне вероятно, что примерно в этот же период на Камчатке могла появиться и фамилия другого жителя села Ганалы, откликнувшегося на призыв Завойко — Мартына Шахурдина (1814) — 1 января 1731 года у приказчика Новгородова принял дела в Нижнекамчатском остроге служилый человек Михаил Шехурдин.

Правление Шехурдина приходится на то время, когда значение Якутска меркнет, а разгорается административная звезда Иркутска — и уже иркутское начальство начинает посылать своих людей на Камчатку — так здесь появляются Новограбленные, иркутские (то есть сибирские, без права наследования, дворяне), селенгинский, а впоследствии иркутский, пятидесятник Штинников, и пятидесятник Шехурдин (скорее

Селение Ганалы на реке Быстрой, альбом А. Сильницкого

всего, потомок енисейского казака Васки Михайлова сына Шухурдина — именно енисейские казаки служили в Иркутском остроге. Правда, отмечен был и албазинский казак Пашка Шахурдин, но тот, будучи участником обороны Албазинского острога, после его сдачи перешел на сторону богдойцев — маньчжуров).

Что касается камчатского пятидесятника Михаила Шехурдина, то позже один из вождей бунта камчадалов Федор Харчин сообщал о его «со товарищи» деятельности: «А вышеозначенная де наша измена учинилась от несносных обид, а имянно с бытности камисаров Ивана Новогородова, Михаила Шехурдина с 1730 и с 1731 годов и подьячих их Екима Мухоплюева да Ивана Свешникова. Брали де с нас на один год по два ясака и по три, а кроме ясака с нас берут себе за каждый ясак чащин по три и по четыре лисицы или соболей лисишных, а ежели де у кого чащин купного нет, то берут себе у нас за чащины жен и детей под заклад, а строки пишут на малое время, что нам на такие строки выкупить нечем, и то охолопливают их себе вовсе. А еще де летнею порою посылают к нам закащики за юкольным сбором, сбирают с нас с каждого человека вязки по три и по четыре юколы, а у кого юколы нет, то берут у нас за юколу за вязку по лисице, а ежели и лисицы нет, то последние с нас парки и куклянки. Да еще берут с нас траву сладкую с человека по полтора пуда, а травы у кого нет, то также берут, у кого что увидят. Тако же кипрей, сарану берут повсягодно. Да еще сбирают с нас гуси, утки, а уток по пятидесят [с] человека. А зимою прикащики посылают сбирать с нас рыбу, гольцы и ушканы и всяким с нас берут неокладными и необстоятельными поборы.

А такие поборы собрав и отвозим в острог Нижнекамчадальской мы сами на нашем коште, летом в батах и каюры нашими, а зимой на собаках и на санках наши же. Да еще летом закащики посылают нас в кормовую пору по дрова себе и нас всегда продержат в каюрах. И за иными своими прихотьми, летом не дадут нам в удобное время промыслить к зиме рыбного корму, а зимой не дадут нам и промыслить зверя за своими излишними прихотьми и за необстоятельными с нас поборами.

А за вышеозначенными поборы посылают от прикащиков и закащиков служилые люди и берут с нас себе хоженного со всякого человека по лисице, и за свои они прикащики и закащики и сборщики чащины и другие иные поборы бьют нас батоги и на правеже на смерть, а иные не стерпя такого мучения давились.

И от таких де несносных тягостей и от великих разорениев и обид в такую измену

Река Быстрая

вступили, и в том де я, Фетька Харчин, повинен, а за вину де мою что ея императорского величества укажет».

А вот и итог: «А камисара ж Михаила Шехурдина от смертной казни свободить для того — оной камисар в бытность свою в Нижнем Камчадалском остроге посылал зборщиков служилых людей в разные волости для ясашного збору и приказывал сверх ясаку в чащины по три и по четыре места збирать против прежняго камисара Ивана Новогородова и сам брал себе таких чащин три сорока соболей и лисиц с камчадалских ясашных иноземцов, которые ясак платили при остроге сами собою, також гуси и утки и ушканы, рыбу голцы збирать велел же, — и в том он, Шехурдин, с розыску и с пытки во всем винился. И за показанные ево Шехурдина к ясашным иноземцам раззорения по силе имянных же Ея И. В. указов учинить наказание — вместо смерти бить кнутом нещадно и дать сто ударов без спуску. И взятые оным камисаром Шехурдиным собранные им и приносные от зборщиков чащины на нем камисаре доправить, а ежели взять на нем нечего, то доправить на выборных, которые оного камисара Шехурдина в Якуцку выбрали на Камчатку камисаром».

Но жадность камчатских приказчиков имела и причинно-следственную обусловленность: «Выяснилось также, что к ограблению ительменов были причастны якутские воеводы. Один из них, И.И. Полуектов, назначив на Камчатку ясачным комиссаром И. Новгородова, взял с него взятку в 700 руб. (сумма по тем временам огромная — 140 годовых жалований рядового казака. — *С.В.*), а с комиссара М. Шехурдина получил, уже после его возвращения, 300 руб., 200 лисиц, 30 соболей и 4 бобра».

И ниточки тянулись далее, в первопрестольную…

И кстати, к истории, связанной с пушной коррупцией в Московском государстве, имеет самое прямое отношение еще

один человек, потомки которого, вероятно, и оставили на Камчатке свою фамилию, носителями которой стали еще одни жители села Ганалы, отозвавшиеся на призыв военного губернатора В.С. Завойко о защите Петропавловского порта — Андрей (1816), Тимофей (1822) и Иван (1823) Елагины.

В 1629 году Федор Елагин был в чине тобольского казачьего головы. И вполне вероятно, что его потомок, сын боярский Яков Елагин, служивший в Енисейске, в 1697 году пишет письмо красноярскому воеводе Семену Ивановичу Дурново с паническими слухами о том, что происходит в Москве в борьбе за власть, чьи головы летят и чего нужно опасаться им самим (не забывая о соболиной торговле):

«[1697 г., июля 8]. — Челобитная енисейского сына боярского Я. Елагина Государю милостивому ко мне отцу и благодетелю Семену Ивановичу скормленик твоей пребогатыя трапезы и раб милости твоей Якушко Ялагин рабски челом бьет. Божию, милостию буди, государь, здрав на множество лет и буди покровен десницею вышнего Бога. Челом, государь, бью на твоем жалованье, что жалуешь, ко мне, убогому, чрез писанейце чинишь весно в своем многолетном здоровье. Пожалуй, государь, впредь не учини меня, убогова, в забвение, прикажи ко мне, убогому, писать про свое многолетное здоровье, а я, убогий, и со всем своим домишком со усердием желаю слышать про твое многолетное здоровье и всего твоего благодатного праведнаго дому. А если, государь, изволишь напамятовать про нас, убогих, я в Енисейску з домашними своими июлия 8 день еще обретаемся в живых, а впредки Бог волен. Известно тебе, государю, буди, приехали с Москвы илимской казак да князя Иван Михайловича Гагарина люди. А сказывали про сыщика, что де еще из Нарыма не пошел, а стал грузитца. Да оне же; государь, сказывают, что на Москве великий государь казнил много людей и боярских детей, князя Ивана Борисовича сына Троекурова, Льва Кириловича брата, а по Голицына послали для тово ж, и Резанова ис Тобольска взяли. А Осипа Татаринова везут за приставом в Енисейск, а давать ему очную ставку с Михаилом Игнатьевичем в животах князя Ивана Петровича. Да прислана, государь, грамота о соболях: до августа до перваго числа соболями торговать, а после того никому не купить, ни продавать, а хто станет купить или продавать, и у тех людей те соболи имать на великого государя безденежно, ни потскоров, ни пупков, ни хвостов отнут не продавать. И буде, государь, у тебя не избыты, и ты, государь, пришли, не помешкая, а я их за твою милость избуду. Да помилуй, государь, что я о чем у тебя милости просил преж сего о тех же соболях, не презри моего прошения, пожалуй, пришли, а я на твою милость отеческую надежен. По сем тебе, государю, рабски челом бью. А князя Ивана Борисовича Репнина сына ево большева послали в научение в немцы, а князь Иван Борисович еще в Сибирском приказе, а сказывают, что де одряхлел, носят в креслах. А князю Михайлу Яковлевичю Черкаскому сказано, государь, в Тоболеск, и росправа всякая будет в Тобольску, а из городов воеводам писать отписки к нему, а к Москве ни о чем не писать и челобитчиков в Москву не пропущать, все вершить ему, и росправа всякая ис Тобольска во все городы. А какие иные вести будут, и я тебе, государю, буду писать [...] Пожалуй, государь милостивый батко, буди милостив с подьячим, також и которые сидят с тобою в осаде».

Фамилию сибирских казаков Елагиных при крещении получили камчадалы селения Кихчик.

Но точно такая же фамилия была и в селении Авача — и вполне вероятно, что в последнем случае она также знаменовала собой знак братания одного из авачинских тойонов и первостроителя Петропавловского порта на берегу Авачинской бухты штурмана, псковского дворянина Ивана Фомича Елагина.

Впрочем, и тобольский казачий атаман, и енисейский сын боярский, и штурман Камчатской экспедиции могли быть из одного дворянского, то есть служилого, древнего новгородского (а позже казанского, калужского, курского, московского, нижегородского, псковского, рязанского, санкт-петербургского, тульского, тамбовского, владимирского, костромского) рода Елагиных.

Их крестники — камчадалы Елагины — тоже служили Родине и отозвались на зов не только губернатора Василия Завойко, но и Петропавловского окружного начальника Антона Петровича Сильницкого в период Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Но в промежутке между этими двумя событиями снова произошло переселение: Филипп Андреевич Елагин (1847) в 1880 году был перечислен из Ганальского селения в Пущинское (указ от 2 декабря 1880 года). И уже его сын — Андрей Филиппович, житель села Пущино, участвовал в обороне Камчатки от японцев.

Вместе с Федором Лукашевским были переселены из села Явино в Ганалы «на вечное житье» его родники — Петр и Василий Лукашевские. А в народном ополчении сражался с японцами сын Василия Лукашевского — Егор Васильевич (1864).

В мае 2017 г. жители с. Гижига отметили 265-летие своей малой родины

Герб Иркутской губернии

ГИЖИГИНСК (ИЖИГИНСК), ОХОТСКАЯ ОБЛАСТЬ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

«За отсутствием Охотского Начальника, Статского Советника М.И. Миницкого, управляв Охотским портом около года, я имел случай извлечь сии известия из подлинных дел, хранящихся в Охотском Архиве», — пояснил причину появления на свет замечательного исторического очерка «Известия о Гижигинской крепости» ее автор князь Александр Егорович Шаховской, командир Охотского порта и Камчатки (которая подчинялась в то время Охотску) в 1817 году.

С позиций человека современного не может не удивить самая первая фраза его очерка: «Гижигинская крепость есть одно из значительных приморских заселений в северовосточной Сибири. Главное в Камчатке место, Петропавловская гавань, при всех пособиях Правительства, по сие время не сравнилось с нею, ни важностию торговли, ни числом домов, ни многолюдством».

В примечаниях он уточняет: «В Гижигинской крепости жителей м. и ж. пола 700 человек; в Петропавловской гавани не свыше 500. Из Гижиги вывозится товаров ежегодно на 50 000 рублей; из Петропавловской гавани на 25 000 рублей. Но не смотря на то, Петропавловск всегда будет важнее Гижиги по пребыванию в нем главного Камчатского Начальства, по превосходной гавани и удобности своего положения».

И далее мы цитируем этот интереснейший и небольшой по объему очерк, о котором мало кто знает.

Герб Ижигинска

«Не прежде 1753-го года положил основание крепости Сержант Абрам

Гижигинская губа, Охотское море

Игнатьев, пришедший сухим путем из Ямска с отрядом Козаков.

Две были причины, по коим признано необходимым построение по морскому берегу, как Гижигинской, так и других небольших крепостей: во первых, дабы обезопасить сухопутное сообщение России с Камчаткою, и во вторых, чтобы постановить преграду возмущениям Коряков, которые случались тогда столь часто, что название Немирных, сделалось для сих инородцев обыкновенным.

Первые беспокойства, принадлежащие к описываемому здесь времени, открылись между ними еще в 1744-м году; а чрез два года после того произошло общее возмущение кочующих и оседлых Коряков, которые осенью в 1746-м году соединенными силами напали на Акланский острог, возобновленный только за четыре года пред тем, и умертвили бывшего в Акланске начальником Сержанта Ивана Енисейского с находившимися там Козаками, коих было, как кажется, не менее 20-ти человек; и потом многие другие жестокости и убийства производили. Таким образом убиты были ими несколько Тунгусов, посыланных для склонения бунтовщиков к повиновению, какой то проезжий Архимандрит или священник с одним причетником, и другие, так что сообщение по сухому пути между Охотском, Камчаткою и Анадырском, в продолжение десяти лет, почиталось невозможным, по неминуемой от Коряков опасности.

После многократных увещании к послушанию, Правительство принуждено было наконец, для усмирения непокорных, употребить силу; и в следствие сего в 1747-м и в следующих годах Сержанты Игнатьев, Белобородов и Брюхов, под начальством которых находилось в последствии

более 180-ти Козаков (кроме Тунгусов, также в сем походе участвовавших), имели с Коряками несколько сшибок. Отразив их от Ямской крепостцы, они пошли далее, и на пути к реке Гижиге, по Указу Правительствующего Сената, основали в 1751-м году крепостцу на реке Тумане, в расстоянии 400 верст от реки Гижиги; потом, продолжая военные действия, в 1752-м году на реках Вилиге и Таватаме также сделали укрепления; наконец, пришед на реку Гижигу, и там построили крепость. Но крепостцы Туманская, Вилигинская и Таватамская, по некотором времени были уничтожены, а Гижигинская, по способности водяного с Охотском сообщения, приходила мало по малу в лучшее состояние. Акланский же острог, сею крепостию замененный, после 1746-го года возобновляем более не был; и теперь даже неприметно место, где он был построен. Но только с того времени Тигильская крепость, в Камчатке находящаяся, присвоила себе его имя, так что в делах тогдашних, она чаще Акланском, нежели Тигилем называется (здесь нужно пояснить — с образованием новых уездов был создан и уезд Акланский с уездным центром в несуществующем Акланске, поэтому администрация уезда разместилась в Тигильской крепости. — *С.В.*).

Многие из сих происшествий уже изгладились из памяти Коряков, теперь около Гижиги живущих; но воспоминание о Сержанте Абраме Игнатьеве и по сие время между ними сохраняется, может быть потому, что Игнатьев, по своей строгости, был всем им весьма страшен. Они дали Игнатьеву на-

Надгробные плиты на Гижигинском кладбище

звание огня или огненного, рассказывают о делах его много чудесного и выдуманного, приписывают ему волшебство и всеведение; нет сомнения только в том, что ему более других должна принадлежать честь совершенного присоединения Коряков к Российской Державе. — Усмирение сего неспокойного племени последовало за основанием Гижигинской крепости вскоре, не взирая и на то, что не за долго перед тем временем, Чукчи одержали некоторую поверхность над нашими войсками, разбив отряд храброго Маиора Дмитрия Павлуцкого, потерявшего жизнь вместе с сражением.

Лет чрез десять после основания Гижиги, посланный в Анадырск Подполковник Плениснер представлял на вид Начальству, что по Анадырскому уезду с 1760-го по 1763-й год было собрано с Ясашных в казну мягкой рухляди, по оценке на 181 рубль 76 копеек, а на то же трехгодичное время, для содержания там войск, употреблено 87.879 рублей и копейка, и сверх того доказывал, что чрез содержание в Анадырске большого числа войск, Якуты, доставлявшие для сих войск провиант, приходили в бедность и истощение, и потому полагал, чтобы во избежание великих и бесполезных на содержание Анадырска расходов, половину войск оттуда вывесть. По сему предположению, подкрепленному представлением Тайного Советника Соймонова последовало в 1764-м году Высочайшее повеление о совершенном уничтожении сего города. Тогда Анадырская команда, состоявшая из 588-ми человек, разделена была в Гижигу в

Амурские археологи на месте раскопок Старой Гижики (Гижигинска)

Место раскопок Гижигинска, левый берег реки Гижига

Нижне-Колымск, в Тигиль и прочие крепости, а Присутственные места и чиновники переведены в Гижигинскую крепость. Сие переселение продолжалось до 1770-го года; и с сего-то времени Гижигинская крепость приметно увеличилась и называлась потом несколько времени городом, имея свои уезд и все городовое управление.

Православный священник из Гижигинска, 1901 г. Снимок из фондов Джезуповской экспедиции. AMNH. N.G. Buxton

Цветущее состояние Гижиги было в промежутке времени от 1775-го до 1800-го года. Тогда прибыточный вымень звериных кож у инородцев, привлек туда из России многих торговых людей. Стоявшие около крепости в близком расстоянии Коряки с бесчисленными табунами оленей, доставляли оной изобилие во вкусном оленьем мясе и в мехах. Деятельная торговля щедрою рукой рассыпала богатства на сие новое поселение. Довольство вещей и самого золота везде было приметно. Но с 1800-го года произошел там весьма приметный упадок в торговле, по причине откочевки Коряков от Гижигинской крепости, из которых иные удалились в северные места к реке Анадыру, другие перешли в Камчатку, к Тигильской крепости.

Нередко самые благодетельные действия для общего блага, могут иметь некоторые невыгодности для частного. Таким образом, вредное для Гижиги удаление Коряков произошло от заключенного в 1781-м году между Рускими и Чукчами примирения. До того времени Чукчи, сколько по склонности к хищничеству, столькож и по врожденной неприязни к Корякам, часто нападали на них, отбивали у них многочисленные стада оленей, брали жен в плен, а самих их лишали жизни. Для Коряков оставалось одно прибежище: защита Руских; а дабы пользоваться всегда оною, необходимо нужно было кочевать в самом близком расстоянии от крепости. Но с заключением Чукотского мира кончились их опасения. При договоре постановлено было Чукчам в обязанность, не нападать на Коряков, как Российских верноподданных; и Чукчи с 1781-го года доныне свято сохранили сие условие. С того времени Коряки, не страшась по прежнему опасных для них врагов, стали отдаляться от крепости, сначала за реку Пенжину, потом еще далее, а с 1784-го года начались и первые их переселения в Камчатку. Главная же часть находящихся ныне там Коряков откочевала около 1800-го года.

О числе войск, бывших в Гижиге до 1812-го года, в делах Охотских обстоятельных сведений не отыскано. Известно только, что во время пребывания в Камчатке так называемого Камчатского баталиона, одна рота оного постоянно находилась в Гижиге. Солдат и Козаков было тогда в сей крепости более 200 человек. Когда же в 1812-м году, для уменьшения казенных издержек, употребляемых на Камчатку, последовало Высочайшее соизволение, вывесть Камчатский баталион из Гижиги, Камчатки и Охотска распределив часть оного по разным тамошним командам, тогда утвержден был штат, доныне существующий, чтоб иметь в Гижиге не свыше 100 Козаков при 5-ти урядниках.

Любопытно заметить, что не взирая на уменьшение войск, от 588-ми до 100 человек, издержки на содержание оных и по сие время не покрываются теми доходами, которые из сего края извлекаются. Сколь ни разнообразны счеты сего содержания, однакож, по справке с делами, весьма близко к истине полагать можно, что существование Гижигинской крепости, с войсками, чиновниками и с мореходным судном, ежегодно

Вид на реку Гижига, слева виден поселок (Новая) Гижига

туда посылаемым, обходится ныне казне до 80 000 рублей; доходов же с Гижигинской округи, причисляя к тому и часть питейного сбора, на Коряков падающую, получается не свыше 15 000 рублей.

В 1816-м году находились в Гижигинской крепости следующие деревянные строения: церковь 1, часовня 1, казенных домов и магазинов 8, частных домов, не включая лавок, 68. — В сей крепости ни рва, ни валу не находится, и укрепления оной состоят единственно из обнесенного кругом строений палисада и трех или четырех пушек. Но сии укрепления, при сотне хорошо вооруженных Козаков, достаточны содержать в тишине 10 000 Чукчей (мужеского и женского пола. — *К.Ш.*) и 3 000 других инородцев, населяющих Гижигинскую округу и Чукотский нос. — Жителей, мужеского и женского пола всех состояний, в 1816-м году находилось в сей крепости 650 человек, и зимовавшей морской команды с женами и детьми 46, всего 696 человек. А в прежнее время состояло в оной домов 98, жителей м. и ж. пола 791 человек.

Выше упомянуто, что назад тому лет 20, торговля в Гижиге упала против прежнего; однакож, судя по малому населению того края, ее и теперь можно почитать довольно важною.

Современный поселок (Новая) Гижига расположен в 25 км от Гижигинской крепости (острога)

Ввоз товаров из Охотска в сию крепость, по ценам Охотским, был: В 1817-м году на 42 000 рублей. В 1818-м году на 43 000.

Вывоз из Гижиги в Охотск по тем же ценам: в 1817-м году на 51 000 рублей. В 1818-м году на 49 000.

Ввозимые товары суть: табак, необходимый для вымена мягкой рухляди, чай, сахар, съестные припасы, котлы и железные вещи, также для торговли с инородцами, свечи, мыло и проч. — Сверх того к ввозу должно причислить кроме означенных товаров и доставляемую на казенный счет ржаную муку, ежегодно от 4-х до 5 000 пудов, соль, порох, свинец и откупное хлебное вино; всего сих казенных припасов почти на 50 000 рублей ежегодно. — Вывозимые товары из Гижиги: соболи, лисицы, белки, моржовая кость, оленьи кожи, песцы, куньи (из куниц) парки и проч.

Теперешние торговые прибыли, по согласному свидетельству Гижигинского купечества, уменьшились против прежних по крайней мере на половину; но не взирая на сие, по собранным мною сведениям оказалось, что в Гижиге, единственно от торговли, снискивали себе в 1819-м году пропитание 67 душ м. и ж. пола, и что, судя по цене ржаной муки, которой пуд там стоит в вольной продаже от 10-ти до 12-ти рублей, сим людям для содержания потребно было по крайней мере до 13 400 рублей.

Прежде сего в Гижигинской крепости золотая и серебряная монета были весьма обыкновенны. Притом, от изобилия во всем, большая часть жителей носили шелковые фанзовые рубашки; женщины одевались в парчовые епанечки с богатым меховым воротником, на голову повязывали шелковые плашки, золотом и серебром шитые, и не только перчатки, но даже комнатные оленьи сапоги украшали искусным золотым и серебряным шитьем; Козаки имели на куклянках стоячие собольи воротники, а на подоле оных бобровую опушку; наконец все без изъятия привыкли к употреблению чая. Теперь осталась одна тень прежнего изобилия.

Удаление Коряков от крепости и постигший Гижигинскую округу четырехлетний (в 1815–1818 годах) голод, от невхода морской рыбы в реки, произвели в сей крепости множество бедных. Хотя торговый перевес, по вышеозначенному вывозу и ввозу товаров, и кажется простирающимся до 7 ½ тысяч в пользу Гижиги; но поелику за продаваемую от казны муку, порох, соль, и за откупное вино ежегодно переходит из Гижиги в Охотск более 10 000 рублей, то звонкая монета и даже ассигнации уменьшились в Гижиге до крайности».

Через тридцать лет, когда в эти края прибыл на боте «Камчадал» чиновник по особым поручениям при губернаторе Камчатки Карл фон Дитмар, ситуация с каждым годом все более и более ухудшалась.

«29 июня (1853 гда. — *С.В.*) день выдался хороший, ясный. Уже рано утром г. Х. (начальник уезда. — *С.В.*) повел меня по городу, который производит впечатление неописуемой глуши, мертвенности и убогости. Ижигинск лежит под 62 градусов с. ш. на левом берегу реки Ижиги и состоит из верхней, расположенной повыше, и нижней, лежащей на низине, частей. В верхней части города возвышаются просторно расставленные и расположенные в некоторое подобие широких улиц казенные строения, несколько магазинов для муки и соли, пороховой погреб, дом исправника, Окружное правление и несколько частных домов более зажиточных купцов с хозяйственными пристройками, конюшнями и кладовыми. Все эти дома безыскусственно и грубо срублены из бревен и от времени и погоды приняли грязный темно-бурый цвет. Нигде не видно заборов — нет ни дворов, ни огородов. Одни простые срубы возвышаются над бесконечной, плоской, безлесной тундрой, и между ними можно собирать мох, вереск…

…Нижняя часть города очень похожа на верхнюю; только постройки здесь меньше, беднее и более разбросаны. Почти ни у одного дома не было печных труб, а в окнах вместо стекол были вставлены перепонки из кишок или слюдяные пластинки. Зато здесь находилась деревянная церковь, единственная в этом местечке, и на более защищенных, впрочем, тоже не огорожен-

Гижига, семья священника

Гижига, Спасская церковь, 1890-е гг.

ных местах были посажены кое-какие овощи — картофель, капуста, репа и редька.

В этой, нижней, части города жили казаки со своими семьями и несколько совсем обедневших купцов. И здесь, точно так же, как и в верхней части, немало домишек стояли пустыми и потому совсем развалились, что еще больше увеличивало печальное впечатление пустыря, которое производит все это место. В недавние времена правительство обратило внимание на ужасающе-хищническое отношение местных казаков и купцов к кочующим инородцам и приняло, вследствие этого, очень крутые меры, чтобы положить предел бесчинству. Это, однако, отбило охоту к житью здесь у многих торгашей, которые потому навсегда оставили Ижигинск, и теперь только пустые дома свидетельствовали о том, что прежде население было больше. При нашем посещении в Ижигинске было 233 души мужского пола, в том числе 50 казаков, и 242 — женского. Меньшинство всего этого народа было еще чисторусского происхождения, и это относится, главным образом, к торговому люду. Большая часть, как почти все казачьи семьи, представляла помесь, возникшую от смешанных браков русских с туземцами. Чистая русская речь слышалась нечасто; напротив, язык пересыпан чуждыми словами и оборотами и искажен инородным выговором. Особенно распространены языки коряцкий и тунгусский; все жители не только понимают эти языки, но и бегло говорят на них».

А вот и самое главное: «На каждом шагу меня осаждали просьбами, высказывая желание перебраться в Петропавловский порт.

Ижигинск на карте (около 1802 г.). В результате затоплений рекой Гижигой город трижды перемещался. В 1909 г. Гижигинск во второй раз в своей истории утратил статус уездного города

Дело в том, что Завойко высказался за переселение большей части здешних казаков с семьями, и вот этот-то народ и нужно было теперь водворить на тендер. Это известие распространило среди обывателей радостное возбуждение, и все собирались бросить Ижигинск, чтобы уйти от здешнего печального существования».

«Ижигинские казаки, которых нужно было доставить по приказанию губернатора в Петропавловский порт, явились со всем своим скарбом и с семьями, и все это водворено было на судно. На небольшой тендер приходилось принять, включая женщин и детей, 63 пассажира, помещая всех их в трюм. Так как, кроме воды для питья, никакого груза больше принимать не предстояло, то мы, собственно говоря, были готовы к отплытию, а между тем, нельзя было тронуться, так как всеобщее пьянство — от капитана до последнего матроса — разрушило всякую дисциплину.

14 июля, когда экипаж проспался от хмеля, с раннего утра усердно принялись за работу, и к полудню тендер был готов к отплытию».

«Суденышко не было приспособлено для пассажиров и имело лишь две совсем маленькие каюты для экипажа и капитана; поэтому ижигинцев с их женами и детьми поместили в большой трюм. Там они разлеглись со всей своей поклажей на угле, и так как в трюме не было окон, а люки приходилось в бурю, когда волны захлестывали на палубу, запирать, то они сидели там совсем впотьмах, в ужасающей атмосфере и нечистоте. Притом все страдали морской болезнью. Вода для питья была дурная, и ее уже было израсходовано очень много. Сварить нельзя было почти ничего, и потому пища была очень плохой. Ужасно

было, когда от времени до времени открывали люки, чтобы пустить несколько свежего воздуха к этому жалкому и больному люду, валявшемуся в грязи и потемках. Ужасающие испарения неслись оттуда, и внизу видны были болезненные лица. Я думаю, что получил понятие о том, что такое происходит на работорговческих судах. Просто чудо, что нам не приходилось выбрасывать за борт трупы. До Тигиля судно не проделало еще далеко и половины всего пути, а между тем, в конце концов, все без исключения добрались до Петропавловского порта. Чудинов понял, что в Тигиле нужно сделать стоянку, чтобы дать оправиться людям и забрать с собой свежей воды и свежего провианта. Замечательно, что в эти бурные дни животная жизнь на море замерла, и за все время не было видно ни птицы, ни зверя».

Далее К. фон Дитмар последовал сушей, а гижигинцы продолжили свой путь в бухту Сероглазка, где для них по приказу В.С. Завойко были построены жилые дома.

В Петропавловской обороне гижигинцы в основном своем составе принимали участие уже как казаки из Сероглазки.

Но были и другие их земляки.

Например, из архивных материалов нам становится известным имя бывшего гижигинского казака Василия Яковлевича Толстихина, который служил в Гижигинской крепости с 1832 года и был переведен в Петропавловскую казачью команду за год до переезда основного состава. Они с братом Николаем Яковлевичем были участниками Петропавловской обороны, а потом оба были переведены в Тигиль, где обзавелись большими семействами, особенно Василий Яковлевич, у которого было пять сыновей.

Среди участников обороны Петропавловского порта был Николай Васильевич Котельников (возможно, это его предок — пятидесятник Ефрем Котельников в середине 18-го столетия служил в Анадырской крепости, а потом был переведен в Гижигу). В кратком послужном списке есть такая запись: «Из унтер-офицерских детей, с 1830 г. в Гижигинской сотне, с 1852 г. переведен в Камчатскую казачью команду, с 1842 по 1846 г. находился при Гижигинском рейде лоцманом для привода и вывода судов, по приказу Ком. Петроп. Порта от 1 марта 1853 г. № 34 за незнание порядка службы и дисциплины разжалован из пятидесятников в рядовые казаки». Но видимо участие в сражении было ему зачтено, и он был восстановлен в чине.

Вполне вероятно, что гижигинским казаком был и Петр Корюкин, участник Петропавловской обороны — в Гижиге в эти же годы проживала семья крестьян Корюкиных, которые, возможно, прежде были в казачьем сословии — таких семей было в Сибири после многочисленных реформирований казачьих войск «тьма тьмущая».

В период Русско-японской войны в народном ополчении на Камчатке состоял казак Алексей Петрович Корюкин (1887).

В 1830 году в Гижиге родился Филипп Кириллов сын Красовский, солдатский сын,

Пенжинская губа

который в 1836 году был определен в Охотскую адмиралтейскую команду, в 1850 году переведен в Охотский, а затем в Камчатский флотский экипаж и служил на корвете «Оливуца», на котором в мае 1855 года участвовал в сражении в заливе Де-Кастри, где русскому флоту с эвакуированным военным гарнизоном Петропавловского порта противостояла англо-французская эскадра из брига, фрегата и пароходо-корвета.

Известны также еще два имени гижигинских казаков, которые не могли не принимать участие в Петропавловской обороне, но сведений о которых почти не сохранилось.

Первый — казак Зиновьев, о нем упоминает Карл фон Дитмар. Вполне возможно, что Зиновьевы — это линия ссыльного племянника гетмана Левобережной Украины якутского казака Михаила Зиновьева сына Многогрешного Черкашенина, который в свое время был приказчиком Камчатки.

А второй Кобелев — это тоже возможная линия первого камчатского приказчика Тимофея Родионовича Кобелева, потомки которого, обосновавшиеся в Анадырской крепости, оказались сначала в Гижиге, а потом и на Камчатке…

Среди камчатских волонтеров был и гижигинский мещанин Алексей Михалев (1803).

Минуло пол века…

Внук Василия Яковлевича — Петр Иннокентьевич Толстихин (1858), г. Петропавловск, казачий урядник — участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 годов, был награжден Георгиевским крестом IV степени (№ 171307) за защиту бобровых лежбищ на мысе Лопатка от японцев в 1904 году.

В составе Тигильской дружины защищали Камчатку от японцев Григорий Васильевич (1864), Афанасий Иннокентьевич (1863), Василий Иннокентьевич (1875) Толстихины. В составе Облуковинской дружины был Константин Михайлович Толстихин.

Но судьба у этого казачьего рода Толстихиных, прибывших в свое время на Камчатку из Забайкалья, была трагичной в годы Советской власти.

Вот протокольная запись о судьбе старшего из этого рода на то время — это 1932 год: Петр Иннокентьевич Толстихин освобожден из Хабаровской тюрьмы ввиду «преклонного возраста, тяжелой болезни и малозначительности и отсутствия вредных последствий от совершенного преступления». Но до Камчатки он так и не добрался — умер где-то в пути в возрасте семидесяти четырех лет…

25 мая 1938 года расстрелян Петр Петрович Толстихин (1902 г. р.) — его сын; в этот же день расстрелян и Василий Иннокентьевич Толстихин (1875), его родной брат.

14 декабря 1937 года приговорен к 10 годам тюрьмы Иннокентий Афанасьевич Толстихин (1902), дальнейшая судьба его неизвестна.

Как «социально вредный элемент» Нестор Афанасьевич Толстихин (1894) лишен «права проживания в 39 режимных местностях бессрочно», умер в Красноярске, в ссылке.

К трем годам лишения свободы по делу «Автономная Камчатка» приговорен 1 января 1934 года Николай Михайлович Толстихин (1888). Сведений о дальнейшей судьбе нет.

Гижигинская губа

Но в годы, когда на нашу страну обрушились самые страшные испытания, связанные с вероломным нападением на Союз Советских Социалистических Республик немецко-фашистских захватчиков, потомки гижигинских казаков Толстихиных, как и весь советский народ выступили на защиту своей Родины.

12 октября 1942 года в боях за Советскую Родину погиб Иван Васильевич Толстихин (1918), уроженец села Колпаково. В декабре 1943 года пропал без вести красноармеец Павел Петрович Толстихин (1914) из Тигиля. 16 марта 1944 года был убит в бою его земляк Модест Васильевич Толстихин (1921).

19 февраля 1945 года награжден медалью «За отвагу» брат Модеста Михаил Васильевич Толстихин (1915). Награжден посмертно — умер от ран 16 февраля 1945 года.

Медалью «За отвагу» (21.10.1943), орденом Красной Звезды (20.07.1944) и орденом Отечественной войны II степени был награжден Николай Петрович Толстихин (1918), также впоследствии погибший в боях с фашистами.

Медалью «За отвагу» (07.06.1945) награжден Григорий Васильевич Толстихин (1915).

18 августа 1945 года в последнем кровавом сражении Второй мировой войны на острове Шумшу приняли участие в составе Курильского десанта: Альбион Васильевич Толстихин (1926), с. Тигиль; Анатолий Васильевич Толстихин; Анатолий Феоктистович Толстихин (1926), с. Колпаково, награжден медалью «За отвагу»; Василий Васильевич Толстихин (1923), с. Тигиль; Георгий Николаевич Толстихин, с. Тигиль, медаль «За отвагу»; Григорий Николаевич Толстихин (1922), медаль «За отвагу»; Иннокентий Николаевич Толстихин (1917), медаль «За боевые заслуги».

Остров Шумшу, останки японской техники

Герб Камчатской области

КИРГАНИК, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

У С.П. Крашенинникова об этом острожке всего буквально несколько строк: «…иноземческой острожек, Кырген называемой, строения в нем одна юрта, 8 балаганов, ясашных иноземцов 7 человек, в том числе собольников 4 человека. Тойон называется Нашак».

Русские переиначили название в Кирганик.

В период массового крещения камчадалов в Кирганике было зафиксировано четыре фамилии: Осьминин, Черных, Шелковников, Чюркин. Казак Андрей Чуркин (Чюркин) был в это время толмачем и сопровождал Камчатскую духовную миссию.

Карл фон Дитмар, чиновник по особым поручениям при камчатском губернаторе В.С. Завойко, путешествуя по Камчатке, познакомился с жителями села Кирганик: «Кырганик расположен в очень привлекательной местности, близ леса. 9 домов, составляющих это поселение, производят впечатление порядка. У жителей (31 мужчина и 26 женщин) имеются 30 голов рогатого скота, 4 лошади и обширные огороды.

Мы встретили радушный прием в чистом доме тойона Пермякова, где я познакомился с несколькими престарелыми местными охотниками, которые всю свою жизнь пробродили по обширной части страны и потому могли сообщить мне множество ценных географических указаний. Один из них, отец нынешнего тойона, был очень стар (по его собственным словам, ему было уже более 90 лет); другой, прежний тойон острога Афанасий Чуркин, также был старше 70 лет. Рассказы обоих очень согласовывались между собой и взаимно дополняли друг друга. Данные, сообщенные выше об Ичинской сопке и ее окрестностях, заимствованы из рассказов этих стариков; из того же источника я почерпаю еще нижеследующее.

Старый Пермяков очень живо вспоминал еще о времени (в пору управления Камчаткой майора Бема, прибывшего сюда в 1773 г.), когда самый оживленный путь между Петропавловском и Нижнекамчатском шел еще вдоль восточного берега, а не так, как теперь, с громадным обходом — через долину реки Камчатки. Пермякову пришлось несколько раз проехать по этому пути и неоднократно побывать во многих больших острогах, лежавших вдоль старой дороги. Теперь там всюду безлюдно и мертво. Сперва (в 1768 г.) там произвела страшное опустошение оспа, а затем начальники края насильственно перевели остатки населения в долину реки Камчатки. До только что

Жилище камчадалов, альбом А. Сильницкого

упомянутой сильной эпидемии оспы существовало оживленное сообщение как между острогами, находившимися в долине реки Камчатки, и западным берегом полуострова (через перевалы Срединного хребта), так и — да еще в большей мере — с восточным берегом Камчатки, через восточные горы. Таким образом ездили в Петропавловск, на реку Жупанову, на Кроноцкое озеро и во все места по Великому океану».

«Старого Чуркина нетрудно было уговорить принять участие в путешествии, потому что едва только я сделал ему такое предложение, в душе старого горячего охотника проснулась страсть к охотничьим приключениям. С удивительной быстротой сделал он все распоряжения к путешествию, и уже после обеда лошади, седла и даже провизия были готовы и лежали на месте.

Ближайшим утром надо было тронуться в путь. Дорожное общество, кроме меня, состояло из казака Климова, Чуркина и камчадала Михайлова. Нам предстояло теперь идти в совершенно ненаселенную горную часть Камчатки, на что могло потребоваться месяц времени. Вечер мы проболтали с Чуркиным за чаем, причем я имел случай получить несколько интересных сведений, которые мне не хотелось бы оставить без упоминания. Рассказы Чуркина касаются главным образом восточного берега Кам-

Камчатская ездовая

Камчатский бурый медведь

чатки и относятся к тому отдаленному времени, когда там еще всюду были большие населенные пункты и жители этой, мертвой в настоящее время, страны находились в сношениях с жителями долины Камчатки. Так, говорят, что в устье реки Семячика находилось раньше большое камчадальское местечко с часовней и школой для детей жителей. Один раз в устье реки приходило небольшое судно с провизией ученикам. В какое именно время все это было, я не мог узнать достоверно, но мне кажется, что это должно быть раньше той ужасной оспенной эпидемии (1768), которая в несколько месяцев совершенно обезлюдила страну.

В то время часто пользовались дорогой от Толбачи на Часму (река и очень населенное место восточного берега) по холму, поросшему березой, а также дорогой от Толбачи чрез истоки Хапичи на Ключи, далее дорогой от Чапины на Кроноки и Часму и, наконец, от Ключей над истоками Хапичи в Часму. Около Часмы было открыто соленое озеро, которое было настолько богато солью, что русские из Нижнеколымска (Нижнекамчатска. — *С.В.*) солили там рыбу во множестве. Чуркин странствовал не только на восточном берегу, но совер-

шал свои охотничьи поездки также и в Срединном хребте. Так, об истоках Кирганика он рассказывал, что эта река вытекает из двух озер, из которых одно дает начало ручью, впадающему в реку Ичу, так что здесь существует сплошной воды путь от реки Камчатки к Охотскому морю. Другой исток Кирганика близко подходит к истокам реки Оглукомины. В своей молодости Чуркин видел там одного лося, и около Еловки, как он полагает, был убит еще другой. Однако случаи появления этого зверя здесь очень редки. И здесь также повторяют басни о двухголовых лососях, которые будто бы живут в одном озере в Валагинском хребте, повторяют и сказание о ковчеге, который стоит будто бы на высокой горе близ Машуры, равно как и рассказы о том, будто бы в седой древности на горном узле Тимаска во время великого потопа спасались люди».

Вот таким, самым причудливым образом переплетались между собой библейские и камчатские легенды.

Собственно, и саму фамилию Чуркиных тоже можно признать легендарной.

Судите сами: «Л.Н. Жеребцов в книге “Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами”, выпущенной издательством “Наука” в 1982 г., пишет: “Кроме руководителей отрядов — Федора Чукичева, Дмитрия Зыряна и Богдана Зырянова, которые, вне всякого сомнения, были

Река Камчатка осенью

выходцами из края коми, в составе отрядов встречаются Д. Падерин, Лыткин, С. Авраамов, В. Пермяков, Ф. Чуркин, Ф. Пермяк, Д. Гуляев, Гилев, К. Юдин, М. Коновалов, К. Королев, С. Протопопов, Ф. Ветошкин, Вижемцев, Т. Боголюбов, И. Катаев, М. Колесов и десятки других. Какая-то часть носителей этих фамилий тоже могла быть коми, тем более те из них, которые носили весьма характерные прозвища: Сысолетин, Вычугжанин, Пермяков, Зырянов. В отряде Е. Хабарова участвовали Тренька Зыренин и Калинка Зырянин… В выдающемся морском походе С. Дежнева вокруг Чукотки — Иван Зырянин и Фома Пермяк…”».

Хотя возможна и другая версия — родоначальником енисейских, а затем и якутских Чуркиных, был известный землепроходец енисейский казак Федор Чурка (или Чурочка), он же и Чуркин, который мог иметь фамилию по названию реки Чурка, как, например, Пинегины или Пинежины по Пинеге. Река Чурка находится в бассейне реки Вилюй: «Путь из Мангазеи на Лену лежал по Нижней Тунгуске и по притоку Тите; далее волоком переходили на реку Чурку, впадающую в реку Чона — приток Вилюя, по которому и выходили на Лену».

Часть кирганикских Чуркиных была переселена в Козыревск (и мы к ним вернемся в соответствующей главе).

А вот второй фамилией, сохранившейся до революции в Кирганике, была фамилия Пермяковых — одна из самых известных фамилий Сибири.

Коми-пермяки и коми-зыряне были первопроходцами в истории освоения Сибири. Они первыми преодолели Камень (Уральские горы) и были проводниками в походе Ермака Тимофеевича, а впоследствии — участниками практически всех крупных промышленных экспедиций.

На Камчатке свое имя камчадалам оставил казак Ефим Пермяков — участник легендарного открытия Аляски экипажем бота «Святой Гавриил» в 1732 году.

При С.П. Крашенинникове капрал Ефим Пермяков был заказчиком Верхнекамчатского острога. Поэтому не случайно его фамилия при крещении осталась в самом крупном поселении верхнекамчатского присуда — Машуре, а затем появилась и в Кирганике.

На призыв губернатора В.С. Завойко в 1855 году откликнулись и пришли защищать Петропавловский порт Константин (1811) и Феоктист (1834) Пермяковы. Позже мы находим Феоктиста Титовича в селе Машура (вероятно, на своей исторической родине).

Племянник Феоктиста Титовича — Арсений Герасимович Пермяков — был участником народного ополчения в период Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Рыбалка в Олюторском заливе

Герб Камчатской области

КИЧИГА, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Это селение было самой северной точкой, откуда пришли в 1855 году защищать Петропавловский порт народные добровольцы.

Карл фон Дитмар отмечал в своих походных записях: «...к северу от укинцев (река Ука на северо-восточном побережье Камчатки. — *С.В.*) живут олюторцы, коряцкое племя, уже гораздо более похожее на бродячих коряков и более родственное им. Олюторцы также почти все живут у моря, большею частью в поселениях, расположенных при устьях одноименных рек. В административном отношении они делятся на две группы: живущие на юг от мыса Олюторы принадлежат к Петропавловскому округу, а живущие на север от того же мыса — к Ижигинскому. Они еще не настолько цивилизовались, чтобы пользоваться порядочными домами, а все продолжают жить в небольших земляных юртах. В расстоянии приблизительно 100 верст от Караги лежит первое поселение олюторцев — Кичига с 10 юртами и с населением из 73 душ мужского и 76 женского пола. На половине пути к Кичиге приходится перейти через береговую речку Тамлат, вытекающую из озера; на берегах ее имеются горячие ключи и залежи серы. Отправляясь далее, достигают мыса Ильпинского, перед которым лежит островок Верхотуров; и мыс, и островок находятся против северного конца острова Караги. Затем, переправившись через реку Анапку (с поселением того же названия), проходят мимо небольшого мыса Говенского и достигают устья реки Вивники с поселением Вивники; это место верстах в 150 от Кичиги. На той же реке, но выше по течению и далее вглубь страны, расположено второе небольшое селение — Витвей. Направляясь от Вивников далее берегом моря, приходят к находящемуся в 60 верстах оттуда небольшому

поселению Теличиге и затем к более значительным деревням Култужной, Олюторе и Аспотке, из которых последняя лежит уже очень близко от мыса Олюторского».

Каким образом Касьян Варганов, пятидесятитрехлетний житель села Кичига, оказался в числе добровольцев, пришедших в Петропавловский порт, остается за кадром. Но факт есть факт — это имя в списке награжденных бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 годов.

Фамилия человека, который при крещении оставил эту фамилию на Камчатке, встречается нам лишь однажды — это был драгун Иван Варганов, служивший на Чукотке, который был послан в 1715 году на Камчатку с новым приказчиком — пятидесятником Алексеем Петриловским. В 1748 году драгун Иван Варганов проживал в Нижнекамчатском остроге и участвовал в крещении как камчадалов (об этом наш рассказ впереди), так и коряков — в том числе и олюторских, в Кичиге.

Ключевская сопка — самый высокий вулкан Евразии

Герб Камчатской области

КЛЮЧИ, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

История этого населенного пункта Камчатки — одна из интереснейших, потому что связана своими корнями с двумя этапами колонизации полуострова — военной (казачьей) и мирной (крестьянской).

Именно здесь, на правом берегу реки Камчатки, напротив устья реки Еловки, и появились первые зимовья, которые известны в истории под названием Нижне-Камчатских.

Река Камчатка, окруженная со всех сторон величественными вулканами, самый большой из которых не имеет себе равных на континенте Евразия, по весне сбрасывают с себя снежный покров, и река Камчатка, не справляясь с потоками так называемых «сухих» рек — безводных в другой период времени, — выходит из берегов, затопляя все окрест. Год на год не был похожим, весны на Камчатке обычно затяжные и холодные, снег тает долго, и вода скатывается с гор медленно, но бывает и наоборот — наступают жаркие дни, и «сухие» реки сметают все на своем пути, в том числе и человеческое жилье. Поэтому и на правобережье Камчатки ко времени Первой Камчатской экспедиции в 1727 году оказалась целая россыпь небольших поселений, объединенных общим названием Нижнекамчатск, включающих в себя и собственно сам острог, и казачьи зимовья.

Обычно появление в Сибири новых поселений связывают с казачьими походами. Но это не совсем верно. Практически повсеместно в период колонизации Сибири впереди казачьих отрядов шли артели зверопромышленников, которые и вели разведку местности, строили зимовья, начинали освоение новых земель. А казаки закрепляли эту землю за Россией, начиная собирать ясак с коренного населения и десятую долю

«упромышленного зверя» с промышленников. Конечно, не обходилось без столкновений.

Поход Атласова на Камчатку как раз и был таким — закрепляющим господство русских над этой территорией.

А освоение Камчатки шло к тому времени уже довольно активно — промышленные артели пробирались сюда и по суше — с рек Пенжины и Вывенки (Олюторы), и по морю — знаменитое посещение бассейна реки Камчатки в 1662 году Иваном Меркурьевым Бакшеевым Рубцом и целовальником Федотом Лаптевым, основавшими известное и во времена С.П. Крашенинникова Федотовское зимовье в верхнем течении реки Камчатки, где позже обоснуется атласовский казак Потап Серюков со своим отрядом, состоящим из казаков, промышленников и юкагиров.

Известно, что в этот же период какие-то промышленники охотились в бассейне

Современный поселок Ключи основан на месте крупного казачьего острога Нижнекамчатск, сожженного в 1731 г. во время бунта, поднятого камчадалами под предводительством Федора Харчина против непомерно высокой ясачной пошлины. Город Ключи Усть-Камчатского района был преобразован в поселок Ключи Законом Камчатской области № 169 от 26 апреля 2004 г.

реки Еловки — одного из крупнейших притоков реки Камчатки в нижнем ее течении. Некоторые краеведы и историки пишут, что Нижнекамчатск располагался в устье реки Еловки, но те места постоянно заполнялись водой, так что строить какое-либо жилье никто бы здесь не стал. А вот напротив этого устья, на противоположном берегу, зимовья действительно стояли.

Что такое зимовье? Это большой дом, точнее, казарма для временного проживания группы людей.

Но, как водится у нас издавна на Руси, нет ничего более постоянного, чем нечто временное.

Зимовья превращались в остроги в тех случаях, когда их жителям грозила смертельная опасность. Тогда вокруг зимовья возводился либо частокол из заостренных сверху бревен, либо — крепостная стена с бойницами. И в этом случае укрепленное зимовье превращалось в острог, в крепость.

Историки не отмечают случаев гибели промышленников в доатласовский период. Их просто никто не считал, смерть их не фиксировалась, поэтому никакой статистики не велось.

Владимир Атласов во время своего камчатского похода, как известно из его собственных «сказок», решил нагнать страху на коренных жителей Камчатки, чтобы сразу всем здесь стало ясно, кто в этом «доме теперь хозяин»: «И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались».

И естественно, нижнекамчатские камчадалы затаили зло на русских.

В Верхнекамчатске, где три года находился Потап Серюков, у казаков не было никаких проблем с местным населением — им и ясак платили, и позволяли охотиться.

Тимофей Кобелев, первый официальный приказчик Камчатки, сообщает о том, что он, прибыв на полуостров в 1702 году, заложил Нижнекамчатское зимовье как первое казачье поселение в тех местах. И Крашенинников это подтверждает.

Вот что сообщает Степан Петрович: «Тимофей Кобелев, прожив на Камчатке

года с полтора, поставя в Верхнем остроге закащиком Семена Ломаева, поехал назад в Якуцк с ясашною казною, а путь его был из Верхнего острога батами до устья Еловки реки, и вверх по Еловке батами, а осеновал он в новопостроенных укинских зимовьях. На усть-Еловке оставил он несколько человек вольницы и велел им зимовья построить и ясак збирать с шантальских иноземцов, которые в то время еще неплатенные были».

Укинские зимовья были построены по приказу анадырского приказчика ссыльного черкашенина Михаила Зиновьевича Многогрешного, который впоследствии был назначен камчатским приказчиком и пришел на смену Тимофею Кобелеву в 1703 году.

И далее, согласно свидетельствам, собранным С.П. Крашенинниковым, дело обстояло следующим образом: «Из укинских зимовей Михайло Черкашенин, взяв с собою Андрея Кутьина и несколько человек его партии, пошел весною нартами на Камчатку и, пришед до речки Еловки, Андрея Кутьина в 40 человеках послал вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов, а сам с малыми людьми поехал в Верхней Камчатской острог.

Андрей Кутьин с товарыщи, отошед верст с 50 от речки Еловки, такое имел несчастие, что камчадалы врасплох на него напали и человек с пять из них убили, а потом как они справились, то камчадалы в острожек свой, Тушашеры называемой, засели, к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин.

Ясак и деньги. Художник А. Гаристов

Оттуда возвратился оной Кутьин в Верхней Камчатской острог без всякого успеху. И следующей весны поплыл по Камчатке реке со служивыми людьми, и всех живущих по Камчатке немирных камчадалов в ясач привел, иных ласкою, а иных войною, возвратился в Верхней острог. Едучи в оной острог, ясашную избу и зимовья с Еловки реки перенесть велел на Камчатку реку, а завел острог немного повыше ключей, а ниже Еловки расстоянием верст с 5. И поставил им закащика Ивана Поливанова. Того же лета, оставшие в укинских зимовьях, служивые Кутьнной партии просили письменно прикащика Черкашенина, чтоб их перевесть на Камчатку, по которому их прошению оной Черкашенин с Уки на Камчатку их перевел, и поселил в новопостроенном Нижнем остроге вместе с оставленными от Кобелева служивыми.

По возвращении в Верхней острог Андрея Кутьина с товарыщи, прикащик Чер-

Село Ключи, альбом А. Сильницкого

кашенин августа 6 дня отправил служивых 15 человек на Большую реку к служивому Данилу Беляеву, он же Имикыз, которой на Большой реке от ясашных зборщиков остался и живет там своевольно, и велел оным служивым на Большой реке острог построить и аманатов с тутошных камчадалов побрать, которые, пришед на Большую реку, той же осени ясашную и казенной анбар и зимовья построили».

То есть в 1703 году Нижнекамчатское зимовье и ясачная изба были по приказу Кобелева все же построены. И именно на 1703 год приходятся планы казака, пришедшего на Камчатку с Кобелевым, Петра Федоровича Козыревского покорить Ключевскую сопку. А собирал он ясак в бассейне реки Коль (приток реки Камчатки), которую его сын назвал в честь отца Козыревкой. И не он ли — Петр Федорович — и руководил строительством Нижнекамчатского зимовья?

В отряде Многогрешного на Камчатку пришли казачьи дети, набранные Атласовым в Тобольске, Томске и Енисейске, поверстанные в Якутске в казаки. Та часть отряда Владимира Атласова, которая избежала наказания за грабеж купеческого дощаника на Ангаре, за что Атласов и десять человек из его отряда были посажены в тюрьму.

Погибли, по нашим данным, не пять, а шесть человек.

Яков Дурынин сын Корнилов (девятая пятидесятня Якутского казачьего полка) — потомок тобольского атамана «новокрещеной сотни» Ивана Самойлова сына Дурыни.

Амос Баташков — возможно, из томских казаков Баташковых.

Афанасий Заплетаев — из рода якутских казаков Заплетаевых.

Осип Долгополов — также из якутских казаков.

Григорий Ворыпаев — выходец из известной торгово-служилой сибирской корпорации Ворыпаевых.

Федор Туман — вполне возможно, как и Дурынин, тобольчанин из атласовского набора.

В том же году умерли от ран: Иван Антропов; Василий Беляев; Савва Бронников — тобольчанин; Сава Нецветаев (шестая пятидесятня); Иван Никифоров; Федор Ушаров — тобольчанин.

А далее события развиваются следующим образом: сменивший Многогрешного приказчик Василий Михайлович Колесов в связи с реальной угрозой нового нападения местных камчадалов примерно в 1704–1706 годах «построил козельчатой же острог мерою кругом тритцать сажень, в вышину полтретьи сажени».

Но место было выбрано неудачно: «в Нижнем Камчадалском остроге, где постав-

Атласов, фрагмент, художник Ю.Е. Колдаев

лен острог и ясашное зимовье и дворы служилых людей, и то де место повсегодно топит водою, и вода де на том месте бывает от земли в вышину в аршин и в иных местех и в полтора аршина, и стоит та вода в Нижнем Камчадалском недель по пяти и по шти».

В 1707 году из Верхнекамчатска в Нижнекамчатск бежит лишенный власти бывший камчатский приказчик Владимир Атласов.

В 1711 году его здесь убивают восставшие казаки, в числе которых был Иван Петрович Козыревский. Следовательно, Владимир Владимирович похоронен где-то в здешних местах.

В 1713 году приказчик Иван Енисейский переносит острог на новое место: «При нем на Ключах (близ устья речки Уачхачь) был построен новый острог, причем вместо прежних стен, “составленных из тонких жердей козельчатых, подобных огородному частоколу”, поставили тыновые бревенчатые стены. В 4–5 верстах ниже острога по р. Камчатке, на речке Ключовка, была воздвигнута церковь во имя Николая Мирликийского Чудотворца, первая на Камчатке».

То есть, переводя с русского на русский, на самом деле построили острог в 4–5 верстах от Ключей.

Поселок Ключи. Памятная доска в честь первопроходца Камчатки Владимира Атласова

Но и Енисейский избрал место, до которого также доставали «сухие» речки. В 1726 году, как сообщает А.С. Зуев, казаки подали новое прошение: «В прежних годах от Нижнекамчатского острога вниз по р. Камчатке версты с 4 построена в урочище Ключах вновь церковь Николая Чудотворца, а мы живем в Нижнекамчатске от церкви в дальности вверх по Камчатке и без указу сплавить казенные и наши дворы к церкви не смеем; а где ныне острог, ясачное зимовье и наши дворы место низкое, вешнею водою топит и в воде жилье стоит недель по шести; а на ключах Никольской церкви место высокое и по сему повелено б острог, ясачную избу и наши домы туда переплавить».

Именно это место, где располагалась церковь, в журнале Первой Камчатской экспедиции так и называется — Ключи.

А сам Нижнекамчатский острог, подчеркнем это еще раз, располагался в 4-х верстах выше по реке.

Во время Первой Камчатской экспедиции 1727–1729 годов ни о каком дальнейшем переносе острога на новое место нигде не сообщается.

Но Крашенинников говорит об обратном: «…в бытность свою, кроме правления всяких дел и ясачного збору, заложил (Иван Енисейский. — *С.В.*) на ключах церковь с тем намерением, чтобы со временем Нижнему Камчатскому острогу быть на оном месте, что и воспоследовало: ибо казаки не в долгом времени переселились на новое, а прежнее место неспособно к строению потому, что около оного болота, и что оно водою понимается. И стоял нижней Камчатский острог на том месте до главного в 1731 г. учинившегося Камчатскаго бунта; а во время бунта сожжен купно с церковью и со всеми строениями».

Тогда возникает вопрос: какое из поселений, называемое Нижнекамчатским острогом, сжег в 1731 году Федор Харчин? Известно, что первый дом, который подожгли восставшие, чтобы выманить казаков и перебить их, когда они будут заняты тушением огня, был дом священника Николаевской церкви — иеромонаха Иосифа Лазарева, а он, естественно, должен был находиться рядом с церковью — то есть в Ключах.

А позже восставшие камчадалы укрепляют «старый» острог, разобрав трапезную и несколько домов, как пишет А. Зуев, а все казачьи дома вокруг него сжигают.

Слово «старый» говорит о том, что острог, как укрепление, находился на старом месте — там, где его построил Иван Енисейский. И казаки впоследствии, как опять же утверждает А.С. Зуев, штурмовали именно этот острог, расстреливая восставших из пушек.

Но тогда какой смысл разбирать церковную трапезную, чтобы возвести вторую стену «старого» острога, если до него целых четыре версты?

Логичнее «старый» острог спалить вместе с казачьими домами, а из трапезной и разобранных домов в Ключах создать новую (а не вторую) стену для обороны?

Но А.С. Зуев приводит цитату из документа: «…пошли на острог от церкви прямо, и начали рубить и ломать полисад». И сам же добавляет: «пристроенный к старому острогу». Потом из проломов в стене начали выходить восставшие, сдаваясь в плен.

Сопротивлялись только несколько человек, засевшие в ясачной избе и казенных амбарах, где находился порох, который якобы и взорвался, в результате чего начался пожар, уничтоживший весь острог, за исключением церкви, которая находилась вне острога.

А у Крашенинникова четко прописано другое: «И стоял нижней Камчатский острог на том месте до главного в 1731 г. учинившегося Камчатскаго бунта; а во время бунта сожжен купно с церковью и со всеми строениями».

Да, действительно, церковь после первого пожара еще стояла. Но после того как казаки оставили Нижнекамчатск и пошли в поход на тех восставших, которые бежали с места событий, то, воспользовавшись безопасной ситуаций, еловские и ключевские камчадалы устроили и второй пожар и сожгли и церковь, и остальные казачьи дома.

И нужно было где-то зимовать.

Тогда была дана команда на устье реки Камчатки, где стоял бот «Святой Гавриил», «построить «государев» двор, часовню, ясачную избу и казенный амбар».

А в 1732 году был заложен новый Нижнекамчатский (первоначально Нижнешантальский) острог в устье реки Радуги.

Таким образом завершился первый этап в истории Ключей.

* * *

Почти одновременно начался второй этап истории села: часть ключевских камчадалов (вероятно, тех, кто был наказан по итогам расследования причин Харчинского бунта) выселили на реку Козыревку, а на реке Ключевке поселили несколько семей крестьян.

Одной из первых известных нам ключевских фамилий была Голых: сведения о ней относятся к 1773 году, когда был сформирован отряд зверопромышленников для плавания на боте «Святой Евпл» на Алеутские острова, в составе которого был Кирило Петров Голых — «Нижнего уезда деревни Ключевской крестьянин».

Изучая историю сибирского казачества, мы постоянно наблюдаем эту фамилию среди енисейских и якутских казаков, что позволяет нам предположить: а не были ли ключевские крестьяне прежде казаками, переведенными за разного рода проступки в разночинцы, а затем в крестьяне?

В период царствования царя Петра такая практика «расказачивания» и «окрестьянствования» применялась в Сибири повсеместно, почему бы не применить ее и на Камчатке?

Столь же характерна для сибирской казачьей истории и фамилия Курдюмский, которая появляется в Тобольске вместе с польско-литовскими военнопленными еще в 17-м столетии, позже казачий сын Василий Курдюмский был обозначен и в камчатской истории, а в Камчатском гарнизонном батальоне служил в гренадерах Василий Гаврилович Курдюмский, который мог остаться в Ключах после расформирования этого батальона, как, например, это сделали Чудиновы, о которых мы рассказываем ниже, или Юрьевы.

Одной из самых распространенных фамилий ключевских крестьян была Ушаковы. В 1745 году в камчадальском острожке Каменном (в бассейне реки Камчатка, недалеко от Ключей) при крещении появляется эта фамилия, хотя крестьяне в крещении камчадалов участия не принимали — обычно духовную миссию сопровождали казаки. И мы действительно встречаем эту фамилию среди камчатских казаков 18-го столетия.

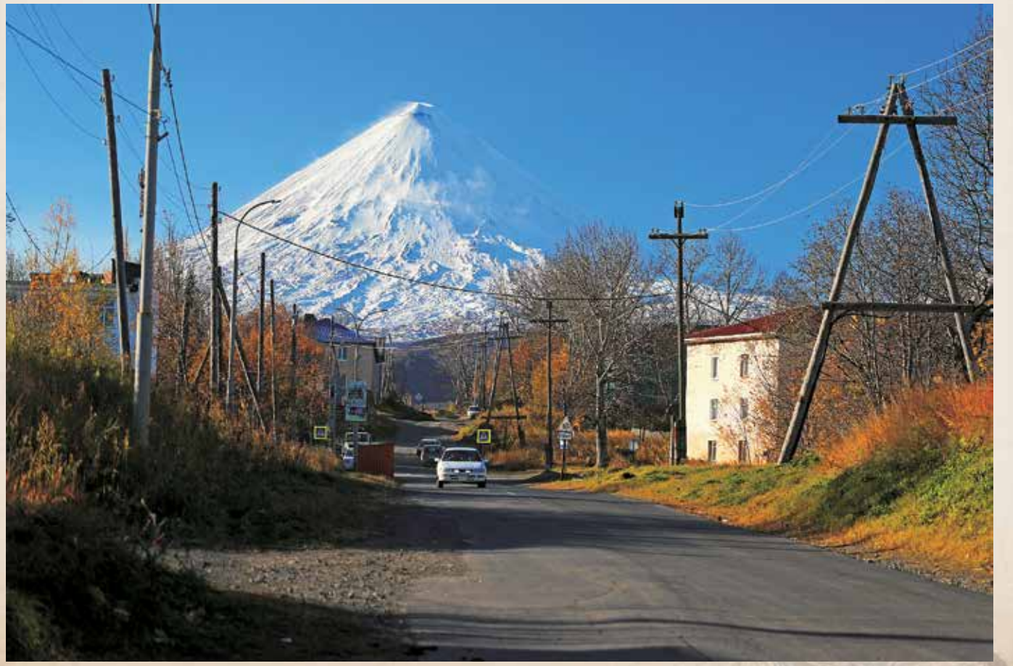
Любопытно и появление здесь фамилии Штильниковы (Штинниковы) — за свои злоупотребления на посту приказчика Камчатки по приговору походной розыскной канцелярии был повешен иркутский пятидесятник Андрей Штинников, а приказчики, как правило, приезжали на Камчатку в окружении своей ближайшей родни, которой также хотелось обогатиться за счет своего высокопоставленного родича. Это, конечно, версия, но пока она никем не опровергнута, тем более что Андрей Штинников появляется на Камчатке в 1723 году, задолго до событий, связанных с Харчинским бунтом, и вполне вероятно, что он прибыл сюда не один, а с семьей, или обзавелся семьей здесь.

В какой-то мере мои предположения о первопоселенцах Ключей подтверждает и рассказ еще одного представителя старинной ключевской фамилии, записанный Карлом фон Дитмаром в середине XIX века: «Особенно интересно было для меня знакомство с одним очень старым жителем Ключей, более чем 90-летним крестьянином Удачиным, воспоминания которого уходили в очень давнее время. Отец его родился в Вологде и уже лет через 25 после Атласова поселился в Камчатке, где умер от оспы в 1768 [г.], именно в ту страшно опустошительную эпидемию, которая и теперь еще играет очень важную роль в летоисчислении камчадалов. Сам Удачин родился около 1760 г. в Нижнекамчатске. К сожалению, его воспоминания были очень сбивчивы и, главным образом, вертелись около второстепенных мелочей, так что, в сущности, почерпнуть из них можно было лишь очень мало. Но общий характер старины, все страшные неистовства казаков по отношению к камчадалам старик передавал очень живо и вполне согласно с историческими памятниками. Сущность его рассказов сводится к следующему. Удачин подтвердил известия Миллера и Крашенинникова о большом восстании камчадалов в 1731 г. Он рассказывал, как многочисленные толпы камчадалов, особенно же ключевские и еловские, под предводительством своего героя Харчина напали на русских вечером Ильина дня и перерезали их, как те же камчадалы хитростью захватили и сожгли поселение казаков пониже Ключей, тогда населенных исключительно камчадалами

ПУТЕШЕСТВІЕ
по
КАМЧАТКѢ
въ 1851—1855 гг.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторический отчет по путевым дневникам: с раскрашенным видом, двумя картами и 32 политипажами в тексте. Имп. Акад. наук, 1901 г.

и составлявших старинную, пользовавшуюся большой славой деревню их, как далее они подвергли той же участи Нижнекамчатский острог. Спасся только один русский, доставивший печальную весть на суда, собравшиеся у устья реки Камчатки для похода против чукчей. Команда с судов поспешно направилась в Ключи, и после ряда кровавых битв русские взяли вверх. Спустя несколько лет из Якутска прибыл полковник Василий Мерлин с множеством солдат и произвел страшно строгий суд над камчадалами и казаками, предав смертной казни множество тех и других. Дед Удачина с материнской стороны, приобретший печальную известность казак Никифор Колыгов,

Ключи, фото Ю.Демянчук

также был приговорен к смертной казни, но откупился несколькими соболями.

После подавления бунта все камчадалы были прогнаны из Ключей и переселены в Козыревск, находящийся выше по реке. В Ключах же водворились русские, частью из Нижнекамчатска, а еще более с берегов Лены, так что с 1740 года это чисто русская деревня».

Полностью подтверждает нашу историческую версию пример с ключевской фамилией Чудиновы.

Чудиновы — нижнекамчатские казаки. Гаврила Чудинов был избран в 1731 году казаками походным атаманом для подавления бунта камчадалов.

Казачий сын Иван Гаврилович Чудинов был направлен архимандритом Иоасафом Хотунцевским, главой Камчатской духовной миссии, в Тигиль учителем в молитвенный дом — и эта фамилия появляется в Тигиле. Внук Гаврилы — Иван Петрович — служил сотником в Нижнекамчатске. Его брат — Николай Петрович, служивший в Камчатском гарнизонном батальоне, после расформирования батальона остался как «военнопоселенец» жить в Ключах. И не он один — здесь же поселился Виссарион, родной или двоюродный брат Ивана Петровича. Но другие братья продолжали службу — например, дети Михаила Николаевича Чудинова — Андрей и Гурий — стали прославленными моряками-тихоокеанцами. Алексей Николаевич — матрос 46-го Камчатского флотского экипажа принимал непосредственное участие в обороне Петропавловского порта в 1854 году.

А на следующий год, когда военный губернатор Камчатки Василий Степанович Завойко обратился с призывом к местному населению прийти с оружием в Петропавловский порт, чтобы дать новый отпор врагу, на этот зов откликнулись и ключевские крестьяне.

Вот список имен тех из них, кто впоследствии был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 годов: Иван Висарионович Чудинов (1820 – 07.02.1896); Николай Алексеевич Чудинов (1830); Никифор Штильников (1827); Януарий Николаевич Штильников (1819); Василий Юрьев (1827); Андроник Голых (1823); Еввод Докучаев (1822); Иван Кречетов (1812); Илья Иванович Кречетов (1825); Герасим Рыков (1826); Захар Рыков (1830); Андриан Васильевич Ушаков (1825); Аким Ушаков (1810); Егор Ушаков (1817); Иван Ушаков (1812); Леонтий Сергеевич Ушаков (1826); Сильверст Ушаков (1895); Федор Петрович Ушаков (1825); Христофор Семенович Ушаков (1825).

Зима в Козыревске

Герб Камчатской области

КОЗЫРЕВСК, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

После Харчинского бунта 1731 года на реку Козыревку были переселены бунтовщики — ключевские камчадалы, тойоном которых был Голгоч — дядя руководителя бунта Федора Харчина.

И это было сделано не случайно.

Вот как историк А.С. Зуев описывает события после разгрома камчадалов в захваченном ими Нижнекамчатском остроге: «Вскоре к Машурину острожку подошли Голгоч и Урил. Они планировали, набрав на рр. Шапина, Козыревка и Машурина новые силы, идти к Верхнекамчатску, чтобы захватить его. Но, увидев в острожке служилых людей “в опасном карауле”, отказались от своего замысла. Вероятно, в их рядах возникли разногласия по поводу дальнейших действий, так как Урил с 10 чел. откололся от Голгоча и поплыл на батах вниз по Камчатке, а Голгоч с 10 чел. направился к Козыревскому острожку. Последний за отказ присоединиться к “измене” был разгромлен, часть его жителей Голгоч “неволей” включил в свой отряд. С Козыревки Голгоч пошел на Шапину и “тамошним иноземцам великие разорения зделал, кормы их и жилье прижег, а иных и приколол”, после чего вернулся на Козыревку, где погиб...»

Существует несколько версий о причинах его гибели. По одной из них — его убили те самые камчадалы, которых он силой принудил примкнуть к своему отряду — жители Козыревского и Щапинского острожков.

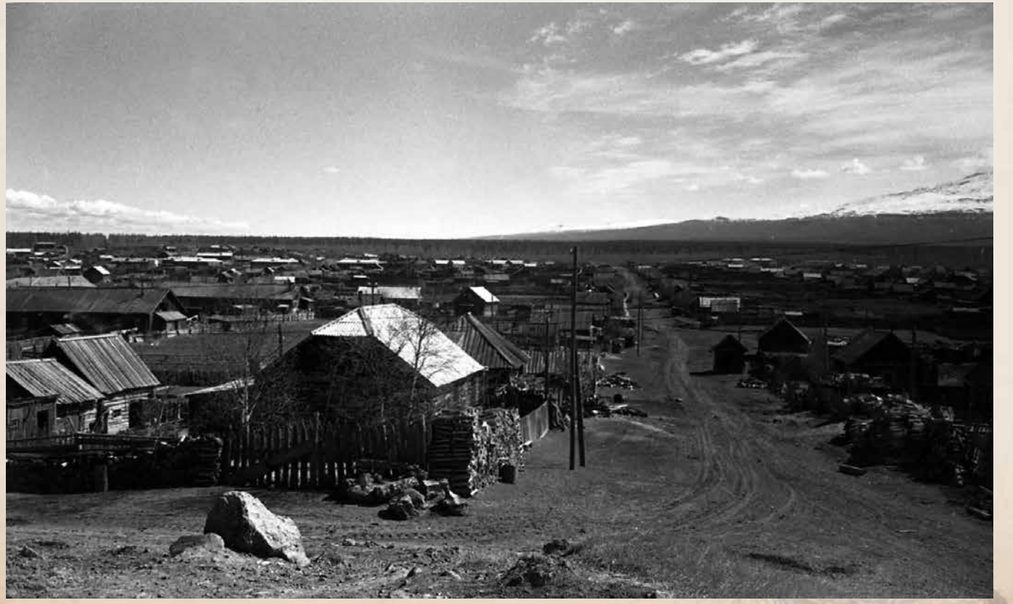
Но и ключевские камчадалы не прижились в здешних местах — в результате двух эпидемий селение обезлюдело.

Да и впоследствии, после переселения в здешние места других коренных камчадальских и русских старожильческих семей, село не развивалось.

Карл фон Дитмар в 1850-х годах отмечал: «В 8 часов мы достигли Козыревска, расположенного на самой р. Камчатке. К сожалению, острог этот стоит на таком низком месте, что часто терпит от наводнений. Уже три раза жители острога переносили свои дома, но всякий раз так неосмотрительно, что улучшения от того не последовало. В прошлом году, не говоря о других опустошениях, здесь утонули три лошади, что составляет в Камчатке почти невозвратимую потерю».

Среди новых жителей Козыревска были Чуркины из Кирганика.

В числе козыревских охотников-добровольцев, откликнувшихся на призыв губернатора В.С. Завойко защитить Петропавловский порт от «супостата», был Герасим Чуркин (1825) — возможно, на самом деле его звали Гавриилом Ивановичем, который

Козыревск, 1972 г.

Острый Толбачик, фото Алексея Н., forum.awd.ru

впоследствии был старостой Козыревска. А вторым добровольцем был Василий Иванович Чуркин (1835).

Еще одним охотником-добровольцем из Козыревска был Евстафий Метевский (1818).

Согласно архивным материалам эта фамилия зафиксирована в основном на западном побережье и несколько в ином написании — Хметевские. Их крестным отцом был морской офицер Василий Андреевич Хметевский, который начинал свою карьеру в составе Второй Камчатской экспедиции. Он вместе с Иваном Елагиным, будучи в штурманском звании, прибыл на Камчатку, чтобы отыскать место под базу для экспедиции. Василий Хметевский занимался исследованием устья реки Камчатки и вполне вероятно, что по этой причине его фамилия появляется и среди новокрещенных камчадалов Машуринского острожка, откуда, по всей видимости, (Х)Метевские и попали в Козыревск. Впрочем, это не исключает и возможность переселения Хметевских с западного побережья полуострова в центральную его часть — такие случаи также отмечены в архивных материалах.

Впоследствии Метевские были переведены в селение Толбачик, и Иван Викторович Метевский представлял уже это село в народном ополчении Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 годов.

А из рода Чуркиных в народном ополчении принимали участие двое жителей Козыревска — Иннокентий Андреевич и Петр Яковлевич Чуркины и один кирганинский — Петр Емельянович Чуркин, отмеченные памятными медалями.

Извержение Плоского Толбачика в 2012 г.

У подножия Корякского вулкана

Герб Камчатской области

КОРЯКИ, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Это село получило такое «этнографическое» название в связи с трагедией, постигшей кочующих коряков в здешних местах, где они выпасали своих оленей.

Вот свидетельства, приводимые С.П. Крашенинниковым: «Верстах в 8 же ниже устья Коонам пала в Авачу с северу Имашху речка, над которою живут коряки. Они были прежде оленные, но по отогнании их неприятельми учинились сидячими и поселились на объявленном месте: впрочем не потеряли они ни обрядов своих, ни чистоты языка по сие время, что может быть наипаче от того происходит, что они в родство не вступают с соседьми, но женятся и замуж выдают все в своем роду».

То есть, исходя из этих слов, Степан Петрович Крашенинников еще застал оседлых коряков в здешних местах.

Отсюда, из Коряк, открывается прекрасный вид на один из самых величественных «домашних» вулканов в окрестностях Авачинской бухты, почему он и получил в народе название Корякская сопка.

Это сейчас, когда все дороги в центральную часть полуострова идут из камчатской столицы — Петропавловска, не ясно, почему так назвали вулкан, но в XVIII веке все дороги «в Камчатку» шли из другой столицы — из Большерецкого острога, и появление на горизонте этого вулкана знаменовало очень важное для людей, находящихся в походе, — что скоро будет жилье, скоро будет Корякский острог, коли видна уже Корякская сопка.

Вот почему в землях камчадалов и курилов-айну дано этой сопке такое название.

Но коряки, судя по тому же «Описанию земли Камчатки», не долго жили в здешних местах — о самом Корякском остроге у Крашенинникова ни слова. И вообще на реке

Аваче у него отмечен только острожек тойона Пинича, в котором проживало всего девять «ясакоплательщиков».

На побережье Авачинской бухты С.П. Крашенинников отмечает три острожка — тойона Карымчи в острожке Паратуне (15 охотников-мужчин), в Купкином острожке у тойона Тарея (54) и в острожке у тойона Ниаки (а это будущий Петропавловск-Камчатский, который и основан на берегу Ниакинской бухты, переименованную в Гавань святых апостолов Петра и Павла) — 20 человек, плативших ясак.

Но в начале XIX века, когда Петропавловский порт становится административным центром Камчатки, на берегу Авачинской бухты существовало только единственное село, где жили аборигены — Авача.

Известны и фамилии камчадалов, проживавших в то время в Аваче.

Это отец и сын Слободчиковы — Степан Яковлевич и Фотий Степанович. Григорий Фомин Слободчиков. Братья Тимофей и Леонтий Ивановичи Елагины. Братья Остафьевы — Кирика и Семен Федоровичи. Иван Савинович Вишняков. Волковы — Захар, Алексей и Николай Силовичи. Никита Никитин Табарин с сыном Ксенофонтом.

Селение Коряки и вулкан Корякский, альбом А. Сильницкого

Почему мы столь подробно останавливаемся на таких деталях.

Примерно в это же время камчадалов из села Авача расселяют по соседним поселениям — в том числе и в Коряках, а в селе Авача размещают ссыльных из России и несколько семей якутов, русских крестьян и отставленных от службы казаков и матросов из Петропавловского порта.

Позже, в 1827 году, в Коряки переселяют (в связи с назначением тойном (старостой) Коряк на место умершего Варфоломея Федоровича Елагина, бывшего жителя с. Авача) тойона селения Малка Спиридона Ивановича Дурынина (1775) с сыновьями, в числе которых был и Филипп Спиридонович.

Жители села Коряки, альбом А. Сильницкого

Что мы знаем о Филиппе Спиридоновиче — герое амурских и камчатских воспоминаний Юлии Завойко (в девичестве баронессы Врангель) — супруги командира Петропавловского порта и начальника Камчатки генерал-майора Василия Степановича Завойко?

Совсем немного. Он родился в 1807 году в селении Малка. Ему в дни обороны было 47 лет, но почему-то Юлия Завойко считала его стариком.

В Коряках Филипп Спиридонович был женат на Степаниде Петровне Слободчиковой, занимался охотой и рыбалкой.

В Петропавловске он оказался в дни сражений случайно — и был направлен Василием Степановичем Завойко в помощь своему дворовому человеку Кириллу сопровождать семью губернатора подальше от порта — на Хутор, где семья губернатора разместились в доме отставного унтер-офицера Мутовина.

Дом культуры села Коряки

Дурынин потом, оказывается, не остался вместе с ними, а отправился в Коряки, чтобы собрать камчадалов в помощь сражающимся.

И вот новая запись: «...Старик Дурынин пошел с нами на горку (смотреть на сражение 31 августа. — *С.В.*): накануне он шел на батах со своими земляками в порт, мимо нас, да прихворнулось старичку, и остался у знакомых, чайку напиться да отдохнуть.

— А отдохну, глядь-ка, и не одного супостата положу. Так-то вот руки трясутся, а палить стану, не боюсь, не дрогнет, в глаз намечу, в глаз и возьму.

Дурынин промаха не дает; сколько медведей уложил — за сорок перевалило. Вот влез он на березу и говорит:

Адмирал В.С. Завойко с женой Юлией и детьми

— Смотри-ка! Вон оно, большое-то судно, вить оно все в огне! Горит оно! Как хошь горит.

— А чье оно? Супостатов что ли?

— Супостатов-то оно супостатов, да только не горит оно, а стреляют больно часто.

Вот и по ущелине, где лежит порт, его очертаний не видно, нет-нет и пробежит белая струйка. Я знала, что пороху у нас не очень-то много. Страшно сжалось сердце. Господи, неужели они весь порох изстреляли, и неприятель теперь бьет их безнаказанно!

— Как хочешь, барыня, — повторяет неугомонный старик Дурынин, — вон горит он, вишь ты, снастей не видать. Тонет! Потонуло окаянное!».

Конечно, Филипп Спиридонович хотел успокоить и порадовать Юлианну Георгиевну — ни одно вражеское судно утоплено так и не было.

А затем он и сам ушел в порт.

И последняя запись, в которой упоминается его имя: «Наших (погибших. — *С.В.*) было 35 человек, между ними были и волонтеры, и мой старик Дурынин сложил свою старую голову за батюшку царя, послав перед тем не одну меткую пуля во вражескую силу. Перед сражением он говорил мужу: «Теперь я пойду с другими бить супостатов,

а потом ты, старик, пошли меня к своей хозяйке, я скорее всех бегаю». Камчадалы называют начальника «стариком».

У нас нет сведений о том, были ли у Филиппа Спиридоновича дети.

Но у него были братья. Двое из них — Иннокентий (1814) и Петр (1834) года оставались в Малках и участвовали в эвакуации Петропавловского порта, за что оба были награждены бронзовыми медалями в память о Крымской войне 1853–1856 годов на Андреевской ленте.

Дети Иннокентия впоследствии были переселены в село Ганалы и его внук — Прокопий Ерастович Дурынин (1875) — в составе народного ополчения защищал Камчатку от японцев в период Русско-японской войны 1904–1905 годов.

В числе тех земляков Филиппа Спиридоновича, которые отправились в Петропавловский порт на помощь его защитникам были: Петр Климович Дехтярев (1822), Иван Тимофеевич Уваровский (1823) и Иван Захарович Волков (1833), сын переселенца из села Авача Захара Силовича Волкова.

Все они были награждены памятными бронзовыми медалями на Георгиевских лентах.

Но это еще не полный список жителей села Коряки, причастных к событиям 1854–1855 годов.

Еще до того как был получен приказ об эвакуации Петропавловского порта, губернатор Камчатки генерал-майор (и контр-адмирал в одном лице) Василий Завойко обратился к населению Камчатки с просьбой помочь в организации обороны для отражения очередного десанта англо-французов, которые должны были вернуться с подкреплением.

Но последовал приказ об эвакуации, и все, кто пришел защищать Петропавловский порт, были привлечены к работам по загрузке судов казенным портовым имуществом и личным имуществом граждан, пожелавших выехать в Николаевск-на-Амуре.

Все, кто участвовал в этих работах, были награждены памятными медалями на Андреевской ленте.

Вот список камчадалов села Коряки: двое Елагиных — братья Николай (1833) и Гавриил (1836) Варфоломеевичи; двое Осьминиых — братья Иван (1825) и Павел Филипповичи (1835); Алексей Климович Дехтярев (1824).

Их потомки в период Русско-японской войны 1904–1905 годов были в народном ополчении.

Филипп Павлович Осьминин был награжден серебряной медалью «За усердие», а его брат Иван Павлович за участие в боевых действиях на западном побережье Камчатки был награжден Георгиевским крестом IV степени (№ 171300).

Корякский вулкан зимой

Троицкая церковь XIX в., село Красный Яр

Герб Оренбургской губернии

КРАСНЫЙ ЯР, УФИМСКИЙ УЕЗД ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Уфимская крепость появляется на карте нашей Родины в 1574 году в устье реки Уфы, основу этой крепости составлял Кремль, стены которого возводились из вертикально поставленных вековых дубов, почему башкиры дали свое название городу-крепости — Имэн кала (Дубовый город).

В связи с добровольным присоединением Башкирии Уфимская крепость была самой крайней военной точкой России того времени на юго-востоке. Ее первыми поселенцами были смоленские стрельцы.

А рядом с крепостью появляются два русских населенных пункта — село Богородское (которое теперь находится в черте города Уфа) и Красный Яр. Последнее село расположилось на высоком берегу реки Белой, почему и получило такое название.

Первое упоминание о селе Красный Яр относится к 1618 году. Но село возникло гораздо раньше — в 1618 году здесь уже была построена церковь.

Фамилии коренных красноярцев красноречиво свидетельствуют о ремеслах, которыми занимались их предки — Сухаревы, Жерновковы, Ступины, Засыпкины, Скорняковы, Смольниковы, Вязовые, Пономаревы, Стрельниковы, Солодовниковы, Шангины (все эти фамилии распространены и сегодня).

А вот и некоторые подробности: «В начале XIX века в Красный Яр из Калинников, Сорвихи и Голодаево прибыли семьи Полюдовых, Чудиновых, Челнинцевых, Шангиных».

В историю России уфимский Красный Яр попадает в первый раз в связи с Пугачевским бунтом.

Во время пугачевского восстания, когда Уфа оказалась в осаде, а город был окружен отрядами атамана Зарубина по кличке Чика, здесь находился один из повстанческих центров. С 30 ноября 1773 по 25 марта 1774 года в селе располагались отряды, которые возглавлял крестьянин Красного Яра П. Вязов, бакалинский казак А. Еремкин, беглый сержант Ф. Рябов и казанский купец П. Алексеев. Эти отряды, выступившие из Красного Яра, участвовали в двух приступах к Уфе 23 декабря 1773 года и 25 января 1774 года. Во время второго штурма несколько конных воинов даже ворвались на окраины города, однако были отбиты. После победы подполковника Михельсона над отрядами Зарубина у села Чесноковка в Красный Яр была направлена команда капитана

1773, художник С.С. Молодых

Г.П. Кардашевского. Солдаты вступили в село 26 марта, но пугачевцев не застали — бросив три пушки, те бежали к Благовещенскому заводу (сегодня город Благовещенск в 40 км от Уфы).

В 1854 году житель села Красный Яр Андрей Иванов сын Чилинцов (Челнинцев), служивший в 15-м Восточно-Сибирском батальоне, был направлен в Петропавловский порт на укомплектование 46-го Камчатского флотского экипажа.

Об этом путешествии в исторической литературе есть воспоминания участника обороны Петропавловского порта Александра Павловича Арбузова: «Высочайшим приказом по флоту от 16 декабря 1853 г. за № 1271 я был назначен помощником военного губернатора Камчатки, капитаном над портом Петропавловска и командиром 47 (тогда еще 46-го. — *С.В.*) флотск. экипажа. Вследствие этого, отправясь зимним путем по назначению, я прибыл в Иркутск в марте, а в начале апреля 1854 г. был в деревне Ланченово у реки Шилки, Нерчинского округа. Здесь я встретил 500 человек солдат, собранных из 12, 13 и 14 сибирских батальонов, под заведыванием прапорщика Глена, назначенного с частью солдат в Ситху. Прежде всего здесь приняты мною были меры для предупреждения в отряде весенних лихорадок. Затем принялся я обучать людей только что вводимым в войсках военным движениям, которому сам научился в Турции у европейских инструкторов в 1848 г. К счастию, стрельбе обучать было не нужно, ибо более половины солдат, бывших сибиряков-звероловов, оказались артистами в этом искусстве.

С 3 мая начали приготовлять плавучий отряд, состоявший из плотов, связанных из сукоствольных дерев, шести барок, 12 офицерских лодок и парохода “Аргунь”. Проведение парохода по реке Шилке от завода Шилки до верховья реки Амура, при слиянии Шилки с Аргунью — было возложено на меня. Не имея ни карты, ни лоцмана, я мог взяться за провод парохода только под ручательством главнокомандующего, что я не отвечаю за могущие произойти случайности и повреждения от подводных камней и карг, а что, между прочим, плавая по реке Дунаю в 1828, 29 и 30 годах, я приучился к определению фарватера по струе течения, виду берегов и изворотам реки. Таким образом, 14 мая, под звуки колоколов, благословляемый священ[ником] единственной церкви, Преображения господня, пароход наш во главе отряда пустился вниз по течению.

Отряд наш состоял из 52 частей, где были помещены более 1000 солдат, 100 конных казаков, легкая батарея, стадо быков, провиант и хор музыкантов. Через три дня пароход до-

Стакан Амурской воды, художник В. Шиляев

стиг цели своего назначения и остановился у последнего нашего поселения — Усть-Стрелецкого. Продолжая дальнейший путь, под предводительством Ник. Никол. Муравьева, 17 мая пустились мы по многоводному Амуру, текущему между островами и высокими берегами; а 12 июня остановились у озера Кизи, не дошедши 120 верст до устья. Простояв там двое суток, я был отправлен в порт де-Кастри с 400 солдатами — через озеро Кизи на пароходе “Аргунь”, имея лодки на буксире, а далее болотом. Шли мы туда трое суток, сделав в это время 25 верст, причем солдаты несли на носилках боевую амуницию, провизию сухарей и крупы на две недели и вещи кап.-лейт. Коралова, инж.-поруч. Мровинского и мои.

Путь этот был очень труден; пробираясь болотом, необходимо было срубать во многих местах деревья и сучья для устройства мостов и переходов; местами приходилось перепрыгивать с кочки на кочку... Взятые нами два оленя для верховой езды оказались мало полезными по неудобству седел и неуменью ездить, так что пришлось идти пешком. Кормился весь наш отряд солониной, варили щи из дикой зелени, черемши (allium ursinum), собираемой по дороге, да пили кирпичный чай, варившийся обыкновенно в солдатских котелках. Чай этот — спасительное средство от влияния миазмов болот. Таким образом, в сопровождении местного жителя, полудикого гольда, служившего нам проводником, вышли мы на берег Татарского пролива. Родная атмосфера моря оживила меня, утомленного трудным путем, и, пройдя верст 10 по берегу отлива, мы пришли в порт де-Кастри. Переночевав здесь в ожидании Ник. Ник. Муравьева, мы на другой день были перевезены на транспорт “Двина”, пришедший за нами из Петропавловска.

Наконец, 19 июня пустились мы в путь Охотским морем через второй Курильский пролив. Труден был переход по болоту до порта де-Кастри; но плавание наше по морю и океану грозило сделаться для нас гибельным. Огромное число людей на небольшом транспорте пользовалось весьма тесным помещением. В течение 35-дневного плавания нашего продовольствие наших людей было весьма скудное, а под конец дошло до того, что питались сметками с сухарей и самым незначительным количеством дождевой воды, собираемой с тентов, парусины, растянутой по верхней палубе. Во все время плавания люди обучались артиллерийскому делу и изготовлялись к встрече с неприятелем. Но провидение, видимо, покровительствовало нам, так что, несмотря на все дорожные лишения, мы привезли в Петропавловск только трех слабых.

Памятник В.И. Чапаеву (Чебоксары)

24 июля, в день мученицы Христины, мы прибыли в порт Петропавловск…»

И в августе-сентябре 1854 года Александр Иванович принял самое непосредственное участие в героической обороне Петропавловского порта, о чем, вероятно, не знают на его родине.

А следующее историческое событие, связанное с Красным Яром, произошло уже в годы Гражданской войны в России — в этих местах в 1918 году воевал Василий Иванович Чапаев — командир легендарной 25-й дивизии, которая после его гибели в 1919 году получила имя своего командира. Именно здесь офицеры генерала Каппеля пошли в свою знаменитую «психическую» атаку.

И сегодня в селе Красный Яр в доме, где когда-то размещался штаб Василия Ивановича Чапаева — тот самый, в котором он, используя в качестве доказательства картофелины, убеждал своего комиссара и будущего литературного биографа Дмитрия Фурманова в том, где на самом деле должен находиться красный командир во время боя, теперь открыт музей Василия Ивановича Чапаева.

Помню даже песню, которую написал по поводу этого спора о красном командире Морис Синельников, ее в свое время замечательно исполнял мой друг-однокурсник Виктор Биковец:

Красный командир на гражданской войне,
Красный командир на горячем коне.
В бой идет отряд — командир впереди,
Алый бант горит на груди.

Гривою седой над землей облака,
Дрожью над мостом отозвалась река.
— Шашки наголо! — И лишь холод в груди
Красный командир впереди.

Трубы, не рыдайте, не смейте рыдать!
Я ведь не хотел, не хотел умирать!
Вспыхнуло в глазах, и обрушился мир.
Ах, лети вперед, командир!..

И куда бы жизнь ни бросала нас в бой,
Мне всегда казалось, что рядом со мной
В кожаной тужурке и бант на груди
Красный командир впереди.

Красный командир на гражданской войне,
Красный командир на горячем коне.
В бой идет отряд — командир впереди,
Алый бант горит на груди.

Но судьба 25-й Чапаевской дивизии была печальной — в июле 1942 года при обороне Севастополя дивизия погибла, знамя дивизии, чтобы оно не досталось врагу, было утоплено в Черном море. В итоге 30 июля 1942 года 25-я Чапаевская дивизия была расформирована и прекратила свое существование.

Но на самом деле в 1918 году Василий Иванович Чапаев сформировал не одну, а две дивизии — 25-ю, получившую его имя, и 22-ю, попеременно командуя обоими (до своего отъезда в Академию он командовал как раз последней, 22-й, которая тогда называлась еще Второй, в отличие от Первой, так же сформированной В.И. Чапаевым Николаевской дивизией, созданных на основе партизанских отрядов Новоузенского, Николаевского и Малоузенского уездов Самарской губернии и двух добровольческих отрядов балашовских и пензенских рабочих).

За оборону Уральска дивизия была награждена Почетным Красным знаменем ВЦИК, за сражение на Таманском полуострове с войсками барона Врангеля ей было присвоено почетное наименование Краснодарской дивизии, в 1931 году дивизия награждена вторым орденом Красного Знамени. В 1937 году Краснодарскую дивизию перебросили на Дальний Восток, и отдельный ее Ейский полк участвовал в событиях на озере Хасан, в 1945 году за участие в Маньчжурской наступательной операции дивизии было присвоено второе почетное звание — Харбинская.

12 марта 1957 года эта дивизия, с сохранением всех своих регалий, была преобразована в 22-ю мотострелковую дивизию и

направлена к новому месту своей дислокации — на Камчатку.

В 2002 году 22-я мотострелковая дивизия была переформирована в отдельную мотострелковую бригаду, а в 2007-м — в отдельную бригаду морской пехоты.

Сегодня, после расформирования дивизии, ее правопреемником является 40-я отдельная дважды Краснознаменная Краснодарско-Харбинская бригада морской пехоты Тихоокеанского флота.

А один из населенных пунктов Камчатки в память о былой славе дивизии, созданной первым ее командиром Василием Ивановичем Чапаевым, носит его имя — Чапаевка.

В Интернете можно найти сайт, где рассказывается о нынешнем состоянии этого поселка и о том, какими никудышными хранителями исторической памяти являемся мы на самом деле, гордясь и восхищаясь Камчаткой, — Чапаевка варварски разгромлена и разбита после того, как ее бросили «красные кавалеристы»...

Что же касается Красного Яра, о котором собственно, мы и рассказываем и который является малой родиной одного из героев обороны Петропавловского порта, то мы можем только порадоваться тому, как относятся к своему историческому наследию в Башкортостане: 29 сентября 2003 года подписан Указ Президента Республики Башкортостан «О создании историко-культурных центров народов Республики Башкортостан», согласно которому в 2005 году был открыт русский историко-культурный центр в селе Красный Яр Уфимского района.

Дом-музей 25-й стрелковой дивизии в здании, в котором в дни освобождения Уфы располагались штаб дивизии и полевой госпиталь

Троицкая церковь, село Красный Яр

Малка, горячие источники, фото М. Путника

Герб Камчатской области

МАЛКА, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

В 1855 году на призыв камчатского губернатора Василия Степановича Завойко о защите Петропавловского порта отозвались камчадалы Малкинского селения: Алексей Абакумов (1814); Николай Абакумов (1824); Петр Абакумов (1831); Семен Волков (1829); Роман Волков (1825); Михаил Волков (1831); Иннокентий Дурынин (1814); Петр Дурынин (1834); Кир Пермяков (1833); Осип Чегликов (1830).

Появление этого географического названия на карте Камчатки совершенно не случайно. Прежде, во времена Степана Петровича Крашенинникова, в здешних местах не было никакого крупного поселения — острожка — только жилище некоего камчадала Аханича.

«От Большерецкого острога по реке Быстрой: от Большерецкого острога вверх по Большей реке до Опачина острожка — 44, от Опачина острожка до верхнего броду — 33, от верхнего броду до Аханичева жилища — 22, от Аханичева до Ганалина жилища — 33, от Ганалина жилища до вершины камчатской — 41, от вершины камчатской до Верхнего Камчатского острога — 69. Итого от Большерецка до Верхнего Камчатского острога — 242 верст».

Впервые это название появляется при следующих обстоятельствах, хотя вполне вероятно, А.С. Сгибнев употребил этот топоним в связи с собственным (соответствующему его времени) географическим представлением: «В прежнее время зимнее сообщение Большерецка с Верхнекамчатском производилось через Петропавловскую гавань по берегу Восточного океана до р. Жупановой или по западному берегу до Облукоминского острога, откуда переваливали через хребет; а летний путь лежал по р. Быстрой в вершину р. Камчатки. Пленеснер по мысли своего

канцеляриста Данилова устроил дорогу между этими двумя пунктами через Шеромы, Ганалы, Малку, Апачу и Пущино, запретив езду через Облукоминский острог. Но чтобы этот новый путь был более оживлен, он распорядился переселением на него с берега Бобрового моря из двух Кроноцких и Харчинского селений 60 семейств камчадалов, противу их желания. Переселенцы эти на прежних местах своего жительства преимущественно занимались бобровым и соболиным промыслами, которые вполне обеспечивали их существование. На новом же, совершенно пустынном, месте они лишились возможности снискивать себе даже дневное пропитание и в скором времени в нужде и болезнях все перемерли».

Судя по семейной легенде камчадалов Аббакумовых (Абакумовых), не все: «Первые Абакумовы были привезены в Малку с восточного берега Камчатки. На Камчатку они были привезены за какие-то провинности, вернее всего, как последователи протопопа Аввакума, и как миссионеры: у нашего дедушки Петра Петровича было много старинных книг религиозного содержания, которые были сожжены в период коллективизации во избежание возможных катаклизмов. Кроме того, и оказание жителям медпомощи, когда не было в Малках медработников и медпунктов. Породнившись с местными жителями, Абакумовы стали все очень умелыми охотниками и занимались этим из поколения в поколение».

Легенда, как это часто бывает, сохраняя какие-то реальные исторические детали, трактует их с позиций современного человека, слабо разбирающегося в истории России и Камчатки: протопоп Аввакум имел своих последователей лет за 50 до открытия Камчатки.

Тем не менее, сам вектор для последующих историков задан верно: вполне вероятно, что историческая родина Абакумовых (Аббакумовых) — юго-восточная Камчатка.

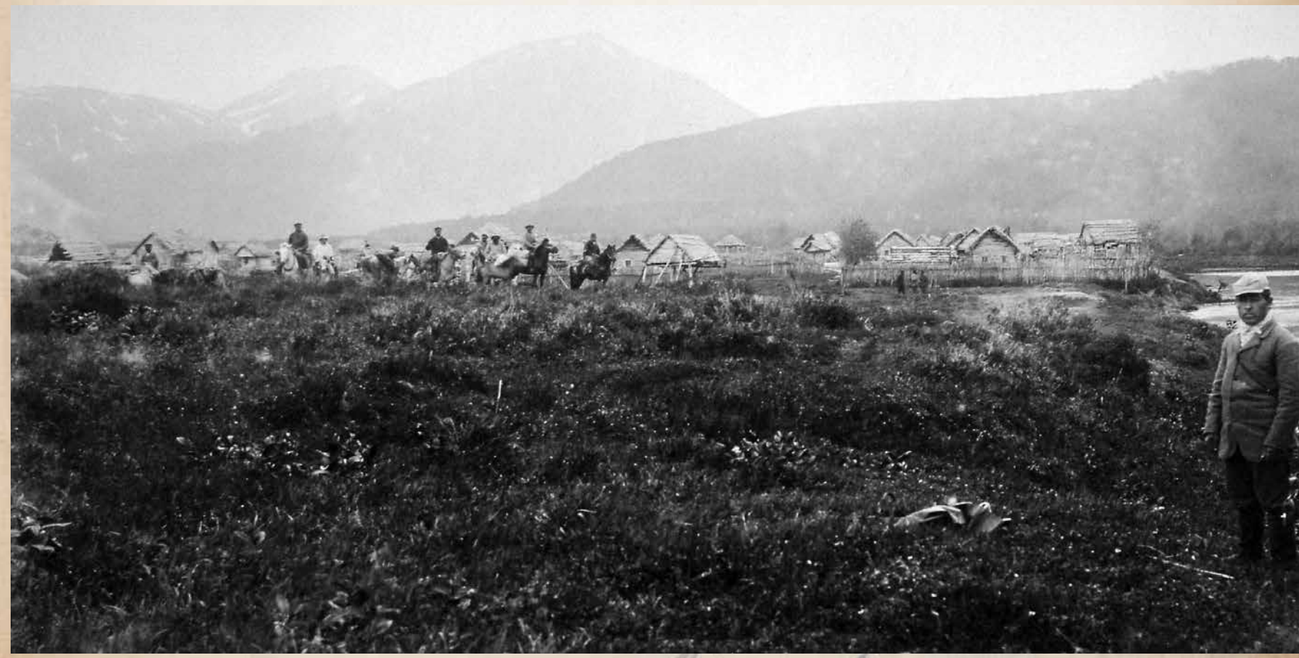
Эта подтверждает еще одна сохранившаяся в истории фамилия старожилов Малки — Чегликов (или Чоглонов). По архивным данным она появляется при крещении в острожке Семлячик в 1747 году. Кстати, одновременно с ней появляется в острожках Кроноки и Семлячик еще одна будущая малкинская фамилия — Панов. Но если фамилия Пановых при крещении встречается в разных местах Камчатки, то Чоглоновы-Чегликовы (Чеглоковы) — только в Семлячике.

Что же касается фамилии Аббакумовых, то в Нижнекамчатске в начале 18-го столетия служил казак Тит Аввакумов, у которого, по всей видимости, была здесь семья, и его сыновья так же могли участвовать в крещении, как и Чоглоновы-Чегликовы (Чеглоковы), как и Пановы.

Но сообщение А.С. Сгибнева о том, что в 1768 году (а затем и в 1800 году тоже) в результате эпидемии многие поселения, связывающие «каюрной гоньбой» казачьи остроги — Большерецк, Верхнекамчатск и Нижнекамчатск — обезлюдели, это исторический факт.

И вновь началось насильственное переселение камчадалов. И с юго-востока, и с северо-запада, и из центральной части.

Волковы — это крестники петропавловских священников Волковых, которые прибыли на Камчатку в составе Второй Кам-

Селение Малка, на реке Быстрой, альбом А. Сильницкого, 1901 г.

чатской экспедиции Витуса Беринга и были оставлены на полуострове в церкви Рождества Христова в Петропавловской гавани для миссионерской деятельности. То есть Волковы — это авачинские камчадалы, которые в начале XIX века еще проживали в селе Авача.

Дурынины были крестниками детей того самого верхнекамчатского казака Никиты Дурынина, который вошел в историю полуострова как покоритель авачинских камчадалов, — именно по его приказу был сожжен тот самый острог, который известен

Камчадалы, жители села Малки, альбом А. Сильницкого, 1901 г.

впоследствии как первое название будущего города Елизово — Старый Острог. Но свой фамильный след Дурынины оставили в Машуре — самом крупном остроге камчадалов в долине реки Камчатки, откуда, по всей видимости, эту семью расселили в селениях Ганалы, Коряки, Малка.

Казак Пермяков тоже оставил в 1748 году свою фамилию в Машуре, но впоследствии она обнаруживается и в Кирганике, и в Малках.

А теперь вернемся к названию.

В семейной легенде Аббакумовых не случайно звучит медицинская тема. Именно здесь, на горячих ключах, была построена первая в истории Камчатки больница. Случилось это в 1806 году при военном коменданте Камчатки, командире Камчатского гарнизонного батальона генерал-майоре Павле Ивановиче Кошелеве, который, по всей видимости, был сослан на Камчатку за какую-то провинность, ибо, будучи некогда адъютантом Михаила Ивановича Кутузова, награжденный золотым крестом за взятие Измаила, а впоследствии комендантом Севастопольской крепости, он неожиданно послан на далекую Камчатку комендантом жалкого гарнизона…

Но суть не в этом — само название Малка давно уже существовало на… Северном Кавказе, на Ставрополье, в курортных местах для российских аристократов и военных отпускников. Это один из главных притоков Терека: «Туристским и административным центром этого района является курорт Джылысу (2350 м), что в переводе означает “теплая вода”. Здесь, у слияния истоков Малки, на правом берегу ущелья есть источники теплых (22°С) минеральных вод».

И кстати, даже форма названия — непривычное для русского языка слово «Малка» — так и сохранилось до наших дней.

В период Русско-японской войны 1904–1905 годов малкинские камчадалы также выставили большой отряд ополченцев: Александр Григорьевич Абакумов (1881); Диомид Николаевич Абакумов (1878); Яков Клементьевич Абакумов (1870); Захар Ефимович Волков (1885); Федор Волков (1886); Прокопий Петрович Дурынин (1875), переселенный в село Коряки; Николай Миронович Пермяков (1881).

Река Камчатка

Герб Камчатской области

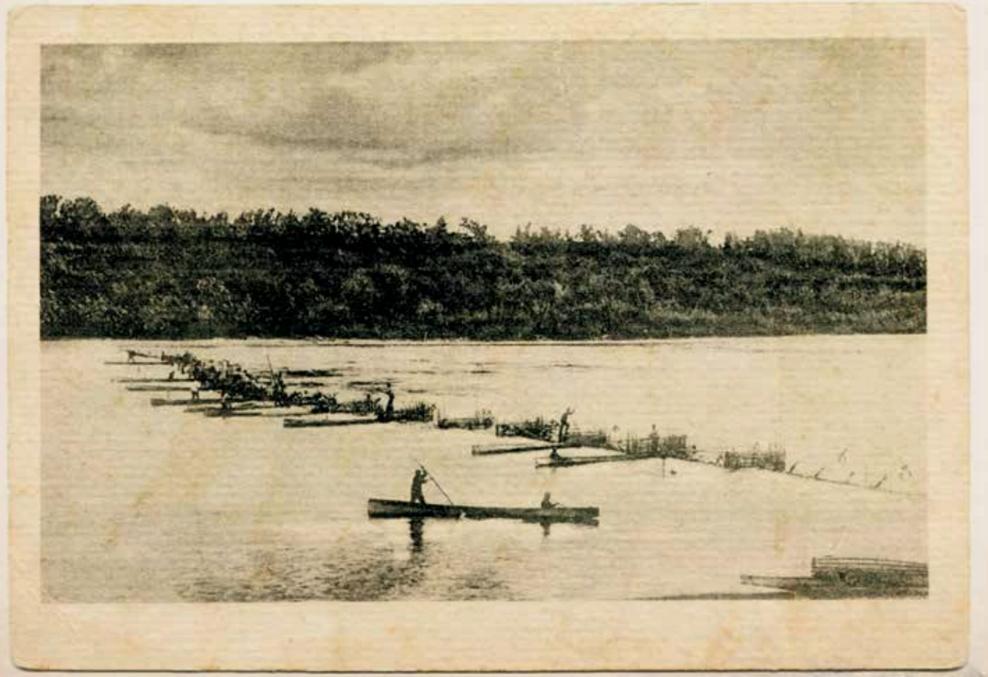

МАШУРА, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Чиновник по особым поручениям при губернаторе Камчатской области Карл фон Дитмар накануне Петропавловской обороны писал об этом селении:

«В старину, еще до прихода русских, Машура принадлежала к числу самых больших острогов Камчатки, да и теперь еще по своему положению составляет одно из наилучших поселений полуострова. В пору первого водворения здесь русских в ближайшем соседстве этого острога находилась также и русская деревня. При нашем посещении у обывателей Машуры имелось рогатого скота — 31 голова и лошадей — 7. Огороды здесь содержались в хорошем порядке и приносили достаточный урожай. Но во всем прочем Машура, подобно Толбаче, Чапиной и следующему за Машурой вверх по реке Кырганику, принадлежит к числу тех острогов долины реки Камчатки, в которых камчадальские нравы и язык еще всего менее вытеснены русскими. Между прочим, и поселения свои местные жители, говоря между собою, называют исключительно камчадальскими именами: так, Толбача называется Тол-у-ач, Чапина — Ше-пен, Машура — Кых-по-терш, Кырганик — Кирген. О своих старинных божествах и духах камчадалы рассказывали следующее. Главное божество Кукх со своей женою Какх, с сыном Трел-кутхан и дочерью Иш-шахельс пребывает большею частью на вершинах вулканов, где огнем пользуется для приготовления пищи. Перечисленные боги никакого отношения к людям не имели и жили в полном отчуждении и бессилии, так что камчадалы мало на них обращали внимания. Напротив, эта древняя семья богов теперь повсюду осмеивается за такое — в высшей степени непрактичное — создание страны. Они одарили жителей исключительно лишь высокими горами да массой снега и льда;

если они прямо и не причиняют людям зла, то все-таки проку от них очень мало. Злой же дух Сосо-челк, напротив того, постоянно держится среди людей, чтобы при всякой возможности дразнить их, мешать им и причинять разные неприятности. Таким образом, этому злому духу следует приносить жертвы, а также нужно стараться об умилостивлении его через шаманов. Наконец, в лесах и на низких горах живут еще карлики, Пихлачи, которые зиму и лето разъезжают по стране в очень маленьких санках, запряженных тетеревами, и постоянно копят богатейшие запасы самых драгоценных мехов. Следы от крошечных санок очень скоро затериваются в высокой траве или на снегу; если, однако, кому-нибудь удастся найти такой след, то уж легко поймать и обобрать крошечного возницу. Стоит только положить облупленную ивовую жердь поперек следа: санки разобьются о препятствие, карлик же сам не в состоянии исправить их и непременно нуждается для этого в помощи человека. Таким образом, охотнику остается только идти по следу, который скоро приводит к беспомощному пигмею, просящему выручить его из беды. Но оказанная помощь должна быть оплачена очень дорого, и этого

Камчатка. Запор через реку Камчатку у деревни Машура. Фотооткрытка 1933 г.

Камчадальские дети в селе Машура на реке Камчатке. 1931 г. Альбом. Усть-Камчатск и долина реки Камчатки. Государственный исторический музей

нужно непременно требовать. Если же человек встретит Пихлача и последует за ним по его приглашению, то неминуемо погибнет. Особенно охотно этот лесной карлик преследует христиан».

Вот такая смесь легенд.

Но Машура действительно была крупнейшим и стратегически самым важным острогом Камчатки в период ее освоения русскими казаками.

И тогда этот острог назывался Кунупочич (или Кунутпочич). Машуриным его стали называть в честь тойона Начики Машурина — военного союзника казаков во время их походов на юг полуострова.

«Страна рыбы и рыбоедов», лососевая упряжка Кутха, работа Андрея Адуканова

Во время подготовки С.П. Крашенинниковым «Описания земли Камчатки» в Машуринском острожке насчитывалось 84 «плательщика ясака» соболями и 70 — лисицами.

В период крещения машуринцы получили следующие фамилии — Панов, Попов, Дурынин, Ракитин, Осьминин, Пермяков, Хметевский.

А родовой для потомков Начики Машурина стала фамилия Мерлин. Василий Федорович Мерлин был начальником походной розыскной экспедиции, расследующей причины Харчинского бунта. И крещение тойона Начики Машурина с новым именем — это был акт братания представителя русской администрации и верховного тойона реки Камчатка как знак примирения.

К. фон Дитмар отмечал: «Поселение расположено очень живописно на высоком левом берегу главной реки и окружено рослым, густым хвойным лесом. 10 жилых домов со службами были в полной исправности и порядке; жители (33 мужчины и 23 женщины) имели свежий и здоровый вид. Нас тотчас же отвели в очень опрятный дом тойона Мерлина, где мы встретили приветливый и радушный прием со стороны хозяев. Мерлины принадлежат к очень старому камчадальскому роду, который ведет свое начало от одного древнего народного героя. Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из

Камчадалки села Машура 1931 г.
Альбом. Усть-Камчатск и долина реки Камчатки

Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну».

То есть Начика Машурин в период Харчинского бунта снова был на стороне русских.

Судя по фамилиям, многие жители Машуры в период после эпидемий 1768 и 1800 годов, были переселены в самые разные места. Так Осьминины оказались в Коряках, Дурынины — в Ганалах, Хметевские — в Козыревске…

А Мерлины вообще разлетелись по всей Камчатке — оказались, помимо Машуры, в Явино, Голыгино и в Шаромах, Щапино.

В 1855 году в составе народного ополчения в Петропавловский порт из Машуры прибыли трое — Егор Мерлин (1825), Николай Красильников (1823) и Андрей Конев (1830).

В 1731 году восставшими камчадалами на Шантальском (Азабачьем) озере убит казачий сын Филипп Красильников, отец или братья которого могли оставить свою фамилию при крещении в бассейне реки Камчатки.

В 1735 году по итогам расследования причин Харчинского бунта в Нижнекамчатске был бит кнутом ясачный сборщик Василий Конев. Фамилия последнего не сохранилась среди камчадальских родов.

А вот Василий Егорович Красильников был народным ополченцем в период Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Из Мерлиных, проживавших в то время в долине реки Камчатки, в народном ополчении были Василий (Щапино) и Гурий (Кирганик) Мерлины.

Весна на Камчатке

Герб Камчатской области

МИЛЬКОВО, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Чтобы не повторяться, вступительную часть к этому очерку я возьму из другого своего очерка о Мильково (из книги «Камчатка – Россия – Мир. Путешествие по времени»).

Одно из самых старинных камчатских сел, в котором, как нам сообщают историки, были поселены крестьяне с реки Лены.

Правда, с каждым годом у меня самого возникают все большие и большие сомнения на этот счет — были ли это изначально крестьяне?

Но сначала маленькое предисловие.

Идея поселить на Камчатке землепашцев пришла вместе с покорителями этой земли — якутскими казаками во главе с Владимиром Атласовым. Он в одной из своих «сказок» утверждал: «А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают».

Эту же его мысль впоследствии подтвердил и Степан Петрович Крашенинников: «Что касается до яровых хлебов, оное как в Верхнем, так и в старом Нижнем Камчатском остроге многими опытами изведано, что ячмень и овес родятся там столь изрядные, что лучших желать не можно. Служки Якутского Спасского монастыря, которые живут на Камчатке из давных лет, сеют пуд по 7 и по 8 ячменю, и столько от того имеют пользы, что не токмо крупою и мукою сами довольствуются, но и других снабдевают в случае нужды; а землю людьми поъимают. Но с таким ли успехом озимь родиться будет, то время покажет».

Степан Петрович ни словом не упоминает в своем «Описании земли Камчатки» о селе Мильково и вообще о крестьянах, поселившихся вблизи Верхнекамчатского

острога, хотя А.С. Сгибнев в своем «Очерке главнейших событий в Камчатке» сообщает: «В 1738 г. Крашенинников завел огород в Камчатке, а в 1740 г. начались ежегодные посевы хлеба около Большерецка, Милькова и на Ключах; но урожай ржи, ячменя и ярицы был так ничтожен, что его не хватало даже для нужд переселенцев, которые принуждены были для прокормления себя заняться другими работами».

Появляется, естественно, вопрос: почему Степан Петрович крестьян не заметил?

И этому есть объяснение. И снова мы должны говорить о Витусе Беринге.

Женщины с. Мильково, альбом Б. Дыбовского

Вот что пишет Александр Степанович Сгибнев: «13-го марта 1727 г. верховный тайный совет определил: “В тех местах Камчатки, где климат благоприятствует, завести хлебопашество, поселив там русских крестьян”. На этом основании в 1728 г. при содействии монаха Иакова был посеян овес и ячмень, а также разведены огородные овощи. Успех был довольно удовлетворительный.

Беринг, основываясь на этих опытах, по возвращении своем из экспедиции подал в сенат записку о возможности в Камчатке хлебопашества. Сенат предписал первому начальнику Охотского порта Скорнякову-Писареву озаботиться этим делом, ассигновав при этом 1 000 руб. на покупку для хлебопашества рогатого и конного скота, который и был отправлен из Якутска сухим путем; но по недостатку в дороге кормов почти весь скот погиб, так что в Камчатку доставлено было только 33 лошади.

В 1732 г. из Илимска было отправлено в Камчатку 50 семейств крестьян, а 7-го октября 1732 г. сенат предписал иркутской провинциальной канцелярии, чтобы в Камчатке пахоту и сев хлеба размножить. Но илимские крестьяне были задержаны Берингом в Якутске для экспедиционных работ, и только в 1740 г. доставлены в Охотск,

Строительство храма в селе Мильково, pravkamchatka.ru

где Беринг по недостатку морской провизии обобрал у них весь скот, а самих приказал отправить в Камчатку по неимению на судах помещения, по окончанию транспортировки экспедиционных грузов».

По другим же сведениям — все эти крестьяне поразбежались по разным местам…

«В 1734 г. на боте “Гавриил” была доставлена в Камчатку пара лошадей и пара рогатого скота для приплоду и, кроме того, был послан Берингом в Анадырск казак Львов для заготовления скота для Камчатки на р. Колыме. Но к доставке скота с Колымы встретилось множество препятствий, почему и распоряжение это осталось без исполнения».

«Императрица Екатерина в 1764 г. послала в Камчатку от своего имени семена, земледельческие орудия и скот; но и это внимание к камчатским крестьянам не помогло делу».

Причины были простые.

Конечно, на первом месте был климат — ранние морозы убивали все, что было посажено, на корню. Когда же природа позволяла — то урожаи бывали и отменными.

Мильковская церковь, альбом А. Сильницкого

На втором (а по сути, на первом, наиглавнейшем) месте был принцип выживания в суровых условиях севера, согласно которому нельзя было ждать милостей от природы, а нужно было приспосабливаться к новым условиям, беря пример с коренных народов Камчатки — с рыбоедов, перенимая их образ жизни и традиции выживания, становясь рыболовами и охотниками.

На третьем месте — нерадение местной администрации, которая не видела никакой выгоды в развитии сельского хозяйства, результаты которого на Камчатке предугадать было невозможно, да и сами чиновники поиметь с этих результатов ничего не могли.

И эта деятельность была пущена на самотек.

А теперь вернемся к вопросу о том, что это были за крестьяне.

Меня в первую очередь заинтересовала история их фамилий.

В числе первых мильковских поселенцев были крестьяне Бабарыкины. Эта же фамилия встречается и

среди новокрещенных камчадалов, крестными отцами которых, как правило, чаще всего были казаки.

Так вот Бабарыкины — это исконно казачья сибирская фамилия, патриархами рода которых были березовские казаки.

Среди первопоселенцев Мильково, по данным за 1832 год, были представители следующих фамилий: Коксаров, Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников.

Самая распространенная казачья фамилия в Сибири — Плотниковы. Именно с них, с плотников, начинались все зимовья, остроги, города-крепости. Плотники в Сибирь стекались со всех мест России и были главными в любых походах, в том числе и в морских, — ведь и речные, и морские суда наши землепроходцы строили по ходу своего движения «встречь солнцу» из любого подручного материала, скрепляя борта «вичами» — кореньями и лозой.

Село Мильково, 4-е село по реке Камчатке, начина с верховья; дворов 49, жителей 334, школа, альбом А. Сильницкого

И соответственно, практически все Плотниковы сами были казаками.

Коксаров в мильковском варианте преобразился в Кошкарев, но для нас важнее былой вариант, так как он наиболее точно отражает известную в Сибири казачью фамилию Кокшаров — уроженец городка Кокшарова (Котельнича), построенного на реке Кокшеньга в бассейне Северной Двины. Это известная в Сибири казачья фамилия.

Столь же частой была в казачьей Сибири и фамилия выходцев с северной реки Пинеги — Пинегины или Пинигины, Пинижины и Пинизины.

Не меньше было и казаков Краснояровых, так как населенных мест с названием Красный Яр — высокий берег, с которого открывается красивый вид на реку, было в России всегда множество, в том числе и на Русском Севере, откуда были выходцами многие сибиряки.

В Верхотурском уезде в Ирбицкой слободе была деревня Подкорытова, основали которую крестьяне Подкорытовы, которых очень даже нередко верстали в Сибири на казачью службу из-за хронической нехватки служилых людей, осваивающих необъятные сибирские просторы.

Соснины — многочисленные сибирские казаки, выходцы из Тобольска.

И самое главное, все эти нынешние мильковские фамилии мы встречаем на Камчатке 18-го столетия среди камчатского казачества (за исключением Подкорытовых и Бобряковых).

Тогда возникает версия — по материалам за 1748 год значительная часть камчатских казаков была переведена в разряд разночинцев, то есть выведена из казачьего сословия. В это время и Верхнекамчатский острог теряет статус казачьего поселения, и бывшие казаки Беляевы, Машихины и Нечаевы становятся верхнекамчатскими крестьянами.

Полагаю, что именно за счет этих разночинцев и была компенсирована численность тех илимских крестьян, которые разбежались из Охотска в разные стороны, благодаря заботе о них капитана-командора Витуса Беринга.

И тогда действительно Сгибнев прав — уже в 1740 году жители села, основанного на реке Мильковой, начинают «борьбу за урожай». И вполне естественно, что, в отличие от хлеборобов из Якутского Спасско-

го монастыря, которые не только полностью обеспечивали себя овсом и ячменем, но еще и имели излишки, у бывших казаков, которые не были приспособлены вести сельскохозяйственную деятельность, ровным счетом ничего не вышло, и они просто-напросто продолжили заниматься привычным им делом — заготавливать на корм себе и собакам рыбу и добывать на продажу пушного зверя.

И начальство потому покрывало этих «крестьян», что у самих, вероятно, было «рыльце в пушку».

Но, повторяю, это только моя версия.

А в 1930-е годы, уже при Советской власти, благодаря агрономам случилось чудо — мильковчане стали успешными хлеборобами и получали рекордные урожаи зерновых, кое-кто из мильковчан побывал даже в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Позже сельское хозяйство было сориентировано (в связи с большими рисками) на более устойчивые и, возможно, даже еще более важные для развития камчатской экономики того периода продукты овощеводства (картофель и капусту) для снабжения береговых предприятий и морских судов набирающей в те годы обороты рыбной промышленности Камчатки.

То есть через два столетия мнение С. Крашенинникова и Г. Стеллера о том, что долина реки Камчатки — это перспективный район для развития сельского хозяйства, оправдался полностью: «Ежели Стеллерова мнение справедливо будет в том, что в верхних местах Камчатки может родиться яровой хлеб и озимь не хуже других стран под такою же вышиною лежащих, то кажется не будет причины сумневаться и о том, что могут там родиться и всякие овощи огородные против тех же стран. Овощи требующие великой влажности хотя и везде родятся, однако ж на Камчатке лучше: ибо я на Большей реке не видывал репы больше трех дюймов в диаметре, а на Камчатке бывает вчетверо больше того или впятеро».

Но тема нашего сегодняшнего очерка — участие мильковчан в камчатском эпизоде (как говорят историки) Крымской войны, когда на призыв военного губернатора Камчатки о возможности повторной попытки вторжения англо-французов на Камчатку отозвались камчатские аборигены и старожилы.

И вот список мильковчан, которые отозвались на этот призыв и были впоследствии награждены бронзовыми медалями в память о Крымской войне 1853–1856 годов.

Евстафий Бобряков (1810), Петр Бобряков (1826), Фотий Бобряков (1833), Сидор Борисов (1815), Иван Еланцов (1826), Глеб Кошкаров (1824), Егор Мальцов (1811), Никифор Михайлов (1811), Андреян Пинигин (1821), Антон Плотников (1825), Иван Плотников (1821), Николай Плотников (1830), Яков Подкорытов (1811), Григорий Потапов (1824), Ларион Потапов (1822).

Спустя полвека мы многие из этих имен увидим в отчествах людей, вновь вступивших в народное ополчение, чтобы в очередной раз отстоять Камчатку «от супостата» — на этот раз от японцев.

Староста села Мильково Мартиниан Петрович Бобряков будет награжден серебряной медалью «За усердие и распорядительность по службе» за активное участие

Жители села Мильково, альбом А. Сильницкого

в формировании Мильковской дружины, влившейся в Большерецкое ополчение. В конной дружине служил, например, мильковчанин Бобряков Николай Федорович, награжденный серебряной медалью «За усердие».

Вот полный список народной дружины Мильково, в которой приняли участие практически все представители старинных мильковских фамилий…

Павел Игнатьевич Карелин (1886), Алексей Карпов, Николай Красноярoв, Мартиниан Михайлович Мальцев (1871), Полиевкт Мальцев, Семен Яковлевич Михайлов (1877), Илья Петров, Александр Семенович Плотников (1884–1950), Алексей Максимович Плотников (1872), Андрей Николаевич Плотников (1882–1934), Григорий Плотников (1872), Евстигней Антипович Плотников (1861), Иван Николаевич Плотников (1878–1919), Павел Степанович Плотников (1881), Поликарп Порфирьевич Плотников (1856–1916), Дмитрий Егорович Подкорытов (1884), Ефим Антипович Попов (1883), Илларий Феофанович Потапов (1878), Иннокентий Алексеевич Потапов, Полиевкт Иванович Потапов (1875), Константин Константинович Решетников (1885).

Выставка «На Камчатку со своим самоваром», приуроченная к 320-летию присоединения Камчатки к Российскому государству

Мильковский краеведческий музей

Начикинское озеро, нерест

Герб Камчатской области

НАЧИКИ, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Одно из древнейших поселений аборигенов на Камчатке, названное так по имени вождя (тойона) местного рода-племени. Сами камчадалы называли свой острожек Мышху.

Острожек был очень маленький — всего 9 взрослых мужчин, шесть из которых платили ясак соболями, а трое — лисицами. Правда, в другом месте Степан Петрович занижает и эту небольшую цифру: «Ибшакы гыжик речка от Горячей речки верстах в 5, вышла с левой стороны верстах в 5 из хребта, и близ переезду в Большую реку впала. На сей речке иноземческий острожек Мышху или Начикин называемой, в нем строения одна юрта 12 балаганов. Ясашных иноземцов 7 человек, из которых один лисишник, да шесть человек собольников».

Крашенинникова острожек интересовал только в связи с горячими источниками — больше никаких сообщений, связанных с жителями Мышху, мы не нашли. Имя Начика было весьма распространенным на Камчатке: тойон Начика был при Крашенинникове на реке Налачево (которая еще раньше получила уже свое название по прежнему тойону Налачу), в острожке Пилгенгыльш на побережье Укинской губы (он же Маимлянский) — на границе, разделяющей корякские и камчадальские земли, также был тойон Начика. В острожке Шапин или Щепен «лучшей мужик Начика». Тойоном крупнейшего в долине реки Камчатки острога Кунупочич (Кунутпочич) был Начика Машурин, в честь которого казаки начали называть его острожек Машуриным. И у коряков это имя тоже было весьма распространенным — недаром один из мысов на восточном побережье так с той поры, когда у местных коряков был вождь Начика — участник корякского бунта 1746 года, — и называется Начикинским.

В годы, когда Степан Петрович изучал Камчатку, острожек Мышху лежал в стороне от основной дороги, связывающей Большерецкий порт и острог с другими историческими центрами Камчатки XVIII столетия — Верхнекамчатским и Нижнекамчатским острогами.

Он стал стратегически важным только после 1812 года, когда Петропавловский порт сделали административным центром полуострова, и селение Начикинское оказалось расположенным на самой важной развилке трассы, откуда пути-дороги расходились на западное побережье полуострова и в долину реки Камчатки.

В связи с этим селение, по всей видимости, миновали две страшные волны, опустошившие соседние селения в долине рек Большая и Камчатка, — «оспяное поветрие», как называли эту болезнь на полуострове. А.С. Сгибнев писал по этому поводу: «В сентябре 1768 г. из Охотска было отправлено в Большерецке казенное судно “Св. Павел”, на котором находился казак Тарабукин, не совсем выздоровевший от бывшей у него оспы. От Тарабукина оспа перешла на команду судна и жителей Большерецка, а потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших. В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбою и не дозволяли пить холодного — вот все меры, которые были приняты противу этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца июля 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле».

Второй раз оспу завезли солдаты Камчатского гарнизонного батальона в 1799–1800 годах — и повторился весь ужас зимы 1768–1769 годов, когда люди, в первую очередь аборигены, не имевшие опыта борьбы с этой заразой и не получавшие от администрации никакой медицинской помощи, вымирали селениями.

Село Начики, в верховье реки Большой; дворов 7, жителей 43, альбом А. Сильницкого

Для того чтобы администрации края иметь оперативную связь между административными центрами Камчатки, камчадалы и жители русских сел обязаны были обеспечивать так называемую «каюрную гоньбу» — ту службу, которая в России называлась ямской, но вместо лошадей на Камчатке в зимнее время использовали нартовых собак, которыми управлял каюр.

Именно по этой причине администрация в срочном порядке начала поселять в центральной Камчатке жителей западного и восточного побережий, которых, в связи с отдаленностью расположения их сел от основных районов распространения заразы, эпидемии не коснулись. На новом месте эти жители побережий, привыкшие питаться морским зверем и морской рыбой, приживались трудно — смертность среди переселенцев была очень высокой, и тогда начали расселять по новым местам тех жителей центральной Камчатки, которые пережили болезнь.

Архивные материалы помогают нам проследить это передвижение на примере села Начики.

Рыбный запор в селе Начики, альбом А. Сильницкого

В 1812 году здесь проживали следующие семьи: Ласточкины, Пермяковы, Юрловы, Ярмины, Филатовы и Командорские.

На Пермяковых мы остановимся отдельно. Главой семьи был Егор Афанасьевич Пермяков (1776). У него были сыновья Платон (1798), Михаил и Иван.

В 1817 году появляются многочисленные Гуторовы во главе с новым тойоном села — Семеном Васильевичем Гуторовым (1773) и его сыновьями — Степаном (1793), Кириллом (1795) и Петром (1799).

Группа камчадалов в Начиках, из книги Е.П. Демидова, изданной в Лондоне в 1904 г. на английском языке

А также Григорий Иванович Заев (1786) с семьей.

В 1835 году тойоном села назначен Николай Петрович Трапезников (1885), который поселился здесь вместе с братом тезкой — Николаем (1888) — такое явление было весьма распространенным в России, когда в одной семье могло быть и два Николая, и два Ивана — имена давали по святцам, поминая святых, чей день приходился на день крещения, а имена святых Иоаннов и Николаев встречались часто.

В это же время появляется в Начиках и фамилия камчадалов Слободчиковых — Петр Иванович Слободчиков (1798) с семьей.

Здесь же в это время проживал и переселенец из села Авача Никита Никитич Табарин (1784).

В середине 1840-х годов из селения Голыгино, расположенного на юго-западном побережье Камчатки, переселяют в Начики Мерлиных.

Вообще, если начать с последней фамилии, то дело было так — после разгрома Харчинско-

го бунта и ареста бунтовщиков на Камчатку прибыла Следственная комиссия, которую возглавлял майор Якутского полка Василий Федорович Мерлин. В знак своего дружеского расположения к камчадалам он стал крестным отцом тойона острога Кунутпочич Начики Машурина, который стал теперь Егором Васильевичем Мерлиным. Его сын, получив церковно-приходское образование в Верхнекамчатске, был отправлен учителем в Большерецкий острог, откуда часть Мерлиных была переселена в село Шаромы (в долине реки Камчатки), а часть — в Голыгино, откуда и прибыл в Начики Василий Мерлин (1807). То есть все эти Мерлины являются представителями одного рода — потомками тойона Начики Машурина.

Пермяковы, скорее всего, были расселены по всей центральной Камчатке из Машуры, как и Мерлины. А вот Гуторовы, Заевы, Трапезниковы и Слободчиковы прибыли сюда с западного побережья Камчатки.

Интересна история появления на Камчатке людей с фамилией Командорский, но мне она неизвестна.

Накануне Петропавловского сражения в Начиках побывал чиновник по особым поручениям при губернаторе Камчатской области Карл фон Дитмар. И вот что он увидел: «Начика окружена живописным горным ландшафтом и представляет едва

Камчадал, староста Мерлин, альбом Б. Дыбовского

ли не наиболее высоко лежащее поселение во всей Камчатке. В нем всего 7 домов, занятых 14 мужчинами и 14 женщинами. Эти люди также переселены сюда с западного берега из-за неуместного административного усердия. До сих пор еще они не достигли благоденствия на новом месте. Стадо их состоит всего из 15 голов рогатого скота и 3 лошадей. Лососи доходят сюда с моря лишь в небольшом количестве, и этим бедным горцам приходится поэтому питаться лишь гольцами да продуктами охоты».

Тойоном (заказчиком, как в это время называлась эта должность) был в 1854 году Михаил Егорович Пермяков (примерно 1820). В архивной справке о нем сведения изложены очень кратко: «Закащик Начикинского селения Михайло Пермяков, 36-ти лет, вероисповедания православного; под судом и следствием не был; на службе состоит с 1849 г., наград не получал и ни к каким раскольничьим сектам не принадлежит».

Эта справка была дана по случаю отдельного представления Михаила Егоровича к награждению его серебряной медалью «За усердие» на Георгиевской ленте.

В чем же выражались эти особые заслуги Михаила Егоровича Пермякова?

Поднимем документы: «В письме, подписанном генерал-адмиралом и директором Морского министерства великим князем Константином и свиты его величества контр-адмиралом Н.К. Крабе, сообщалось: «Бывший Камчатский военный губернатор контр-адмирал Завойко донес мне, что по приходе в 1854 году неприятельской эскадры к Петропавловскому порту в тот же день явилось к нему 25-ть человек камчадалов с винтовками, с изъявлением готовности защищать порт от неприятеля…»

Это первое, что послужило основой для награждения — добровольцев-охотников привел с собой Михаил Пермяков.

И второе, что было особо отмечено генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьевым: «…отличался более других храбростию и стойкостию…»

Добавим к этому, что только два человека из всех гражданских лиц, участвовавших в Петропавловской обороне, были награждены этой медалью.

Среди тех, кого привел вместе с собой Михаил Егорович Пермяков, были его земляки — Прокопий Степанович Гуторов (1817), Иван Никитич Табарин (1826) и Василий Мерлин (1807). Все они были награждены памятными бронзовыми медалями на Георгиевской ленте.

Но на этом наш список лиц, имеющих отношение к Петропавловской обороне, не завершается. Как не заканчивается и письмо, подписанное великим князем Кон-

Озеро Начикинское

стантином: «...на другой же год, по приглашению его, контр-адмирала Завойки, собралась камчадалов для той же цели (оборонять Петропавловский порт. — *С.В.*) 250 человек, которые по случаю перенесения порта на Амур были употреблены для переноски из порта в окрестности всего того имущества и провианта, которые не вместились на суда, чрез что неприятелю не досталось ничего». Более половины из этих 250 человек (вероятно, те из них, кто был задействован на эвакуации наиболее важного военного имущества) были награждены памятными медалями на Андреевской ленте.

В числе награжденных был и житель села Начикинского Ермолай Петрович Гуторов (1826).

Впоследствии состав жителей села Начики снова поменялся — дети Василия Мерлина в 1884 году Ульян и Маркел Васильевичи вернулись на постоянное жительство в село Голыгино, и здесь их дети — Георгий и Николай Ульяновичи, Иван и Павел Маркеловичи Мерлины в составе Большерецкой дружины дали отпор японскому десанту, намеревавшемуся отторгнуть Камчатку от России.

А старостой села (то есть тойоном или заказчиком в другие времена) в 1904 году опять был новый человек — Дмитрий Кузьмич Уваровский (1856), сын Кузьмы Семеновича Уваровского, жителя села Авача, награжденного за нахождение в «блокадном положении» памятной медалью о Крымской войне на Георгиевской ленте. А его сын — Дмитрий Кузьмич — за активное участие в формировании народного ополчения в годы Русско-японской войны был награжден, как в свое время и Михаил Егорович Пермяков, серебряной медалью «За усердие».

Вот такова преемственность...

Памятник Ю.Ф. Лисянскому, Нежин

Герб Черниговской губернии

НЕЖИН, ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Уездный город. Очень древний. Впервые в летописях встречается вместе с упоминанием о Москве в 1147 году как Уненеж: «Поидоша (Ольговичи) на Глебль Чернигову; (Мстиславичи же) поидоша перекы, не перестигоша их до Всеволожа… уже бо — ушли бяху (Ольговичи) мимо Всеволожь… и взяша (Мстиславичи) Всеволожь град на щит… Слышаша инии гради, Уненеж, Беловежа, Бохмачь, оже Всеволожь взят, и побегоша Чернигову».

У этого города была очень сложная судьба в связи с его расположением на стыке торговых путей и межгосударственных границ, которые постоянно менялись в результате военных действий.

В 1326 году он принадлежал великим князьям Литовским. С 1500 по 1618 год им владела Москва. В период Великой Смуты его захватили поляки. Они первыми предоставили городу торговые льготы.

«Впоследствии привилегии, данные городу польскими королями, были подтверждены царем Алексеем Михайловичем и императором Петром Великим, а также и всеми гетманами, что сделал и Иван Мазепа универсалом 1697 года, в котором между прочим было сказано, что “место Нежинское из среди иных Малороссийских мест есть знатное и с начала своего добрыми и прибыльными нравами к счастливому житию людскому листовно утверждено”».

Именно с получением этих исключительных прав Нежин начал развиваться как торговый город. Но настоящий его расцвет будет связан с именем Богдана Хмельницкого.

Герб Нежина

В ходе восстания Хмельницкого в июне 1648 года Нежин заняли повстанцы, после чего го-

Памятник Богдану Хмельницкому, Нежин

род стал центром Нежинского полка. В 1654 году по решению Переяславской Рады Нежин вновь вошел в состав Российского государства.

В 1657 году Богдан Хмельницкий в целях привлечения в Нежин греческих купцов из Турции предоставляет им исключительные права на торговлю.

Результат превзошел все ожидания: «В XVII–XVIII века, благодаря расположению на торговых путях между Польшей, Турцией, Москвой, Нежин становится многонациональным городом. Здесь жили русские, греки, болгары, евреи, турки, персы, немцы, поляки. С 1650-х годов значительное влияние в Нежине получили приглашенные в город греческие купцы; в 1657 году Богдан Хмельницкий специальным универсалом предоставил им большие льготы в торговле. В 1675 году греческие купцы основали здесь свою колонию. Поселившись в Нежине, греки начали интенсивную торговлю суконными изделиями, тканями, золотом, серебром. Они имели собственный магистрат, суд, церковь, школу. Статистические данные свидетельствуют, что больше всего греков было в 1746 году — 1800 человек (7 % населения города). В 1696 году был основано Греческое братство, которое в первой половине XVIII веке реорганизовали в греческую купеческую общину.

Греческая Всесвятская церковь, Нежин

Во второй половине XVII века Нежин становится известным как торговый центр. Крупнейшими и наиболее известными были Троицкая, Покровская и Всеядная (на Масленицу) ярмарки, каждая из которых длилась по 2–3 недели. На нежинские ярмарки местные чумаки привозили соль из Крыма, тарань с Дона, а туда отвозили нежинские огурцы. Высоко ценилось мастерство нежинских кузнецов, оружейников, мастеров золотых дел, сапожников, ткачей.

Со второй половины XVII века и в XVIII веке Нежин имел налаженные связи с рынками Украины, России, Молдавии, Крыма, Германии, Австрии, Италии, Турции.

Афанасий Шафонский конце XVIII века в своем “Черниговского наместничества топографическом описании…” отмечал, что в Нежин привозили из Москвы, Казани, Оренбурга и Сибири меха, шубы, мануфактуру, из Астрахани, Саратова и Царицына — красную свежую и засоленную рыбу и икру, из Таврической области — соль и сырые овчины, из Гданьска — тонкие голландские, французские, английские сукна и шампанское вино, из Санкт-Петербурга — сахар, кофе, шелковые, шерстяные и бумажные мелкие товары, из Гданьска — тонкие голландские, английские и французские сукна, шампанское и “сученое золото”, из Кенигсберга — шелковые и шерстяные французские и не-

Ярмарка на Украине. Художник В.Е. Маковский, 1882

мецкие товары (атлас, бархат, тафта, батист, ситцы и полуситцы, кисея, чулки, камлоты), полотна голландские и немецкие, шейные и носовые платки, из Лейпцига — саксонский фарфор и шелковые, шерстяные и галантерейные товары, из Турции — шелк, кумач, табак, сафьян, мыло, из Венгрии и Молдавии — красные и белые вина, чернослив, грецкие орехи и "соль земляную окницкую", из Александрии — ладан, из Константинополя — жемчуг. Годовой оборот нежинских ярмарок "точно показать не можно, а можно оный до полумиллиона считать", что было очень высоким показателем для тех времен. В XVII веке город занимал преимущественное место в торговле с Москвой и был одним из ведущих центров внутренней и внешней торговли (в 1694 году Нежин продал Москве товаров на сумму 6970 руб., тогда как Киев — на 5 102 руб.) В 1780-е годы годовой товарооборот трех нежинских ярмарок составил 1 млн 800 тыс. руб».

Мы сделаем акцент на Сибири и ее мехах.

Нежинские греки сразу почувствовали, какие огромные барыши сулят промысловые экспедиции за морским зверем, которые формировались на Камчатке и уходили к берегам Русской Америки.

Среди самых первых из нежинских купцов на Камчатке оказался Прокопий Яковлевич Лисенков (в честь которого, по одной из версий, и названа бухта Лисинская на острове Беринга).

В 1765 году в Тобольске к Секретной экспедиции Креницына-Левашева, направленной правительством в Америку для уточнения границ империи, присоединился и П.Я. Лисенков как человек, уже «бывавший на островах» и оставивший о них «Описания».

Вторым был нежинский купец Егор Пелопонисов, фамилия которого явно указывает на турецкую родину купца — Пелопоннес. Вот что отмечал в своей книги об истории русских промысловых экспедиций Василий Берх: «...Судно, названное Св. Иоанн Предтеча, принадлежавшее компании грека Пелопонисова и лальского купца Попова, отправлено было в сем году из Нижнекамчатска к островам. Оно возвратилось в 1772 году с 60 бобрами, 6 300 котами и 1 280 голубыми песцами».

Примерно в это же время Пелопонисов стал владельцем и другой промысловой компании: «...После прибытия "Владимира" главный "компанейщик" купец Красильников перепродал свои паи тульскому оружейнику Афанасию Орехову и нежинскому купцу греку Егору Пелопонисову "с товарищи", и таким образом судно перешло в собственность другой компании».

В 1769 году: «Помянутые Пелопонисов и Попов отправили в сем году судно Св. Адриан из Камчатки. На возвратном пути в 1773 году занесено оно было бурею к Удскому острогу и сильно повреждено. Груз онаго состоял в 1200 бобрах, 996 чернобурых лисицах, 1419 сиводушках и 593 красных».

Секретная экспедиция Креницына-Левашева для Прокопия Яковлевича Лисенкова не закончилась трагически, как для многих его коллег по этому опасному ремеслу, в 1779 году, как пишет историограф российского флота В.Н. Берх: «Почтенные Голиков и Шелехов отправили в сем году судно, именовавшееся Св. Иоанном Предтечею, из Петропавловской гавани.

Греческая церковь Св. Архангела Михаила – старейший сохранившийся храм греческой общины в Нежине. Сооружена в 1719–29 гг. в греческом квартале Нежина. С тех пор ни разу не перестраивалась, благодаря чему сохранила архаичные формы балканской архитектуры

Судно сие, проведя шесть лет на ближних Алеутских островах, возвратилося в 1784 году в Охотск и вывезло 1074 бобров, 729 хвостов, 727 голубых песцов и 440 котов морских».

Их компаньоном был известный иркутский купец Сибиряков: Голикову принадлежало 56 паев, Сибирякову — 5, Шелихову — 4. Мореходом был Алексей Сапожников, передовщиком — нежинский мещанин Прокопий Лисенков. Работных людей уходило на промысел 61 человек.

Примерно в одно время с Лисенковым и Пелопонисовым на Камчатке появляется еще один представитель Нежина, родившийся в турецком (бывшем греческом) Пелопоннесе — Евстратий Иванович Деларов.

В 1764 году он отправляется в промысловую экспедицию на судне «Петр и Павел» тотемских купцов Пановых. В 1773 году — на судне «Евпл». В 1781–1786 годах — на судне «Святой Алексей», на котором достиг земли индейцев-чугачей (полуостров Аляска).

Именно его заметил Григорий Иванович Шелихов и назначил первым правителем русских поселений в Америке с центральной базой на острове Кадьяк. Именно по инициативе Деларова русские промышленники выставляли в новых местах, где они организовывали промысел, медные российские гербы в знак того, что эта земля уже принадлежит Российской империи.

В 1791 году Евстратий Иванович сдает свои полномочия новому правителю Русской Америки Александру Андреевичу Баранову, а сам вместе с купцом Бибиковым назначен ответственным по делам компании в Иркутске, а после создания Российско-Американской компании стал одним из ее директоров в Санкт-Петербурге.

Второго августа 1773 года в Нежине родился еще один человек, судьба которого будет связана с Российско-Американской компанией — Юрий Федорович Лисянский, который вместе с Иваном Федоровичем Крузенштерном осуществили первое кругосветное плавание российских моряков, проложив морскую дорогу из Кронштадта в Петропавловский порт и в Русскую Америку. Именно он оказал помощь правителю Русской Америки Александру Баранову в восстановлении столицы, уничтоженной индейцами, спровоцированных на это бостонскими (американскими) купцами, на острове Ситка и строительстве Ново-Архангельской крепости, обследовал побережье Аляски и совершил несколько открытий по пути в Русскую Америку и обратно. Его именем названы полуостров, мыс, пролив, залив и река в архипелаге Александра, бухта в заливе Аляска, остров на Гавайях.

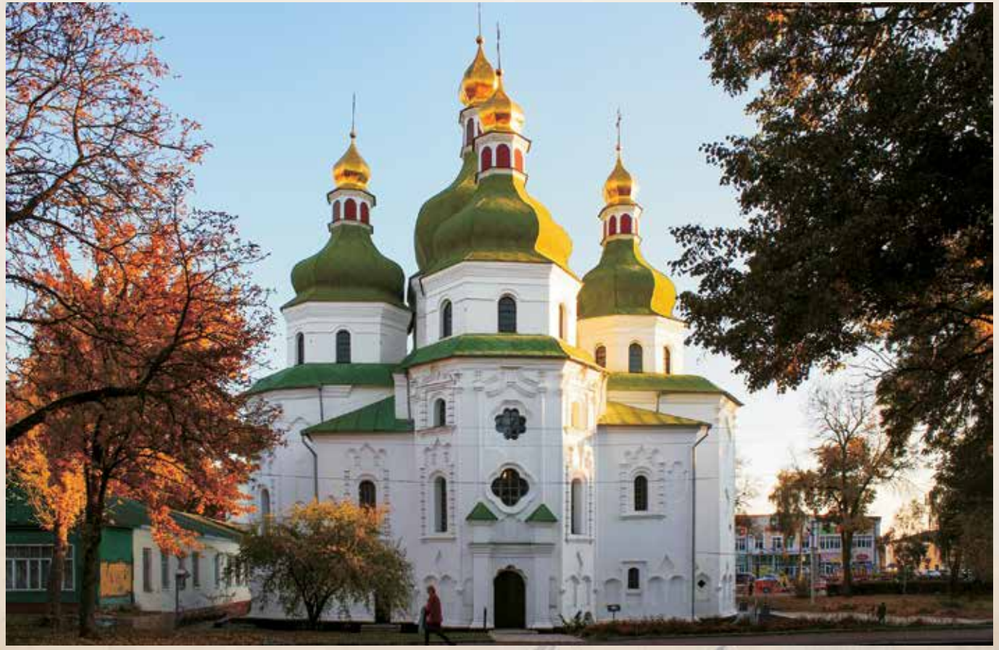
Акции РАК в результате первой и последующих за ней «кругосветок» сразу поднялись в цене. Из архивных материалов следует, что помимо наследников Деларова еще шесть нежинских греков имели акции Российско-Американской компании в 1825 году. Правда, практически все они за Нежином только числились, а предпочитали жить в Москве — Нежин с присоединением к России Крыма быстро утратил свое былое торговое значение, хотя в XIX веке о нем еще восторженно писали:

«Нежин принадлежит к числу многолюднейших уездных городов России — и по густоте своего населения и занимаемому им пространству смело мог бы стать в ряды губернских городов. В этом отношении он даже стоит выше многих из них, так как в нем больше жителей, чем во Владимире, Новгороде, Пскове, Вологде, чем в каждом из губернских городов Привислянского края — конечно, за исключением Варшавы — и даже больше, чем в главном городе губернии, к которой он принадлежит, то есть в Чернигове. Из числа же уездных городов по всей России — европейской и азиатской — едва ли найдется более десятка таких, которые бы превосходили Нежин числом жителей».

Нежинские греки построили в Нежине несколько православных храмов, образовав Греческое православное братство — до на-

Здание бывшего управления Российско-Американской компании. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки

Нежинский Николаевский собор

ших дней сохранились церкви Всех Святых и Святого Архангела Михаила, образующие оригинальный ансамбль на одной из площадей города.

Наш герой родился в Нежине в начале 1820-х годов, а на Камчатку попал как помощник комиссионера Российско-Американской компании (РАК), будучи, по всей видимости, родственником кого-то из акционеров.

Кто такой комиссионер РАК?

Структура РАК состояла из нескольких контор, управляемых из различных центров России в соответствии с направлениями их деятельности. Центральные конторы были в Санкт-Петербурге (центр управления) и в Иркутске (центр пушной торговли с Китаем через Кяхту, где также была своя контора). Вспомогательные — в Якутске, Охотске, Гижигинске и на Камчатке.

В задачу комиссионеров входило обеспечение четкого грузооборота между портами и городами России и Русской Америки по снабжению русских поселений в Америке всем необходимым и поставкам американской и камчатской пушнины в Иркутск и Кяхту.

В 1854 году таким помощником комиссионера РАК на Камчатке был нежинский грек Виктор Попов: «22-х лет, состоит на службе Российско-Американской компании с 1849 года; ныне в должности помощника комиссионера; наград от правительства не получал; под судом и следствием не состоял; веры грекороссийской и ни к каким раскольничьим сектам не принадлежит».

Это справка дана была для награждения Виктора Попова, второго гражданского лица на Камчатке, серебряной медалью «За усердие» за особые заслуги во время обороны Петропавловского порта.

Читаем документ: «Изложение дела. Генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками в оной расположенными, сообщая, кто из волонтеров, участвовавших в защите Петропавловского порта при нападении англо-французов в августе 1854 г., заслуживает особенного внимания: нежинский грек Попов и закащик Начикинского селения Пермяков, из коих первый сделанное ему поручение передавать командиру порта известия от офицеров, наблюдавших с Сигнального мыса за неприятельскими судами, исполнял отчетливо и с расторопностью под ядрами и пулями, а последний отличался более других храбростию и стойкостию, ходатайствует о награде их серебряными медалями на Георгиевских лентах, для ношения в петлице».

К сожалению, о дальнейшей судьбе нежинского героя Петропавловской обороны нам ничего не известно...

Воздвиженская церковь, Нежин

Медальон стелы «Город воинской славы» в Петропавловске-Камчатском

Герб Камчатской области

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ ЧАСТЬ 1

Известно, что история рождения Петропавловского порта связана со Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга и Алексея Чирикова. Но только история рождения — ибо с закрытием в 1742 году всех экспедиционных дел (не только на Камчатке, но и в Сибири, где она была известна под названием Великой Северной) все ее участники покинули Камчатку, бросив все, что было ими построено на берегу Ниакиной гавани в Аушином остроге (который сами авачинцы называли Анкомпо), оставшихся в истории по именам местных авачинских тойонов Ниаки и Ауши.

«Ниакина губа, — сообщал С.П. Крашенинников, — которая от зимовавших в ней двух пакетботов Петра и Павла называется ныне Петропавловскою гаванью, лежит к северу, и так узка, что суда на берегах прикреплять можно, но так глубока что в ней способно стоять и таким судам, которые пакетботов больше: ибо глубиною она от 14 до 18 футов. При сей губе построены офицерские светлицы, казармы, магазеины и другое строение от морской команды. Там же по отбытии моем заведен новый российский острог, в которой жители переведены из других острогов».

Что же касается Аушина острожка, который, по сообщению Степана Петровича, располагался «близ российского поселения», то, прибыв в него 16 марта 1740 года, Крашенинников никого здесь не застал «понеже от голоду жители того острожка разошлися». А может, просто испугались столь близкого соседства? Или были другие причины?

В «Очерке главнейших событий в Камчатке» А.С. Сгибнева есть ответ на этот вопрос: «В 1741 г., во время зимовки Беринга в Камчатке, тареинские камчадалы убили

6 человек неякинцев, живших близ Петропавловской гавани. Неякинцы жаловались об этом Берингу и объявили при этом, что тароинские камчадалы хотят истребить русских по уходе в море экспедиционных судов. На них был послан с командою прапорщик Левашев; но он не встретил никакого сопротивления со стороны тароинских камчадалов, забрал с собою главнейших виновников, а прочих жестоко наказал».

Речь идет об авачинских камчадалах из рода тойона Тареи, которые жили на противоположной от Петропавловской гавани стороне Авачинской бухты, и угроза их нападения на русских была весьма реальной. Вот что, опять же, отмечал С. Крашенинников, касаясь истории взаимоотношений авачинских камчадалов и русских казаков: «В речку Купку верстах в 4 от устья пала с южной стороны Паратун речка, над которою стоит знатной камчатской острожек того же имени. Немного повыше означенного острожка есть на реке Купке остров, на котором во время случившегося в 1731 году великого бунта тамошние жители имели укрепление и сидели в нем с полтораста человек, но оное в 1732 году раззорено казаками до основания, а жители от большей части побиты».

В связи со всеми этими событиями проявляется первое имя будущих старожилов Петропавловска. В 1739 году Мартын Шпанберг — третий руководитель Второй Камчатской экспедиции — создает любопытный документ:

«Инструкция сыну нашему Андрею Шпанбергу, по которой исполнение чинить нижеследующее:

И как будешь чинить при той губе (Авачинской. — *С.В.*) описание, то иметь тебе верное и прилежное смотрение и радетельное старание и лутчей пользе ея и. в. высокого интереса и поступать в том положенном тебе деле, как

Памятник Витусу. Берингу в Петропавловске-Камчатском

надлежит честному и верному к службе ея и. в. рабу, во всем твоем искустве и то положенное на тебя дело исполнить во всем неотменно. А для вспоможения надлежащего тебе дела определены от нас салдаты Василий Спирин да Петр Копотилов, а для толмачества иноземческих речей — толмач Алексей Мутовин. Також ежели какое вспоможение востребуетца, то требовать от тамошних жителей».

Толмач Алексей Мутовин был сыном бывшего тобольского, а теперь большерецкого казака Ивана Мутовина (Мутовкина), сведения о котором появляются в 1714 году, когда Иван Мутовин во главе отряда большерецких казаков «ходил на первый Курильский остров для “призыву” бежавшего туда с Лопатки “изменника” Ликушки с “родниками”. Ликушка платить ясак отказался, заперся в острожке и оказал сопротивление. Служилые были отбиты и бежали назад на р. Большую, еле уйдя от погони». И только через десять лет Мутовин компенсировал свое поражение: «В июне 1724 г. на курильских мужиков, напавших в прошлом году на Кушугу, из Большерецка был отправлен отряд служилого Ивана Мутовина. Отряд догнал курильцев у Камбальной (Кумбалиной, Камбалиной) речки, побил их и отнял пленных» (по материалам историка А.С. Зуева).

Алексей родился от камчадалки и потому в совершенстве знал местные языки, обычаи и нравы.

Но, будучи казачьим сыном, он стоял на стороне своего отца, и поэтому неудивительно, что именно от него было получено сообщение о возможном нападении на русский лагерь авачинских камчадалов.

Камчатские казаки

Сбор ясака, художник И. Пшеничный

Именно тогда, обсуждая причины, побуждающие аборигенов к восстаниям, морские офицеры видели главные из них в жестокости и алчности камчатских казаков, грабивших и притеснявших местное население.

Предложения по наведению на Камчатке порядка были самые разные.

Одно из них, поступившее из Сената, — разбить сложившиеся уже к тому времени казачьи сообщества и расселить казаков по разным острогам.

На что Алексей Ильич Чириков с ближними своими офицерами имел другое мнение: «...от перемешки и переводу казаков служилых и протчих руских людей тамошних жителей из острога в острог удержания камчадалом от злого намерения, тако ж и им, казакам и протчим руским людем, от непотребных их поступок, удержания ж не может воспоследствовать, но токмо им, казакам, служилым и протчим руским людем, от того переводу крайнее будет разорение, для того что многие живут в острогах, кто где поселился издавна, домами, и всякой на своем месте по тамошнему обыкновению рыбными и протчими к пропитанию своему домовными заводами уже обзаводились; и ежли их переводить с места на место — а острог от острога, как уже известно, разстоянием отстоят далеко, и пути трудный, — то им, кроме того что домы свои оставят, но и в переездах их со всеми домашними своими и с протчим немалое отягощение и убыток будет.

Тако ж и домы у иных по тамошнему месту нарочиты, а у протчих не таковы, и принуждено будет им хорошие свои домы менять на худые тем, кои на их места переведутца. К тому ж не произошло б от перевода из острога в острог руских людей, к ним казакам и служилым людем привалок, какие привалки в здешних отдаленных сторонах для собственных неправедных прибытков, от безсовесных людей, чаю, и бывают, и ежли бы, по несчастию их, какой лакомой человек возимел власть переводить на Камчатке руских людей из острога в острог, то б подлинно ко всем мог добратца и, обрав их, привести в убожество и в конечное разорение, не учиня никакой пользы. А из них казаков и служилых те, которые худова состояния, хотя их перевесть и в другия остроги, токмо без доброго их содержания, камчадалом такие ж обиды чинить могут, как и в прежних своих острогах. А ежли из них, казаков, и из протчих служилых паче чаяния явитца кто в злом согласии с камчадалами против подданных ея императорского величества руских людей, то таковыя подлежать будут не токмо переводу из острога в острог, но и тяжчайшаго наказания больше камчадалов или и смертной казни.

...Чтоб тое переводку тамошних жителей руских людей из острога в острог за вышепоказанными резонами отставить, а ко отвращению их от непотребных поступок, тако ж и ко удержанию от злых замыслов камчадалов, употребить иные удобнейшия к тому способы, из которых бы невинным не происходило напрасного отягощения, а во первых наикрепчайшее учинить запрещение, чтоб казаки и служилые и протчия тамошния жители руские люди из острогов своих к камчадалом в острожки без дела ея императорского величества и без самых крайних нужд за своими бездельными корыстьми (как они издавна повадились) отнюдь не отлучались, но жили б в острогах своих все вместе и всегда б имели от камчадалов крайную предосторожность...»

Алексей Чириков, обучавшийся в Московской навигацкой школе и Санкт-Петербургской морской академии, прекрасно понимал, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Как не мог он не понимать и другого — то, что сама государственная система воспроизводит социальное зло, порождая

Капитан-командор А. Чириков, художник В. Мягков

Маяк на мысе Чирикова

алчность и жестокость. Не случайно именно Чириков настоял на закрытии Камчатской экспедиции, от которой в Сибири и на Камчатке было катастрофическое разорение местного населения. И предложения о том, чтобы переселить казаков и тем уменьшить давление на аборигенов, были просто смешными по отношению к тому, какое разорение и беды несла сама экспедиция — и Первая, и Вторая, и Великая…

Но о ее закрытии в 1741 году, когда отправляли из Большерецка первую партию казаков в Гавань для охраны построенных зданий и имущества экспедиции, никто еще не помышлял, и казаки, естественно, полагали, что их командировка скоро закончится.

Увы…

И поэтому в первой части своего рассказа об уроженцах Петропавловска — участниках обороны родного города — мы будем говорить о потомках тех казаков, кто прибыл сюда в числе этих «командированных».

А во второй части — о тех, кого поселили в Гавани (или Авачинском остроге, как тоже первоначально называли Петропавловский порт) согласно тому самому предписанию, против которого столь категорично выступал Алексей Чириков.

В 1735 году, когда следствие по делу о Харчинском бунте, вспыхнувшем в долине реки Камчатки, но быстро охватившем всю территорию края, было завершено и вынесен приговор всем виновным, то помимо плетей, кнутов и батогов, которыми были исполосованы казачьи спины, всем виновным было теперь обеспечено и «вечное житье в Камчатке».

В этом списке мы находим три знакомые фамилии, представители которых и отправились в дальнюю и долголетнюю командировку в Петропавловскую Гавань из Большерецкого острога: Матвей Новограбленный, из иркутских дворян; Афанасей Попов; Сава Усов.

Начнем по алфавиту. Новограбленные.

Они появляются на Камчатке вместе с возвышением статуса Иркутска — в 1724 году он становится центром Иркутской провинции Сибирской губернии, в состав которой вошли города Верхнеудинск, Илимск, Киренск, Нерчинск, Нижнеудинск и Якутск. Соответственно, приказчиками и сборщиками ясака теперь ведала администрация Иркутска.

На Камчатку прибыли два брата — Василий и Матвей Новограбленные. Василий служил в Верхнекамчатске, так же как и Матвей, был привлечен к ответственности по делу о Харчинском бунте и во время экзекуции умер в Верхнекамчатском остроге.

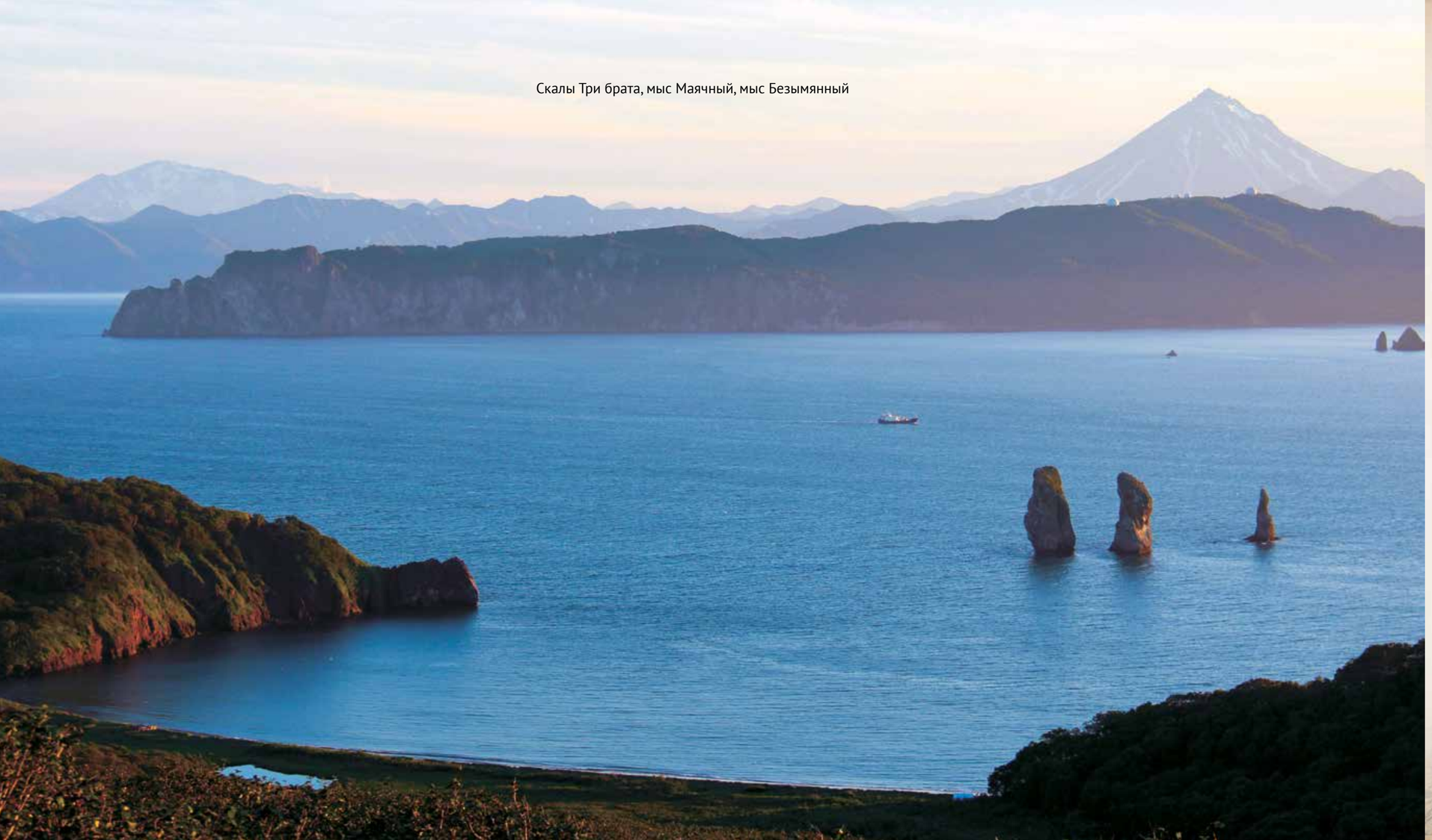
А Матвей долгие еще годы собирал ясак на Курильских островах. Затем информация об этой семье исчезает.

Мы располагаем данными только о детях уже Мирона Новограбленного, служившего в Петропавловском порту, — Иване (1768) и Родионе (1770), которые в 1815 году были уже отставными унтер-офицерами Петропавловского порта (это, по всей видимости, внуки Матвея).

Наиболее известен, благодаря дальневосточному историку Александру Ивановичу Алексееву, в истории обороны Петропавловского порта Харитон Иванович Новограбленный, хотя он и не был ее непосредственным участником.

«Интересный случай произошел на подступах к Авачинской бухте. 26 августа 1854 года бот № 1 под командованием боцмана Харитона Ивановича Новограбленного, шедший с полным грузом леса из Нижнекамчатска и ничего не знавший о событиях в Петропавловске, пришел на вид Дальнего маячного мыса, но за туманной погодой самого маяка видеть не мог; придержавшись немного к северу, рассмотрел на мысу людей, стрелявших в море из ружей и увидевши в то же время сильную эскадру, стоявшую на якоре во внутренности губы, понял, что этой пальбой предупреждают его о неприятеле. Несмотря на очевидную опасность, боцман Новограбленный, зная, что за ним идет шхуна “Анадырь” также с грузом леса из Нижнекамчатска, не теряя присутствия духа, всю ночь крейсировал перед входом в губу и хотя не нашел того судна, которого желал предупредить о неприятеле, но оказал услугу не менее важнейшую, встретив и уведомя о блокаде порта винтовую шхуну “Восток”, командир которой лейтенант Римский-Корсаков, передав на бот бумагу для доставления в порт, немедленно поворотил в море и отправился в Большерецк. После этого, несмотря на чрезвычайно сильные ветры, форсируя парусами, боцман Новограбленный все еще продолжал крейсировать перед входом, надеясь дождаться “Анадырь”; утром 27-го не видя его и заметив, что неприятель снимается с якоря, решился сам искать спасения в Вилюченской бухте, куда и укрылся».

Насколько значителен был подвиг Новограбленного, можно представить из того, что у Римского-Корсакова были весьма важные бумаги от Н.Н. Муравьева к В.С. Завойко, а шхуна не была вооружена. В свою очередь и шхуна «Восток» по пути в Большерецк, в 4-м Курильском проливе встретила шедший в Петропавловск с продовольственными запасами транспорт «Байкал» под командой Никиты Ильича Шарыпова. «Байкал» так же ушел в Большерецк. Таким образом, благодаря боцману Новограбленному двум русским кораблям удалось избежать неожиданной встречи с неприятелем.

Скалы Три брата, мыс Маячный, мыс Безымянный

Сам же Новограбленный с места своей стоянки послал сухопутным путем к Завойко известие о шхуне «Восток» и передал ему письма от Римского-Корсакова. 1 сентября, после ухода англо-французской эскадры, Новограбленный благополучно привел свой бот в Петропавловск».

Александр Иванович собрал и биографический материал о Харитоне Ивановиче Новограбленном: «...Х.И. Новограбленный родился в солдатской семье на Камчатке в 1817 году. В 1834 году он поступил матросом 2-й статьи на службу, а в 1849 году стал боцманом. Плавал на многих судах Охотской флотилии, был смотрителем маяков Авачинской губы и лоцманом. В 1851 году — командир бота №1. За находчивость и мужество при защите Петропавловска был 15 декабря 1854 года произведен в прапорщики. Участвовал на том же боте в переходе в залив Де-Кастри и в устье Амура. 17 апреля 1862 года произведен в подпоручики и “находился при береге в портовой комиссии и смотрителем такелажного и парусного мастерства”. Последние сведения о нем относятся к 1865 году. Вполне возможно, что последние годы жизни он провел на Камчатке — своей родине» (А.И. Алексеев «Сыны отважные России»).

По нашим сведениям, непосредственное участие в сражении принимал племянник Харитона Ивановича унтер-офицер

Иннокентий Давидович Новограбленный – родоначальник той ветви Новограбленных, которые первыми поменяли свою фамилию на Новограбленов (Трифон Иннокентьевич), представителем рода которых был Прокопий Трифонович Новограбленов – известный камчатский ученый и краевед.

Поповы. Поповых на Камчатке было много. Поэтому можно и ошибиться, связав братьев Поповых — Игнатия (1828) и Григория (1832) Ивановичей — с большерецкими казаками Поповыми. Тем более что они уже являются не казачьими, а солдатскими детьми. Точнее, матросскими, так как их отец — Иван Иванович Попов (1799) сам был казаком, а в 1825 году был переведен в Петропавловскую экипажную роту и дослужился до чина квартирмейстера.

Но это не умаляет их заслуг.

Игнатий Иванович Попов был непосредственным участником обороны Петропавловского порта, а вместе с братом они участвовали и в сражении в заливе Де-Кастри 8–9 мая 1855 года, когда корвет «Оливуца» (на котором находился Игнатий) и транспорт «Иртыш» (где был Григорий), следующие в Николаевск-на-Амуре, вступили в бой с судами англо-французов.

Усовы. У боцмана Павла Васильевича Усова, который был взят в плен вместе со своей семьей на парусном плашкоуте гребными судами англо-французской эскадры, о которой мы уже рассказывали, в 46-флотском экипаже служили также братья — Федор (1830) и Филипп (1832) Васильевичи Усовы, которые, как и сам Павел Васильевич, принимали участие в обороне Петропавловска. Впоследствии все они служили в Николаевске-на-Амуре, где и остались жить, выйдя в отставку.

Впоследствии Юлия Завойко в своих «Воспоминаниях…» пересказала историю семьи Усовых со слов жены Павла Васильевича — Рахили Ивановны:

«21го августа въ часъ пополудни отъ адмиральскаго французскаго фрегата отвалила шлюпка и направилась къ Сигнальному мысу: то была наша шестерка, взятая непріятелемъ вмѣстѣ съ плашкоутомъ. На ней пристали къ берегу: унтеръ-офицеръ Усовъ съ женою и двумя маленькими дѣтьми, и молодой матросъ Киселевъ; первый передалъ мужу записку:

Monsieur le gouverneur.

Les chances de la guerre, ayant fait tomber entre mes maina une famille russe. J'ai L'honneur de vous la renvoyer.

Recevez monsieur le Gouverneur, l'assurance de ma haute considération.

L. Amiral K. Despointe.

Усова разказывала что адмиралъ — старикъ, что онъ ласкалъ ея маленькихъ, смуглыхъ ребятишекъ, давалъ имъ конфетъ и говорилъ матери, или она это уже себѣ такъ истолковала, что у него во Франціи остались также маленькія дѣти. Камчадалка любила это разказывать. Во время сраженія ихъ держали внизу; они говорили что видѣли раненыхъ на фрегатѣ. 21го августа адмиралъ сказалъ что отошлетъ женщину одну съ дѣтьми, но та съ отчаяніемъ ухватилась за мужа и объявила что она не оставитъ его. Адмиралъ не могъ противостоять слезамъ и рыданіямъ женщины. Впрочемъ Усовъ на видъ невзрачный, черненькій, худенькій, хиленькій, сѣденькій старичокъ. Не подозрѣвалъ адмиралъ какіе мѣткіе стрѣлки наши Камчадалы… Выпросивъ мужа, Камчадалка выпросила и брата, на видъ почти юношу».

Иннокентий Игнатьевич Попов (сын Игнатия Ивановича) в 1904–1905 годах, когда над Камчаткой нависла угроза захвата ее японцами, состоял в Петропавловской дружине народного ополчения.

Что же касается семьи Новограбленовых, то Прокопий Трифонович в годы политических репрессий был объявлен центральной фигурой в так называемом деле «Автономная Камчатка» (шпионско-повстанческая и вредительская организация) и вся его большая семья — братья, сестры, их дети — были кто расстрелян, кто выслан с Камчатки. По этому делу проходило 104 человека, в основном уроженцы Камчатки, многие из которых были расстреляны 1 января 1934 года, а впоследствии реабилитированы, как невиновные…

Камчатка. Гравюра с рисунка Фридриха фон Китлица, сделанного в экспедиции 1826–1829 гг. на шлюпе «Сенявин»

ЧАСТЬ 2

Второй этап заселения Авачинского острожка, или Гавани был начат во второй половине 18-го столетия.

По данным за 1748 год, в Верхнекамчатском остроге, который еще недавно был административным центром края, произошли коренные изменения — с острога был снят статус казачьего поселения, а верхнекамчатские казаки переведены в разряд разночинцев, не имеющих определенной сословной принадлежности.

И это не было случайностью — на мой взгляд, таким образом исполнялось то самое предписание Сената, против которого возражал капитан Чириков — о насильственном расселении по разным острогам тех казаков, от которых было, по мнению администрации, наибольшее зло для аборигенов.

Вид Петропавловского порта на Камчатке с Сигнального мыса. Тонолитография

А Верхнекамчатск в те годы был главным заводилой всех бунтов.

В 1707 году верхнекамчатскими казаками был лишен власти Владимир Атласов.

В 1711 году они же убили трех приказчиков, в том числе и самого Владимира Владимировича.

В 1712 году они снова взбунтовались и разграбили соседний Нижнекамчатский острог.

В 1731 году отказались выдать следствию тех своих людей, которые были виновны в восстании камчадалов.

А теперь попробуем отыскать тех из них, кто оказался на ПМЖ (постоянном месте жительства) в Петропавловском порту.

Анкудиновы (Анкидиновы). Эта фамилия была известна в Якутии еще со времен Семена Дежнева, когда Герасим Анкудинов: «в 1642 г. без разрешения якутского воеводы… “бежал” с реки Яны на северо-восток и, будучи на Колыме, занимался грабежами торговых людей», а затем, так же без разрешения («наказа») воеводы, «своевольно» отправился в морской поход вслед за кочами торгового человека Федота Попова. Участники этой экспедиции, за исключением Семена Дежнева с небольшой группой людей, погибли — кто в море, кто на суше…

Но на этом история фамилии Анкудиновых на Чукотке не закончилась, и по-прежнему она самым коренным образом связана была с Анадырем.

В 1688 году в Якутске верстан в казаки Степан Анкидинов, казачий сын. Вполне возможно, что его отцом был анадырский казак, который по сообщению Б.П. Полевого был убит чукчами в 1689 году (а по сообщению А.С. Зуева был жив — в 1692 году в «коряцкую землю для разговоров и призыву» в подданство ходил казак Иван Анкудинов. Он благополучно вернулся и принес «10 лисиц красных, и те лисицы взял с коряк в ясак»). Другой из сыновей Анкидинова — Иван — пробыл в плену у чукчей двенадцать с половиной лет и был освобожден из плена только в 1709 году.

В 1706 году в седьмой пятидесятне Якутского казачьего полка служит Федор Григорьев сын Анкидинов, который в 1707 году был заказчиком (управляющим) Верхнекамчатского острога, а в 1711 году в составе верхнекамчатских же казаков участвовал в бунте, возглавляемым атаманом Данилой Анцыферовым и есаулом Иваном Козыревским.

В 1732 году служилый Василий Анкудинов был в составе экипажа «Святой архан-

гел Гавриил», подошедшего к берегам Большой Земли — Аляски.

В 1812 году в Камчатском гарнизонном батальоне в роте майора Крупского в Петропавловском порту служил Семен Архипович Анкудинов.

В 1854 году отставной казак Камчатской казачьей команды Николай (Семенович?) Анкудинов принимал участие в обороне Петропавловского порта.

Безсоновы. В 1723 году управителем (заказчиком) Верхнекамчатского острога был назначен казак Безсонов. По моим предположениям, это был якутский казак Иван Иванович Безсонов, который в 1706 году служил в четырнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

В 1854 году участником Петропавловской обороны был казак Камчатской казачьей команды Иван Безсонов.

Дурынины. Красной чертой через все события первых тридцати лет в истории колонизации Камчатки проходит имя Никиты Дурынина, уроженца Тобольска, который был в числе тех, кого в 1712 году «на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

Никита Дурынин, тобольский казачий сын, остался также в истории Камчатки и как командир сводного карательного отряда: в 1713 году по приказу приказчика Ивана Енисейского «...был поход из Нижнего Камчатского острогу на Авачю реку, где убили Данила Анцыфорова с товарыщи, а было во оном походе служивых 120, да камчадалов 150 человек под командою служивого Никиты Дурынина, которые, пришед под острожек авачинских иноземцов, стояли под ним недели с две, а между тем приступали они под острожек два раза, а взять его не могли. Напоследок его огнем сожгли, и бывших в нем иноземцов, которые во время пожара из острожку выходили, побивали, оставя малых людей, которые до пожару своею волею из острожка к ним приходили и ясак платить обещались.

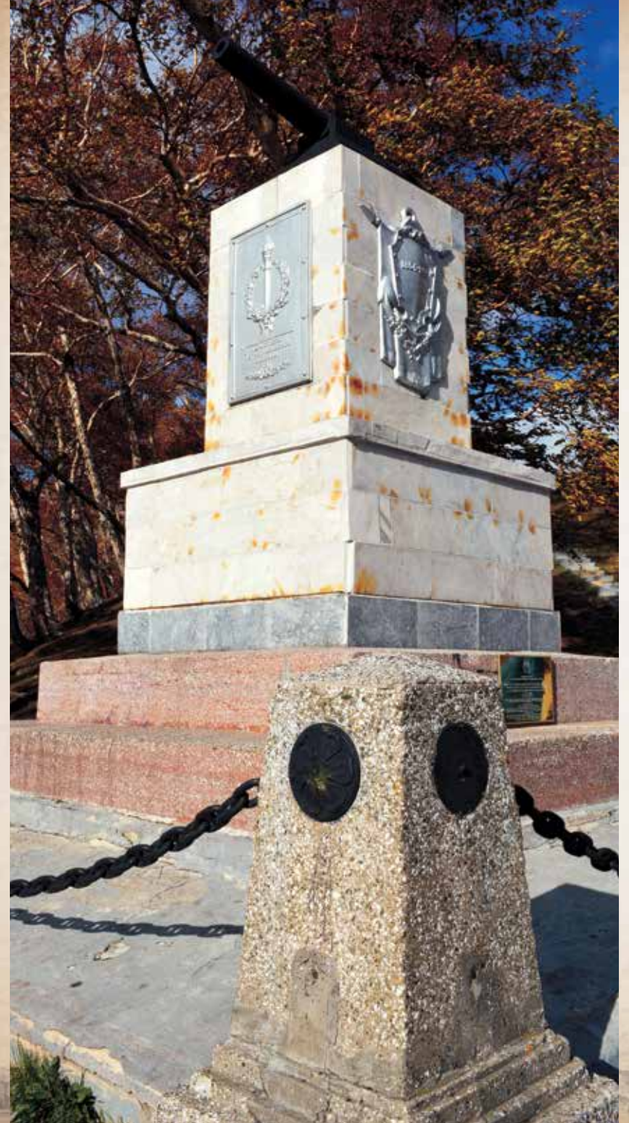
Оттуда походчики пошли на реку Паратунку, где был иноземческой острожек, которой також де боем взяли, а по взятии оного острожка оставших с бою иноземцов и ясак платить принудили.

От того времени на Аваче реке ясак платить стали иноземцы, а прежде того не плачивали, но все почти в измене были».

Его сын, Никита Никитич, верхнекамчатский разночинец в 1748 году, через двадцать лет был уже квартирмейстером (унтер-офицером), а впоследствии и боцманом Охотского порта, участником экспедиции Креницына-Левашева к берегам Русской Америки, а его собственные дети и внуки

Главная улица в Петропавловске — ККМПИ-23069

Памятник героям батареи № 3 лейтенанта Александра Максутова

служили в Охотском и Петропавловском портах в казаках и в матросах.

Аникита Сидорович Дурынин (06.08.1822) в 1839 году вступил в службу учеником 2-го класса в Охотскую флотилию. В 1841 году произведен в кондукторы корпуса флотских штурманов; в 1855 на транспорте «Иртыш» участвовал в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри; в 1868 году переведен в 8-й флотский экипаж; 8-го флотского экипажа корпуса флотских штурманов штабс-капитан, в 1869 году зачислен в резерв по флоту.

Гаврило Дурынин сын Тимофеев (1794), отставной матрос, участник боевых действий по обороне Петропавловского порта 18–28 августа 1854 года Из казачьих детей. В 1807 году зачислен казаком в Камчатскую казачью команду. В 1819 году определен матросом 2-й статьи в Камчатскую экипажную роту; с 1828 года — матрос 1-й статьи, с 1842 — плотник 2-го класса; отставной военный в 1846 году.

Гаврило Дурынин сын Пантелеев (1834) — матрос 2-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Федор Дурынин сын Иванов (1836) — матрос 1-й статьи, в 1853–1854 годах на корвете «Оливуца» совершил переход в порт Гонолулу и обратно, в мае 1855 года в заливе Де-Кастри на том же корвете участвовал в действительном сражении с англо-французской эскадрой.

Дюковы. Среди казаков, сожженных заживо вместе с атаманом Анцыферовым в 1712 году, был и тобольский казачий сын, верстанный Владимиром Атласовым вместе с Дурыниным, Матвей Дюков. Но, вероятно, он был не единственным здесь представителем этой фамилии. Казак Григорий Андреевич Дюков (1791) в 1807 году поступил на службу в Камчатскую казачью команду, но через десять лет был пойман на воровстве, «гонен шпицрутенами через 1000 человек один раз» и переведен в Петропавловскую экипажную роту каноиром. У него было трое детей — Семен и два Андрея. Брат Григория Егор Андреевич за сокрытие этого преступления был переведен из казаков в матросы.

В списке имен участников обороны Петропавловского порта мы находим четырех Дюковых:

Андрей Дюков сын Григорьев (1836) — матрос 2-й статьи, в 1853–1854 годах на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 году на этом же корвете участвует в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри.

Андрей Дюков сын Григорьев (1826) — матрос 1-й статьи, поступил в Камчатскую экипажную роту в 1840 году, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры в заливе Де-Кастри.

Семен Дюков сын Егоров (1826) — матрос 1-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на корвете «Оливуца» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Семен Дюков сын Григорьев (1833) — матрос 1-й статьи, в 1853–1855 годах на корве-

те «Оливуца», в 1855 году принимал участие в сражении против англо-французской эскадры в залтве Де-Кастри.

Дмитриевы. Среди верхнекамчатских разночинцев в 1748 году числились и братья Дмитриевы — Андрей и Егор. Первое упоминание о якутских казаках Дмитриевых мы встречаем в документах, датируемых 1669 годом.

В списках 47-го флотского экипажа: Семен Дмитриев сын Александров (1814) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, поступил в Камчатскую экипажную роту канониром в 1831 году, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.».

Ломаевы. Тобольский казак Семен Леонтьев сын Ломаев был участником первого похода Владимира Атласова на Камчатку, а впоследствии неоднократно оставался наказным атаманом (приказчиком) Верхнекамчатского острога. Это под его руководством в 1707 году был отстранен от власти казачий голова Владимир Владимирович Атласов.

В 1854 году: Петр Ломаев сын Степанов (1832) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1849 году поступил в Камчатскую экипажную роту, в 1853–1854 годах на транспорте «Иртыш», в 1855 г. на транспорте «Двина» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

Наяновы. Впервые эта фамилия встречается в камчатской истории в связи с убийством Владимира Атласова. Вот что писал по этому поводу С.П. Крашенинников: «Пришедши под Нижней острог тайно, и ставши за протокою Камчатки реки, составили они ложную грамоту к Володимеру Атласову и послали оную с тремя служивыми с Григорием Шибанкою, да с Алекеем Посниковым, да с Наянковым, которые пришедши к Володимеру Атласову, подали ему помянутую составную грамоту, и как он стал читать помянутую грамотку, то ево Григорей Шибанко нечаянно ножем в бок заколол…»

В 1713 году Наянов уже под именем Андрея Петровых в числе «воров и бунтовщиков, пущих в злому умыслу заводчиков и смертных убийцов», казнен.

Через сто лет в Петропавловском порту служит в казаках Елизар Степанович Наянов (1790), а в Петропавловской экипажной роте — его брат Козьма Степанович.

А в 1854 году участие в обороне Петропавловска приняли его сыновья.

Илья Наянов сын Елизаров (1827) — матрос 1-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Матвей Наянов сын Елизаров (1821) — матрос 1-й статьи, в 1843 году служит на военном боте «Алеут», в 1844–1845 годах на транспортном боте «Камчадал», «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Матвей Наянов сын Елизаров (1832) — матрос 1-й статьи, в 1853–1854 годах на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 году на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Петуховы. В 1712 году в Верхнекамчатском остроге служит Василий Петух (Петухов), который отказался участвовать в казачьем бунте Константина Кыргызова 1712 года. В 1748 году в списке разночинцев есть и имя его сына — Петра Васильевича. Впоследствии Петуховы служат в Тигильской крепости. А в Петропавловской обороне примет участие матрос Роман Михайлович Петухов (1836).

Скребыкины. Эта, как и многие другие камчатские фамилии, связана с Тобольском — в 1638 году в отряде первого якутского воеводы Петра Головина был тобольский казак Данилко Лукьянов сын Скребыкин (Сребычкин), а в 1652 в списках якутских казаков появляется и имя его брата Оксенки Лукьянова сына Скребыкина (Скребычкина).

Впоследствии их, уже якутский, род разросся. Самый высокий карьерный рост был у десятника Матвея Скребыкина, который в 1710 году был назначен приказчиком Анадырского острога. В 1748 году в числе разночинцев Верхнекамчатского острога числился Дмитрий Скребыкин. В 1854 году участие в обороне Петропавловского порта принимает отставной унтер-офицер Василий Петрович Скребыкин (1802).

Тихоновы. В 1748 году среди разночинцев Верхнекамчатского острога отмечены отец — Иван и сын — Василий Иванович — Тихоновы.

Казачий сын Максим Астафьевич Тихонов (1808) был записан в 1827 году в Петропавловскую экипажную роту, а в 1854 году, будучи уже отставным матросом, участвовал в обороне Петропавловска.

Но это перемещение коснулось не только верхнекамчатцев.

Атласовы. Любопытна судьба камчатских потомков Владимира Владимирови-

Петропавловск, вид на Никольскую сопку

ча Атласова, о которых долгое время было мало что известно.

Сын казачьего головы пятидесятник Иван Владимирович Атласов долгие годы служил на Камчатке. Его сын Иван Иванович в 1743 году произведен анадырским командиром Д.И. Павлуцким в сотники. В Удском остроге служит Никита Иванович Атласов, отец большого семейства, старшим сыном которого был потерявшийся было в истории рода Семен Никитич Атласов

Вот его биография, отчасти объясняющая причины его «потери» в родном семействе.

Поступил в якутскую боярскую команду унтер-офицером 01.04.1797 года. Вахтерским помощником в штат провиантский — 01.05.1799 года.

В 1812 г. разжалован в рядовые и зачислен в Камчатский гарнизонный батальон: «1812 г. по суду и конфирмации Генерал-Аудитора и согласно мнения исправлявшего должность Генерал-Провиантмейстера Генерал-Адъютанта Меллера Закомельского, будучи в штате провиантском служителем, за учиненные буйственные поступки прогнан шпицрутенами через 1000 человек 3 раза с выключкою из штата провиантского в Камчатский гарнизонный батальон рядовым».

В 1813 году — «военнопосельщик» в селе Нижнекамчатск.

В 1816 году зачислен матросом в Камчатскую экипажную роту. В 1819 г. зачислен в вахтеры. В этой должности служил в 1845 году, будучи уже в возрасте 69 лет.

Двое из его сыновей были участниками обороны Петропавловского порта: Иван Семенович Атласов (1836), матрос 1 статьи 47-го флотского экипажа; Степан Семенович Атласов (1844), кантонист, участник обороны Петропавловского порта, награжден бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 годов. Закончил Николаевское-на-Амуре штурманское училище (учился вместе с будущим адмиралом С.О. Макаровым), кондуктор Корпуса флотских штурманов.

С 1862 года, находясь в экспедиции подполковника корпуса флотских штурманов В.М. Бабкина, плавал на клипере «Разбойник» (под командованием лейтенанта В.И. Попова) и корвете «Калевала» (под командованием капитан-лейтенанта Ф.Н. Желтухина) в заливе Петра Великого, занимаясь описью и промером со шлюпок. В 1865 г. служил штурманским кондуктором на пароходо-корвете «Америка» (под командованием капитана 2 ранга А.А. Болтина). В 1867–1868 годах непосредственно Атласовым произведены опись и промер банки к северу от полуострова Песчаный, зимний промер северной части Амурского залива и устья реки Раздольной. По имени Атласова названы банка и мыс в Японском море.

Был еще и третий сын у Семена Никитича — Василий Семенович Атласов (1830), зачисленный в матросы Камчатской экипажной роты в 1845 году и служивший флотским писарем, но в списках 47-го флотского экипажа его имени нет, вероятно, по какой-то причине (может быть, по ранению) оставлен на Камчатке, где у него родились дети: Михаил Васильевич Атласов (1857–15.05.1911), крестьянин села Паратунка, проживающий в селе Микижа и селе Николаевка; Дамиан Васильевич Атласов (1861), крестьянин сел Микижа и Николаевка; Спиридон Васильевич Атласов (1865).

Сын Спиридона Васильевича — Василий Спиридонович (1890 г.р.) был приговорен по статье 58 УК РСФСР в январе 1936 года (арестован в июне 1934) к пяти годам тюрьмы.

К сожалению, мы до сих пор не можем разыскать современных потомков Владимира Атласова по этой камчатской ветви.

Белокопытовы. Иван Егорович Белокопытов (1802) отставной унтер-офицер. В 1824 году он поступил на службу в Камчатскую казачью команду, а в 1825 году переведен в Петропавловскую экипажную роту бомбардиром.

Белокопытовы — изначально енисейские казаки. В 1661 году отмечены в Якутске. В 1688 году енисейский казак Иван Белокопытов служил в Иркутске, а затем переведен в Селенгинский острог. Другой Иван Белокопытов был участником обороны Албазинской крепости в 1685–1686 годах, а потом переведен в Нерчинск. Из Иркутска, Селенгинска и Нерчинска начиная с 1720-х годов шло формирование военных гарнизонов Камчатки.

В Петропавловской обороне принимал участие матрос Петр Дмитриевич Белокопытов (1827), который затем на фрегате «Аврора» участвовал в сражении с англо-французами в заливе Де-Кастри.

Киренские. Якутские казаки Киренские, судя по фамилии, уроженцы города Киренска. Ивашка Киренский служил в Якутске в 1661 году, а в 1706 году в седьмой пятидесятне Якутского казачьего полка, вероятно, служил уже его внук Иван.

В 1854 году участие в обороне Петропавловского порта принимали урядник Камчатской казачьей команды Аким Данилович

Петропавловский порт на Камчатке,
Berthold Carl Seemann, 1858 г.

Киренский (ранен в лицо) и его сын пятидесятник Михаил Акимович.

Колычевы. В Нижнекамчатске в 1748 году служит в казаках Алексей Колычев.

В 1855 году: Николай Колычев сын Иванов (1833) — матрос 1-й статьи, уроженец Камчатской области, из солдатских детей, в 1853–1855 годах на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 году принимал на нем участие в сражении против англо-французской эскадры.

Коневы. Казак Василий Конев, «ясашный сборщик» в Нижнекамчатском остроге по результатам следствия о причинах Харчинского бунта был в 1735 году бит кнутом.

Казаком в Петропавловском порту служил Никита Константинович Конев (1814), который «был ранен пулею в правое предплечье» во время сражения 5 сентября 1854 года.

Другой представитель этого казачьего рода — Карп (Поликарп) Тимофеевич Конев (1784) начинал свою службу казаком, а в 1815 году переведен в Петропавловскую экипажную роту. Участие в Петропавловской обороне принимали его сыновья.

Степан Конев сын (Поли)Карпов (1830) — матрос 1-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Рисунок Тейлора по фотографии, запечатленной в российской газете «Нива»

Харлампий Конев сын Поликарпов (1836) — матрос 1-й статьи, в 1853–1854 годах на корвете «Оливуца» совершал переход в порт Гонолулу и обратно, в 1855 году на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры в заливе Де-Кастри.

Краснояровы. Разночинцами записаны в 1748 году в Большерецком остроге бывший казак Афанасий Краснояров и его сын Михаил. В 1854 году среди казаков, оборонявших город, был Константин Онуфриевич Краснояров: «участвовал в сражении, находился при полевой пушке, стоявшей “на Кошке”, где ныне сооружен памятник “Слава”», а также и его отец — Онуфрий Краснояров, отставной казак.

Фамилия эта очень распространенная. Много казаков Краснояровых служило в Якутском казачьем полку.

Куриловы. Андрей Курилов сын Яковлев служил в восьмой пятидесятне Якутского казачьего полка и прибыл на Камчатку в 1712 году в составе отряда Василия Севастьянова Щепеткого. Он был из якутских уроженцев — его брат Иван Яковлевич был поверстан в Якутске в казаки в 1689 году и в 1706 году был десятником в двенадцатой пятидесятне.

То есть якутский вариант не только появления, но и закрепления этой фамилии на Камчатке не исключается. Хотя возможен и другой вариант — в Нерчинске в 1744 году взят в рекруты Тимофей Курилов.

Как бы там ни было, но реальная родословная камчатских Куриловых начинается с Дмитрия Борисовича Курилова (1795) — это боцман, уроженец Камчатки, из солдатских детей, зачислен в Петропавловскую экипажную роту в 1813 году, в 1817 году на бриге «Рюрик» ходил в Кронштадт и обратно, в 1821 году по приказу П.И. Рикорда «за развратное поведение и худые поступки» переведен из боцманов в матросы 2-й статьи, затем вновь дослужился до боцманмата.

Огибаловы. Фамилия, отмеченная в документах Якутской приказной избы за 1654 год, казака Баженки Аникеева сына Огибалова, из енисейских казаков, служивший еще при атамане Иване Галкине.

Казак Камчатской казачьей команды Алексей Огибалов был участником Петропавловской обороны.

Ордины. Ордин Влас Иванович (1840) был казаком, служившим в Петропавловской казачьей команде, хотя в период обороны Петропавловского порта ему было только четырнадцать лет — но именно в этом возрасте верстали уже в казаки.

Его дед — Петр Ильич Ордин (1770–1852) — служил подканцеляристом в Нижнекамчатске, а с закрытием этого уездного города перебрался в Тигиль и стал казаком.

В Тигиле служили отец и брат Власия Ивановича, а сам он был переведен в Петропавловский порт.

Пшенниковы. Тимофей Пшенников в 1748 году был разночинцем в Большерецком остроге. Потом Пшенниковых мы встречаем в разных местах. Дмитрий Федорович Пшенников (1758) был сотником в Нижнекамчатске. Януарий Пшенников был рядовым казаком в Гижиге. А Григорий, судя по тому, что женами его сыновей были жительницы окрестностей Петропавловского порта, служил в Гавани. Участником обороны порта был петропавловский казак Иван Григорьевич Пшенников.

Русановы. Александр Русанов — сотник Анадырской команды, убит в 1731 году в Нижнекамчатском остроге во время восстания камчадалов.

А в 1854 году в обороне Петропавловска участвует Прокопий Русанов — казак Камчатской казачьей команды.

Соколовы. В 1721 году Григорий Соколов Алексеев, казачий сын, был взят из Нерчинска «в службу» на Камчатку.

Григорий Соколов сын Егоров (1835) — матрос 2-й статьи, в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу и обратно, в 1855 году на том же корвете принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Соловьевы. «В 1692 г. казак Мартын Жегорев с 70 служилыми людьми совершил поход по побережью к «Колымским вершинам». В то же время отряд под командой Ивана Соловья, поддержанный тауйскими и ямскими племенами, двинулся по морю в сторону Пенжинского залива «на Коряцкую землю». «Шли они, — рассказал Иван Соловей, — до Коряцкой земли водою, морем-окияном в ботах восемь недель».

Это был Иван Антипин Соловей, якутский казак.

В 1710 году убит на реке Большой камчатский казак Конон Федоров сын Соловьев.

Один из Соловьевых был и в отряде Владимира Атласова, набранного им по пути из Москвы из казачьих детей: «Между тем некоторые из спутников В.В. Атласова, опасаясь наказания за участие в погроме, послали в Якутск челобитные, в которых подробно описали инцидент, произошедший на Ангаре, и заявили, что де они и сами уже осудили разбойную акцию Атласова. Среди писавших эти покаянные письма были тобольские, томские и енисейские казаки, а именно: Афанасий Поповцев, Сергей Ружников, Ларион Бельский, Константин Соловьев, Дмитрий Журавлев, Василий Шишкин, Савва Ярофеев и другие. Атласов был в гневе на “предателей” и грозил расправой…».

И далее: «…в 1729 году в апреле месяце изменили было курильские иноземцы, тойон Пекера с родниками, которые посыланных за ясашным збором служивых Осипа Соловьева с товарыщи в юрте заперли и зажечь хотели, но оные служивые, разломав юрту, оттуда вышли, а оные иноземцы розбежались. При выходе из юрты несколько служивых ранили, а они служивые убили одного иноземца».

В 1731 году Осип Соловьев был одним из руководителей карательной экспедиции против восставших камчадалов. По итогам следствия по Харчинскому бунту получил в Большерецком остроге 100 ударов кнутом.

В 1794 году родился его внук Осип, отец участника Петропавловской обороны казака Евгения Осиповича Соловьева (1834).

Петропавловск, из книги Фредерика Уимпера, 1869

Сысоевы. О нижнекамчатском служивом человеке Ефиме Сысоеве упоминает в «Описании земли Камчатки» С.П. Крашенинников. В 1722 году Ефим был взят из Иркутска на службу в «Камчатскую экспедицию».

В 1854 году в обороне Петропавловского порта приняли участие Герасим Егорович Сысоев (1824), марсовый матрос 46-го флотского экипажа; казаки Камчатской казачьей команды Николай и Петр Петровичи Сысоевы.

Неворотовы. Впервые эта фамилия обозначилась в Таре — здесь служили дети боярские Неворотовы. Вполне вероятно, что впоследствии они были переведены в Тобольск, где Владимир Владимирович Атласов и поверстал в свой отряд в числе 50 казачьих детей из лучших тобольских казачьих семей Петра Неворотова, записанного в 1706 году в четырнадцатую пятидесятню Якутского казачьего полка.

Судьба Неворотова на Камчатке складывается самым необычным образом — он, участвуя в казачьих бунтах Данилы Анцыферова (1711) и Константина Кыргызова (1712), выходит не только «сухим из воды», но и назначается в 1713 году приказчиком Большерецкого острога (правда, Иван Козыревский, есаул в отряде мятежного атамана Анцыферова, власть ему не сдает). В 1794 году в Нижнекамчатске родился Дмитрий Петрович Неворотов — вероятно, внук Петра. А в 1854 году внук Дмитрия Петровича казак Иннокентий Петрович Неворотов принимает участие в Петропавловской обороне.

Расторгуевы. В Тобольске казаки Расторгуевы занимали почетные места среди казаков литовского списка, а также — детей боярских, служили и в атаманах. По-видимому, не случайно и Осип Расторгуев в 1746 году был приказчиком Нижнекамчатского острога — с неба такие назначения не падали (правда, и в Якутске в 1690 году был казак Осип Расторгуев, который в 1706 году служил в четвертой пятидесятне — но уж очень большая разница в возрасте, чтобы это был один и тот же человек).

История же происхождения самой фамилии связана с торговлей: расторгуи — это, как правило, мелкие оптовики. И кстати, в Якутске в 1654 году был такой торговый человек Григорий Яковлевич Расторгуев.

В обороне Петропавловского порта, в числе волонтеров, принимали участие отставные матросы Михаил Павлович Расторгуев (1805) и Михаил Васильевич Расторгуев (1804), оба из казачьих детей.

Третьяковы. Третьяк — третий по счету сын в семье. Поэтому фамилия была весьма распространенной. Она была и в Тобольске, и в Томске — центральных городах Сибири 18-го столетия. Но на Камчатке первым из Третьяковых обозначился посадский (то есть торговый) человек Захар Третьяков, убитый восставшими камчадалами в 1731 году. Как правило, посадские люди имели на Камчатке уже «постоянную

прописку» и обзаводились семьями, а детей их нередко верстали в казаки на «убылые» места. В 1771 году в Большерецке служил в матросах казак Дмитрий Третьяков. В 1846 году проживал в селе Авача отставной камчатский казак Иван Петрович Третьяков (1799), сын которого, Яков Иванович (1824), матрос 1-й статьи 46-го флотского экипажа принимал участие в обороне Петропавловского порта.

Чарковы. Егор Чарков сын Афанасьев (1830) — матрос 1-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении в заливе Де-Кастри.

Его отец Афанасий Алексеевич Чарков происходил из казачьего сословия и с 1817 по 1825 годах служил в Камчатской казачьей команде, а затем был переведен в матросы Петропавловской экипажной роты и дослужился до квартирмейстера — унтер-офицерского звания. В казаках продолжал служить его брат — Гаврила Афанасьевич.

Чарковы (Тарковы) — исходно тобольская казачья фамилия, но уже в 1669 году она отмечена (правда, трагически, и в Охотске): «…из Охотского городка были посланы на реки Тауй и Ола “служилые люди” Константин Дмитриев (см. выше), Лев Андреев, Степан Чарков и Степан Жемчужник для жемчужного промыслу, для “добора” ясака и для “проведывания коряков и каменья”. Возможно, отряд был больше — целая комплексная экспедиция. Но поход закончился неудачей. Дмитриев, Чарков и Андреев были убиты на Тауе».

Чеботнягины. В 1706 году во второй пятидесятне Якутского казачьего полка служил Петр Нефедов сын Чеботнягин.

В 1812 году в Нижнекамчатске в Камчатском отделении императорского военно-сиротского дома при гарнизонном батальоне шло обучение казачьих и солдатских детей — их с малолетства готовили к военной службе. Среди этих воспитанников были братья (казачьи дети) Чеботнягины — Василий и Зиновий Никитичи. Позже Зиновий Никитич служил в Петропавловской экипажной роте матросом. А их третий брат — Афанасий Никитич (1809), отставной казак Камчатской казачьей команды, принимал участие в обороне Петропавловского порта.

Черных. В Петропавловской обороне из казаков Черных принимал участие только Павел Николаевич Черных (1813–1862) — отставной матрос. Обращает на себя внимание запись в его личном деле — из обер-офицерских детей. Его отец — Николай Иванович Черных (1752–1819), комиссионер 13-го класса, сын сотника Ивана Черных, — того самого Ивана Черных, который первым в истории географии прошел и описал всю Курильскую гряду. Сам Иван Черных был из забайкальских казаков — в 1721 году из Нерчинска взяты на камчатскую службу три брата — Иван, Алексей и Андрей Черных.

Чудиновы. Патриарх камчатского рода Гавриил (возможно, сын Алексеев) Чудинов — в 1729 году сборщик ясака в Нижнекамчатском остроге; в 1731 году полевой приказчик по подавлению Харчинского бунта; в 1735 году бит кнутом по итогам следствия по этому же бунту, как один из его виновников; в 1747–1749 годах казак-море-

ход на промысловом судне «Симеон и Иоанн», отправившегося в Русскую Америку.

Его внук — Иван Петрович Чудинов (сын Петра Гавриловича) был сотником Нижнекамчатской казачьей команды.

Внуки его брата Николая Петровича — Гурий и Андрей Михайловичи — стали моряками.

Гурий Михайлович Чудинов (1817–10.01.1854), из обер-офицерских детей, закончил Охотское штурманское училище, прапорщик Корпуса штурманов прапорщик 47-го флотского экипажа, впоследствии подпоручик, участник Амурской экспедиции Г.И. Невельского, участвовал в описи и промере южной части Охотского моря, умер от цинги и голода во время зимовки 1853–1854 годах на транспорте «Иртыш» в Императорской гавани, его именем назван мыс в заливе Советская Гавань.

Андрей Михайлович Чудинов (1824 – апрель 1859), из обер-офицерских детей, закончил Охотское штурманское училище, в 1840 произведен в кондукторы, штабс-капитан Корпуса флотских штурманов, участвовал в открытии залива Владимира и описи залива Ольги, его именем названа бухта на острове Сахалин и мыс в заливе Ольги.

Карл фон Дитмар, чиновник по особым поручениям, путешествовал на тендере «Камчадал», которым командовал Андрей Михайлович Чудинов, отправляясь в Гижигу, чтобы доставить оттуда на Камчатку в Сероглазку казаков-переселенцев, и отметил капитана в своей книге:

«Тендер “Камчадал” был построен на Ситхе для службы в Камчатке, спущен там на воду в 1843 г. и 14 июня того же года пришел в Петропавловск. Судно это — 56 футов длиной, 18 футов шириной, с осадкой в 8½ футов, было во-

оружено 6 небольшими пушками (фальконетами) и, в случае нужды, могло идти при помощи 4 длинных весел, пропущенных через люки в бортах. Оно имело всего одну мачту и выдвижной бугшприт, чтобы иметь возможность в случае бури убавить паруса. Ему было предоставлено право носить русский военный флаг, и, пожалуй, лишь это одно напоминало в нем военное судно; дисциплина и опрятность, к сожалению, оставляли желать весьма многого. Капитаном этого судна состоял А.М. Чудинов, лейтенант корпуса штурманов. Он происходил из низшего сословия, родился в Охотске и получил образование в местном штурманском училище; это был обходительный и добродушный человек, хорошо понимавший дело управления своим судном. Ему недоставало общего образования, и кругозор его был, так сказать, чисто "охотским", так как ему никогда не приходилось бывать нигде более».

Дядя моряков Чудиновых, служивший в Петропавловске, — Алексей Николаевич (1810), матрос-мастеровой 2-го класса 46-го флотского экипажа — «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.».

Его сын, проживавший в селении Ключи, — Николай Алексеевич Чудинов (1830) — был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 годов за участие в эвакуации гарнизона и укреплений Петропавловского порта в 1855 году.

Непосредственное участие в сражении принимал казак Камчатской казачьей команды Степан Григорьевич Чудинов — (еще

один правнук Гаврилы) — он был «контужен пулею в левый локоть».

Шамаевы (Шемаевы). «Иван Шамаев в допросе сказал: в прошлом де в 700 году посылан он Иван в Камчадальской острог для ясачного сбору с прикащиком Тимофеем Кобелевым. И шли они с Анадыря до Пенжины на оленях и на собаках, и поделав на Пенжине в море суды, и шли подле Камчацкой Нос морем в судах до пустого острога; и теми де судами море не пропустило. И от того де острогу ходили они на оленных на неясашных Коряк, и погромили оленей, и на тех оленях поднялись через хребты на Камчатку». То есть казаки Шамаевы были в числе самых первых русских жителей Камчатки.

В 1751 году в Акланском остроге служил Прокопий Шамаев.

Но свою (то есть известную нам) родословную камчатские Шамаевы (Шемаевы) ведут от Амоса Ивановича Шамаева (1785): сначала он рядовой казак Нижнекамчатской казачьей команды, 1812 год; затем — в 1820 году урядник Нижнекамчаской казачьей команды; а в 1836 году — частный командир Нижнекамчатской казачьей команды; в 1841 году — отставной чиновник 14 класса, Тигильская крепость; в 1846 году живет в селе Халактырка.

В Петропавловской обороне принимал участие его сын — Николай Иванович Шамаев (1821), матрос 46-го флотского экипажа.

Шаховы. Первоначально, начиная с 1604 года, это березовские казаки. Но в истории Якутии наиболее ярко отметился тобольский казак Воин Шахов. Правда, это не совсем типичный случай: «Воин Шахов — служил сыном боярским в городе Торопце. В 1622 г. за "татебное дело" (разбой) был посажен в тюрьму. Чтобы избежать наказания, подал челобитную с просьбой перевести его на службу в Сибирь. В 1633/34 г. возглавил экспедицию в Якутию и тем самым вошел в историю». Но там же он и был убит якутами.

В Тобольске же, по всей видимости, служили потомки березовских казаков Шаховых, которые были посланы и на реку Лену. В 1854 году в обороне Петропавловского порта принял участие Мануил Иванович Шахов (1812) — отставной казак Камчатской казачьей команды.

Шестаковы. Имя Ивана Ивановича Шестакова в приказе о награждении знаком военного отличия ордена Святого Георгия Победоносца стоит под номером 1: «Боцман Шестаков — был постоянно моим ординарцем день и ночь во время всего действия, был смелым и расторопным в посылках под ядрами и пулями, и в глазах моих не одного неприятеля отправил к спросу на тот свет (зачеркнуто — зачем за бусурмана на войну пришел) и все это (за-

черкнуто — между делом) кроме исполнения своих обязанностей».

Номер его Георгиевского креста 102 493.

Что мы о знаем об этом герое? Из солдатских детей. Уроженец Камчатки. В Камчатскую экипажную роту поступил матросом в 1839 году, в 1849 году произведен в квартирмейстеры, в 1850 году — в боцманматы, в 1855 — в боцманы. Помимо сражения в Петропавловском порту участвовал и в сражении в заливе Де-Кастри в мае 1855 года на корвете «Оливуца».

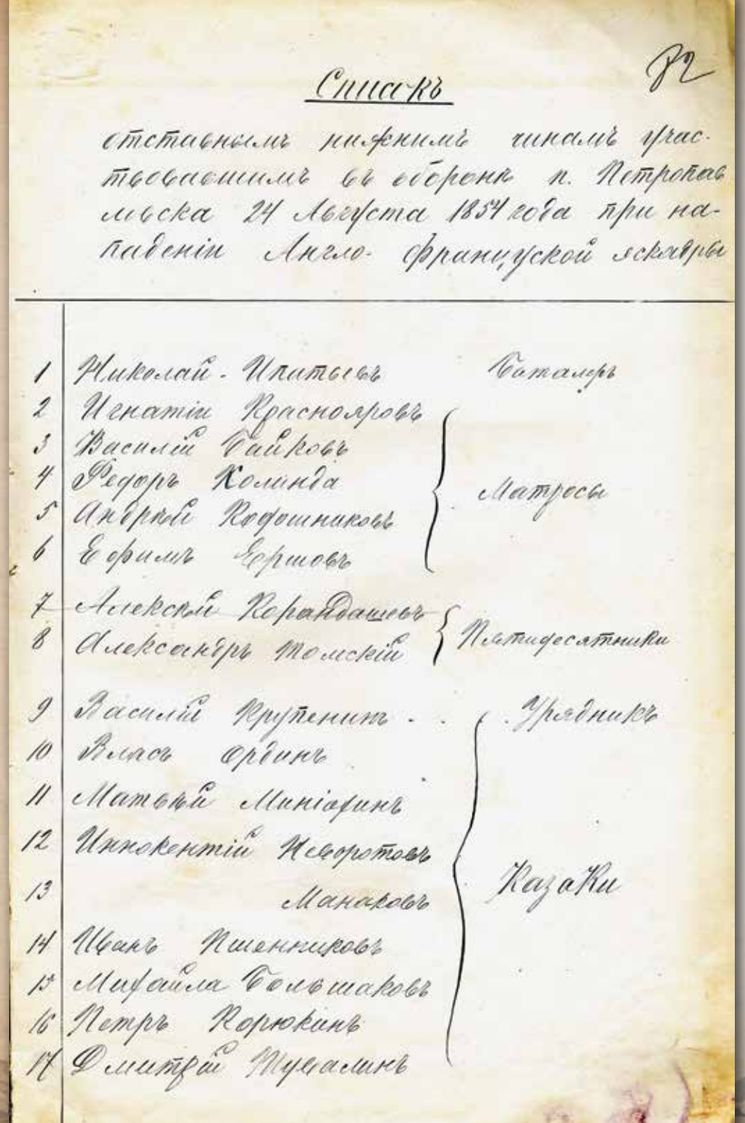
После отставки Иван Иванович возвратился на Камчатку. В 1893 году вдова ветерана Петропавловской обороны Мария Николаевна в возрасте 63 лет была еще жива и проживала в Петропавловске. С ней жил тридцативосьмилетний сын, петропавловский мещанин Николай Иванович Шестаков.

По нашим данным, Иван Иванович был из казачьих детей — его отец, казак Иван Иванович Шестаков (1790), служил в Петропавловском порту. Впрочем, из казаков легко переводили в матросы, поэтому в 1824 году, когда родился Иван Иванович-младший, отец мог быть уже и в матросах Петропавловской экипажной роты.

Возможны два варианта появления Шестаковых на Камчатке. Из Якутска — тогда они из рода тобольских Шестаковых (в 1748 году отмечен якутский казак Иван Дмитриевич Шестаков как вероятный отец Ивана Ивановича-старшего). Или из Нерчинска, откуда прибывало пополнение на Камчатку, начиная с 1720-х годов, где также служили казаки Шестаковы.

Но пока это для меня вопрос открытый.

Карл фон Дитмар в своей книге «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.» не один раз упоминает добрым словом своего проводника — Ивана Ивановича Шестакова: «Иван Шестаков (так звали моего теперешнего боцмана и штурмана) был высокий, стройный, сильный и в высшей степени расторопный молодой человек, пользовавшийся вообще репутацией умного и предусмотрительного моряка и хорошего охотника и стрелка. Он был русско-камчадальского происхождения, и физиономия его ясно указывала на смешанную кровь в жилах. Рожденный и выросший в Камчатке, он с малолетства прошел самые разнообразные испытания. Благодаря своим охотничьим странствиям, некоторым морским путешествиям и своим сношениям с туземцами он знал всю страну и умел ориентироваться и найтись во всевозможных случайностях на суше и на воде. Этот человек был для меня в путешествиях истинным сокровищем, и я всегда вспоминаю о нем с величайшим

Списокъ

отставныхъ нижнихъ чиновъ участвовавшихъ въ обороне п. Петропавловска 24 Августа 1854 года при нападеніи Англо-Французской эскадры

1	Николай Ипатовъ	Баталеръ
2	Игнатій Красноларовъ	Матросы
3	Василій Байковъ	
4	Федоръ Коминъ	
5	Аверкій Кофейниковъ	
6	Ефимъ Ершовъ	
7	Алексей Карандашевъ	Полуфелотники
8	Александръ Томскій	
9	Василій Крупенинъ	Урядники
10	Власъ Фрянъ	Казаки
11	Матвей Миніфинъ	
12	Иннокентій Жеворотовъ	
13	Макаровъ	
14	Иванъ Пшенниковъ	
15	Михайла Большаковъ	
16	Петръ Корюкинъ	
17	Дмитрій Тумашинъ	

удовольствием и благодарностью. Едва ли нужно прибавить, что Шестаков воспользовался как нельзя лучше данным ему разрешением самому выбрать пять матросов для нашего опасного путешествия. Все пять человек были крепкие, здоровые, отважные и расторопные ребята, так что, в случаях надобности, я мог вполне полагаться на свою команду. А такие случаи повторялись далеко не редко».

Мутовины. Конечно же нас интересует судьба потомков тобольского казака Ивана Мутовина (Мутовкина).

Иван Гаврилович Мутовин (1805), матрос Петропавловской экипажной роты в 1845 году, имел на левом рукаве две нашивки за 15-летнюю «безпорочную» службу; в 1854 году он отставной матрос и добровольный участник обороны Петропавловского порта.

Михайло Мутовин сын Гаврилов, его брат (1817) — матрос 1-й статьи, из казачьих

детей, в 1835 году поступил в Камчатскую экипажную роту канониром, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Байкал» был в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри.

Иван Мутовин сын Николаев (1831) — мастеровой 1-го класса 46-го флотского экипажа, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Фамилии казаков, солдат и матросов Дурыниных, Дюковых, Дмитриевых, Емельяновых, Скребыкиных и многих других после эвакуации Петропавловского гарнизона в Николаевск-на-Амуре исчезли с Камчатки (только фамилия Дурыниных осталась у казачьих крестников — камчадалов).

А потомки Третьяковых, Мутовиных, Шамаевых, Черных, Чудиновых, Шестаковых продолжали (и продолжают!) жить на Камчатке.

В период Русско-японской войны в народном ополчении принимали участие представители всех этих фамилий: Илья Федорович Третьяков (1878), кавалер Георгиевского креста IV-й степени; Александр Алексеевич Черных (1880), казак, с. Халактырка, кавалер Георгиевского креста IV-й степени; Алексей Алексеевич Черных (1878), казак, с. Халактырка, участвовал в захвате в плен командира японского десанта Сечу Гундзи; Иван Васильевич Черных (1874–05.03.1911), петропавловский мещанин; Иван Ефимович Черных (1882), казак; Николай Алексеевич Черных (27.04.1887), с. Сероглазка; Петр Евграфович Черных (21.12.1887), с. Сероглазка; Степан Гаврилович Черных (1879); Степан Ефимович Черных (1881), с. Апача; Иосиф Ипатович Чудинов (1878–1908), с. Коряки, награжден Георгиевским крестом IV-й степени; Михаил Захарович Чудинов (1883), с. Ключи; Иван Павлович Шемаев (1848), с. Тигиль; Лука Павлович Шемаев (1850), с. Тигиль; Павел Андреевич Шемаев (1871), с. Тигиль, кантонист; Николай Иванович Шестаков (1853), петропавловский мещанин.

Из рода Мутовиных был участником народного ополчения на Камчатке во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Иван Николаевич Мутовин, житель Петропавловска.

А в XXI веке представитель этого рода, летчик-испытатель Олег Евгеньевич Мутовин удостоен звания Героя России.

Художник Козьма Васильевич Ческий, атлас «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение восьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 г.

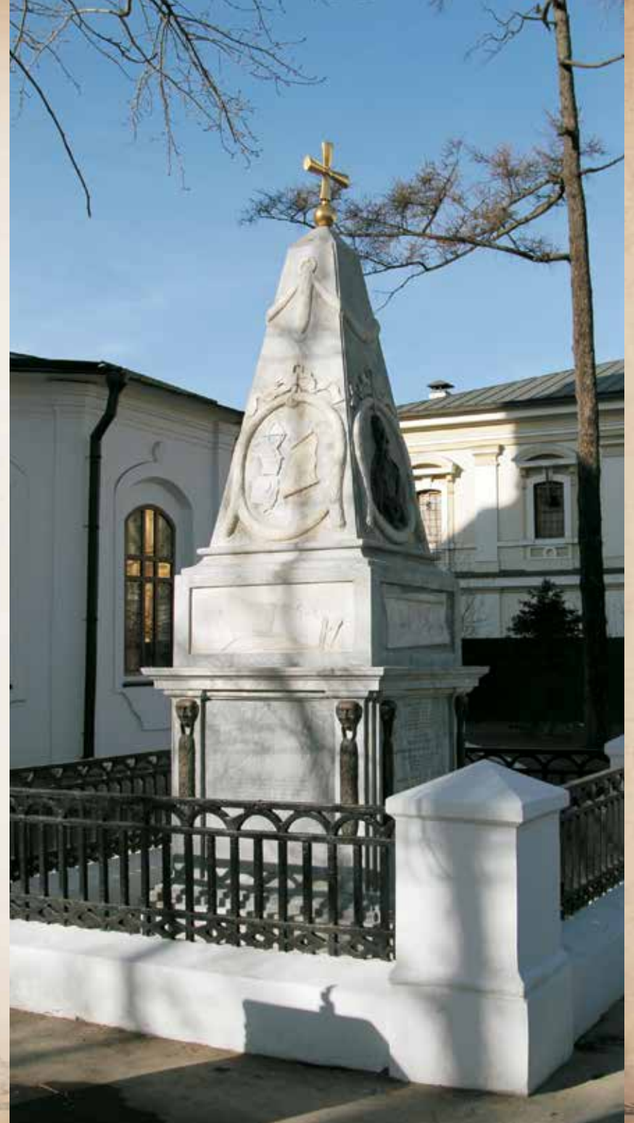
ЧАСТЬ 3

Коренное изменение в составе населения Петропавловского порта началось вовсе не с того момента, когда в 1812 году Петропавловск был объявлен административным центром области.

Все началось несколько ранее, когда в 1799 году на полуострове решено было разместить Камчатский гарнизонный батальон (или, как его еще называли, Сомовский полк).

Это была все та же идея военных поселений, которую впоследствии попытался осуществить граф Аракчеев. Не вышло ни там, ни здесь. На Камчатке вообще сложилась предельно критическая ситуация с продовольствием, которое доставлялось через Якутск на конях до Охотска, потом переправлялось через море и развозилось на собачьих нартах по местам дислокации отдельных рот этого гарнизона.

Вот именно тогда, в эти критические для выживания Камчатского гарнизонного батальона годы, и были определены все плюсы Петропавловского порта для организации административного центра. К тому времени уже была налажена морская связь Гавани (как продолжали называть Петропавловск) с Охотском, благодаря энергии Григория Ивановича Шелихова, который в числе самых

Иркутск, памятник Григорию Шелихову в Знаменском монастыре, восстановлен в 2013 году

первых (еще в 1779 году) начал вместе со своими компаньонами отправлять промысловые суда в Русскую Америку не из Нижнекамчатска (с портпунктом в устье реки Камчатки), а из Авачинской бухты.

В начале XIX века в Петропавловском порту размещалось помимо казачьей команды две роты Камчатского гарнизонного батальона, в составе которых служили как уроженцы Камчатского края, так и других регионов России (в большей части уроженцы Верхне- и Нижнеудинских и Иркутского уездов, так как прежде батальон располагался в Иркутске).

И мы видим, с одной стороны, — перемещение в Петропавловский порт бывших казачьих (ставших солдатскими) фамилий, а также появление новых — после того как в 1812 году Камчатский гарнизонный полк был расформирован и отправлен обратно в Иркутск, а из тех нижних чинов, которые пожелали остаться служить на Камчатке, была сформирована к 1815 году Петропавловская экипажная рота.

Это были отцы — старшее поколение, отставники — тех героев, которые в числе добровольцев-волонтеров, или, как их называли еще, охотников, принимали участие в отражении англо-французского десанта и были награждены памятными бронзовыми медалями на Георгиевской ленте: Горбунов (1806), отставной матрос; Николай Грехов (1792), отставной унтер-офицер; Ефим Ершов, отставной матрос; Андрей Кодошников, отставной матрос; Федор Иванович Колинда (1829), участник боевых действий по обороне Петропавловского порта 18–28 августа 1854 года, оставленный в 1855 году в Петропавловском порту, вероятно, по ранению; Краснояров Игнатий Герасимович (?–1885), отставной матрос; Андрей Петров (1805), отставной унтер-офицер; Иван Степанович Хохлов (1805), отставной унтер-офицер.

Также участие в обороне приняло и второе поколение солдатских и матросских детей — уже коренные камчатцы — «уроженцы Камчатской области», как записано в их личных делах.

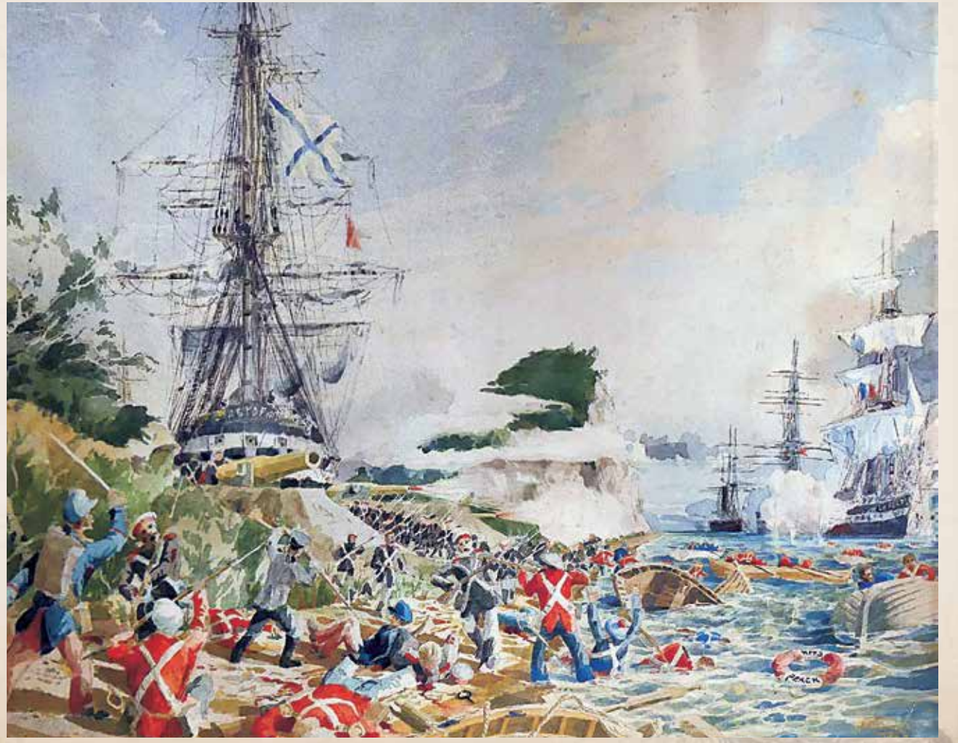
Александр Бачинин сын Максимов (1828) — поступил в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи в 1840 году, с 1845 года — матрос 1-й статьи, с 1850 года квартирмейстер, в 1853 с 30 марта на корвете «Оливуца» в переходе на Гонолулу и обратно (1854 год), на транспорте «Двина» 8 и 9 мая 1855 года участвовал в действительном сражении в заливе Де-Кастри против англо-французской эскадры.

Андреян Бачинин сын Максимов (1826) — матрос 1-й статьи, в 1853–1855 годах служил на боте № 1, который предупре-

дил о вражеском нападении на Петропавловск экипаж паровой шхуны «Восток».

Василий Березовский сын Васильев (1836) — матрос 2-й статьи, в 1853–1854 годах на корвете «Оливуца» совершает переход в порт Гонолулу и обратно, в 1855 году на этом же корвете участвует в сражении в заливе Де-Кастри.

Прокопий Гаврилов сын Федоров (1825) — ротный барабанщик, поступил в

Бой 24 августа 1854 г. на 3-й батарее. Акварель художника Павла Куянцева в музее Боевой Славы в Петропавловске-Камчатском, 1948 г.

Камчатскую экипажную роту в 1840 году, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Байкал» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

Василий Грехов сын Николаев (1836) — матрос 1-й статьи, в 1853–1854 годах на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу, в мае 1855 года в заливе Де-Кастри на этом же корвете участвовал в действительном сражении с англо-французской эскадрой.

Прокопий Грехов сын Николаев (1831) — матрос 1-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Иртыш» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Максим Емельянов сын Алексеев (1836) — матрос 2-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры. Его отец — Алексей Емельянов сын Емельянов был из крестьян помещика Ивана Борисова Ярославской губернии Даниловского уезда деревни Клоково, на Камчатку он прибыл в 1827 году и служил в Петропавловской экипажной роте кузнецом.

Конон Залуцкой сын Гаврилов (1826) — матрос 1-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Александр Норин сын Лавров (1831) — матрос 2-й статьи, «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на фрегате «Аврора» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры.

Герасим Норин сын Лавров (1821) — в 1839 году поступил в Камчатскую экипажную роту, в 1842 году на военном боте «Алеут», в 1852 году на корвете «Оливуца», «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на фрегате «Аврора» участвовал в сражении в заливе Де-Кастри.

Николай Порохин сын Васильев (1836) — матрос 2-й статьи, в 1853 году на корвете «Оливуца», «в 1854 г. участвовал в действи-

тельном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.».

Александр Соленов сын Иванов (1830) — в 1844 году поступил в Камчатскую экипажную роту канониром, в 1848 году служил на транспортном боте «Камчадал», в 1849 году на транспорте «Байкал», в 1849–1853 годах на боте «Камчадал», «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Двина» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

О подвиге Александра Ивановича Соленова рассказал А.П. Сильницкий, найдя материалы по Петропавловской обороне в дореволюционных архивах Владивостока. Соленов был командиром орудия на левом фланге батареи № 7. Когда неприятельский пароход подошел на пушечный выстрел, Соленов первым открыл по нему огонь и своими меткими выстрелами заставил пароход отойти и открыть ответный огонь, в результате которого орудие Соленова было подбито. Тогда он отошел к другому орудию и служил прислугой «с полной неустрашимостью и хладнокровием».

Но «солдатских детей» записывали не только в матросы, но и в казаки. Или — и туда, и туда:

в списке погибших, убитых 24 августа (5 сентября по новому стилю), есть имя казака Александра Леонтьевича Костоломова (1821). Его брат Петр Михайлович Костоломов (1809) служил в Камчатском флотском экипаже. Их отец — Михаил Матвеевич Костоломов (1784) был из военных поселенцев, оставшихся на Камчатке после расформирования Камчатского гарнизонного батальона.

В числе казаков Камчатской казачьей команды, оборонявших Петропавловск, был Лев Дмитриевич Константинов (1829), сын еще одного военного поселенца из расформированного Камчатского гарнизонного батальона — Дмитрия Семеновича Константинова (1772), проживавшего в селе Халактырка. Его родной брат — Егор Дмитриевич — был усыновлен гарнизонным писарем, титулярным советником Деем Андреевичем Падериным — и стал Егором Деевичем Падериным, родоначальником известного камчатского рода Падериных. И соответственно — с новой родословной поменялась и его биография: «Из обер-офицерских детей. Казак с 1 января 1850 г. в Петропавловском порту. Произведен в урядники 30 марта 1852 г. 2 июня 1852 г. произведен в пятидесятники. На тендере “Камчадал” отправлен в Гижигу. Управляющий Гижигинской казачьей командой от 25 июня 1864 г., зауряд-хорунжий».

Из этого большого списка уроженцев Камчатки — ветеранов обороны Петропавловского порта — на Камчатке после эвакуации военного гарнизона порта практически никого не осталось. Разве что единицы. Но в период Русско-японской войны в составе народного ополчения были дети ветерана Петропавловской обороны Федора Ивановича Колинды: Алексей (1863), Федор (1867) и Николай (1873) Федоровичи Колинда.

Внук отставного унтер-офицера, сын матроса Николай Хохлов, раненный 17 июля 1904 года в бою на реке Озерной, который «вел себя примерно и мужественно», как было отмечено в наградном листе при вручении ему Георгиевского креста IV степени № 171287.

А что касается Падериных, то на Камчатке хорошо известно имя Вячеслава Ивановича Падерина. Его предки руководили казаками Гижигинского округа, Вячеслав Иванович — нынешний глава Администрации Корякского округа.

Петропавловский бой. 1854 г., иллюстрация статьи в «Военной энциклопедии» 1915 г.

ЧАСТЬ 4

Мещанское, то есть гражданское городское население Петропавловска формировалось в основном за счет торговых людей, которых в первую очеред, привлекала возможность приобретения пушнины, имевшей в прошлые века всегда очень выгодную цену.

В двенадцатом номере Санкт-Петербургского журнала за 1806 год дается следующее описание Петропавловска, который толком еще и не приобрел своего окончательного имени:

«Авачинский острог…

Он основан в 1740 году при славной Авачинской Губе, где учреждена Петропавловская Пристань, столь превосходная по великим своим, от самой натуры ей уготованным преимуществам и выгодам, что трудно найти другую подобную. В окружности она около двух верст; закрыта с западной стороны гористым узким полуостровом, а с южной выдавшеюся от берега низменностью, из мелкаго камня состоящею узкою косою, называемую Кошка. Вход в гавань между оконечностию Кошки и гористым полуостровом; ширина ея до 40 сажень, глубина 7 и 8, а на самой середине гавани 8 и 9 сажень; на дне ил. Селение здешнее немногочислено и состоит из нескольких деревянных изб и балаганов. Положение места около гавани гористое; однако можно на северной и восточной ея стороне по косогору поставить до 300 домов».

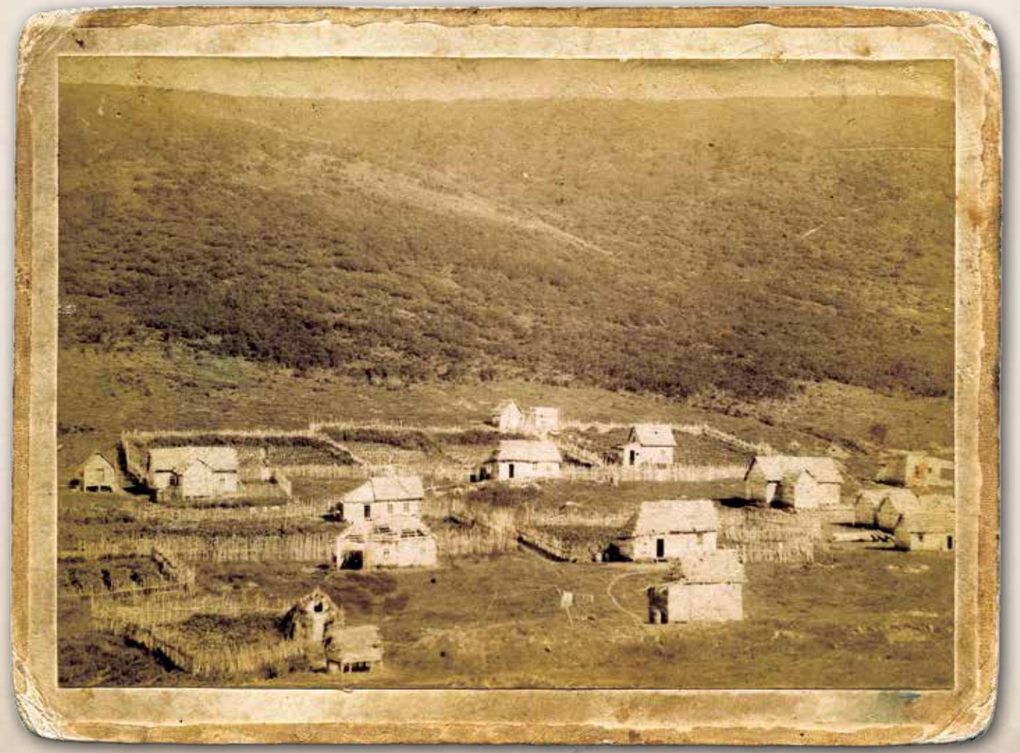
То есть и писать еще было не о чем: «Общее население Камчатки, по примерному

Панорама Петропавловского порта (сов. Петропавловск-Камчатский). У пристани Добровольного флота п/х «Котик» (будущий «Ставрополь»). Автор: В.И. Иохельсон

исчислению, простираться может до 7 или 8 тысяч: в том числе полагают одних Чукчей до 4 или 5 тысяч, Камчадал до 2 тысяч; Русских же кроме войск, там расположенных, и служащих Чиновников, считается с небольшим 200 человек».

В 1812 году отмечено всего трое иногородних мещан, проживавших в Петропав-

Часть города Петропавловска – ККМГИ-23077

ловске, в том числе один из них – комиссионер Российско-Американской компании, которые, впрочем, не оставили своего фамильного следа на полуострове.

В 1818 году появляются и первые гражданские жители Петропавловского порта.

Это были приказчики РАК Иван Захарович Барнашев и Стефан (Степан) Иванович Заошной (Заочный) (1797), а также первый петропавловский мещанин – Иван Гаврилов сын Попов (1797).

Проживало также двое иностранцев — Ерофей Григорьев Кларк (1785) и Иосиф Мосеев Гарднер (1788).

Было здесь и пятеро якутов, в числе которых был Никифор Коркин (1796), оставивший свою фамилию для потомков.

И восемь «посельщиков» из… цыган.

В 1819 году добавляется к этому списку «посельщик» (поселенец) Леонтий Иванов сын Иванов (1750 г.р.).

В 1821 году впервые указан среди иностранных жителей Петропавловского порта Василий Михайлов сын Толман (1785) с женой Дарьей и детьми Евдокией (7 лет), Анной (6), Хионией (5), Петром (3) и Александром (1).

В 1823 году среди ссыльных отмечен Алексей Мурзин (1774).

А у Гарднера показаны его камчатские дети: Василий (6), Константин (3), Агафья (1), Александра (6 месяцев).

В 1835 году среди камчатских купцов, поселившихся в Петропавловске, мы находим следующие фамилии будущих участников героических событий обороны Петропавловского порта:

П. Куянцев. Бой 18 августа 1854 г. на 2-й батарее под командованием Д. Максутова

Контр-адмирал Д.П. Максутов, главный правитель Российско-Американской компании, последний губернатор Аляски

Федор Дмитриевич Калмаков (1776). Дети: Александр (18), Николай (12), Лев (5), Анна (15), Евгения (14), Исанфа (10), Софья (8).

Яков Иванович Иванов (1782). Дети: Иван (15), Константин (13), Семен (9), Прокопий (7), Яков (2).

Купеческий сын Алексей Афанасьевич Ворошилов. Дети: Александра (5), Анастасия (3), Афанасий (1). Его отец — иркутский купец 2-й гильдии Афанасий Федорович Ворошилов — жил с семьей в это время в Тигиле.

А.П. Максутов — почетный гражданин Петропавловска-Камчатского, князь, лейтенант, участник Петропавловской обороны 1854 г.

Сын Охотского купца 2-й гильдии Алексея Федоровича Бушуева Иван Алексеевич Бушуев (1803) с братьями Митрофаном (1814) и Михаилом (1821). Его дети: Алексей (5), Полиевкт (1), Михаил (2 месяца).

К петропавловским мещанам, которых представляли бывшие иностранцы Гарднер и Толман, прибавляется Николай Петрович Косыгин (1801) с братом Константином (1817) — дети купца 3-й гильдии Петра Митрофановича Косыгина из Киренска.

В 1842 году ряды петропавловских купцов официально пополняет Михаил Петрович Сахаров (1779) с большим семейством: Александр (1815), Павел (1817), Петр (1819), Алексей (21), Михаил (1829), Федор (1832) и Иван (1835). Ранее Сахаров обеспечивал продовольствием из России колонии Российско-Американской компании.

В 1846 появляется купец Василий Лазарев (1823). Вполне вероятно, что он был уроженцем Камчатки из казаков Лазаревых

В начале 1850-х годов был отпущен из крепостной неволи крестьянин Федор Козленко (1796), который тоже впоследствии был записан в мещанское сословие города Петропавловска.

Примерно в это же время появляется в Петропавловске и охотский мещанин, проживавший прежде в селении Ключи, Николай Коршунов (1791) с детьми: Михаилом

(1832), Прокопием и Евдокией. Его дочь впоследствии выйдет замуж за Даниила Давидовича Варрен — сына петропавловского мещанина Давида Ивановича Варрен (1812), из иностранцев, который появился на Камчатке в 1830-х годах и, чтобы принять гражданство России, был крещен в православие.

Нужно сказать, что численность волонтеров, охотников, добровольцев (как называли тех жителей Петропавловского порта, которые по собственной своей воле приняли решение участвовать в боевых действиях против врага) в разных источниках разная — называют то семнадцать, то двадцать пять человек.

Но есть документ в РГАВМФ (д. 909, оп. 3, д. 14, лл. 176–194), который поименно называет всех лиц, «действительно участвовавших при отражении неприятеля в 1854 г. от Петропавловского порта». Он большой — в нем указано 42 имени.

Это отставные военные (казаки, матросы, унтер-офицеры), крестьяне, камчадалы и петропавловские мещане, которые были представлены к награждению памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте. Именно на Георгиевской — как непосредственные участники сражения или «нахождения в блокадном положении».

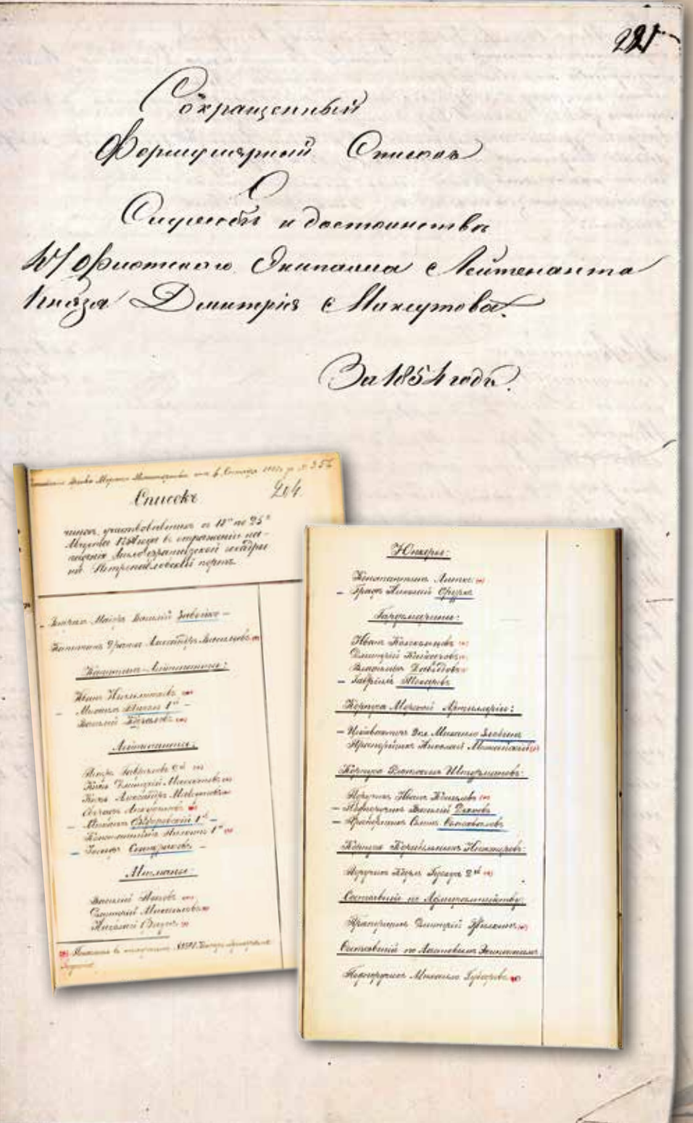
Здесь мы называем только имена гражданского населения Петропавловска: Илья Добрынин (1834) — сын канцелярского служителя; Петр Перевалов (1823) — служитель Российско-Американской компании; Иван Борисович Сметанин (1826) — сын почтальона; Михаил Иванович Бушуев (1831) — купеческий сын; Иван Михайлович Сахаров (1830) — купеческий сын.

Петропавловские мещане: Алексей Афанасьевич Ворошилов (1812); Осип Афанасьевич Ворошилов (1809); Петр Иосифович Гарднер (1834); Иванов Прокопий Яковлевич (1825); Яков Яковлевич Иванов (1832); Николай Коршунов (1791); Михаил Николаевич Коршунов (1830); Николай Петрович Косыгин (1802); Василий Лазарев (1823); Николай Васильевич Толман (1828); Федор Козленко (1796).

Но это не полный список.

В сражении 5 сентября 1854 года был смертельно ранен купеческий сын Федор Михайлович Сахаров (1832) и убит Николай Федорович Калмаков (1827).

Удивительно, но более эти имена нигде в связи с Петропавловской обороной и соответствующими юбилеями не упоминались. И только через пятьдесят лет о них вспомнили. Ответ прост — к тому времени в живых из этого списка были только Полуевкт Иванович Бушуев (ему было 68) и Петр Николаевич Косыгин (ему — 67 лет), которые в дни боев обеспечивали «батареи провизией», снабжали сражающихся «разными припасами».

Сохранившейся
Формулярный Список
о
Лицах и достоинствах
Орденского Знамени с Лентами
Князя Дмитрия Михайлова.
За 1854 годъ.
Списокъ
Матросы

А собственно само пятидесятилетие Петропавловской обороны жители Камчатки в августе-сентябре 1904 года снова встретили с оружием в руках, отражая попытку вторжения на полуостров японцев. Вот список героев той войны — прямых потомков героев Петропавловской обороны:

Алексей Зиновьевич Ворошилов (1871); Мартиниан Константинович Ворошилов (14.02.1887); Иван Александрович Ворошилов (1868); Иван Михайлович Ворошилов (1877); Иван Николаевич Ворошилов (1873), г. Петропавловск, награжден серебряной медалью «За усердие»; Константин Иосифович Ворошилов (1860–1934); Македоний Александрович Ворошилов (1879–18.07.1906), награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте; Николай Александрович Ворошилов (1880); Павел Афанасьевич Ворошилов (1872), староста села Хутор, награжден серебряной медалью «За усер-

дие»; Иннокентий Константинович Гарднер (1880–1934); Иннокентий Николаевич Гарднер (1863), с. Малка; Константин Константинович Гарднер (1875), награжден серебряной медалью «За усердие»; Иван Яковлевич Иванов (1888); Михаил Иванович Иванов (1879); Николай Николаевич Иванов (1887); Яков Иванович Иванов (1842), г. Петропавловск; Алекс. Коршунов, с. Верхнекамчатск; Михаил Михайлович Коршунов (1871), с. Верхнекамчатск; Федор Михайлович Коршунов, г. Петропавловск, награжден серебряной медалью «За усердие» на Анненской ленте; Алексей Константинович Косыгин, награжден серебряной медалью «За усердие»; Иван Николаевич Косыгин (1887); Александр Феодосьевич Косыгин (1877), с. Тигиль; Михаил Кириллович Косыгин (1877), с. Тигиль; Петр Николаевич Косыгин, награжден серебряной медалью «За усердие» (напомню, что он был еще ветераном Петропавловской обороны); Амвросий Кузьмич Сметанин (1882); Михаил Иванович Толман (08.11.1864–1945); Петр Степанович Толман (1895).

ЧАСТЬ 5

20 августа 1854 года: «В семь с половиной часов (у Завойко “в половине шестого”) утра на батарею № 1-й был приглашен священник Георгий Логинов отслужить молебен о даровании Всемогущим Богом победы Государю Императору. Неприятель во время чтения Евангелия начал стрелять в батареи бомбами и ядрами. Со свистом и шепением (так у автора. — *С.В.*) пролетали смертоносные снаряды на головы молящихся. Падали ядра вблизи берега, падали вблизи самой батареи, но не причинили никому вреда. Несмотря на страшную опасность, молебствие продолжалось своим чередом. Не смутился пастырь православный, в своей светлой праздничной ризе служивший мишенью неприятельских орудий, не смутилась и маленькая группа молящихся. Горячо молилась эта маленькая горсточка героев, веруя своим великим русским сердцем в истину слова Божия; “На тя, Господи, уповаем, да не постыдимся вовеки” (А.П. Сильницкий «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива»).

«За то, что Георгий Логинов во время бомбардировки города все дни проводил на батареях, рядом с командиром, и подвергая свою жизнь опасности, «был славным ему помощником в воодушевлении нижних чинов», он был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Остальные священнослужители были награждены бронзовыми наперсными крестами, скуфьями. Также все получили медали на Георгиевской ленте в память о Крымской войне» (Творения Иннокентия, митрополита Московского, книга вторая. — М., 1887 г.).

«С 1853 г. и по настоящее время (1858 г.) настоятелем Петропавловского собора был Георгий Иванович Логинов “туземец, окончивший курс учения в иркутской семинарии, столь доблестно неустрашимостью своею, при осаде в 1854 году Петропавловского порта, ободривший камчатское воинство”. Самовидцы, а главное командовавший портом адмирал Завойко (слышанное от самого Завойко), с удивлением смотрели на отца Георгия, под градом ядер, проносившихся над его головою, даже без изменения в лице продолжавшего совершать молебствие на возвышении Никольской горы, в виду неприятелей. За этот подвиг священник Георгий Логинов награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте» (Труды Киевской духовной академии. — Киев, 1861 г. Прокопий Громов «Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

По ходатайству В.С. Завойко священники Петропавловского собора братья Георгий и Александр Ивановичи Логиновы, Михаил Григорьевич Коллегов, дьякон Феодосий Лавров, дьячки Алексей Черных и Моисей Коллегов были награждены памятными бронзовыми медалями на Георгиевской ленте.

История появления трех из вышеперечисленных фамилий священно- и церковнослужителей — Логиновых, Коллеговых и

Черных — связана с деятельностью Камчатской духовной миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского в 1740–1750-е годы.

В составе этой Миссии был студент Московской Славяно-Греко-Латинской Академии, сын новгородского священника Петр Михайлович Логинов, который по окончанию деятельности Миссии решил остаться на Камчатке и был рукоположен в священники Успенской Большерецкой церкви. Священники Георгий и Александр Ивановичи Логиновы — его внуки.

«Священник Георгий Иоаннов Логинов причетнический сын обучался в Иркутской духовной семинарии, по окончании курса, 1836 года награжден аттестатом… определен учителем 2-го класса Якутского духовного училища.

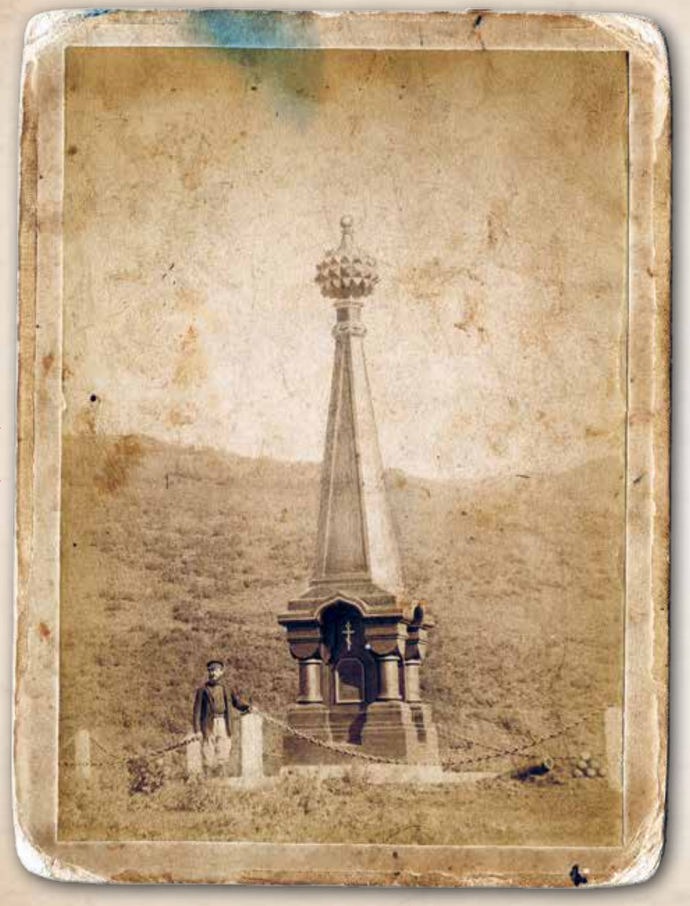
…1838 года августа 13 дня (…утвержден…) учителем 2-го класса и инспектором Камчатского приходского училища. 1839 года февраля 19 дня рукоположен… во диаконы, а 26 дня того же месяца в священники в Камчатский Петропавловский собор и того же года августа 5 дня вступил в действительное отправление возложенных на него должностей в Камчатке». В период обороны Петропавловского порта и в 1860-х годах Георгий Иванович Логинов был не только настоятелем Петропавловского собора, но и главой камчатских церквей.

Патриархом камчатских священников Коллеговых был Григорий Никитович: «Отец его природный камчадал, тойон Ключевского острожка Лыкоч, в крещении наименованный Никитою Евдокимовым Коллеговым, сделался за смышленость свою любимцем архимандрита Хотунцевского и был первым церковным старостой при начальной Ключевской церкви. Григорий поступил в 1760 году пономарем к сей же церкви, а в 1777 году 7 января рукоположен иркутским епископом Михаилом I во священника».

Петропавловский священник Михаил Коллегов был его внуком, сыном Григория Григорьевича: «Священник Михаил Григорьевич Коллегов, пономарский сын, обучался в Иркутской духовной семинарии, в 1838 году отправлен в Ичинскую церковь, но в 1839 году оставлен при Петропавловском соборе пономарем. 14 сентября 1842 года Преосвященнейшим Иннокентием Епископом Камчатским и Кавалером рукоположен в дьяконы в Камчатский Петропавловский Собор, того же года определен учителем Камчатского Духовного училища. 26 ноября 1842 года Преосвященнейшим Иннокентием Епископом Камчатским рукоположен в священники Мильковской Богоявленской церкви. В 1847 году служил священником Большерецкой Успенской церкви. В 1850 г. переведен на службу в Камчатский Петропавловский собор. В 1855 г. “за оказанный им подвиг самоотвержения при отражении неприятельского нападения на Петропавловский порт в лето 1854 года в августе месяце Высочайше награжден бархотною фиолетовою скуфеею”. В 1856 году награжден бронзовым наперсным крестом на Влади-

Собор в Петропавловске на Камчатке – ККМИ-23071

Памятник «Победы» — ККМГИ-23084

мирской ленте и бронзовой медалью на Георгиевской ленте».

Дьячок Моисей Васильевич Коллегов был праправнуком Лыкоча: «церковнослужащий сын, обучался в Иркутской духовной семинарии, в 1846 году определен дьячком в Градо-Иерусалимскую церковь, в августе того же года определен в Охотский Преображенский собор пономарем, в 1853 году по своему прошению переведен в Дранкинскую церковь и в том же году переведен в Петропавловский собор».

В период окончания деятельности Камчатской духовной миссии был отмечен сын большерецкого казачьего пятидесятника Георгий Леонтьевич Черных: «Он обучался в Большерецкой школе до июня 1757 г. С этого времени начальником миссии Пахомием Георгий принят в клир. 20 января 1771 г. в Иркутске одним из последних рукоположен в священники епископом Софронием… Определен к Большерецкой Успенской церкви».

Алексей Никитич Черных (1824) был его внуком: «дьяческий сын, дьячок Верхнекамчатской церкви; дьячок Петропавловского собора в 1854 г., награжден памятной медалью на Георгиевской ленте за участие в обороне Петропавловского порта, в 1861 г. рукоположен в диаконы, г. Николаевск-на-Амуре, храм апостолов Петра и Павла».

Но этот список, как выясняется, не был полным.

В числе награжденных памятными бронзовыми медалями были также церковные служители:

Алексей Георгиевич Черных (1819–1876), дьякон Петропавловского собора, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г., награжден памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте.

Иринарх Сергеевич Малахов (1834–01.04.1909), из креолов (сын русского промышленника и индианки из Русской Америки), мещанский сын, обучался в Новоархангельской духовной семинарии, в 1854 году определен в службу на Камчатку, пономарь Дранкинской церкви, затем Петропавловского собора, участник обороны Петропавловского порта 1854 года., награжден бронзовой памятной медалью на Георгиевской ленте, впоследствии священник Мильковской Богоявленской церкви.

Семен Петрович Синаев (1835), дьяческий сын, обучался в Ново-Архангельской духовной семинарии, в 1854 году определен пономарем в Петропавловский собор, в 1855 году переведен в Большерецкую Успенскую церковь. 13 марта 1859 года награжден памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте. В 1861 году переведен на службу дьячком в Петропавловский собор, пономарь, псаломщик Ключевской Троицкой церкви в 1887 году.

Через полстолетия потомки камчатских священников вместе со всеми остальными жителями Камчатки встали в ряды народного ополчения: Алексей Васильевич Коллегов, с. Ключи; Иван Коллегов, с. Нижнекамчатск; Михаил Григорьевич Коллегов (1884), с. Большерецк; Павел Константинович Логинов (1875–1923), с. Большерецк; Петр Константинович Логинов (1864), с. Большерецк; Алексей Васильевич Лонгинов (1890–20.03.1938), с. Палана; Иринарх Сергеевич Малахов (1834–1909), священник, с. Мильково.

Отдельно, на примере семьи священников Черных, я хотел бы продемонстрировать маршруты перемещения потомков священно- и церковнослужителей, чьи предки

Камчатский Морской собор

были уроженцами Камчатки, по территории огромной Камчатской епархии, открывшейся 15 декабря 1840 года и ставшей территориально самой большой (к тому же еще и межконтинентальной) епархией Российской империи, охватывающей колонии Российско-Американской компании в Америке, Камчатку, Чукотку, Курильские острова, Якутию, а после 1854 года — Приамурье, а затем и Приморье. Первым епископом Камчатской епархии был Иннокентий Вениаминов (Иван Евсеевич Попов), впоследствии митрополит Московский и всея Руси, апостол Сибири и Америки. Первыми «кадровыми» священниками Камчатской епархии были уроженцы Камчатки, выпускники Камчатского духовного училища, Иркутской, Новоархангельской, Якутской, а впоследствии и Благовещенской духовных семинарий Логиновы, Коллеговы, Никифоровы, Сновидовы, Черных, Верещагины, которые распределялись по приходам всей этой необъятной территории и исчезали из поля зрения своих камчатских родственников.

У первого из священников Черных — Георгия Леонтьевича — было пять сыновей. По документам, датированным 1808 годом: Алексей Георгиевич — священник Большерецкой Успенской церкви; Александр Георгиевич — священник Гаванской Рождественской церкви; Леонтий Георгиевич — священник Тигильской Рождественской церкви; Никита Георгиевич — дьячок Верхнекамчатской Богоявленской церкви; Федор Георгиевич — о нем сведений, к сожалению, пока нет.

Судя по занимаемым постам, церковнослужитель Никита Георгиевич был в числе младших братьев.

А его сын Алексей Никитич, участник обороны Петропавловского порта, дьячок Петропавловского собора, стал впоследствии диаконом храма святых апостолов Петра и Павла в Николаевске-на-Амуре.

А вот география служебных «странствий» его детей (по материалам государственных архивов и родословных исследо-

Фрагмент росписи камчатского Морского собора

ваний представителя семьи священников Черных Натальи Алексеевны Аруевой).

Петр Алексеевич Черных (1847): служил священником в Ямской Благовещенской церкви. Из его биографии известно, что, будучи ранее уволенным из духовного звания, в 1872 году он подал прошение «О принятии его обратно в духовное звание с определением к Черемховскому приходу и о переводе к Иннокентьевской церкви», где до 1877 году исполнял должность псаломщика. В 1877 году Петр Черных обратился с прошением «О рукоположении его во священника к одной из Камчатских церквей и о разрешении ему вступить в первый законный брак». В Ямской Благовещенской церкви П.А. Черных служил до 1888 году, а затем был переведен в Корякскую миссионерскую походную церковь. С 1894 года он одновременно заведовал еще и Гижигинским приходом. В этом же году в Камчатскую епархию поступило представление «об исходотайствовании священнику Корякской миссионерской походной церкви Петру Черных пенсии за прослужение 10 лет в Камчатской епархии». В селе Гижига П.А. Черных служил до 1907 года.

Игнатий Алексеевич Черных (1854): В 1860-х годах обучался в Благовещенском духовном училище. В 1876 году окончил полный курс наук по 2-му разряду Благовещенской духовной семинарии и «согласно прошению, допущен в Камчатскую Духовную Консисторию к занятиям в качестве вольнонаемного писца», а в 1877 году определен канцелярским служителем 2-го разряда той же Консистории. 18 февраля 1878 года Преосвященным Мартинианом, епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским рукоположен в диакона, а на следующий день — в священника к домовой крестовой Архиерейской церкви. В марте этого же года был назначен казначеем Камчатского Архиерейского дома. 1 декабря 1879 года И.А. Черных был переведен к приисковой Николаевской церкви Верхне-Амурской золотопромышленной компании Камчатской епархии и вскоре указом Камчатской Духовной Консистории за №341 назначен духовником священнослужителей Верхне-Амурского благочиния, а через год — благочинным Верхне-Амурских церквей. В этой должности он состоял до 1886 года, когда был переведен благочинным VII участка церквей Камчатской епархии. В 1891 году Игнатий Черных был переведен в Амурскую область к вновь открытому приходу Буссеевской церкви, а в 1893 году, согласно собственному прошению, — к Павловской Михайло-Иннокентьевской церкви. И.А. Черных был неоднократно награжден. В 1881 году «за благочестную жизнь, ревностное исполнение пастырских обязанностей и за благопопечение о благолепии и устройстве храмов Божиих, награжден набедренником», в 1885 году ко дню Св. Пасхи награжден бархатной фиолетовой скуфьей, в 1896 году удостоен права ношения серебряной медали на Александровской ленте в память царствования императора Александра III, а в 1897 году «удостоен права ношения темно-бронзовой медали на ленте государственных цветов за труды по первой всенародной переписи». В 1894 году священнику Игнатию Черных была назначена пенсия «за выслугу лет в Камчатской епархии». В 1900 году Игнатий Черных был переведен из Благовещенской епархии во Владивостокскую. К этому времени в его семье было 7 детей, в том числе сыновья Иннокентий, 14 лет, и Иван, 11 лет.

В истории семьи священников Черных есть еще одна очень важная для нас ветвь — потомки Леонтия Георгиевича.

Кстати, в 1854 году среди дьячков Петропавловского собора указан и Алексей Леонтьевич Черных, но нет сведений о том, что он получил памятную медаль участника обороны Петропавловска. Может быть, это связано с тем фактом, что одновременно в Петропавловском соборе служили трое представителей этой семьи с одним и тем же именем — Алексей Никитич, Алексей Георгиевич и Алексей Леонтьевич.

Брат последнего — Илларион Леонтьевич Черных (1812–1876), в 1820-х годах

учился в Камчатском духовном училище, в 1845 году рукоположен в сан священника епископом И. Вениаминовым в г. Ситхе. В начале 1850-х годах прибыл на службу в г. Охотск и был направлен к Тауйской Покровской церкви, где прослужил 23 года. За многолетнее верное служение церкви и Отечеству Илларион Черных в 1858 году был награжден бронзовым наперсным крестом.

Один из его сыновей — Черных Леонтий Илларионович (1848–1926), псаломщик, затем пономарь в Тауйской церкви (до 1910), за долголетнюю службу был награжден золотой медалью на Аннинской ленте «За усердие».

Его брат — Николай Илларионович (1850–1895) — окончил Якутскую духовную семинарию, 14 сентября 1877 года. диакон Николай Черных стал иереем в главном храме Нерукотворного образа Христа Спасителя Якутского Спасского монастыря, но в связи со смертью отца два сына Иллариона Леонтьевича Черных, Никодим и Николай, служащие диаконами при Якутской епархии, обратились с прошениями к епископу Якутскому и Вилюйскому, Преосвященнейшему Дионисию о переводе их в Камчатскую епархию. Поскольку Камчатская епархия испытывала большой недостаток священников, оба брата были приняты на службу: Николай — священником Тауйской Покровской церкви, на место своего отца, а Никодим — Иньской Николаевской.

В село Тауйск Николай Черных прибыл в 1878 году и прослужил в Покровской церкви до своей трагической гибели в 1895 году. Вместе с Николаем Черных в Тауйской церкви служил его родственник Леонтий Черных. В отсутствии священника в селе Ямск в 1880-х годах Николай Черных вынужден был одновременно с основной службой заведовать и Ямским приходом. Если учитывать протяженность территории, которую приходилось обслуживать священнику, удаленность селений и проблемы транспортного сообщения между ними, то можно судить о сложности работы Н.И. Черных. Он и погиб, исполняя свои священнические обязанности. Выехав 4 декабря 1895 года с церковным старостой Егором Самсоновым в село Армань для совершения там богослужения, они провалились с собачьей упряжкой в полынью на реке Тауй и утонули.

Никодим Илларионович в 1880-х годах был переведен в Охотск. В 1885 году священник Охотской церкви, а затем — благочинный Охотских церквей в 1892–1897 годах.

«Судьба Серапиона, Серафима и Александра (сыновей Леонтия Илларионовича. — *С.В.*) после революции сложилась трагически:

Серафим был убит белобандитами в 1922 году, а Александр — расстрелян в период политических репрессий в 1938 году.

Серапион Леонтьевич и Александра Варлаамовна Черных с семьей

Серапион Леонтьевич Черных родился предположительно в 1873 году. С июня 1893 года имя отца Серапиона отмечено в метрических книгах Свято-Иннокентьевского храма Хабаровска — его штат был переведен во вновь открытый Успенский собор. В этом соборе Серапион прослужил до февраля 1904 года. В 1905 году, уже в сане протоирея, отец Серапион назначен настоятелем Николаевского собора в Николаевске-на-Амуре.

28–29 февраля 1920 года Николаевск заняли «лихие эскадроны» приамурских партизан-анархистов под командованием Якова Тряпицына и Нины Лебедевой.

«…В книге протоирея М. Польского “Новые мученики российские” есть такие строки: “протоирей Серапион Черных во время освящения вербы под Вербное воскресенье 1921 г. в Николаевске-на-Амуре в облачении брошен в бухту”. Сохранилось и семейное предание о том, как хабаровский родственник, отец Серапион, был убит “красными”. Но сами “красные” не посмели его пытать и убивать — позвали китайца, который долго избивал священника, потом бросил в Амур. А когда тело достали из воды, оно не было повреждено и обезображено» (Н. Аруева).

В 1981 году священномученик Серапион (Леонтьевич Черных) Амурский был прославлен в лике святых Собором Русской Православной Церкви за рубежом.

ЧАСТЬ 6

Мало кому известно, что в обороне Петропавловского порта принимали участие и дети.

Судя по спискам кантонистов (юнг) в школу кантонистов записывали с годовалого возраста.

Степану Семеновичу Атласову, потомку Камчатского Ермака, было всего десять лет, когда он принял участие в сражении.

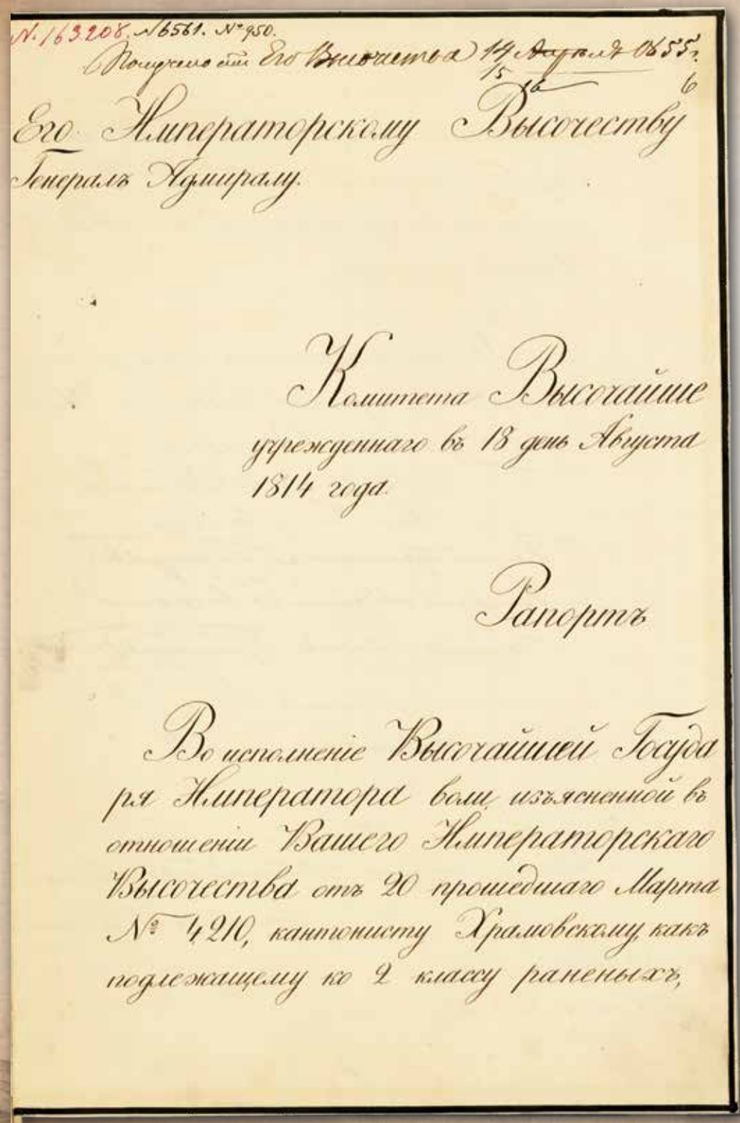
Ивану Степановичу Киселеву было двенадцать лет, когда он погиб во время обстрела 20 (по старому стилю) августа 1854 года батареи № 1 на мысе Сигнальном, которая была серьезно разрушена и где защитники города понесли первые людские потери.

Кантонисты были в числе обслуги на батареях города.

Первыми о подвиге камчатских детей узнали жители столицы и Центральной России из письма начальнику Морского корпуса Б.А. Глазенапу одного из участников Петропавловской обороны — лейтенанта Николая Алексеевича Фесуна, которое было опубликовано в декабрьской книжке «Морского сборника» за… 1854 год. Вот что он писал: «Командир батареи (№ 2. — *С.В.*) князь Дмитрий Максутов до того приучил своих людей к хладнокровию, что, когда неприятель действовал только бомбами и нашим из 36-фунтовых [пушек] нельзя было отвечать, кантонисты-мальчики, от 12 до 14 лет, служившие картузниками (мешок, футляр, в котором подносят к орудиям картузы с порохом. — *С.В.*), чтобы убить время, пускали кораблики. И это делалось под бомбами, осколками которых было засыпано все прибрежье. Одному из этих мальчиков-воинов оторвало руку; когда его принесли на перевязочное место и начали отрезать обрывки мяса, он немного сморщился, но на вопрос доктора: “Что, очень больно?” — ответил сквозь слезы: “Нет, это за царя”. Ему, благодаря Бога, теперь лучше, и, говорят, он будет жив».

Лейтенант Константин Павлович Пилкин, участник Петропавловской обороны, также подтверждает эти слова мальчика-кантониста: «Только единой помощи Бога можно отнести, что эта батарея, осыпаемая тремя фрегатами и пароходом с 8 час. утра до 7 час. вечера, могла устоять и потерять во весь день всего 4 убитых и 6 раненых, в том числе 10-летнему мальчику оторвало руку, и он еще, улыбаясь, говорил: “Слава Богу, ведь это за батюшку царя”. Надо думать, что по этой батарее сделано от 400 до 500 выстрелов».

Позже эти слова подтвердит и гардемарин с фрегата «Аврора» Г.Н. Токарев: «Мы смотрели с фрегата, как спокойно князь

№ 163208. №6581. №950.
Получено сей Его Высочества 19 Апреля 1855.
5 6
Его Императорскому Высочеству
Генералъ Адмиралу.
Комитета Высочайше
учрежденнаго въ 13 день Августа
1814 года.
Рапортъ
Во исполненіе Высочайшей Госуда
ря Императора воли изъясненной въ
отношеніи Вашего Императорскаго
Высочества отъ 20 прошедшаго Марта
№ 4210, кантонисту Храмовскому какъ
подлежащему ко 2 классу раненыхъ,

Максутов (Дмитрий, командир батареи № 2. — *С.В.*) расхаживал по батарее. Команда его покуривала трубочки, лежа у бруствера, а мальчики лет 11 и 12 пускали кораблики под градом ядер и пуль. Одному из этих кантонистов оторвало правую руку выше локтя, ранило ногу и оторвало мизинец левой руки. При ампутации в госпитале доктор спросил: “Больно?” Мальчик сквозь слезы, улыбаясь, отвечал: “Ничего! Ведь это за царя”. Мальчику этому 11 лет, слыхали ли, такая храбрость…»

Позже каждый из новых авторов будет обыгрывать этот сюжет по собственному разумению.

А.П. Сильницкий, работая над архивными материалами, писал: «По случаю малочисленности Петропавловского гарнизона, Завойко был вынужден употреблять на должности кокорщиков кантонистов с десятилетнего возраста. Из числа этих кантонистов один был убит, а другого, по имени Матвея Хромовского, одну руку оторвало, а другую ранило. Были ранены и некоторые другие кантонисты.

Кантонист Хромовский с удивительной твердостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии правой руки у плеча и мизинца левой руки. Во время тяжелой операции он, как свидетельствует Завойко, молчал и даже не стонал. Все дети кокорщики исполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали спускать кораблики. Завойко просил Муравьева (генерал-губернатора Восточной Сибири. — *С.В.*) довести о таком мужестве мальчиков до сведения государя и для сохранения в памяти защитников Петропавловска подвигов детей исходатайствовать у государя какое-нибудь пособие Хромовскому. Десятилетним еще ребенком Хромовский сослужил службу царю, остался калекой и не мог не только снискать себе пропитание своими трудами, но даже не мог обходиться без посторонней помощи».

Юлия Завойко: «Был в числе раненых маленький кантонист: по недостатку людей они подавали картузы на батареях; ему оторвало руку. Когда делали операцию, доктор спрашивает его: “Больно тебе?” (Мальчик, не стонал.) “Больно-то, больно, ваше высокоблагородие, да ведь я родился царским слугой, значит, не только руку, но и жизнь должен за царя положить”. Этот ответ ребенка доказывает, какой дух был вселен в тамошние команды».

В ее письме епископу Иннокентию, написанному по «горячим следам» в сентябре 1854 года: «У нас есть теперь два мальчика калеки. Когда одному отнимали руку, он говорил доктору: “Скорей, мне не больно. Я за царя руку потерял!”»

Картузный мешок

Имя второго мальчика нигде не называется.

«На подноске кокоров — зарядов к пушкам отличались кантонисты — дети камчатских моряков. Они “исполняли в продолжении военных действий свои обязанности с превосходною расторопностью и были так веселы,. что нередко по окончании сражений тотчас начинали спускать кораблики”, — доносил Завойко генерал-губернатору Восточной Сибири. Один из кантонистов в бою 20 августа был убит. “У одного, и именно Матвея Храмовского, имеющего 10 лет, — одну руку оторвало, а другую ранило, и других некоторых легко ранило. Кантонист Храмовский с удивительной твердостью духа перенес сделанную ему операцию, заключавшуюся в отнятии правой руки у плеча и мизинца у левой”» (А. Степанов «Петропавловская оборона»).

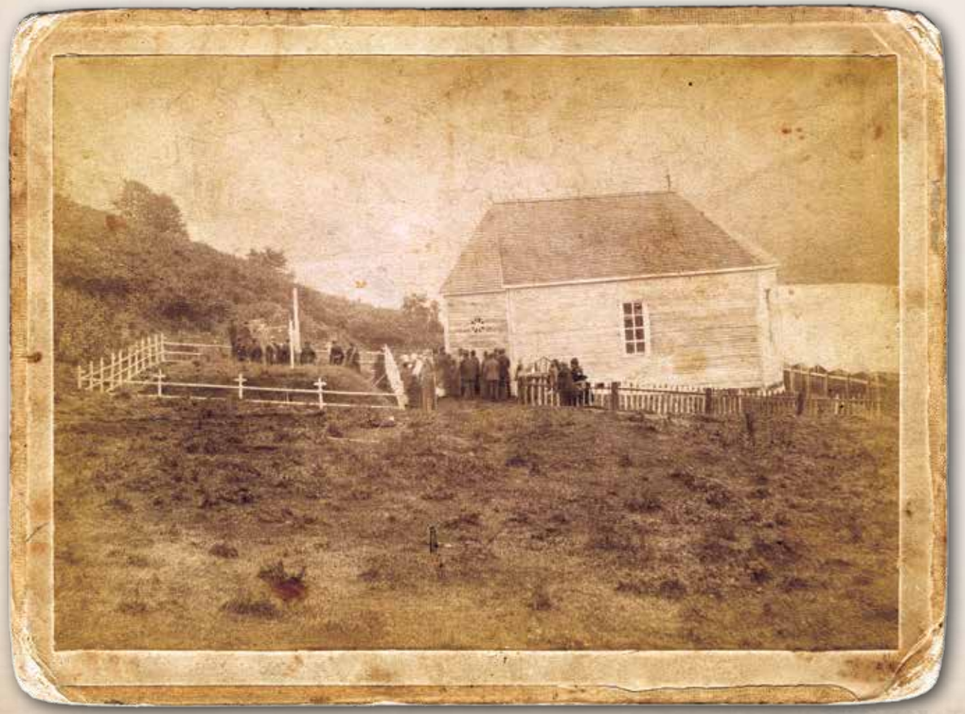
Имена раненых детей также пока неизвестны.

«Батарея продолжала жить и героически сражаться с врагом. Героями были не толь-

Петропавловская оборона. Художник В. Кулинченко

ко взрослые воины, но и кантонисты — дети камчатских моряков, поставленные на подачу кокоров к пушкам. Под свист осколков и разрывы бомб они ревностно выполняли свои обязанности. Одного из храбрых мальчишек убило, нескольких ранило. Завойко доносил о них в Петербург: “У Матвея Храмовского, десяти лет, одну руку оторвало, а другую ранило. Он с удивительной твердостью духа перенес операцию, заключавшуюся в отнятии правой руки у плеча и мизинца на левой”. Когда оперирующий врач спросил юного героя, не очень ли ему больно, он сквозь слезы ответил: — Нет! Нет! Это же за наш город...» (Г.И. Щедрин «Петропавловская оборона»).

Часовня братской могилы погибших при обороне Петропавловского порта в 1854 г.

«Когда же у одного из них, Матвея Храмовского, ядром оторвало руку и ранило в другую, он мужественно и без слез перенес ампутацию плеча и мизинца, а на вопрос командира “Больно?” только прошептал бледными губами: “Больно... ну и что? Это ж за мой город!”» (Ю. Завражный «Забыть адмирала»).

Царь, надо это признать, сразу уважил и просьбу генерал-губернатора, и раны Матвея Хромовских, приказав назначить «пенсию из инвалидного капитала» в размере 22 рублей 86 копеек серебром в год «кантонисту Хромовскому, как подлежащему ко 2-му классу раненых». Дальнейшая судьба Матвея нам неизвестна.

Как неизвестны и имена тех детей, которые, начиная с десятилетнего возраста, выполняли обязанности артиллерийской прислуги вместо взрослых.

Но у нас есть список кантонистов за 1846 год. И мы полагаем, что вряд ли этот список принципиально изменился за последующие годы: Иван Ломаев (1845); Иннокентий Кузьмич Наянов (1845); Кирилл Дюков (1844); Хрисанф Максимович Емельянов (1844); Александр Михайлович Расторгуев (1844); Михайло Андреевич Сысоев (1844); Павел Федоров (1844); Александр Поликарпович Конев (1843); Михайло Петрович Курилов (1843); Михайло Лаврович Норин (1843); Иван Андреевич Сысоев (1843); Иван Степанович Киселев (1842) — убит 20 августа 1854 г.; Павел Александрович Копылов (1842); Осип Кузьмич Наянов (1842); Павел Пантелеевич Дурынин (1841); Виктор Прокопьевич Гаврилов (1840); Василий Иванович Крыков (1840); Иван Иванович Дурынин (1839); Николай Ксенофонтович Ипатьев (1839).

Все эти мальчишки были эвакуированы как военнообязанные в Николаевск-на-Амуре, где продолжили свою учебу и свою службу. А после отставки получили право поселиться в одном из портов Восточного океана. На Камчатку возвратились лишь единицы.

Гдовский Кремль, собор в честь иконы Державной Божией Матери

Герб Санкт-Петербургской губернии

ГДОВСКИЙ, ОРАНИЕНБАУМСКИЙ (ПЕТЕРГОФСКИЙ) И ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ УЕЗДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Участники Петропавловской обороны, живые свидетели тех далеких событий — и русские, и англичане, и французы — совершенно по-разному объясняют причины неудачной высадки десанта 20 августа по старому стилю 1854 года со стороны мыса Кислая Яма на берегу Красной сопки (Красного Яра), где находилась батарея № 4 «Кладбищенская», состоящая из 3-х легких орудий 24-фунтового калибра.

С одной стороны, это понятно. Русские должны были преувеличивать значение своей победы и собственный успех. А вот что касается англичан и французов, то здесь мнения разделились — ведь в десантной группе были одни французы.

Сражение развернулось ранним утром.

Правда, в различных источниках оно обозначено тоже совершенно разным временем. Но будем ориентироваться по командирским часам.

Завойко: «В половине 6 часа я пригласил на батарею №1 священника Георгия Логинова отслужить молебен о даровании всемогущим богом победы… Неприятель во время чтения Св. Евангелия начал стрелять в батарею бомбами и ядрами.

…Ровно в 9 часов началось сражение. Фрегат “Пик” первый стал на якорь со шпрингом, вправо от Сигнального мыса и открыл продольный огонь по батарее № 1 и на гребень Сигнальной горы. За “Пиком”, на расстоянии 1½ кабельтова, остановился “Президент”, далее “Форт”, пароход держался южнее последнего фрегата и бросал в батареи бомбы.

Герб Гдова

Герб Ораниенбаума

Герб Царского Села

...Две батареи наши № 1 и 4 были совершенно открытые, имели только 8 орудий и дрались против 80 орудий 3 фрегатов и парохода, на котором были бомбические орудия и мортиры. Сначала неприятель действовал наиболее против батареи № 1, которая, находясь ближе прочих к фрегатам и имея два бомбических орудия, вредила фрегатам более других батарей. В ¾ десятого дали знать, что командир батареи лейтенант Гаврилов ранен, я послал в помощь ему подпоручика Губарева; в исходе десятого дано знать, что из команды, кроме убитых, много раненых каменьями, у орудий повреждены брюки и станки и что на платформу ядрами каменья и землю так, что действовать орудиями невозможно.

...В это время от фрегатов отвалили 13 гребных судов и два десантные бота с десантом не менее 600 человек и направились южнее сей батареи (№ 4 "Кладбищенской". — *С.В.*).

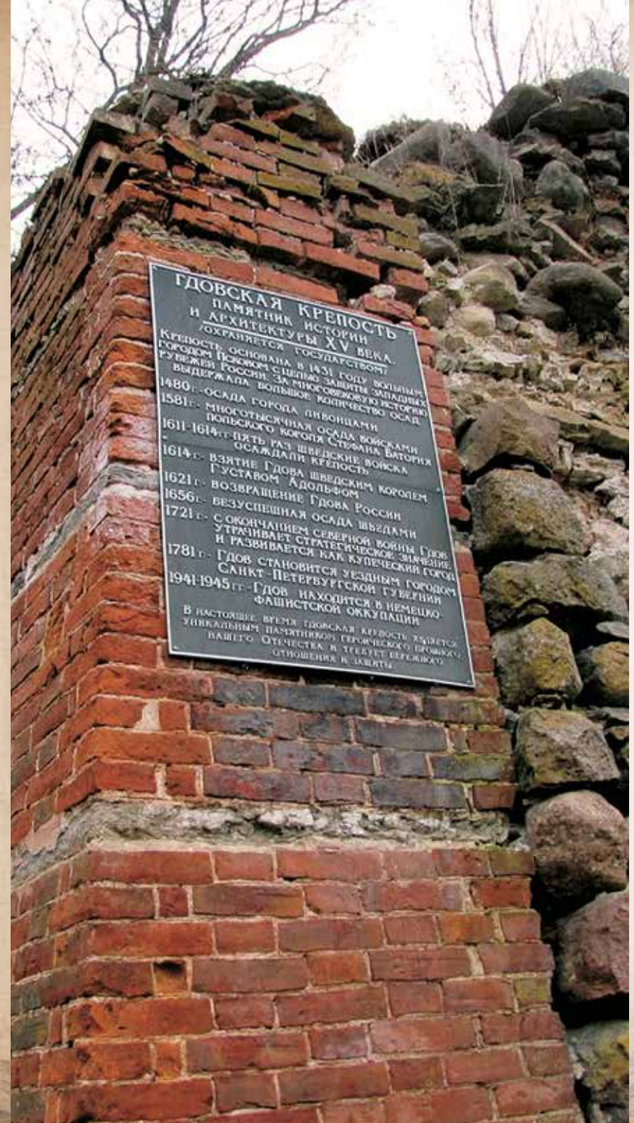
...Командир батареи № 4 мичман Попов действовал все время по неприятельским судам с отличным успехом и по необыкновенному счастью, несмотря на град ядер, сыпавшихся на батарею, не потерял ни одного человека из своей команды. Когда он усмотрел приближение неприятеля, быстро продвигавшегося от мыса южнее Красного яра, то спрятал в приготовленное заранее место оставшийся у него порох, сделал еще по выстрелу из каждого орудия, потом в виду десанта заклепал орудия и начал отступать, отстреливаясь, к 1 отряду стрелков, спешивших к нему с волонтерами на помощь. Неприятель, завладев батареей, поднял французский флаг, но в это время фрегат "Аврора" и транспорт "Двина" начали стрелять в десант; с английского парохода по ошибке пущена бомба, которая лопнула в неприятельской толпе на самой батарее; неприятель, не дожидаясь нападения наших отрядов, побежал к шлюпкам и отвалил немедленно от берега».

Бой закончился.

Подведем некоторые итоги.

Убитые и раненые были только на батарее № 1.

Все они из 46-го флотского экипажа: Даниил Белоусов (1824), матрос; Трофим Губин

(1823), матрос; Иван Жбанов (1822), матрос; Иван Кисилев (Киселев) (1839, а по нашим уточненным данным, 1842), кантонист; Федор Куклин (1819), мастеровой матрос, умер от ран; Алексей Лыткин (1824), унтер-офицер; Андрей Лысаков (1820), боцманмат.

Что же касается количественного состава десанта, то здесь появляются кривотолки: «Часть союзных морских пехотинцев и моряков была высажена с "Virago" возле батареи номер 4 с приказом захватить ее. Дневник Уильяма Эшкрофта рассказывает нам, что использовалось два вельбота, так что мы можем предположить, что этот отряд насчитывал, по-видимому, не более 60 человек» (Ю. Завражный «Забыть адмирала»).

Изыльметьев (Журнал военных действий, который вели на фрегате «Аврора»): «В половине десятого часа батарея № 1 сигналом дала знать: неприятель намерен высадить десант. В три четверти десятого увидели идущие с неприятельских фрегатов три большие гребные суда с десантом по направлению к Раковой губе, под прикрытием парохода. Тогда от нас было сделано 12 пушечных выстрелов, но как ядра наши не доставали неприятеля и потому пальбу прекратили. В 10 часов десант был высажен на мыс Кислая яма южнее батареи № 4, тогда береговая стрелковая партия мичмана Михайлова пошла на помощь к батарее № 4, туда же от-

Ораниенбаум, панорама Большого дворца и Нижнего сада

правилась и вторая стрелковая партия подпоручика Губарева. В три четверти одиннадцатого часа командир и прислуга с батареи №4 отступили к стрелкам. Тогда переправились в помощь к стрелкам же команда с батареи №1 и 3. С батареи № 1 перенесли гюйс на батарею №2, а потом в город на флагшток у гауптвахты. Десант продолжал переправляться на берег под прикрытием парохода, который обстреливал берег бомбами и картечью. Каждый раз, как только пароход показывался из-за Сигнального мыса и приближался на пушечный выстрел, с фрегата и транспорта палили по нему. В 11 часов мы увидели ружейную пальбу. Тогда главный командир потребовал от нас 30 человек, почему и послан был мичман Фесун с одним унтер-офицером и 30 рядовыми. Неприятель занял батарею №4, поставил на оной французский флаг, но сделанные нами и транспортом “Двина” пушечные выстрелы по батарее и идущим туда стрелкам заставили неприятеля отступить. В три четверти 12 часа пароход отконвоировал 13 шлюпок с десантом назад к своим фрегатам».

То есть данные Завойко и Изыльметьева по количеству судов примерно совпадают: 2-3 гребных судна и 13 шлюпок.

Следовательно, количество десантников было не 60, как предполагает Завражный, а гораздо больше.

Что же заставило тогда этих закаленных в боях воинов в панике убегать с завоеванной ими территории, даже не вступив в следующий бой?

Английское ядро, которое угодило в толпу французов и посеяло панику в их рядах? Но на нем же не было написано, что ядро английское!

Ораниенбаум, дворец Меньшикова

Русские ядра с фрегата «Аврора» и транспорта «Двина», которые расстреливали десант практически в упор?

Или блеск русских штыков возымел столь магическое действие — ибо количество наступавших русских матросов было вдвое, а то и втрое меньшим, чем количество французских десантников?

Столкновения, боя, сражения, драки попросту не было — русские увидели только французские пятки…

Что же касается меткости стрельбы наших артиллеристов, то убитых в тот день только на фрегате «Форт», который стоял вместе с «Президентом» напротив батареи № 1, было семь человек. Мы это знаем точно, потому что имеется свидетель — боцман Усов, захваченный ранее в плен вместе со своей семьей, а затем отпущенный французским адмиралом Де Пуантом, который и доложил генералу Завойко о качестве нашей стрельбы.

«…Повреждения в судах (англо-французов. — *С.В.*) были немаловажны; наши ядра долетали большей частью рикошетами и били в корпус судна; в зрительную трубу можно было различить во многих местах пробоины; неприятель, отойдя на позицию, тотчас же приступил к исправлениям; ночью слышны были плотничные работы» (из рапорта В.С. Завойко).

Итак, каково же объяснение всего того, что случилось в этот день?

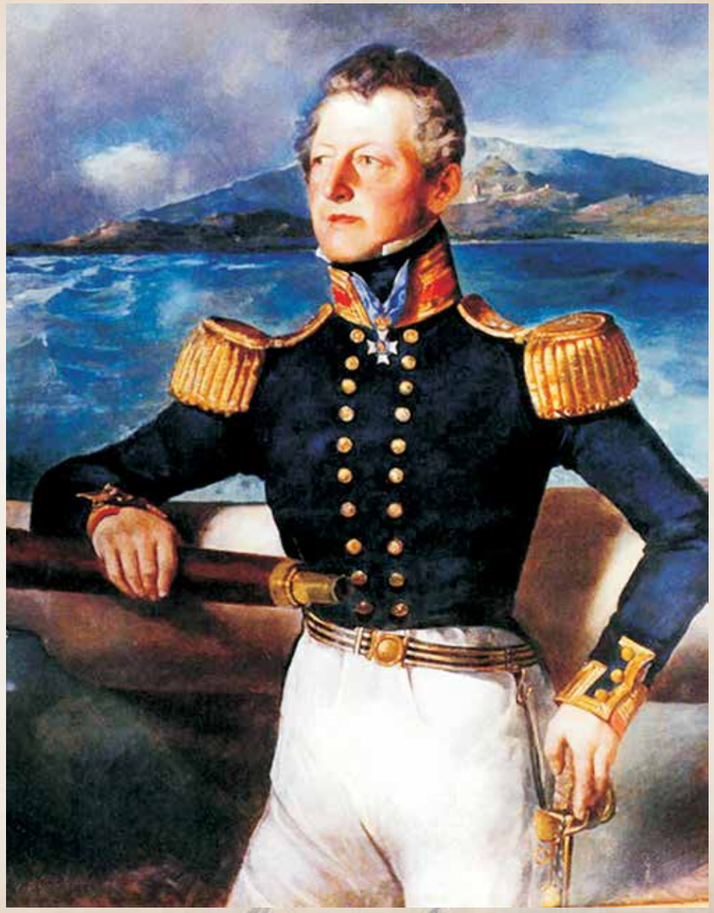
Нам говорят — причиной была неожиданная смерть командующего эскадрой английского контр-адмирала Дэвида Пауэлла Прайса, которая нарушила принцип управления эскадрой и внесла сумятицу и разнобой в организацию и проведение десантной операции — командование эскадрой перешло к французам.

Именно неожиданная смерть — при всех существующих на сегодняшний день версиях.

Вот одна из них — французская.

Из воспоминаний офицера Эдмонда дю-Айи: «Английский адмирал застрелился.

Трудно изобразить печаль как на английских, так и на французских судах. Постоянная приветливость, редкие и прекрасные качества, искусство в щекотливом командовании двумя флагами снискали адмиралу Прайсу любовь и уважение всех, и мог ли кто ожидать от него такого ужасного решения? Приближенные к нему офицеры уже несколько времени замечали в нем моральную перемену; они беспокоились, но никак не подозревали такой трагической развязки. Мы уже говорили о колебании и медленности, которыми ознаменовано было начало кампании. Сознавая нерешительность, с какою была предпринята кампания, адмирал упрекал себя в этом. В конце стоянки у Маркизских островов он горько сожалел, что потерял целый месяц времени. Душевное беспокойство его еще более увеличилось, когда у Сандвичевых островов он сообразил все выгоды, полученные русскими фрегатами от его медленности. Мысль, что он должен дать в своих поступках отчет правительству, редко прощающему неудачи, овладевала им более и более, в особенности по приходе в Петропавловск ему представилась перспектива неудачи и гибельной битвы. С тех пор мысль об ответственности не давала ему покоя. Позиция неприятеля, действительно крепкая, приняла в глазах его ужасающие размеры. Не только казалось ему невозможным овладеть ею, но и получить успех

Контр-адмирал Дэвид Пауэлл Прайс, похоронен на берегу Тарьинской бухты

при обыкновенных морских средствах можно было не иначе, как ценою чрезмерной потери в людях, и, наконец, как исправить корабельные повреждения в таком отдаленном краю? Высадка, по справедливости, казалась ему еще опаснее; короче сказать, находясь под влиянием страха, что объясняется, хотя и не оправдывается, его душевным расстройством, не иметь ни минуты покоя, не спав сряду 5 ночей, несчастный адмирал только и думал об ответственности, которую он преувеличивал и которая буквально его подавила. ...он изнемог под роковым увлечением, и по крайней мере, зная его глубокие религиозные чувства, должно снять с его памяти подозрение в обдуманном самоубийстве. Адмирал Прайс лишил себя жизни в присутствии своего экипажа. Пройдясь по палубе с капитаном Бриджем, своим флаг-капитаном, и поговорив с ним о принятых диспозициях, он спустился в свою каюту, которая по случаю предстоящего сражения, не отделялась переборкой от батареи, открыл шкаф, вынул оттуда пистолеты, зарядил и, прицелив к сердцу, выстрелил. Несмотря на поданную помощь, через несколько часов он умер, совершенно сохранив память до последней минуты».

А вот другая, более категоричная версия.

«19 (по старому стилю. — *С.В.*) августа 1854 года с утра корабли союзной эскадры стали занимать отведенные по плану им места, но вдруг движение остановилось, и корабли вернулись на свои места на якорной стоянке у входа в Авачинскую бухту. Как потом выяснилось, в ночь с 18 на 19 августа адмирал Прайс погиб при загадочных обстоятельствах. Последующая неудача союзной эскадры и ее отступление сделали удобной точку

Павильон «Эрмитаж» в Царском Селе

зрения о том, что британский адмирал покончил жизнь самоубийством. Якобы он переволновался, опасаясь за исход операции и застрелился. Однако эта версия была неубедительной уже в то время. Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Муравьев в письме генерал-адмиралу русского флота великому князю Константину Николаевичу отмечал, что британский адмирал не стал бы убивать себя перед сражением, которое надеялся выиграть. Не мог Прайс застрелиться и "невзначай своим пистолетом", так как не было надобности брать его в руки, находясь на фрегате за милю от русских позиций. Да и сомнительно, что Прайс "испугался" штурма Петропавловска. Это был боевой командир, который не раз смотрел в лицо смерти. Его отмечали как умелого и храброго офицера, который не раз получал ранения в боях, попадал в плен, участвовал в абордажах и рукопашных схватках. Такой человек предпочел бы пасть в бою, если не мог выполнить поставленной задачи. Поэтому существует версия, что британского адмирала убили, а экипажу сообщили о самоубийстве, чтобы не вызывать разногласий. Причина же убийства покрыта мраком. Таинственная гибель Прайса стала своего

Гдов, крепостная стена кремля

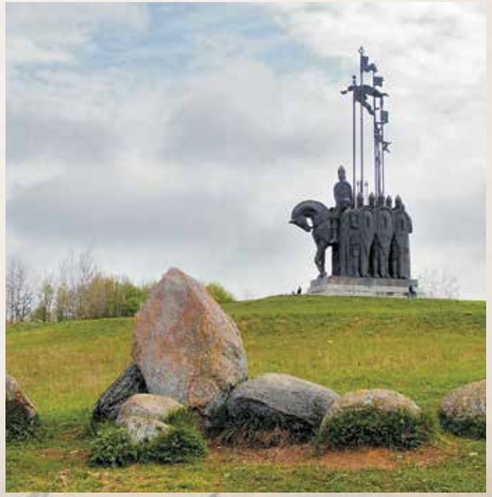
рода роковым предзнаменованием для всей союзной эскадры».

Обратим внимание еще на один факт, который не был отмечен ни в рапорте Завойко, ни в Журнале боевых действий Изыльметьева, — о том, что утром 19 августа якобы шло приготовление, внезапно оборвавшееся, к боевым действиям. Не было никаких приготовлений.

Но есть другое — действительное — сообщение Завойко о том, что за день до этого — 18 августа была артиллерийская перестрелка с вражескими судами, и отмечено: «...с батареи № 3 пущено первое ядро. Неприятель отвечал несколькими выстрелами, после чего батареи №№ 1, 2 и 4 открыли огонь, но с одной только батареи № 1 ядра и бомбы попадали в неприятельские суда».

Позже, отстраненный от командования 46-флотским экипажем, уязвленный и оскорбленный этим капитан 1-го ранга, в недавнем помощник губернатора Камчатской области и капитан Петропавловского порта Александр Павлович Арбузов, которому во время Петропавловской обороны доверили только небольшой отряд в 30 штыков и с помощью которого, по словам самого А.П. Арбузова, он решил судь-

Гдов, памятник Александру Невскому

Здание Царскосельского лицея

бу обороны Петропавловского порта, написал свои «Воспоминания…», где предложил свою версию о причинах смерти адмирала Прайса. Сразу же, подчеркнем это, целиком и полностью отвергнутую его «сотоварищами» по обороне.

Но прочтем: «18-го числа с 4-х часов пополудни и все 19-е число были употреблены нами, равно и неприятелями на исправление повреждений. Из повреждений этих заметно было на фрегате “Президент” разбитие кормового транца и кормы. При этом, по всей вероятности, убит с батареи № 1-й адмирал Прайс. Можно предполагать, что Прайс, придя на позицию, спустился в каюту. Влетевшая туда наша бомба произвела разлом и сотрясение, что заставило капитана спуститься в каюту, где, увидя прах адмирала, приказал слуге прикрыть его, а сам объявил команде, что о пробоине безвредной не должно беспокоиться, а следует вернее наводить орудия на неприятелей. Эта необходимая ложь экспромтом подала повод воспользоваться славной смертью адмирала Прайса и придумать самоубийство, совершенное им будто для того, что адмирал, при старости, с упадком энергии, боялся ответственности за промедление времени и неуспех первой попытки овладеть портом и Камчаткою. Грешно и стыдно клеветникам, и смешно верить таким выдумкам, что русское ядро или бомба не может убить английского адмирала… Сомневаться в этом тем более странно, что командир батареи № 1 говорил мне, да и всем известно, что на пробной стрельбе с батареи в щиты они по первому выстрелу разбивали их в щепки; когда же фрегат стал по течению кормою к батарее, то воспользовавшись удачным прицелом, наши разгромили корму…»

Ну, ладно, Арбузов – которому многое из того, что делали его «сотоварищи» по обороне не нравилось, а с целым рядом фактов, приводимых в своих воспоминаниях другими участниками событий, он не был согласен, откровенно подчеркивая свою роль и свое значение. Например: «За общим обедом 24-го августа 1854 г., все чиновники и офицеры, участвовавшие в обороне порта, предлагали выдать мне свидетельство, за их подписями, в том, что спасением порта они обязаны ни кому другому, как только мне, Арбузову». Удивительная, конечно, скромность…

И поэтому эти его «сотоварищи» впоследствии весьма критично или сугубо отрицательно относились ко всем остальным его высказываниям.

Даже если в этих высказываниях и был определенный смысл.

Напомним, что генерал-губернатор Восточной Сибири в своем письме генерал-ад-

миралу русского флота великому князю Константину Николаевичу не был согласен с версией англо-французов о смерти Прайса, считая ее надуманной: «Завойко напрасно поверил рассказу пленного, что адмирал Прайс будто бы сам застрелился. Неслыханное дело, чтоб начальник застрелился в самом начале сражения, которое надеялся выиграть; не мог адмирал Прайс застрелиться и невзначай своим пистолетом, для какой надобности он брал его в руки, находясь на фрегате за милю от нашей батареи…»

Поэтому вполне вероятно, что абсурдная для многих версия Александра Павловича Арбузова о том, что контр-адмирал Прайс был убит артиллеристами батареи № 1 «Сигнальной» в первые же минуты боя не кажется нам абсурдной — она как раз многое проясняет. И даже то, почему позор самоубийства адмирала не казался таким страшным позором для его офицеров, как его случайная гибель в первые же минуты сражения, которого на самом деле даже и не было — командующий убит шальным ядром или осколком бомбы…

Самоубийство же было личным позором Прайса. И англичане от него отреклись.

Арбузов писал: «19-го числа тело адмирала было погребено на берегу Тарьинской бухты, и над могилою сложено возвышение и покрыто дерном. Когда время утишит страсти, англичане, без сомнения, почтут память павшего воина достойным мавзолея и поставят его на могиле сраженного адмирала!»

Не почтили. Страсти не улеглись и через более чем полтора столетия. И списали на его гибель все неудачи проигранного сражения…

И кстати, тот злополучный выстрел по французскому десанту с английского фрегата, как выясняется (точнее, по одной из версий), не был случайным. Кто-то из англичан очень не хотел, чтобы пальма первенства в овладении Петропавловским портом досталась «лягушатникам», как пренебрежительно отзывались жители туманного Альбиона о своих военных союзниках.

Старший над английскими судами кэптен (капитан 1 ранга) сэр Фредерик Николсон, первым обнаруживший труп адмирала и автор идеи о его самоубийстве, весьма недвусмысленно намекал французскому адмиралу Де Пуанту о том, что «командовать парадом победы» должны англичане…

И собственно, эта дележка «шкуры неубитого медведя» — и стала главной причиной поражения. Союзники перестали доверять друг другу.

Итак, метко стреляла по врагу батарея № 1 лейтенанта 46-го Камчатского флотского экипажа Петра Федоровича Гаврилова, пять

Ораниенбаум. Китайский дворец

орудий которых (в том числе и два «бомбических», дальнобойных) обслуживали 64 матроса этого же Камчатского экипажа.

Во время следующего боя, точнее, первого настоящего сражения 20 августа, Петр Федорович был контужен ядром в ногу и ранен осколком камня в лицо, но не покинул позиции.

Он был родом из солдатских детей Санкт-Петербургской губернии. Более точное место рождения нам пока установить не удалось.

В 1824 году поступил учеником в штурманское Балтийское училище в Кронштадте. 10 апреля 1827 года переименован в кадеты Первого штурманского полуэкипажа. После окончания обучения, 22 апреля 1834 года, произведен в кондукторы корпуса флотских штурманов

За участие в военных действиях — в морской блокаде Дарданелл — досрочно произведен в прапорщики. С 1839 года служил на фрегате «Аврора». В 1842–1845 годах — в кругосветном плавании на транспорте «Иртыш» с переходом на службу в Охотский флотский экипаж. В связи с этим очередное повышение в звании — подпоручик.

Командовал ботом «Кадьяк», проводил исследования побережья Охотского моря, доставлял грузы и людей на Камчатку.

В 1850 году произведен в лейтенанты.

То есть этот чин был заслужен тяжелой и повседневной работой в море.

В 1850–1852 годах лейтенант Петр Гаврилов, командуя транспортом «Охотск», принял участие в Амурской экспедиции Геннадия Невельского. Но по сути он был в числе самых первых исследователей Амура: «В 1842 и в 1843 гг. последовали новые попытки со стороны генерал-губернатора Восточной Сибири заставить правительство осуществить плавание по Амуру. Уступая этим настойчивым требованиям, царское правительство и Российско-Американская компания решились на некоторые исследования вблизи устья Амура. В 1844 г. юго-западную часть Охотского моря, Удский край, посетил академик А.Ф. Миддендорф. На байдаре он дошел до устья реки Тугур, открыл там гавань, названную впоследствии именем великого князя Константина. Только недостаток времени не позволил ему побывать в устье Амура.

В 1846 г. в устье Амура на бриге “Константин” побывал подпоручик Гаврилов. Ему было приказано не выдавать свой корабль за русский. В инструкции прямо говорилось, что “бриг свой приготовьте так, чтобы не было в нем ни малейшего обличения русского судна”. Такая излишняя скрытность и секретность экспедиции, а следовательно, и некоторая взвинченность командира не могли не сказаться на общем ходе выполнения работ. Инструкция, сковывавшая инициативу Гаврилова, и болезнь его не дали довести дело до конца.

Плохо обоснованные выводы Гаврилова, сделанные с большими оговорками, окончательно убедили правительство в бесполезности реки Амур, несмотря на то, что Гаврилов писал, что из его наблюдений нельзя делать окончательных выводов о доступности устья Амура с моря» (А.И. Алексеев «Охотск — колыбель Тихоокеанского флота»). Позже, когда было доказано, что устье реки Амур судоходно, выводы Гаврилова были поставлены ему в вину — по крайней мере, историками.

В 1853 году, командуя транспортом «Иртыш», он вынужден-

Фрегат «Аврора», художник П.Т. Борисполец

но зазимовал в Императорской гавани. Так сложились обстоятельства, что здесь, в практически совершенно не обустроенном для этого месте, одновременно вынуждены были зимовать экипажи двух судов — «Николая I», принадлежавшего Российско-Американской компании, и транспорта «Иртыш» Камчатской флотилии, служили на которых матросы и офицеры 46-го флотского экипажа.

Моряки пережили страшную зиму, когда скорбут (цинга) и голодовка привели к тому, что треть людей, включая второго офицера с транспорта «Иртыш» — Гурия Михайловича Чудинова, погибла. В 1887 году в Императорской гавани был установлен памятник с надписью: «Отъ Владивостокского порта 1887 г. Умершимъ отъ цинги въ зиму съ 1853 на 1854 г. Транспорта Иртышъ Штурманъ Поручикъ Чудиновъ и 12 человекъ нижнихъ чиновъ. Корабля Николай Рос.-Амер. Ком. 4 матроса и 2 матроса постовой команды».

Бухта Базарная, Советская (Императорская) гавань

Позже были установлены и имена погибших матросов: Перфил Толмачев, Василий Мироманов, Иван Коротких, Прокопий Колобов, Павел Рогов, Спиридон Судейкин, Сидор Пушинин, Алексей Козлов, Матвей Водкин, Хирсандр Медведев, Матвей Максимов, Самсон Шаныгин, Иван Семенов, Михаил Сизых.

Лейтенант Петр Гаврилов и оставшиеся в живых его матросы возвратились в Петропавловский порт совершенно больными людьми. В апреле 1854 года лейтенант был освобожден от должности и направлен на лечение, но, как мы видим, тотчас встал в строй, как только нависла угроза военного нападения на Петропавловск. Зная его ответственность, Василий Завойко поручает Гаврилову самый ответственный пост — быть командиром батареи №1, которая преграждает противнику возможность захода в Петропавловскую гавань.

И он не подвел. Батарея стреляла до последнего — пока не была подбита последняя пушка.

Впоследствии батарея № 1 была восстановлена и вновь приняла участие в сражении 24 августа (по старому стилю).

За военные отличия в декабре 1854 года Петр Федорович произведен в капитан-лейтенанты и вновь назначен командиром транспорта «Иртыш», участвовавшего в 1855 году в эвакуации гарнизона порта в Николаевске-на-Амуре и также принявшего

участие в сражении с англо-французами в заливе Де-Кастри в мае этого же года.

В 1856 году П.Ф. Гаврилов возвращается в Кронштадт на корвете «Оливуца» и выходит в отставку

Служил в Петербургской палате государственных имуществ в чинах надворного, коллежского и статского советников.

Умер 15 января 1898 года и похоронен на Смоленском кладбище.

За Крымскую коампанию он был награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV степени с бантом (1854) и орденом Святого Станислава (1855).

В 1853 году за Амурскую экспедицию награжден орденом Святой Анны III степени.

Никольская сопка и мыс Сигнальный, здесь размещалась батарея № 1 — «Сигнальная»

Петр Федорович Гаврилов был не единственным уроженцем Санкт-Петербургской губернии из числа защитников Петропавловского порта.

Мы нашли еще пять матросов 46-го флотского экипажа, которые были его земляками.

Из села Воскресенского Царскосельского уезда, к тому времени уже из крестьян полковницы Евдокимовой, был Григорий Богданович Богданов (1821), который в 1852–1853 годах участвовал в кругосветном плавании на транспорте «Двина», в 1854 году отражал на нем англо-французский десант, а в 1855 участвовал в сражении в заливе Де-Кастри.

Почему я отметил, что он был «к тому времени» из крестьян полковницы?

Да потому, что первым владельцем этого села был граф Федор Матвеевич Апраксин, генерал-адмирал и первый президент Адмиралтейства, который в 1718 году на мызе Суйда построил первую деревянную церковь во имя Воскресения Христова.

В мае 1759 года у его внука мызу с приписанным к ней селом Воскресенским купил А.П. Ганнибал — прадед А.С. Пушкина.

В Воскресенской церкви 28 сентября 1796 года венчались внучка А.П. Ганнибала Надежда Осиповна и Сергей Львович Пушкин — родители А.С. Пушкина.

В 2010 году уроженке этих мест няне Александра Сергеевича Пушкина Арине Родионовне в селе Воскресенском установлен памятник. Средства на этот памятник собрал Михаил Николаевич Задорнов — отец которого, Николай Павлович Задорнов, был автором многих книг по истории освоения Дальнего Востока, в том числе и знаменитой «Войны за океан» — о событиях Петропавловской обороны.

Вот такие это замечательные места.

Кстати, обратите внимание на то, что у всех наших героев отчества совпадают с их фамилиями — в те годы крепостные крестьяне фамилий еще не имели, и по старинному обычаю их фамилией при рекрутском наборе становилось имя отца. Таким образом наши герои становились патриархами будущих родов первых российских дальневосточников, так как по окончании службы и выходу в отставку им предписывалось селиться на побережье Восточного океана.

Из Ораниенбаумского (впоследствии Петергофского) уезда в Камчатском флотском экипаже служили двое матросов:

первый — уроженец деревни За Остров (Заостровной) Карп Алексеевич Алексеев (1823) — на корвете «Оливуца», участник сражения в заливе Де-Кастри.

Второй — непосредственный участник обороны Петропавловского порта Никифор

Памятник няне Александра Пушкина — Арине Родионовне, село Воскресенское

Александрович Александров (1826) — уроженец одной из деревень на реке Рудице.

Здесь было несколько поселений — Верхняя Рудица, Рудица и Усть-Рудица.

Деревня Верхняя Рудица — вотчина императора Александра I.

Деревня Рудица принадлежала брату императора — великому князю Михаилу Павловичу.

А Усть-Рудица — величайшему сыну нашего Отечества Михаилу Васильевичу Ломоносову. В 1753 году мыза Усть-Рудица была пожалована ему императрицей Елизаветой «для делания изобретенных им разноцветных стекол и из них бисеру и всяких других галантерейных вещей и уборов». 6 мая 1753 года Ломоносов заложил в Усть-Рудице фабрику по изготовлению цветного стекла и смальты.

Позже одним из владельцев деревни Усть-Рудица был Николай Николаевич Раевский, герой Бородино и завоеватель Парижа, в гостях у которого бывал А.С. Пушкин, который очень гордился дружбой с Раевским.

К сожалению, писарский почерк порой настолько не прост, что очень сложно прочитать название той или иной деревни, как в случае с уроженцем Гдовского уезда Алексеем Васильевичем Васильевым (1828), который был из некой, так и не найденной нами деревни Диналафья (возможно, это деревня Деякрина), который в 1850–1851 годах совершает кругосветное плавание на корвете «Оливуца», затем побывал на этом же корвете на Гавайских (тогда еще Сандвичевых) островах, а в 1855 году, обеспечивая эвакуацию гарнизона Петропавловского порта, участвовал на нем в сражении в заливе Де-Кастри.

У нас есть любопытный материал о том, как происходил набор рекрутов в Гдовском уезде.

«…Является волостной старшина и писарь в прихожую комнату, куда собрались все крестьяне. Старшина объявляет им, что они должны назначить несколько семейств к ставке рекрутов. “Которая семья старше, ту и записывайте”, — добавляет он и отправляется опять в свою комнату, или же присутствует между крестьянами. Сначала все стоят и сидят молча. Слышны тяжелые вздохи. Желая начать дело “горлопаны” выступают вперед; некоторые из крестьян теснятся в углы, или выходят из комнаты, а иные отправляются к кабаку, где русский человек запивает и горе и печаль и где он опивается с радости.

Усть-Рудица, на месте стекольного завода

В комнате мало-помалу начинается говор, затем — спор и шум. Шум продолжается с утра до глубокой полночи и даже до другого утра. Одни крестьяне возвращаются из кабака, другие – идут в кабак, третьи, — оставшись в кабаке и потеряв свое приличие, производят брань и драку. Волостной писарь, во все это время уже раза два выходил из комнаты и, выпив втихомолку стаканчик-другой водочки, садится опять на свое место и молча продолжает свои занятия. Наконец, старшина велит всем молчать. Писарь прочитывает реестр назначенных семейств. Многие крестьяне согласились с писарем и подтвердили, что написано — то верно; но многие не соглашаются. Спор и шум. Одни отстаивают

Образцы смальт, изготовленных на фабрике в Усть-Рудице

своих, противники своих. Шум и гам усиливаются. Иногда дело доходит чуть не до драки. Некоторые из домохозяев, выпив водки, отстаивают того, кто подчивал; другие, находя себя не в состоянии спорить и кричать, тащат “горлопанов” в кабак подчивать; третьи согласились с тем, что если Сидор или Карп поставит ведро водки, то семью его можно уволить до будущего года. Сидор или Карп, согласившись на предложение, ставит ведро водки. Начинают пить да веселиться. Выпив изрядное количество вина, сход мало помалу начинает редеть. Но вот и день на дворе. Писарь раз пять читал реестр, вписывал в него и вычеркивал из него семьи — по просьбе крестьян и по своему собственному произволу. Наконец, не видя конца шуму и гаму, он составляет, с разрешения старшины, волостной

На этом панно изображена усадьба Усть-Рудица, где в 1754 г. впервые начал выпускаться бисер и стеклярус (которые до этого привозились из-за границы) — изображение выполнено стеклярусом российского производства того времени

приговор. Сход разошелся. Каждый из членов его, оставаясь доволен тем, что вдоволь попил и покричал, удаляется с самодовольством. Назначение семейств кончилось. И назначение это состоялось по записи писаря, так как сами крестьяне не в состоянии были решить своего дела. Составленный приговор — утвержден.

Но отцы и братья назначенных семейств идут к мировому посреднику, прося отменить их семейства от очереди, так как назначение волостного схода они считают незаконным. Мировой посредник поручает сход возобновить и назначить семьи более правильно. Сходы снова собираются, иногда раза два, три, но дело кончается тем же, чем и на первом сходе: одну семью отменят и назначат вместо ее другую — такую же. Дело затягивается; между тем, кандидаты в рекруты пьянствуют и буянят. Положительное назначение членов семейств в рекруты колеблется. Одну семью сход отменит от очереди за ведро водки, другую волостной старшина с писарем, а третью мировой посредник… Наконец, составлен положительный приговор схода и утвержден мировым посредником, на основании все тех же данных, какие находил сход и волостной писарь, без дальнейших рассмотрений…»

И в итоге рекрут из Гдова Санкт-Петербургской губернии (самого северного города в нынешней Псковской области), расположенного на реке Гдовке в двух километрах от ее впадения в Чудское озеро, на котором произошло знаменитое Ледовое побоище в апреле 1242 года, оказывается на далекой Камчатке и защищает святую Русь уже не от набегов ливонских и тевтонских рыцарей-крестоносцев, а от англо-французских захватчиков, пришедших с востока, из Нового Света…

Большой Екатерининский дворец в Царском Селе

Поселок Сероглазка, район Петропавловска-Камчатского

Герб Камчатской области

СЕРОГЛАЗКА, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Конечно, легенда о девушке с серыми глазами и о счастливой или несчастной (кому как нравится) любви весьма романтична в объяснении происхождения названия одной из гаваней Авачинской губы, но действительность более прозаична.

Существует, правда, еще и героическая легенда о медсестре с серыми глазами, которая перевязывала раны участникам Петропавловского порта. Но в 1854 году селение с именем Сероглазка на берегу бухты и мыса Сероглазка уже год как существовало. Да и не было никаких медсестер — одни медбратья. Называют имена двух женщин, которые могли быть признаны позже (и одна была признана) ветеранами тех событий. Одной из них была малороссиянка из слуг Завойко — Харитина: «Сегодня же Харитина отнесла сама по батареям обед, и перекусили где кому привелось...» (из воспоминаний Юлии Завойко). А другой — жена крестьянина из-под Иркутска Николая Яковлевича Челпанова Аграфена Никитична (1836), во втором замужестве Тюменцева, которая стирала бинты и одежду раненых.

Все, на самом деле, гораздо проще и типичней для Камчатки — по материалам следствия о Харчинском бунте в 1735 году проходил авачинский тойон Апауч Шараглазов, битый кнутом в Большерецком остроге.

И на то — «бить кнутом» — была особая милость императорского дома, ибо восставшие камчадалы «по правам подлежали все смертной казни, однако ж Е.И.В. указала одних пущих заводчиков казнить смертью на страх другим, а протчих от смертной казни освободить для того, что народ дикой и пущую причину к бунту имели от озлобления своих управителей и бить челом им в такой дальности некому и может быть не знают».

Озлобление, надо признать это, имело место быть и в том месте, где мы коснемся истории селения Харчинского, расскажем об этом бунте более подробно.

У самого Степана Петровича об Апауче Шараглазове (Шараглазе) в его книге ни слова. Фамилию эту выявили комментаторы к изданию «Описания земли Камчатки» 1949 года. И кстати, в указателе имен ее умудрились еще и исказить — там написано Шараблазов Апаучь.

Кстати, русская фамилия Шараглазов была довольно распространенной в Сибири, в частности, в Тобольске. Известный историк, посвятивший Камчатке многие из своих исследований, Борис Петрович Полевой даже связывал название бухты Сероглазки с именем промышленника Шароглазова, который, по его мнению, побывал на Камчатке задолго до Атласова в команде Ивана Меркурьева Бакшеева Рубца. Сохранилась даже характеристика этого отчаянного по смелости человека: «Савка Шароглаз, ведомый вор, Ивашка Рубца хотел копьем проколоть в ясашном зимовье, и приходили люди и ево, Савку, схватали и не дали Ивашка Рубца сколоть». «Ведомым вором» Шароглаз стал уже давно. Катасанов (приказчик Анадырского острога. — *С.В.*) продолжал: «ево воровство» было еще «на Омолоне с служилым человеком с Иваном Барановым

Действующий и первый, построенный при Советской власти (1992 г.) в Петропавловске-Камчатском, православный храм апостолов Петра и Павла. Расположен в районе «Сероглазка»

(еще в 1648 г.! — *Б.П.*) было, на Пенжине с Леонтьевым с Федотовым было, и те две реки от нево же запустели».

А вот и причины, которые могли связать его с Рубцом: «И.М. Рубец никак не мог с устья Анадыря идти в Анадырский острог с пустыми руками (моржи не пришли на свое лежбище в устье р. Анадырь. — *С.В.*). Располагая весьма богатым “заводом” для моржового промысла, ему необходимо было срочно найти какие-либо новые моржовые лежбища. На Анадырской корге он смог встретиться с промышленными людьми, которые бывали на Пенжине и Охотском море, и слышали о существовании моржовых лежбищ на восточном берегу Камчатки.

Удалось даже установить некоторые имена тех лиц, которые могли об этом сообщить самому И.М. Рубцу.

Это был уже знакомый нам промышленный человек Сава Анисимов Сероглаз (он же — Шароглаз), который ранее действовал на юге вместе с беглым колымским казаком Леонтием Федотовым».

В отряде Мартына Шпанберга в период деятельности Второй Камчатской экспедиции был Сибирского гарнизона Антон Шараглазов, служивший на боте «Большерецк», который в составе отряда лейтенанта В. Вальтона достиг в 1739 году берегов Японии.

И в обороне Петропавловского порта участвовал матрос 2-й статьи Камчатского флотского экипажа Николай Лаврентьевич Шероглазов (1826), из мещан города Красноярска, который в 1855 году на борту фрегата «Аврора» принял участие в сражении в заливе Де-Кастри.

Но… случаи, когда до Харчинского бунта 1731 года были крещены авачинские и другие камчадалы очень редки и нам известны, и «новокрещеные» получали фамилию по имени своего отца — например, сын авачинского тойона Тареи (Тарьи) стал Михаилом Тареиным. Да и братья Харчины получили свою фамилию после крещения по имени их отца, тойона на реке Еловка.

Случай же с Апаучем Шараглазовым не типичен. Скорее всего, его звали Апаучь Шараглаз. Двойное имя подчеркивало значение роли тойона среди своих соседей. Его товарищем по несчатью, битым кнутом в Большерецком остроге, был другой авачинский тойон Соза Кокомзин. А казнен в Большерецком остроге «Авачи реки изменник и пущей завотчик новокрещен Васко Вахлыч». О том, что и Апауч был новокрещен, ни слова, а эта оговорка была обязательной.

Подведем черту: название бухты Сероглазка произошло от имени авачинского камчадала Апауча Шараглаза.

Бухта Сероглазка, причал рыболовецкого колхоза им. В.И. Ленина

Вполне вероятно, что впоследствии все камчадалы, проживавшие рядом с Гаванью, были переселены в село Авача, и на берегу бухты Сероглазка никто не жил.

До 1853 года. Когда решено было переселить на Камчатку большую часть казаков из Гижигинской крепости — в первую очередь молодых или малосемейных – для пополнения Камчатской казачьей команды. За казаками и их семьями был направлен бот «Камчадал», который и доставил переселенцев на берег бухты Сероглазка, где по приказу камчатского губернатора В. Завойко уже были построены для них дома.

А в августе 1854 года казаки из Сероглазки вместе со всем военным гарнизоном Петропавловского порта участвовали в отражении вражеских атак.

У нас очень мало информации о боевых действиях камчатского казачества в период обороны порта.

В приказе о награждениях, изданном генералом В. Завойко после сражения, кроме имени Алексея Степановича Карандашева, значится еще и имя пятидесятника Александра Томского: «...будучи легко ранен, при граде пуль не отошел от пушки, и когда фитиль потух, то он, как (зачеркнуто — слышно) говорят, угольем выпалил в придувку. — Требуется подтверждение, кто именно видел это». Вероятно, подтверждения не последовало — знак военного отличия Томскому вручен не был.

Но мы знаем о нем главное — он был в период обороны Петропавловского порта артиллеристом. Известно также, что камчатские казаки обслуживали шестую противодесантную батарею, которая располагалась между Никольской сопкой и Култучным озере на тропе, ведущей из Сероглазки в Петропавловский порт по Озерновской косе.

Александр Никифорович Томский был из унтер-офицерских детей — сын казачьего урядника Никифора Дмитриевича Томского, родился он на Камчатке в 1826 году, получил назначение в Гижигинскую казачью сотню рядовым казаком в 1843 году, а в 1848 году тоже стал урядником, как его отец и старший брат Егор Никифорович, который также был участником Петропавловской обороны.

В 1846 году в Петропавловском порту служит гижигинский казак Василий Иванович Крупенин, который, обзаведясь большой семьей, тоже впоследствии жил в Сероглазке в собственноручно построенном им доме. В обороне порта принимали участие и казаки Крупенины — Федор и Петр Трофимовичи, родные братья отца Василия Ивановича — казака Ивана Трофимовича.

В 1854 году в Сероглазке поверстаны в казаки гижигинские казачьи дети Дмитрий и Петр Варфоломеевичи Кошкаревы, и в том же году оба стали участниками боевых действий.

В 1882 году, собирая к тридцатилетнему юбилею сведения об участниках обороны Петропавловского порта, проживающих на Камчатке, был составлен список из отставных нижних чинов 47-го Камчатского флотского экипажа и казаков Камчатской казачьей команды.

В этом списке, помимо Александра Никифоровича Томского и Василия Ивановича Крупенина (к тому времени урядника), значится бывший гижигинец, а теперь житель села Сероглазка Полиевкт Ильич Манаков (1836), дети которого впоследствии служили в Тигиле.

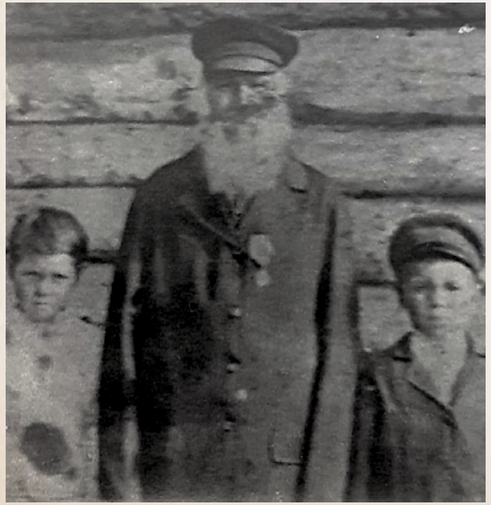
В Сероглазке в это время жил и казак Иннокентий Дмитриевич Неворотов, участник Петропавловской обороны, но он, судя по документам, был из казачьих детей Нижнекамчатска, его отец служил там, а после своей отставки поселился в селе Начики, куда впоследствии переберется после службы и его сын. И не случайно именно он «был командирован губернатором Завойко в селение Начики для вызова волонтеров».

Дом казака Крупенина в Сероглазке, альбом Б. Дыбовского

Выходцем из Гижигинской сотни был отставной казак Михаил Леонтьевич Большаков, ветеран Петропавловской обороны, живший в Сероглазке.

В этом же списке и казак, проживавший ранее в селе Аваче, Дмитрий Степанович Тувалин — он нам интересен сейчас еще и потому, что в формулировке участия в обороне у него такая вот запись: «участвовал в сражении, находился в составе патрулей, охраняющих мыс Сероглазку».

Василий Иванович Крупенин — глава большого семейства Крупениных в Сероглазке

А ровно через пятьдесят лет дети героев обороны Петропавловского порта из Сероглазки в составе народного ополчения, сплотившего все население полуострова, будут защищать Камчатку от японцев.

И вот каков результат: Иван Васильевич Крупенин (1860), с. Сероглазка, был награжден серебряной медалью «За усердие».

Павел Васильевич Крупенин (1871–1916), с. Сероглазка, награжден Георгиевским крестом IV степени.

Георгий (Егор) Васильевич Крупенин (1872–1916), с. Сероглазка, награжден Георгиевским крестом IV степени.

В 1929 году жители села Сероглазка создали рыболовецкую артель, первым председателем которой был Николай Сильверстович Томский. Впоследствии рыболовецкий колхоз имени В.И. Ленина в Сероглазке стал крупнейшим в Советском Союзе. И сегодня он является рыбацкой гордостью Камчатки и России.

А в 1941 году представитель рода Крупениных — Анисифор Павлович — вместе с геологом Татьяной Ивановной Устиновой открывают одно из чудес нынешнего света — Долину гейзеров...

Собор Рождества Пресвятой Богородицы, вид с реки

Герб Костромской губернии

СОЛИГАЛИЧСКИЙ УЕЗД КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Соль Галичская — так называлась местность с соляными варницами, расположенными на территории Галичского княжества, образовавшегося после смерти великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича — отца многочисленных Ярославичей, братьев Александра Невского.

И первым князем этого княжества в 1246 году стал Константин Ярославич.

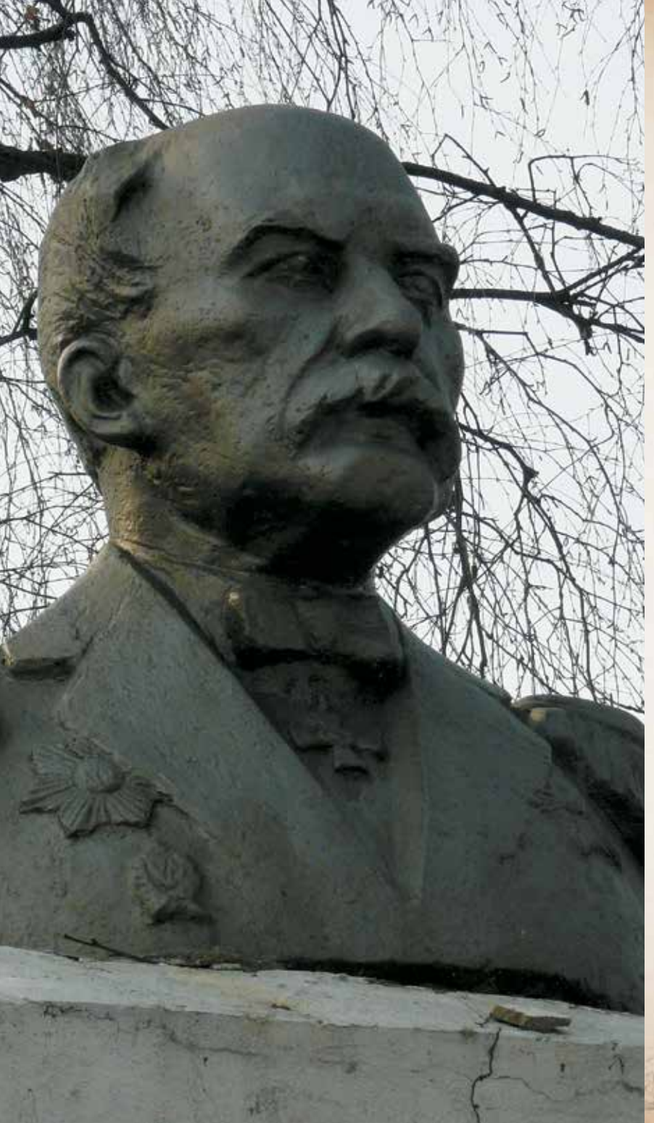
«Во второй половине XIII—XV веков Галичскому княжеству принадлежали обширные земли в бассейнах Галичского и Чухломского озер, по левобережью Волги, реке Костроме и ее притокам, по среднему течению рек Унжи и Ветлуги. Среди населенных пунктов того времени известны Чухлома и Соль Галицкая, которые были достаточно богаты и густо заселены. Сам Галич того времени был один из центров обороны русских земель. В 1-й половине XIV века Галич был в составе “купель” Ивана Калиты. Галичские князья продолжали управлять княжеством, но потеряли свою независимость. В 1362 году, по словам Никоновской летописи, “князь великий Дмитрий Донской съгна с Галичского княжения князя Дмитрия Галицкого”. Галич вошел в состав великого княжества Московского. Город непосредственно подчинялся великому князю, и Дмитрий Донской распоряжался в Галиче, как в своей вотчине».

Рядом с соляными источниками был создан Воскресенский монастырь, вокруг которого вскоре появились поселения, первое упоминание о которых относится к 1335 году.

Вот такая древность.

Герб Солигалича

Бюст Г.И. Невельскому в Солигаличе

Когда в 1778 году Солигалич стал уездным городом, то на его гербе в нижнем поле были изображены три стопки соли на золотом поле, означающие, что в этих местах издавна были соляные варницы.

Но город славился не только этим — он стоял в очень удобном месте — на важном речном торговом пути — из Волги вверх по Костроме и Сухоне в Тотьму, далее через Северную Двину на единственный в тот период русский морской порт Архангельск.

Но село, о котором мы сейчас будем рассказывать, было основано в 1658 году помещиком Е.И. Шигориным из соседнего города Чухломы.

И называлось это «сельцо» очень символично — Дракино. Чуть позже мы объясним, почему символично.

У Шигорина своих сыновей не было — и владельцами его «сельца» становились зятья — Готовцев, Мичин, Невельской…

Этот А.В. Невельской был дедом Геннадия Ивановича Невельского, родившегося в Дракино 25 ноября 1813 года.

И поэтому Геннадию Ивановичу самым фактом его рождения в Дракино было уготовано всю свою жизнь драться, отстаивая свои убеждения, которые по результатам этих самых «драк» сделали его имя бессмертным для России.

Начальником Морского кадетского корпуса, который Геннадий Иванович Невельской закончил в 1832 году, был адмирал Иван Федорович Крузенштерн, как истый немец, абсолютно и непробиваемо убежденный в своей правоте о том, что устье Амура, которое он обследовал во время первой русской кругосветной экспедиции в начале XIX века, не является судоходным.

Но судьбу Невельского определил не этот знаменитый мореплаватель, а фигура более в историческом плане прозаическая, но в политическом плане — несравненно большая — сын императора Николая I Константин Николаевич, будущий генерал-адмирал российского флота: «Я имел счастье, — писал впоследствии Г.И. Невельской, — служить с его императорским высочеством с 1836 по 1846 год на фрегатах “Беллона” и “Аврора” и корабле “Ингерманланд”; в продолжении этого времени семь лет был постоянным вахтенным лейтенантом его высочества».

Памятник Г.И. Невельскому в Южно-Сахалинске

Поэтому идея с разведкой устья Амура, которая, по общей оценке историков, принадлежит Геннадию Ивановичу, скорее всего, была коллегиальной, и вряд ли он сам мог быть ее инициатором.

Судите сами. Начнем с повеления императора Николая I: «Весьма сожалею, вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить».

И это была не блажь тупоголового солдафона, каким нередко представляли советские историки императора Николая I, который был уже тем плох для них, что сослал в Сибирь декабристов, замысливших вооруженный государственный переворот.

В 1840 году Британская империя объявила войну Китаю, который закрыл свой внутренний рынок для английских товаров. Это была так называемая первая опиумная война, закончившаяся подписанием Нанкинского договора и захватом Гонконга.

Солигалич

Но это было только еще началом Британской экспансии, утверждавшей свои интересы в морском прибрежье Азии.

Отношения между Россией и Англией были весьма накаленными. Военные люди прекрасно отдавали себе отчет в том, что восточные рубежи Российской империи совершенно не защищены для удара с моря, где британский флот занимал господствующее положение.

Идея направить Геннадия Невельского на Дальний Восток, думается, принадлежала не ему — и первым, кто ее высказал, полагаем, был Федор Петрович Литке.

В 1817 году Федор Литке в компании с Федором Матюшкиным и Фердинандом Врангелем были в команде Василия Головнина и Петра Рикорда, совершивших на шлюпе «Камчатка» кругосветное плавание на Дальний Восток России.

Старые торговые ряды, построенные в 1831–1833 гг.

Солигалич. Воскресенский монастырь

А в 1826 году Федор Петрович Литке самостоятельно повел в кругосветное плавание шлюп «Сенявин», сделавшее его имя знаменитым на весь мир — настолько успешной была эта экспедиция с точки зрения ее научной составляющей.

В 1832 году именно Литке назначен флигель-адъютантом, а в конце года стал воспитателем пятилетнего великого князя Константина Николаевича, которому его отцом, императором Николаем I, была назначена служба во флоте. Этому делу Литке посвятил 16 лет.

Вахтенным офицером, а точнее младшим (после адмирала Литке) воспитателем при царевиче, был Геннадий Иванович Невельской.

В 1853 году великий князь Константин Николаевич возглавил морское министерство. То есть уровень его влияния на морские дела России в период формирования секретной Амурской экспедиции трудно переоценить.

И это был второй посвященный в замыслы секретной Амурской экспедиции человек в России.

А исполнителем был избран как раз Геннадий Иванович — человек, которого знали и которому доверяли они оба.

Но мы говорим об этом не для того, чтобы недооценить значение заслуг самого Геннадия Ивановича — они несомненны и значительны. Мы говорим об этом для того, чтобы восстановить справедливость и в отношении двух других лиц, которые, по нашему мнению, и были авторами этой идеи.

После к двум главным «заговорщикам» прибавился и третий — генерал-губернатор Восточной Сибири

Николай Николаевич Муравьев, который по итогам успешно проведенной «операции» по овладению бассейном реки Амур и территориями Приамурья и Приморья стал впоследствии графом Амурским.

Вот один только штрих в той политической борьбе, в которой Геннадий Иванович Невельской, конечно же, был только пешкой: «Муравьев бил тревогу: “Как только англичане установят, что эти места никому не принадлежат, так непременно займут Сахалин и устье Амура. …Тогда Россия лишится всей Сибири, потому что Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура”. Он увязал дело лазутчиков (английских шпионов, шнырявших по Сибири. — *С.В.*) с необходимостью посетить Камчатку, на что канцлер Нессельроде наложил вердикт: “Отклонить всякую решительную меру… из опасения разрыва дружественных сношений с Англией”».

Позже этот же самый Карл Васильевич Нессельроде, который был канцлером Российской империи и которому Россия во многом обязана своему проигрышу в Крымской войне, требовал разжаловать Невельского в матросы за его открытие судоходного устья Амура, ибо это мешало геополитическим планам Англии — Нессельроде, будучи министром иностранных дел России (!!!), предлагал навсегда отказаться от российских притязаний на амурские земли.

То есть борьба за Амур (а точнее, за будущее Сибири) шла на самом высоком уровне — и даже внутри императорской семьи. И на Геннадия Ивановича Невельского легла историческая миссия — разрубить этот гордиев узел. Что он успешно и исполнил.

Солигалич. Воскресенский монастырь

И из капитан-лейтенантов (1849), командира военного транспорта «Байкал», начавшего Амурскую экспедицию, он 6 декабря этого же 1849 года был произведен в чин капитана 2 ранга, 8 февраля 1850 года — капитана 1 ранга.

А император Николай I на требования высоких чиновников о разжаловании Невельского ответил очень кратко, но очень емко: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен».

В 1853 году великий князь Константин Николаевич назначен морским министром и командовал не только всеми военно-морскими силами России, но и проводил политику закрепления за Россией морского прибрежья Дальнего Востока в противовес предательской деятельности Нессельроде, направленной на ослабление нашего влияния в дальневосточном регионе.

26 августа 1854 года основатель Николаевского-на-Амуре военного русского поста,

Солигалич. Центр города

закрепляющего суверенитет России на Амуре, Геннадий Иванович Невельской произведен в контр-адмиралы.

А в это время на Камчатке англо-французы пытались осуществить то, к чему давно уже готовились, — разгрому военно-морских сил России на Дальнем Востоке и созданию здесь своих военно-морских баз для последующей экспансии.

В числе участников Петропавловской обороны были двое земляков Геннадия Ивановича Невельского — уроженцев Солигаличского уезда.

Один из них — Афанасий Михайлов сын Михайлов (1820) — марсовый матрос, уроженец Костромской губернии Солигаличского уезда (название уезда и деревни неразборчиво и аналогов мы не нашли — Слезданов-ской волости деревни Страбицина?), в 1848–1849 годах участник кругосветного плавания на транспорте «Байкал» под командованием Г.И. Невельского, в 1854 году участвовал в

Солигалич. Старый город, осень

обороне Петропавловского порта, в 1855 году участвовал в сражении в заливе Де-Кастри на родном своем транспорте «Байкал».

Второй — Андрей Лебедев сын Пантелеев (1814) — мастеровой, из крестьян деревни Колотина (вероятно, Калитино Нероновской волости) титулярного советника Литнева (вероятно, Ленякова), в 1852–1853 годах в кругосветном плавании на транспорте «Двина», в 1854 году участвовал в обороне Петропавловского порта, в 1855 году на транспорте «Двина» — в сражении в заливе Де-Кастри.

И был третий их земляк — Федор Щербаков сын Борисов (1821) — марсовый матрос, уроженец деревни Долгов (вероятно, Долгое Поле — деревня на речке Сельма Вершковской волости или деревни Долгое Поле Гнездиковской волости), из крестьян, в 1850–1851 годах участник кругосветного плавания на корвете «Оливуца», на котором и служит впоследствии и в 1855 году, также участвуя в сражении в заливе Де-Кастри.

В 1855 году все земляки смогли встретиться в Николаевске-на-Амуре. Матросы — начиная свою службу на Амуре, а Г.И. Невельской — ее завершая: 10 декабря 1856 года он перестает пребывать в должности офицера по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, в которую вступил в феврале 1850 года для осуществления своей Амурской миссии, и возвратился в Санкт-Петербург.

1 января 1864 года Геннадий Иванович произведен в чин вице-адмирала, 1 января 1874 года — в чин полного адмирала.

Дальнейшая же судьба его солигаличских земляков неизвестна… Вполне возможно, что после своей отставки они влились в число первых жителей Приамурья и Приморья.

Елизово, памятник «Здесь начинается Россия»

Герб Камчатской области

СТАРЫЙ ОСТРОГ (ЗАВОЙКО, ЕЛИЗОВО), КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Получается игра слов, но в 1854 году Старый Острог был одним из самых молодых поселений, расположенных в окрестностях Петропавловского порта, жители которых в период обороны находились в «блокадном положении» и были приравнены к участникам сражений.

Старый Острог — древнее поселение авачинских камчадалов — было уничтожено в период похода тобольского казака Никиты Дурынина в 1713 году. Дурынин, а вместе с ним 120 камчатских казаков и 150 коренных камчадалов долины реки Камчатки, выступили в поход, чтобы отомстить за смерть атамана Данилы Анцыферова и его товарищей, которые были «гостеприимно» приняты и заживо сожжены авачинцами, не желавшими идти в российское подданство и платить ясак.

С той поры острог не заселялся.

Первая запись о возрождении острога датируется 1835 годом — а примерно за год до этого здесь появляются его первые жители.

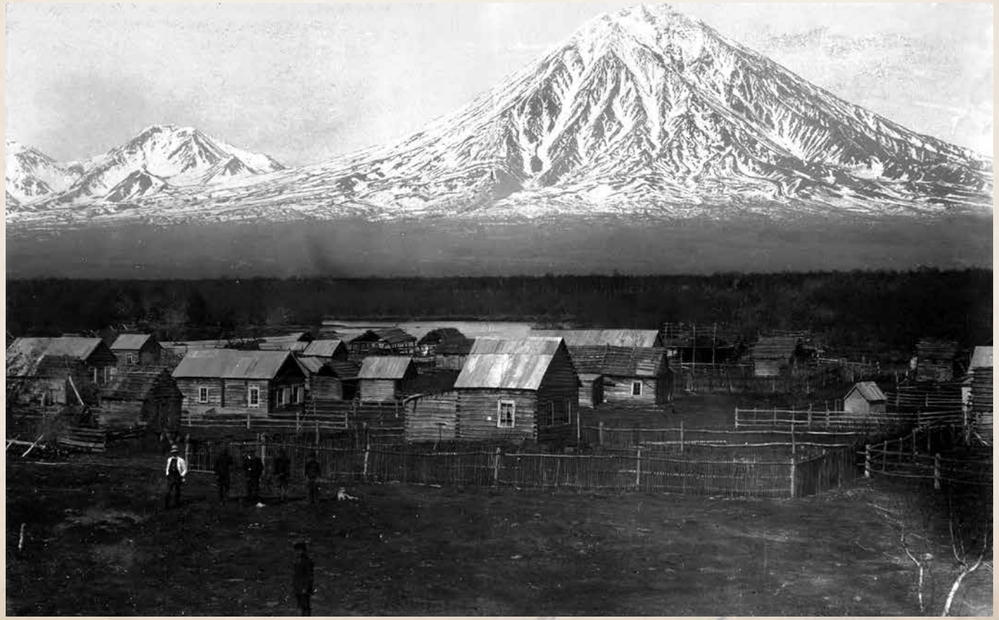
Камчатский краевед Нина Юрьевна Толман одна из первых начала сбор материала о первопоселенцах Старого Острога.

«Как пишет К. Дитмар, старик Машигин, избранный около 10 лет назад односельчанами в тойоны (старосты) Старого острога, будучи еще молодым человеком, вместе с женой бежал из своей родины, желая избавиться от податей и других повинностей, и жил в горах охотой и рыбной ловлей. Только один человек из родни Машигина знал место пребывания беглеца и за пушнину обеспечивал его необходимыми товарами. Старик Машигин рассказывал Дитмару и о страшном извержении Авачинского вулкана, которое произошло примерно лет

25 назад. Значит, первые русские поселенцы Старого острога пришли туда в первой четверти 19-го века. Из рапорта о собранных за 1838 г. подушных деньгах с крестьян и поселенцев, находящихся в окрестных порту селениях, видно, что Старый острог был очень маленьким селением. В нем находилось всего 7 плательщиков. В то время четыре дома этого селения были заняты почти исключительно именами семейства Машигина, потому что три его сына со своими семьями жили там же. В конце 19-го века сообщает В.Н. Тюшов: “Большая часть домов принадлежит роду Машихиных — Григорию (отцу С.П. Машихина), Ивану, Василию, Нестору, Александру, еще Нестору...” Все жители этого острожка считаются петропавловскими мещанами (мещане — в российской империи 1775–1917 гг. сословие из посадских людей — ремесленников, местных торговцев и домовладельцев. Объединившись по месту жительства в общины, имели некоторые права самоуправления. До 1863 г. по закону могли подвергаться телесным наказаниям. В некоторых из них замечен инородческий тип, однако ни один не знает по-камчадальски ни слова). Кроме Машихиных В.Н. Тюшов называет фамилию старосты Заочного, живо помнящего знаменитого военного губернатора Камчатской области В.Н. Завойко, организатора обороны Петропавловска в 1854 году. По словам 87-летней А.Н. Шелковниковой, раньше, в годы ее молодости, в Старом остроге “шем було домикоф”. Ее дед — Машихин — из сосланных на Камчат-

Селение Старый Острог на р. Авача.
Альбом А. Сильницкого

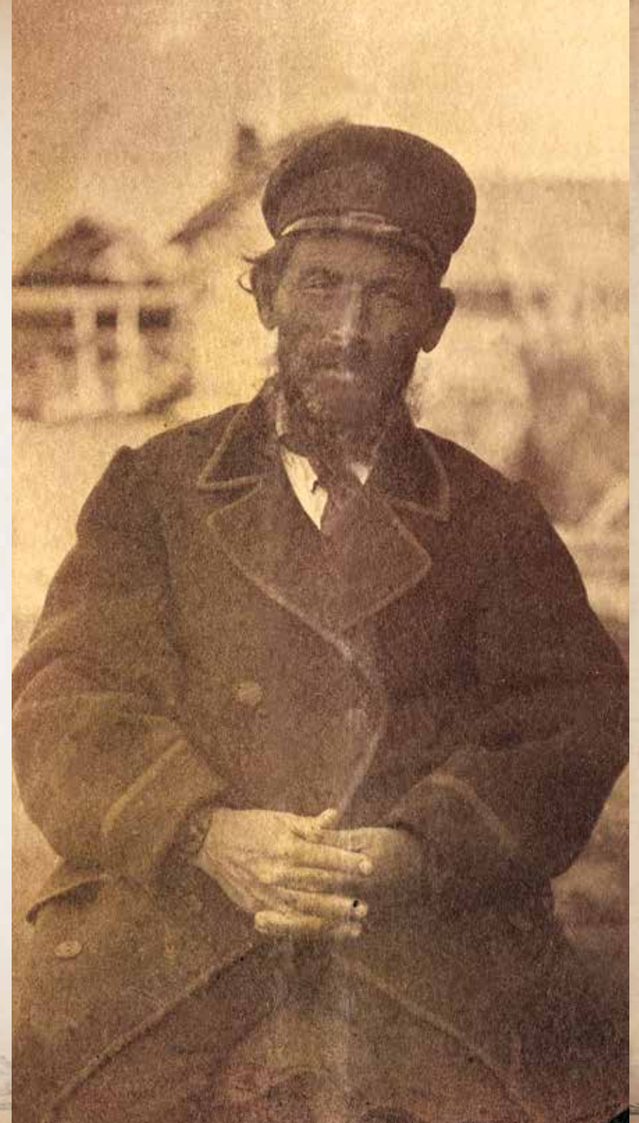

Селение Старый Острог, 1900 г.
Альбом М.П. Вольского

ку. В селенье тогда, кроме трех братьев Машихиных, жили Заочный, Бибиков, Винокуров. К 30-м годам 20-го века, когда “дети подрошли”, “штало шымнадцать домикоф”. Затем “перешиленчеф отнавижли”, а многие местные разъехались, так что сейчас в Елизово “питначнет, навэрно, камчодал, ны большэ”. С 1905 г., вспоминает 74-летний старожил Г.М. Бибиков, когда в село стали “прибыват большэ прийежжыйе с материка, начали говорит лучшэ”. Раньше “слова были искажонный”. А “обычныйа в болшынсве сибирский”. Бабушка М.Н. Машихина была буряткой, отец — “з Забайкалу”. Оттуда «хресьаны приеззали». Были среди них и забайкальские казаки, например, “Капилови. Они пайок получали”. С Восточной Сибири на Камчатку “писком” пришли предки елизовских старожилов. Таким образом, носители Елизовского говора — камчатские русские, потомки сибирских крестьян».

Не совсем так.

Машихины (Месихины) — из тобольских казаков, которые пришли на Камчатку в числе самых первых из русских старожилов. Жили в Верхне-Камчатском остроге. За участие в казачьих бунтах были приговорены к «вечному житью» на Камчатке. Позже исключены из казачьего сословия и переведены сначала в разночинцы, а потом в крестьяне.

Мещанин Машихин,
альбом Б. Дыбовского

Так что Машихины — первые жители Старого Острога — бывшие жители Верхнекамчатска, потомки тобольских казаков.

В 1854 году еще не сформировался будущий — постоянный для конца XIX – начала XX века — состав жителей села, о котором рассказывает Нина Юрьевна.

Но действительно здесь проживал старик Машихин (или Машигин) — Иван Григорьевич (1789) с женой Авдотьей Никитичной (1800).

У них было четверо сыновей — Яков (1816), Егор (1822), Степан (1825) и Иван.

Яков и Степан Ивановичи Машихины были награждены бронзовыми медалями на Георгиевской ленте в память о Крымской войне.

Но они были не единственными из числа жителей Старого Острога, кто также был награжден этими медалями.

В этот период в связи с обнаруженной страшной заразной болезнью — проказой в крестьянских поселениях, в которых жили якуты, — Орловском и Тиховском, больные были изолированы, а здоровые — расселены по окрестным поселениям в ожидании

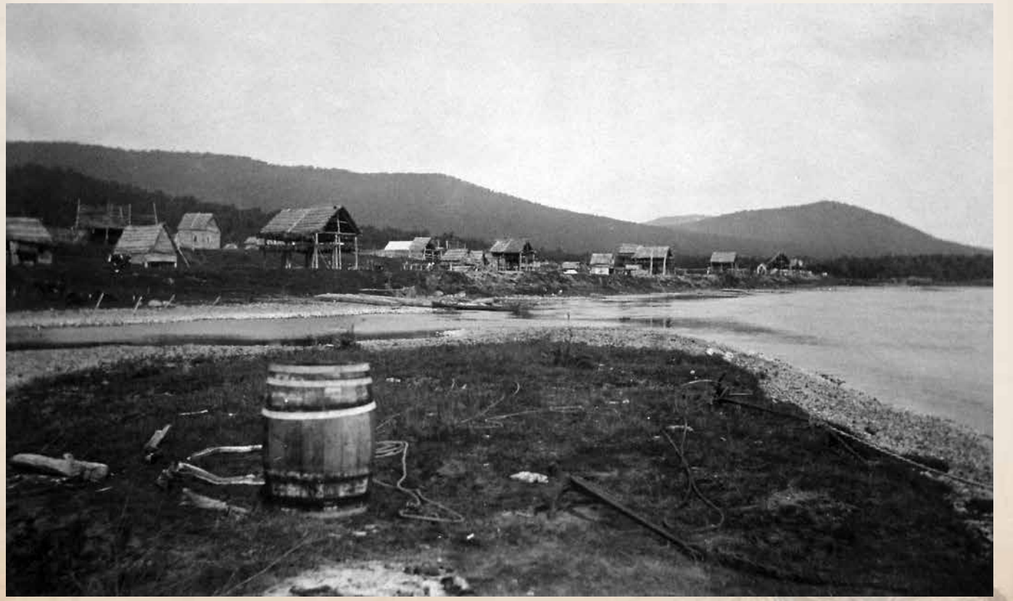
Семейство Машихиных,
альбом Б. Дыбовского

строительства для них нового села — Николаевского, названного в честь царствовавшего тогда Николая I.

И поэтому в Старом Остроге в то время проживали братья Роман (1824) и Александр (1830) Бурнашевы — дети якута Ивана Ивановича Бурнашева (1784), а также Николай Григорьевич Новгородов (1833), которые также были награждены памятными бронзовыми медалями на Георгиевской ленте.

Позже Роман Иванович Бурнашев жил в Начиках, а Николай Григорьевич Новгородов — в селении Авача, хотя все его жены (их было три) были из селения Николаевского — Ивойловская, Алексеевская, Димова, тоже из якутов.

В период Русско-японской войны на Камчатке в народном ополчении были двое из Бурнашевых — Григорий Александрович (1860) и Федор Иванович — племянник

Хутор Завойко, альбом А. Сильницкого

Александра и Романа Бурнашевых. А внук Григория Александровича — Емельян Петрович Бурнашев — участник Великой Отечественной войны, один из трех уроженцев Камчатки, награжденных орденом Александра Невского.

Михаил Егорович Новгородов (1927), правнук Николая Григорьевича, — участник Курильского десанта, он погиб 18 августа 1945 года на острове Шумшу во время боевых действий.

Самой сложной оказалась судьба Машихиных.

Иннокентий Егорович (Георгиевич) Машихин (1873) так же, как и многие из уроженцев Камчатки, принимал участие в народном ополчении, благодаря которому Камчатка по итогам проигранной Россией Русско-японской войны 1904–1905 годов не отошла к Японии, как ее военный трофей. Иннокентий Егорович был награжден серебряной медалью «За усердие».

Машихины в своем селе (с 1897 года — село Завойко, названное в честь военного губернатора Камчатки в период обороны Петропавловского порта Василия Степановича Завойко) жили привольно, обзаведясь обширным хозяйством и снабжая петропавловских жителей мясом и овощами, при этом ведя довольно успешную торговлю пушниной.

В 1930-х годах все это им зачлось как статьи обвинительного приговора. И вот эти имена уроженцев Старого острога и села Завойко, проживавших в селении с новым названием в честь красного партизана Георгия Матвеевича Елизова, мы находим в информационной базе «Жертв политического террора в СССР»: Машихин Василий Нестерович. Родился в 1893 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; камчадал; неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 30 мая 1933 г.

Приговорен: КОО ОГПУ 1 сентября 1933 г., обв. Статья обвинения в деле не указана. Приговор: дело прекращено на основании ст. 4. п. 1 УПК. Умер под стражей во время следствия 18.08.1933 г. Реабилитирован 25 апреля 1958 г. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской обл.

Машихин Георгий Александрович. Родился в 1892 г., Камчатский окр. Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; образование среднее; б/п; работал в личном хозяйстве.. Проживал: Камчатский окр., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 16 ноября 1930 г.

Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 28 июня 1931 г., обв. по ст. 58-10-11 УК

Елизово, храм Успения Божией Матери, фото А. Соловьева и из архива храма, pravkamchatka.ru

РСФСР. Приговор: ВМН. Реабилитирован 29 марта 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Машихин Евгений Григорьевич. Родился в 1890 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; малограмотный; б/п; был рыбаком. Проживал: Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 18 мая 1933 г.

Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г., обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу “Автономная Камчатка”).

Приговор: 10 лет. Имущество (ружье) конфисковано. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Машихин Иннокентий Георгиевич (участник обороны Камчатки в 1904–1905 гг.). Родился в 1873 г., Камчатской окр, Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; неграмотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатской окр, Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 16 ноября 1930 г.

Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 28 июня 1931 г., обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Реабилитирован 29 марта 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Машихин Константин Петрович. Родился в 1900 г., Камчатская обл., Петропавлов-

Бюст Г.М. Елизову у городской администрации

ский р-н, с. Елизово; камчадал; образование высшее начальное училище и педагогические курсы; б/п; Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 8 октября 1937 г.

Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г., обв. без предъявления обвинения.

Приговор: к 10 годам лишения свободы. Умер в заключении 22 апреля 1943 г. (Магаданская обл.). Реабилитирован 2 июля 1957 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Машихин Семен Григорьевич. Родился в 1891 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; малограмотный; б/п; Работал в своем хозяйстве. Прожи-

Памятник жертвам политических репрессий. Памятник, установленный на Аллее доблести и славы, состоит из огромной вулканической бомбы и скульптурной композиции из четырех поднимающихся в небо журавлей. На металлических плитах, которые окружают мемориал, размещены 87 имен и фамилий жителей Елизовского района

вал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 8 августа 1937 г.

Приговорен: Камчатский облсуд 16 сентября 1937 г., обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 6 лет. Досрочно свобожден из лагеря в 1943 г., вернулся на Камчатку, проживал в пос. Елизово. Реабилитирован 27 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Машихин Степан Григорьевич. Родился в 1895 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; малограмотный; б/п; был рыбаком. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 2 мая 1933 г.

Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г., обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу “Автономная Камчатка”).

Приговор: ВМН. Имущество (дом, скот, рыболовные снасти) конфискованы. Дата расстрела неизвестна. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военным трибуналом ДВО».

Такова наша история.

«Автономная Камчатка» — диверсионно-террористическая организация, целью которой было отторжение Камчатки и уход под протекторат Японии, за участие в которой были уничтожены сотни уроженцев Камчатки, в том числе и Машихины, на самом деле, как выяснило время, была придумана чекистами для проведения массовых чисток и политических репрессий. Это была чистой воды провокация. Уничтоженные в результате этой провокации люди были через двадцать лет реабилитированы. Но все эти долгие двадцать лет члены их семей жили с позорным клеймом «врага народа» и при первой же возможности старались покинуть Камчатку и начать где-то в российской глуши, затерявшись среди чужих людей, новую жизнь.

И фамилия Машихиных постепенно исчезает из родных мест, оставляя лишь маленькие незаметные островки среди елизовского людского половодья…

Но рассказ об участниках Петропавловской обороны и их потомках не хотелось бы заканчивать на такой грустной ноте.

Мы снова возвращаемся к теме о елизовчанах — героях нашего Отечества.

Александр Васильевич Машихин (1916) — участник Великой Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги» (1944), орден Красной Звезды (1945), медаль «За отвагу» (1945).

Валентин Степанович Машихин (1919) — участник Великой Отечественной войны, орден Отечественной войны II степени (1945), орден Боевого Красного Знамени (1945).

Владимир Петрович Машихин (1910 – 24.12.1942) — участник Великой Отечественной войны.

Владимир Семенович Машихин (1924) — участник Великой Отечественной войны, медаль «За отвагу» (1944), орден Славы 3-й степени (1945), медали «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина».

Георгий Семенович Машихин (1926) — участник Курильского десанта, медаль «За боевые заслуги» (1945).

Георгий Степанович Машихин (1924–26.10.1943) — участник Великой Отечественной войны.

Евгений Степанович Машихин (1921) — участник Великой Отечественной войны, медаль «За отвагу» (1945).

Матвей Ильич Машихин (1924–19.08.1944) — участник Великой Отечественной войны, медаль «За отвагу».

Николай Константинович Машихин (1924), — участник Великой Отечественной войны, медаль «За отвагу» (1943).

Николай Семенович Машихин (1920) — участник Курильского десанта.

Наталья Петровна Машихина (1904) — участник Великой Отечественной войны, орден Красной Звезды (1944).

Нам думатся, что когда-нибудь наступит тот день в истории города Елизова, когда в памятном его календаре появится День Машихиных — что для этого есть все причины…

Мемориальный комплекс елизовчанам — участникам Великой Отечественной войны

Петропавловск-Камчатский, памятник героям Курильского десанта

Седанка, приток реки Тигиль

Герб Камчатской области

ТИГИЛЬ, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

Бассейн реки Тигиль во времена первопроходцев Камчатки был довольно густо населен и настроен весьма воинственно по отношению к чужакам, независимо от того, к какому народу они относились. И это была своеобразная граница между собственно Камчаткой с камчадалами на юге и коряками и чукчами на севере.

В районе Тигильских Щек, отмечал С.П. Крашенинников, «есть урочище, называемое Кохча, где бывал прежде знатной коряцкой острожек того имени, которой погромлен и раззорен до основания камчатским прикащиком Кобелевым, за то, что жители оного убили казака Луку Морозку (Луку Семенова сына Мороз(с)ку Старицына. — *С.В.*) во время первого Атласова походу на Камчатку». Правда, есть и другая версия — казаки погромили Кохчу за убийство первого камчатского приказчика, оставленного на полуострове Атласовым, тобольского казака Потапа Серюкова с товарищами, возвращавшегося с ясаком в Анадырскую крепость.

В материалах, отмеченных 1806 годом, есть такая справка: «Тигильский острог или крепость. Лежит выше Большерецка к Северу на реке Тигиль, вытекающей из ключа при подошве очень высокой горы, Тигильским хребтом называемой. Крепость Тигильская есть единственная в тамошних местах: она служит оградаю и пограничным укреплением против безпокойных Чукчей, и застроена в 1775 году для того, чтобы бунтующих Неподвижных Коряк содержать в послушании, и проложить от нея дорогу вокруг Пенжинскаго моря до Охотска».

Как отмечает Н.В. Слюнин в книге «Охотско-Камчатский край», местный Шипинский острог (тойоном в котором был

Шипа, а сами аборигены называли острожек Мыллаган) был укреплен, заселен русскими и стал называться Тигильской крепостью.

Причиной его строительства стало корякское восстание 1746 года, начатое на восточном побережье полуострова в ожидании поддержки с севера от коряков и тунгусов бассейна реки Пенжины.

А.С. Сгибнев отмечал, что Шипин острожек был укреплен и стал называться Тигильской крепостью в 1744 году.

В 1751 году «коряки в темную ночь подошли к Тигильской крепости, где командовал каптернамус Шацкий, разграбили и выжгли ее, а гарнизон взяли в плен. Потом пошли на Уку и разорили Ивашкин и Русаков острожки, а сборщиков убили.

Тигильские камчадалы, альбом А. Сильницкого

…Тигильская крепость была окончена постройкою в 1752 г. Она была обнесена стоячим тыном в 1¾ саж. вышиною; вместо четвертой стены было построено две казармы с бойницами через сажень. Старая же обгорелая крепость была очищена от коряк поручиком Холмовским, под наблюдением которого производились и новые постройки.

…Хотя Ижигинская и Тигильская крепости были вновь построены и вооружены, но они не могли содействовать усмирению бунта по незначительности гарнизона. Лебедев послал строгое предписание в Нижний и Верхний остроги о высылке оттуда солдат в Ижигу; но ему ответили, что в обоих острогах крайний недостаток в продовольствии, без которого нельзя отправить людей в поход».

1752 год: «Крепость огорожена лежачим забором, затем шел земляной вал, подле вала стоячий полисад, затем ров шириной 12 и глубиной 6 фут, а перед ним рогатки. По четырем углам батареи, два въезда. Внутри строений: церковь, колокольня, казармы, амбары, командирский дом, пороховой погреб, торговые казенные лавки — 2, баня».

В 1753 году «коряки под начальством Чейвита в мае месяце осадили Тигильскую крепость. Команда, не решаясь на вылазку и не имея в крепости продовольствия, находилась в самом бедственном положении;

сперва ела байдары, сыромятные сумы, ремни и вообще все кожаные вещи; но когда и их не стало, питалась кустами кедровника и лиственницы. К счастию их, что коряки по вскрытии рек от льда отступили и тем дали им возможность запастись рыбою».

1773 год: камчатский командир капитан Т. Шмалев писал о крепости: «Строения во оной деревяннаго, крепость, в коей церковь Рождества Христова, командирский дом, казармы, а за крепостью обывательские домы, в коих жительство имеют воинские служители и камчадалы. Команды ж состоит, Командир Порутчик один, нижних чинов семьдесят восемь».

О Тигиле и его обитателях очень интересные сведения оставил морской офицер, служивший в то время в Охотске, Орест Стогов: «Наконец, я в крепости Тигиле. Может быть, явится вопрос: большая ли крепость? Какой системы? Сколько пушек? Велик ли гарнизон? и проч. На все вопросы отвечу: крепости никакой нет, да, кажется, никогда и не было, о пушках и понятия не имеют. Живут себе мирно десять казаков с урядником. Так почему же называется — крепость? А потому, что в Тигиле есть комендант, он так и титулуется официально. Можно продолжить вопросы: так зачем же там комендант, казаки? Вот этого я до сих пор не понял! Если мне объяснят, зачем казаки в Тауйске, Ямске, тогда я объясню, зачем комендант в Тигиле. Однажды я сделал этот вопрос начальнику в Охотске, он отвечал мне: так! Этот же ответ приходится и к тигильской крепости с комендантом — так! Да мало ли на свете делается так! Тигиль на правом берегу реки Тигиля, берег обрывом сажени в две. В Тигиле есть деревянная церковь, священник с дьячком, есть больница, которою заправляет фельдшер, хотя с изъянцем — без носа, но все-таки лечит от всех болезней. Есть купец 2-й гильдии [Ворошилов], два отставных матроса, из ссыльных цыган — единственный кузнец и музыкант; все лица имеют собственные дома, по правде, настоящий-то дом у купца, да у коменданта, и небольшой домик, в три окна, для командира брига, остальные — домишки, — вот и весь Тигиль. Купец — аристократ Тигиля, он даже не носил кухлянки, а всегда в длинном сюртуке и даже в сапогах! Семья его состояла: из жены, двух зрелых дочерей (девиц) и двух сыновей 12–13 лет. Сам купец лет под 60, но еще здоровый. Этот купец считался ученейшим, да и сам о себе думал так, говорил книжным языком прошлого столетия и всегда о чем-нибудь мудреном, не забыл я несколько его объяснений мне в наставительном и хвастливом тоне: “антиподы не падают с Земли, как мухи на деревянном шаре, одни будут наверху, а другие внизу”. Я не противоречил, но посмотрел на его ноги, не имеет ли он крючков. Еще поучал, как дикие ловят китов: “Приготовит дикий два круглых деревянных клина, с молотком отправляется к киту, и как кит высунет голову, дикий взбирается на кита, одним клином заколачивает одно отверстие [ноздрю], кит ныряет, дикий держится на ките за клин, а как кит высунет голову, дикий заколачивает другое

Село Тигиль, приход храма
в честь Рождества Христова

отверстие, и кит задыхается”. Много бы мог рассказать подобных вещей, которыми поучил меня мудрейший в Тигиле, но побережу для себя. Когда случалось что-нибудь рассказывать, купец, после каждого периода, имел привычку повторять: “так тому и быть должно”.

Тигильский район, Камчатка. Автор блазона Максим Черников. «В серебряном поле с зеленым правым и лазоревым левым боковиками вверху — черный, обернувшийся вправо ворон прямо, внизу — две червленые двухъярусные башни с остроконечными кровлями, между которыми — обремененные тонким серебряным восьмиконечным православным крестом затворенные червленые ворота с треугольными зубцами поверху, с выходящими вверх из-за ворот червленым бунчуком, на который наложены накрест червленые ружье и обнаженная сабля рукоятью вниз»

Комендант, капитан-лейтенант. Он одним выпуском старше меня, холостой. Ну, этот был далеко попроще купца. Он вышел из корпуса если не с союзом, то в союзном десятке. Союзным десятком назывался последний десяток оттого, что последний писался и такой-то. Моего коменданта имя было Андрей, весь Кронштадт называл его Ондрюля. Он был вполне добрый простак, человек, от темени до пяток, материальный, природа наделила его веселонравием и замечательным басом, которым он владел прекрасно. Любимое его занятие — петь хором; он, как регент, собрал хор порядочных голосов и управлял мастерски. Помню, как у него хорошо выходило: “калязинский монастырь, недалеко от Москвы, хорош, пригож, прекрасен суть”. Начинали дисканты, первое слово повторяли тенора, тоже слово подхватывали и повторяли басы, дисканты продолжали не останавливаясь. Можно думать — выходила порядочная какофония, но издали слышался перезвон колоколов на колокольне, и, право, странно, но недурно. Это пение могло продолжаться без конца. Комендант знал все народные песни того времени, и плясовые и нежные, конечно, не была забыта разбойничья лодка на Волге; атаманом, разумеется, сам комендант. Еще страсть у него была — танцовать: русскую, метелицу, хлопушку; танцовал он с увлечением, с азартом! В пении, танцах он был воистину комендант! Тут он был строг, это было дело службы! Когда он управляет хором, он точно совершает акт святой обязанности, тогда он неумолимый жрец! Дурное исполнение огорчало его!

Усть-Тигиль, альбом А. Сильницкого

Танцовал он без улыбки, его глаз, голос не допускали малейшего беспорядка. Комендант всегда с сожалением говорил, что не мог устроить экосеса и особенно, идеал танцев - матредур, так и не достиг своего желания, не мог побороть препятствий; дамы и кавалеры постоянно путали [фигуры], но, главное, не мог выучить цыгана, а он только один и был владелец скрипки, правда, скрипка с шелковыми струнами. Бывало, комендант напевает, а музыканта выходит русская или метелица или восьмерка, так и бросил! С комендантом можно было говорить о пении, о танцах и о собаках. Вот и все нравственные развлечения в Тигиле!

Отнимите потеху езды на собаках, можно бы спиться или с ума сойти; — современная страсть к самоубийству тогда не была в моде. Как бы ни был забавен мой комендант, но он антипатически не любил никаких напитков, всегда трезвый, веселый, очень добрый, правда, уж очень прост, мы с ним ладили и жили очень дружно. Я нашел хорошо обделанный огород для меня и особый для команды, правда, в огороды там принято одно растение — картофель, другого ничего не сажалось, да и не знали о существовании других растений, после скажу, отчего не хлопотали о других огородных растениях. Картофель родился на девственной земле — невероятно многоплодно, сказочно! При моем доме был амбар; я нашел его полным сушеной лососины, это подарок любезной заботливости коменданта, продовольствие моих собак обеспечено.

Не могу промолчать о доме коменданта, дом в гармонии с характером чудака. Дом строил сам комендант, дом большой по-тамошнему, сажен в 7 длины и 5 ширины, симметрия отсутствовала, внутри не было ни одной капитальной стены, только передвижные перегородки, которые и образовали комнаты; случалось несколько раз, что не бывши неделю, приходишь и думаешь идти в зал, очутишься в спальне, а где [была] спальня, там уже гостиная и проч. Комендант гордился своею изобретательностию, а удивлением моим потешался как ребенок».

Основной воинский состав Тигильской крепости формировался за счет казачьих детей Нерчинска, Иркутска, Селенгинска, верстанных на военную службу. Которая

Усть-Тигиль, выгрузка товаров с параохода «Котик», альбом А. Сильницкого

Тигиль, аэропорт

менялась в зависимости от военно-политической ситуации — сначала они были солдатами Якутского полка, потом казаками Тигильской крепости, в период существования Камчатского гарнизонного батальона — снова были солдатами, после его расформирования в 1812 году стали либо снова казаками, либо матросами сначала Петропавловской экипажной роты, а впоследствии Камчатского флотского экипажа.

Вот примерная история некоторых из тигильских фамилий.

Юшины (Вьюшины), возможно, из нерчинских казаков, патриархом рода которых был албазинский казак Андрей Вьюшков: «Нерчинский конный казак, оклад 7 руб. с четью (1699). Прим.: он же — Вьюшков. Вьюшком, Вьюшкой называли юркого, вертлявого человека, не способного усидеть на месте».

Санапальниковы (из рода тобольского казака Ивашки Самопальникова, участника Даурского похода, оставшиеся в живых участники которого и стали старожилами Нерчинска, откуда шло формирование и других острогов вокруг Байкала, в том числе и Иркутска, где служил в начале 18-го столетия Тимофей Санапальников — «рядовой конный казак с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год».

Ипатьевы — известная в Тобольске казачья фамилия, а тобольские казаки постоянно были в «годовальщиках» — командированными на дальнюю службу в Якутск или в Даурию, где часто и оставались на «вечное житье».

В 1744 году из Нерчинска был отправлен служить на Камчатку Михайло Иванов сын Корнилов, потомок тобольских казаков Дурыниных-Корниловых.

Киселевы — возможно, из потомственных якутских казаков (хотя исторически родом, вероятно, тоже из Тобольска, где эта казачья фамилия известна с 17-го столетия) — в 1706 году десятником в четырнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Гаврила Иванов сын Киселев.

Емельяновы впервые отмечены на Камчатке в 1712 году — в Нижнекамчатске служил якутский казак Алексей Емельянов. Сидор Емельянов был в товарищах у Семена Дежнева в Анадырском остроге. А в 1687 году в Якутске был поверстан в казаки казачий сын Афанасий Емельянов — то есть существовала к тому времени казачья династия Емельяновых в Якутске.

Первыми из камчатцев под удар англо-французской эскадры попали захваченные на парусном плашкоуте гребными вражескими судами семья Усовых — боцман Павел Васильевич с женой Рахилью Ивановной, малолетними детьми и племянником — матросом 46-го флотского экипажа Иваном Степановичем Киселевым, о чем мы рассказали во вступительной части нашей книги о событиях Петропавловской обороны.

24 августа (5 сентября по новому стилю) в сражении на Никольской сопке погиб волонтер — отставной матрос Роман Васильевич Юшин (1802), сын бывшего рядового Тигильской городовой команды Василия Семеновича Юшина (фамилию которого писари записывали то как Ешин, то как Вьюшин), родившегося в 1748 году.

У Василия Семеновича было несколько сыновей, которые служили на Камчатке кто в солдатах, кто в матросах, кто в казаках. Участие в Петропавловской обороне принимал также и брат погибшего Романа Васильевича Семен Васильевич (1806), отставной мастеровой матрос Петропавловской экипажной роты, награжденный бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о Крымской войне. Братья в это время проживали с семьями в Петропавловском порту. А в Тигиле в те же годы служили другие их братья — Иван и Хрисанф Васильевичи Юшины.

Санапальниковы тоже в это время разделились: Прокопий Самойлович служил в Тигильской казачьей команде, а его брат Василий Самойлович, будучи матросом Камчатского флотского экипажа, участвовал как в обороне Петропавловского порта, так и в сражении в заливе Де-Кастри в мае 1855 года по пути в Николаевск-на-Амуре, где он продолжил свою службу.

У отставного унтер-офицера Ивана Прокопьевича Ипатьева (1753) было двое сыновей — Осип (1787) и Егор (1791). Старший служил в Петропавловской экипажной роте,

младший — в Тигильской казачьей команде. Но сын младшего из братьев — Иван Егорович (1811) тоже был призван служить в матросах, а не в казаках, как отец, и был участником обороны Петропавловского порта, как и его племянник — сын Ксенофонта Егоровича — Николай Ксенофонтович Ипатьев (1839).

Семья Корниловых также была разделена — дети Николая Ефимовича служили в Петропавловском порту и Андрей Николаевич участвовал как в обороне Петропавловского порта, так и в сражении в заливе Де-Кастри. Старший же сын Александра Ефимовича — Петр — служил в Нижнекамчатске, а его братья — Алексей и Гаврило — были один матросом, а другой кананиром Камчатского флотского экипажа.

Поэтому потомки камчатских казаков, изучая свои родословные, не всегда могут понять, почему их однофамильцы появляются то в одном, то в другом военном гарнизоне Камчатки. На самом деле — это не однофамильцы, а представители, как правило, одних и тех же камчатских родов, которые волею судьбы и службы выполняли свой долг там, где им было приказано, а не там, где им этого хотелось.

Но это еще не полный список тигильчан, участвовавших в героической обороне Петропавловского порта.

Семен Кокорин сын Алексеев (1827) — уроженец Тигильской крепости, из солдатских детей, окончил Охотское училище, в 1854 году служил на транспорте «Байкал», тендере «Камчадал», в 1855 году на этом транспорте принимал участие в сражении в заливе Де-Кастри.

Роман Петухов сын Михайлов (1836) — матрос 2-й статьи, уроженец Камчатской области Тигильской крепости, из солдатских детей, в 1854 году участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 году, в 1855 году на транспорте «Байкал» принимал участие в сражении против англо-французской эскадры, состоящей из одного брига, одного пароходо-корвета и одного фрегата.

Федор Яковлев сын Тимофеев (1827) — матрос 2-й статьи, уроженец Тигильской крепости, из солдатских детей, в 1844 году из школьников Охотского училища направлен в Охотский экипаж младшим юнгою, в 1854 году участвовал в обороне Петропавловского порта, 8–9 мая 1855 г. — в сражении в заливе Де-Кастри на корвете «Оливуца».

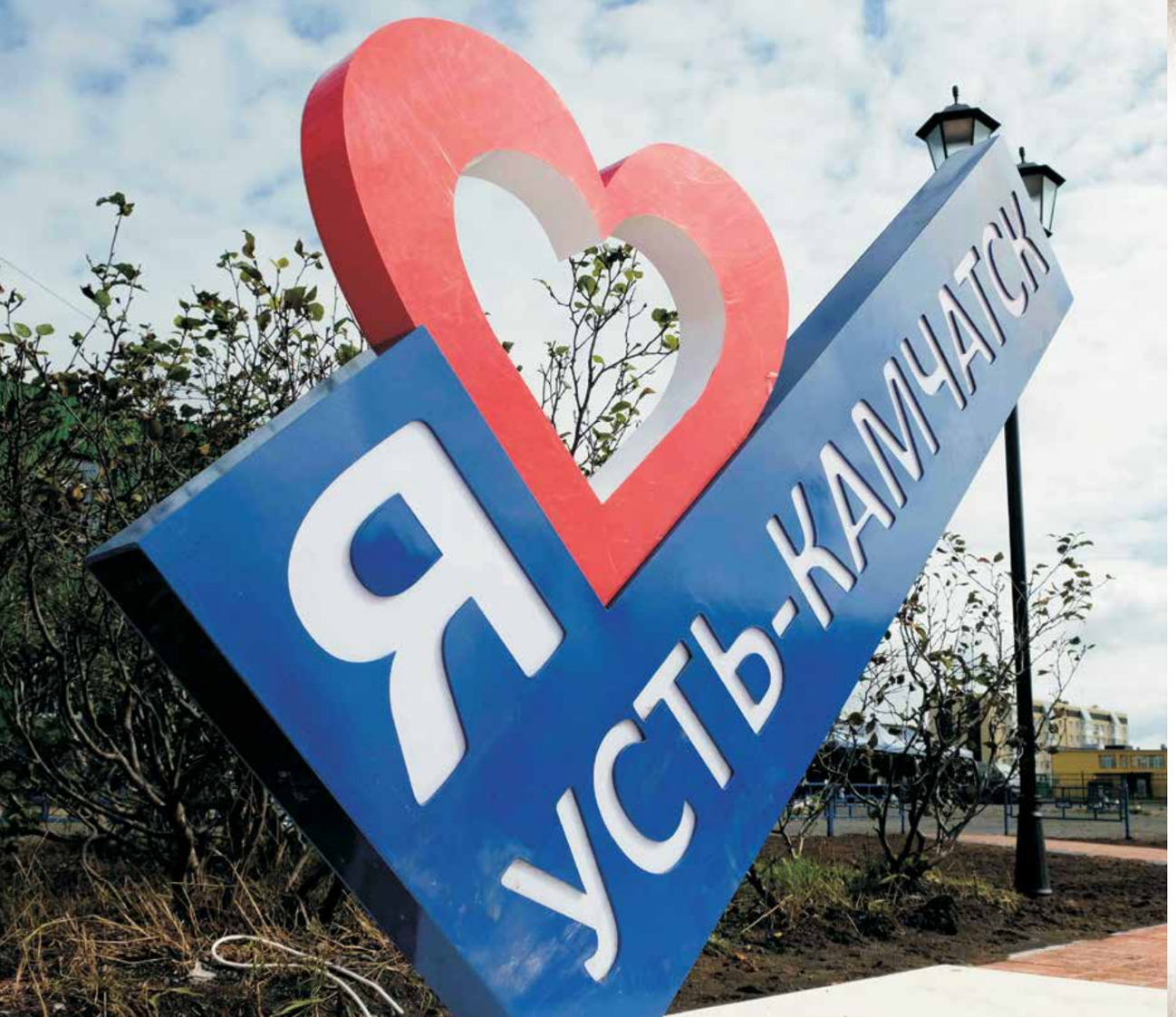
Через полвека дети и внуки героев Петропавловской обороны станут героями другой (совершенно несправедливо забытой на Камчатке и в России) войны, в результате которой Камчатка осталась в составе Российской империи. Речь идет о Русско-японской войне 1904–1905 годов, в которой японским «хищникам», позарившимся на камчатскую рыбу и камчатскую землю, противостояли только народные ополченцы, во главе которых стояли камчатские (в том числе и тигильские) казаки.

Павел Иосифович Юшин, внук Ивана Васильевича, участника Петропавловской обороны, был награжден Георгиевским крестом IV степени за боевые действия против японцев на реке Воямполке.

Моисей Юшин, служивший в Петропавловске, в 1905 году, когда японские крейсеры расстреливали город из своих орудий, вынес из-под огня казну уездного правления, здание которого было разрушено снарядами, за что был награжден также Георгиевским крестом IV степени. В составе Тигильской дружины воевали с японцами Дмитрий, Ксенофонт, Ивли и Николай Юшины. Вместе с ними защищал Камчатку от новых ее врагов Прокопий Прокопьевич Санапальников.

«Тигильский центр досуга»

Герб Камчатской области

УСТЬ-КАМЧАТСК, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

В списке ветеранов Петропавловской обороны, составленном в 1892 году, накануне 40-летия Победы, отсутствовала одна фамилия.

И причина была объективной — в отличие от всех остальных семнадцати ветеранов, которые к тому времени были отставными — казаками и нижними чинами — этот человек не только оставался на службе, но и был командиром Камчатской казачьей команды.

Его имя Давид (Давыд) Федорович Савинский.

Эта фамилия дважды обозначилась в истории.

В первый раз — в составе отряда русских казаков, впервые высадившихся на острове Шумшу в 1711 году, был казак Лука Савинский.

Вполне вероятно, что это был потомок тобольского казака литвина Андрея Савицкого, отмеченного в сибирской истории еще в 1623 году: «Деревня над рекою Шанталыцкою в дуброве. Во дворе литвин Андрюшка Савицкой. Пашни паханые середние земли три чети с третником в поле а в дву потому ж да поскотинные земли в лугу пять десятин у него отъезжая пашня на речке Кундуске селице ново. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле а в дву потому ж. Да пашенного лесу дубровы 15 десятин. Сено косит около пашни в дуброве 300 копен».

Но в 1712 году Лука Савинский, участвуя в походе против авачинских камчадалов, попал вместе со своим атаманом Данилой Яковлевым Анцыферовым и товарищами в ловушку и был сожжен заживо, не оставив потомства.

Герб Усть-Камчатского района

Второй приход Савинских на Камчатку был свя-

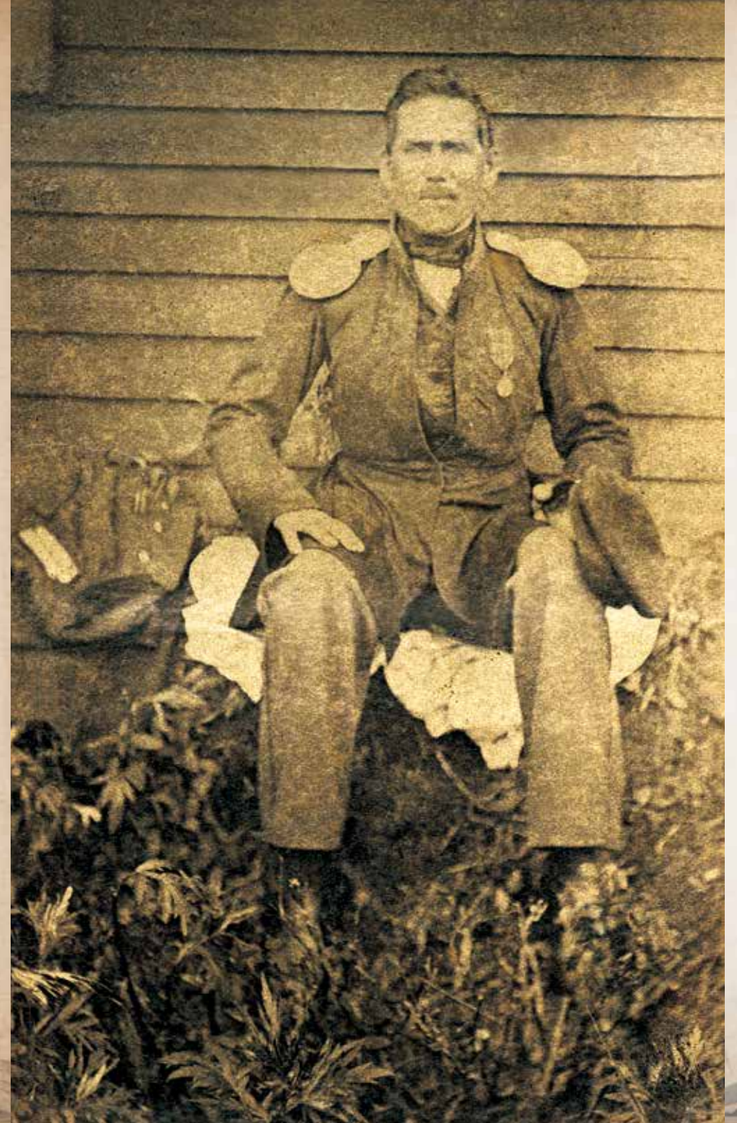

зан уже не с Тобольском, а Иркутском — столицей Восточной Сибири. В составе полка Сомова (Камчатского гарнизонного батальона), который был размещен на территории Охотско-Камчатского края (в Петропавловской гавани, Нижнекамчатском и Верхнекамчатском острогах, Гижиге и Охотске) служили три брата Савинских — Петр (1782), Федор (1788) и Алексей (1791) Ивановичи Савинские. Вполне возможно, из нерчинских казаков, которые по своему происхождению исторически тоже могли быть из Тобольска. По крайней мере, мы знаем о тайном советнике Афанасии Степановиче Савинском, коренном сибиряке, уроженце Нерчинска, который при графе Муравьеве-Амурском возглавлял Горное управление при генерал-губернаторе Восточной Сибири.

Петр Иванович был аудитором Камчатского гарнизонного батальона, Федор Иванович — унтер-офицером, Алексей Иванович — прапорщиком.

После расформирования батальона Федор Иванович в 1815 году был командиром Петропавловской казачьей команды, впоследствии переведенный служить в Гижигинскую казачью сотню. Он был единственный из братьев, который остался служить на Камчатке.

И вся нынешняя камчатская линия Савинских — это потомки Федора Ивановича.

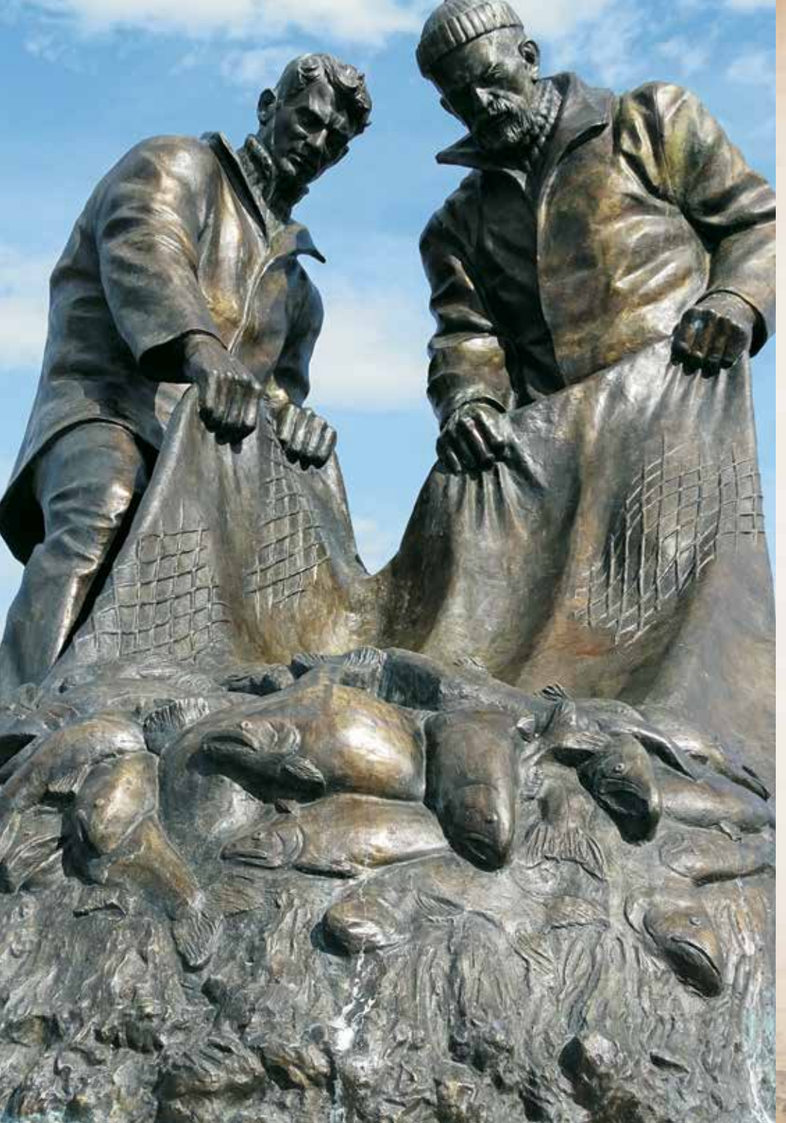

Давид (Давыд) Федорович Савинский, альбом Б. Дыбовского

К 150-летию Петропавловской обороны на Камчатку пришло письмо:

СВЯТО ЧТИМ
ПАМЯТЬ ДЕДА

Одна из наиболее ярких страниц прошлого Камчатки — героическая битва Петропавловского гарнизона с англо-французской эскадрой в 1854 году. В сентябре текущего года Россия отмечает 150-летие со дня этой победы. Естественно, первыми не только по времени, но и по праву победителей отметят дату жители Камчатки. С начала 2004 года идет работа по подготовке юбилейных торжеств, и ученые, историки, краеведы по крупицам собирают сведения об этой битве. Не остаются в стороне и средства массовой информации — журналисты различных изданий тоже заняты поиском. И самым большим подарком, как для них, так и для краеведов, можно назвать

Усть-Камчатск, памятник рыбакам — труженикам моря

письма от родственников участников героической обороны Петропавловска. Наша редакция совсем недавно получила именно такой бесценный подарок: почтальон принес нам письмо от Зои Афиногеновны Соболевой, которая проживает в г. Ангарске, Иркутской области.

«Вся наша семья (теперь разбросанная по России) свято чтит память о нашем прадеде Давиде Федоровиче Савинском и гордится им. Данные, которые я приведу, взяты из семейного архива, жаль только, что сохранилась очень плохая фотография его, которую трудно воспроизвести. Я надеюсь, что эта историческая (и как теперь говорят, судьбоносная) дата будет достойно отмечена в городе, где бы очень хотелось побывать, но на пенсию этого, увы, не сделаешь.

Я родилась в 1927 году в селе Нижне-Камчатск, бывшем Нижне-Камчатском остроге, где Беринг строил свои корабли для Первой камчатской экспедиции. Моя мать Греченина (урожденная Савинская) Екатерина Федоровна была внучкой Д.Ф. Савинского — одной из примечательных личностей в былой истории Петропавловска.

Д.Ф. Савинский родился в 1829 году. Молодым пятидесятником пришел он в 1852 году из Гижигинской запасной сотни в Петропавловскую казачью команду и прослужил в ней до самой своей смерти.

Камчатка тогда оказывалась в тяжелейшем положении. Не хватало людей, не было хорошего стрелкового оружия, почти не было артиллерии, ядер, пороха, медикаментов. Не было ни одного боевого корабля. Очень малы были и запасы продовольствия.

Еще в 1849 году губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев доносил в Петербург, что Камчатка должна иметь военные средства. Но ни денег, ни пушек, ни кораблей Петропавловску не отпустили.

К моменту обороны гарнизон города насчитывал всего 230 человек, вооруженных кремниевыми гладкоствольными ружьями. В порту имелось лишь шесть 36-футовых пушек и два бомбических орудия. Был только один фрегат “Аврора”, который пришел пос-

Памятник рыбачке в Усть-Камчатске, художник-скульптор А. Веретенников

ле полукругосветного плавания с больными цингой моряками, и транспорт “Двина”.

Военный губернатор В.С. Завойко призвал все население полуострова приступить к организации обороны. Изо дня в день от зари до сумерек люди работали не за страх, а за совесть. В короткий срок было сделано, казалось бы, невозможное. Как писали тогда американские газеты: “Горстка людей создала твердыню в таком ничтожном месте, как Петропавловск, где англичане съели такой гриб, который останется позорным пятном в истории просвященных мореплавателей, и который не смоют волны всех пяти океанов”.

1 сентября 1854 года состоялся десятичасовой бой. Горстка защитников города, включая стариков и детей, плохо вооруженная, ограниченная в боеприпасах, движимая беззаветной любовью к Отчизне, сумела дать сокрушительный отпор захватчикам.

Врагу не помогли подавляющее численное превосходство в кораблях, людях, артиллерии, большое преимущество в качестве оружия. Произошло одно из самых отчаянных сражений, где русские вместе с местным населением показали величайшее хладнокровие и храбрость.

В списке казаков, оборонявших город, значилась и фамилия моего прадеда — Давида Федоровича Савинского. В послужном списке его было записано: “участвовал в боевых действиях 1854–1855 гг.” Он был награжден бронзовой медалью с надписью: “В память войны 1853–1856 годов” на Георгиевской ленте. С лентой ордена Георгия медаль предусматривалась только для непосредственно участвовавших в боях.

5 декабря 1862 года прадед стал управляющим казачьей команды в Петропавловске и занимал эту должность до конца своих дней. 24 января 1874 года его произвели в первый казачий офицерский чин. Он стал хорунжим XIV класса. Через 12 лет Савинский получил следующий чин — сотник XII класса.

В 1889 году во время празднования 35-летия победы в бою, в Петропавловске проживало лишь три ветерана. Празднова-

Усть-Камчатск старый...

И молодой Усть-Камчатск

Храм Покрова Божией Матери в Усть-Камчатске

ние в тот год получилось необыкновенно торжественным. Незадолго до 24 августа в порт зашел клипер “Разбойник”, который принял участие в торжествах. Моряки занялись приведением в порядок братских могил. В городе тогда проживало немногим более 400 человек.

С клипера дали пушечный салют. Отслужили панихиду, и состоялся крестный ход. Казаки были в мундирах с красными клапанами и кривой полусаблей на широкой портупее. Прошла неофициальная часть на Никольской сопке. В центре внимания во время парадного обеда были три участника славного боя — Савинский, давно уже слывший живой летописью города, и два отставных унтер-офицера.

Спустя некоторое время Д.Ф. Савинский за долголетнюю службу был награжден орденом Станислава третьей степени. Награждался он еще золотой медалью на Станиславской ленте с надписью “За усердие”. С 1852 года Савинский ни разу не покидал Камчатку. В течение 40 лет он был свидетелем и участником всех событий на далекой окраине России. Умер он 17(29) июля 1893 года в 64-летнем возрасте. Его портрет находился в музее Русской славы в Петропавловске.

Один из его сыновей, Федор Давидович, также имел награды за труды и усердие, служа частным командиром казачьей команды в Усть-Камчатске. Он обручился со Сновидовой Анной Егоровной — дочерью пономаря. У них было пятеро детей, в том числе и моя мать. Потомки Д.Ф. Савинского живут на Камчатке (мои братья — Гречениины Леонард и Федор) и в других уголках России.

Я очень люблю свою Камчатку, горжусь ее славным историческим прошлым и своим прадедом — Давидом Федоровичем Савинским».

* * *

Уточним, что на торжественном открытии 24 августа 1882 года «памятника воинам, павшим при отражении Англо-Французской эскадры» «присутствовали восемнадцать ветеранов, участвовавших в славном Петропавловском бою»: один хорунжий (Давид Федорович Савинский. — *С.В.*), одиннадцать казаков (в том числе два пятидесятника и один урядник), пять матросов и один баталер.

Справедливости ради также добавим к этому письму и то, что и другой прадед Зои Афиногеновны — Захар Иванович Греченин, родоначальник нижнекамчатских Греченинных, в 1855 году прибыл добровольцем-охотником в Петропавловский порт, чтобы защищать город в случае второго нападении англо-французской эскадры, и принял активное участие в эвакуации гарнизона

и имущества порта, за что был награжден памятной бронзовой медалью на Андреевской ленте.

В послужном списке Давида Федоровича записано: «…из обер-офицерских детей, росту 2 аршина, 7½ вершков… грамоту знает…»

Из обер-офицерских — это значит, что его отец был в казачьем чине сотника.

Родился Давид Федорович в Гижиге.

Старший сын Давида Федоровича — Федор Давидович, родившийся в 1862 году в Петропавловске, был назначен, будучи казачьим пятидесятником, частным командиром Усть-Камчатского казачьего поста.

В период обороны Камчатки в Русско-японскую войну 1904–1905 годов Федор Давидович командовал Усть-Камчатской дружиной народного ополчения, за что был произведен в чин зауряд-хорунжего и награжден серебряной медалью «За усердие».

Вместе с ним в дружине состояли и братья — Иван, Андрей, Давид, двоюродный брат Александр Дмитриевич, внучатые племянники — Николай и Алексей Викентьевичи, дети Викентия Дмитриевича Савинского.

За более чем столетие своей камчатской службы род казаков Савинских породнился и с камчатскими казаками, и с крестьянами, и со священнослужителями, и с коренными камчадалами. Вот только известные нам брачные союзы: с Челпановыми, Минюхиными, Поляковыми, Поповыми, Сновидовыми, Гречениными, Третьяковыми, Машихиными, Оноховыми, Копыловыми, Мутовиными, Бобряковыми, Ушаковыми, Коллеговыми…

Усть-Камчатск. Вид на Дембиевскую (Первозаводскую) косу

Вулкан Ушковский

Герб Камчатской области

УШКИ, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

При С.П. Крашенинникове не было населенного пункта с таким названием.

Выше Ключевского острожка и ниже Козыревского он называет три населенных пункта камчадалов: Каначев (предположительно Крестовский. — *С.В.*), тойон Налачь, ясачных 12 «собольников» и 39 «лисичников»; Итателев, тойон Итатель, ясачных 17 «собольников» и 27 «лисичников»; Вытылгинской (относившийся уже в Верхнекамчатскому присуду), лучшей мужик Выргачь, ясачных 4 «собольника» и 2 «лисичника».

Далее уже следовал Козыревский острожек.

В то же время, давая маршрутное описание дороги из Верхнего Камчатского острога в Нижний, он сообщает следующее: «...от Машурина до Накшина острожка (Колю, Козыревска. — *С.В.*) — 87 верст; от Накшина до Голка — 33; от Голка до Талачева острожка — 26; от Талачева острожка до Ушков — 16; от Ушков до Крюков — 25; от Крюков до Крестов — 25; от Крестов до Горбуна — 26; от Горбуна до Харчина — 11; от Харчина до Кменного острожка — 27».

Были ли в то время Ушки обитаемым местом из «Описания...», неясно. Хотя именно в районе Ушковского озера обнаружена советскими археологами самая древняя на Северо-Востоке Азии стоянка первобытного человека, насчитывающая от 10 до 15 тысячелетий. Там же обнаружено культовое захоронение собаки, и ученые сделали вывод, что на Камчатке собака была одомашнена и служила человеку еще 8 тысячелетий тому назад.

Тем не менее, С.П. Крашенинников ничего не отмечает — даже присутствия какого-нибудь жилья.

Вот что сообщает нам Карл фон Дитмар, побывав в этих местах в 1852 году:

«11 августа мы уже в 11 часов утра прибыли в Ушки. Долина все время сохраняет значительную ширину, которая здесь считается равной, по меньшей мере, 40 верстам. По этой широкой долине протекает река, имеющая в ширину 150–200 сажень, в глубину 6–8 аршин и скорость течения 4–5 верст в час. Здесь встречается множество удлиненных островов, разделенных протоками. Вся долина вообще очень богата речками и озерами. Река Камчатка, притекая с юга, в местности между Крестами и Ушками делает большой изгиб к востоку и обходит, таким образом, вокруг группы Ключевских вулканов; на этом большом изгибе наводнения свирепствуют, по-видимому, особенно сильно. Так, Ушки первоначально помещались на правом берегу, затем подверглись почти полному разрушению, и теперь 8 домов этой деревни стоят на левом берегу, двумя верстами выше по реке. 26 мужчин и 22 женщины, теперь живущие здесь, — камчадалы, предки которых переселены сюда Рикордом и Голенищевым из Каменного (в Щеках). В Ушках жители также занимаются немного огородничеством и имеют 14 голов рогатого скота и 4 лошадей».

Камчадалы села Ушки у своей рыбалки, 1931 г.
Альбом. Усть-Камчатск и долина реки Камчатки

Трое из добровольцев, прибывших из Ушков оборонять Петропавловский порт в 1855 году, имели фамилию Варганов — Роман (1818), Федор (1824) и Алексей (1834), которую они получили при крещении от расквартированного в Нижнекамчатском остроге драгуна Ивана Варганова, возможно, в честь которого было названо и местечко в устье реки Камчатка, давшее впоследствии название поселку Варгановка.

Четвертым добровольцем был Захар Жировиков (1811), род которых получил свою фамилию при крещении от одного из промышленников Жировиковых (Михаила, Василия или Прокопия), погибших в 1731 году на реке Уке во время Харчинского бунта.

А пятым — Захар Ощепков (1834). Духовным отцом этого рода был тобольский казачий сын Лазарь Ощепков, который в 1706 году числился во второй пятидесятне Якутского казачьего полка. В 1712 году тобольские казаки в Верхнекамчатске подняли бунт и разграбили Нижнекамчатский острог, за что Лазаря и его «товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

Впоследствии Лазарь, приговоренный к «вечному житью» на Камчатке, участвовал в крещении камчадалов и коряков — эта фамилия довольно широко распространена на северо-восточном побережье полуострова.

В период Русско-японской войны 1904–1905 годов жители селения Ушки выдвинули в народное ополчение Камчатки двух братьев Жировиковых — Егора и Степана Ивановичей, а также Илью Ионовича Ощепкова.

Озеро Ушковское, фото Г. Теплицкого.
С 1928 по 1988 гг. в бассейне озера располагался Ушковский ЛРЗ – один из первых лососевых рыборазводных заводов Камчатки. В первые годы Советской власти сохранялся принцип, который пришел из царской еще России: – если ты строишь рыбоперерабатывающее предприятие, то в обязательном порядке должен строить и рыборазводный завод, компенсирующий объемы изъятия водных биологических ресурсов

Халактырский пляж

Герб Камчатской области

ХАЛАКТЫРКА, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

В 1703 году тобольский казак Родион Преснецов с отрядом из двадцати человек вышел на берег бухты, которой предстоит сыграть выдающуюся роль в истории военно-морского флота России — это была Авачинская бухта.

Но прежде они обследовали близлежащие реки — потому что главной задачей казаков того времени было получение ясака (подушного налога пушниной) с коренного мужского населения полуострова.

Среди двенадцати рек, на которых располагались острожки (поселения) аборигенов и с которых был собран ясак, а сведения об этом занесены в специальную «ясачную книгу», была и река, которую казаки записали как Налахтырь.

Степан Петрович Крашенинников, спустя тридцать пять лет, отмечал уже в своей книге «Описание земли Камчатки»: «От реки Авачи на север первая речка называется Калыты, а от казаков Калахтырка, которая течет из под Авачинской горелой сопки, а устье ее от Авачинской губы в 6 верстах».

Он же отмечает, что на этой реке Кылыты «есть острожек Макошху имяуемый», который в официальных книгах значился уже как Калахтырка (Калахтыра). Острожек представлял из себя одну земляную юрту, в которой проживало в зимнее время все население острожка и 9–12 летних семейных балаганов.

Ясак платили «в Колыхтырях» (так у С. Крашенинникова) двенадцать человек — трое — соболями, восемь человек — лисицами и один — морскими бобрами (каланами).

После двух опустошительных эпидемий оспы в 1768 и в 1800 годах население Колыхтырей и близлежащих рек было насильственно переселено в центральную часть

полуострова для поддержки «каюрной гоньбы» (камчатского аналога ямской службы, только лошадей на Камчатке заменяли нартовые собаки).

Второе рождение села, уже с названием Халактырка, относится к XIX веку. Основателями его были Сметанины, Сахаровы и Селивановы.

О них и пойдет наш разговор.

Патриархом рода Сметаниных был матрос 1-й статьи Лаврентий Сметанин, присланный из Санкт-Петербурга.

6 июня 1727 года он в группе моряков был зачислен в команду якутского казачьего головы Афанасия Шестакова, перед которым ставилась задача поиска новых земель «противу» устьев сибирских рек в Ледовитом, Пенжинском и Камчатском морях.

Халактырский аэропорт, 1976 г.

Вот состав первых военных моряков России на Тихом океане:

«Морские [служители].

По 12 рублев на месяц штюрман Якоб Генс с прибавочным третьим на десять месецов.

По 7 рублев на месец подштюрман Иван Федоров.

Матрозы 1-й статьи.

Полного по полтора рубли, а за вычетом на мундир по 30 алтын, муки по полуосмине, круп по малому четверику на месяц: Мирон Тарнаев, Агафон Назаров, Михайло Гусельников, Гаврило Беляев, Козьма Кузнецов, Степан Малыгин, Лаврентий Сметанин, Леонтей Петров, Петр Таранкин.

2-й статьи.

Полного по рублю, а за вычетом на мундир по 20 алтын, муки по полуосмине, круп по малому четверику, соли по два фунта на месец: Козьма Клочев».

Лаврентий Сметанин — фигура историческая, легендарная, но, к сожалению, совершенно забытая историками Тихоокеанского флота.

Мало того, что он был участником Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга, он был и в числе первооткрывателей Аляски в 1732 году, исследователем устья Амура (доказавшим за 100 с лишним лет до Невельского то, что Амур — река судоходная), участником экспедиции Мартына Шпанберга в Японию во время деятельности Второй Камчатской экспедиции.

Но, как водится, в нашей отечественной истории на такие «мелкие» фигуры наши историки не разменяются.

В своей книге «Покорители Великого океана» я посвящаю ему отдельную главу «Матрос Лаврентий Сметанин».

А его дети, родившиеся на Камчатке, были верстаны в казаки. Внуки — стали солдатами Камчатского гарнизонного батальона. Правнуки — матросами Камчатской экипажной роты Охотского флотского экипажа, а с 1849 года — 46-го Камчатского флотского экипажа.

В период обороны Петропавловского порта матрос Василий Петрович Сметанин служил на боте № 1, который не участвовал в сражении, но вот что пишет по поводу этого судна, его командира и его экипажа историк Александр Иванович Алексеев в книге «Сыны отважные России»:

«26 августа 1854 года бот № 1 под командованием боцмана Харитона Ивановича Новограбленного, шедший с полным грузом леса из Нижнекамчатска и ничего не знавший о событиях в Петропавловске, “пришел на вид Дальнего маячного мыса, но за туманной погодой самого маяка видеть не мог; придержавшись немного к се-

веру, рассмотрел на мысу людей, стрелявших в море из ружей и увидевши в то же время сильную эскадру, стоявшую на якоре во внутренности губы, понял, что этой пальбой предупреждают его о неприятеле. Несмотря на очевидную опасность, боцман Новограбленный, зная, что за ним идет шхуна ‘Анадырь’ также с грузом леса из Нижнекамчатска, не теряя присутствия духа всю ночь крейсировал перед входом в губу и хотя не нашел того судна, которого желал предупредить о неприятеле, но оказал услугу не менее важнейшую, встретив и уведомив о блокаде порта винтовую шхуну ‘Восток’, командир которой лейтенант Римский-Корсаков, передав на борт бумагу для доставления в порт, немедленно поворотил в море и отправился в Большерецк. После этого, несмотря на чрезвычайно сильные ветры, форсируя парусами, боцман Новограбленный все еще продолжал крейсировать перед входом, надеясь дождаться ‘Анадырь’; утром 27-го не видя его и заметив, что неприятель снимается с якоря, решился сам искать спасения в Вилючинской бухте, куда и укрылся”.

Насколько значителен был подвиг Новограбленного, можно представить из того, что у Римского-Корсакова были весьма важные бумаги от Н.Н. Муравьева к В.С. Завойко, а шхуна не была вооружена. В свою очередь и шхуна “Восток” встретила шедший в Петропавловск с продовольственными запасами транспорт “Байкал” под командой Никиты Ильича Шарыпова. “Байкал” также ушел в Большерецк. Таким образом, благодаря боцману Новограбленному двум русским кораблям удалось избежать неожиданной встречи с неприятелем. Сам же Новограбленный с места своей стоянки послал сухопутным

Халактырское озеро

путем к Завойко известие о шхуне “Восток” и передал ему письма от Римского-Корсаковаю. 1 сентября, после ухода англо-французской эскадры, Новограбленный благополучно привел свой бот в Петропавловск».

А теперь, прежде чем мы продолжим свой рассказ о событиях, связанных с обороной Петропавловского порта, мы представим вам еще двух жителей села Халактырка.

Первый из них — купец Михаило Петрович Сахаров (1779). Он появляется на Камчатке в связи с деятельностью Российско-Американской компании, и ему было поручено заниматься продовольственным обеспечением Камчатского гарнизонного батальона, чтобы противостоять американским торговцам, весьма успешно торгующим на полуострове.

У Михаила Петровича была большая семья — семь сыновей.

Здесь же, в Халактырке, поселилась часть казаков из рода Селивановых — двое из четырех сыновей Николая Селиванова — Кузьма (Косьма) и Иван Николаевичи. Старший из них — Кузьма Михайлович — был урядником (начальником) Петропавловской казачьей команды в период обороны порта.

Река Халактырка

Петропавловские казаки по долгу службы приняли самое непосредственное участие во всех сражениях — 31 августа и 5 сентября 1854 года.

А вот сын камчатского почтальона Иван Борисович Сметанин (1826) и двое сыновей купца Сахарова — Федор и Иван Михайловичи — были добровольцами, или, как тогда говорили, «охотниками».

Им в генеральном сражении 5 сентября 1854 года выпала исключительная по значимости задача — снайперское ведение огня по противнику, когда над портом нависла смертельная опасность — два отряда врага, общей численностью более полутысячи человек, сконцентрировались для удара на вершине Никольской сопки и необходимо было во что бы то ни стало их с этой вершины сбросить…

Но против этой группировки с трудом набралось несколько небольших отрядов из казаков и матросов Камчатского флотского экипажа и экипажа фрегата «Аврора», общая численность которых, по данным команди-

Район Халактырки, «домашние» вулканы

ра Петропавловского порта генерал-майора В.С. Завойко, была всего 235 человек.

Поэтому меткая стрельба камчадалов, внесшая определенную лепту в общую панику, охватившую англо-французов, дала важнейший результат — враг был сломлен, напуган и сброшен с вершины Никольской сопки, с отвесных скал, падая с которых, трудно было остаться живым…

Один из участников Петропавловской обороны, оставивший свои воспоминания, Александр Павлович Арбузов пишет: «19 числа, во время похоронъ адмирала Прейса, англичане встрѣтили двоихъ американскихъ матросовъ съ судна, стоявшаго въ нашей гавани подъ національнымъ флагомъ. Матросы эти были посланы своимъ шкиперомъ рубить дрова, и тѣ, изъ сочувствія къ своей расѣ, взялись показать англичанамъ тропинку, удобную, по ихъ мнѣніямъ, для входа и овладѣнія портомъ. Вслѣдствіе этого, 24 августа, около 8-ми часовъ утра, непріятели задумали воспользоваться этимъ открытіемъ и, замаскировывая нападеніе, начали пальбу по батареѣ № 1 у мыса Шаховой, гдѣ развѣшенъ былъ парусъ; по батарѣ № 3, у Лаперузова перешейка, гдѣ оторвана рука у командира князя Александра Максютова, и по батареѣ № 7-й у оконечности горы Никольской; затѣмъ высадили десантъ и осыпали фрегатъ пулями, безъ всякаго впрочемъ вреда. Сбивъ батареи № 3 и № 7-й, непріятели свезли всю силу десанта изъ 700 человѣкъ. — Услышавъ тревогу, я бросился въ казармы и видя, что люди всѣ въ движеніи, явился къ г. Завойко, во время дѣйствія стоявшему за пороховымъ погребомъ подъ горою. Здѣсь, замѣтивъ смертельно раненаго, еще дышавшаго молодого сына купца

Халактырский пляж, Тихий океан

Сахарова, я распорядился отнести его въ госпиталь...»

На следующий день Федор Михайлович Сахаров (1831) скончался от ран.

В этом же бою, 24 августа 1854 года, погиб и казак Иван Николаевич Селиванов (1823).

В исторической литературе сообщалось и о гибели сына почтальона Сметанина.

Но он остался жив и вместе с другим Сахаровым — Иваном Михайловичем (1835), был награжден бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о сражениях Крымской войны (эпизодом которой была оборона Петропавловского порта).

В 1878 году петропавловский мещанин Иван Михайлович Сахаров найдет на берегу Авачинской бухты две медные пушки времен Крымской войны — собственно, это и были единственные реликвии той великой победы...

Гарнизон Петропавловского порта со всем военным и гражданским имуществом был вывезен в Николаевск-на-Амуре. В составе этого гарнизона были и уроженцы Камчатки.

Но Селивановы, Сахаровы и Сметанины остались на полуострове.

В 1912 году Константин Григорьевич Сахаров, праправнук купца Михайлы Петровича, житель села Халактырки, впоследствии красный партизан, написал «стыхи» с выражением своей любви к земле, на которой он родился:

«Моя Оцызна, север мылой
Покрыта пеленой снегов
Й я люблю его всой силой,
И для его на всо готов
Я ныно что не променяю
Роднова севера кросу
Свою Любов к родному краю
Собой в могилу унесу».

И это было правдой — в 1904–1905 годах. Селивановы, Сахаровы и Сметанины, будучи в народном ополчении, с оружием в руках защищали Камчатку от японских «хищников» мечтающих прибрать к своим рукам Камчатку с ее рыбными богатствами.

А в годы Великой Отечественной войны и войны с Японией Селивановы, Сахаровы и Сметанины продолжили воинскую традицию своих родов.

Сегодня потомки героев обороны Петропавловского порта живут среди нас. Наталья Конышева, сотрудник Камчатского объединенного музея, собрала уникальный материал о своих предках — купцах Сахаровых. Журналист и писатель Ирина Селиванова написала замечательный очерк о казаках Селивановых, опубликованный в книге «Тайны камчатских имен. Большерецкий острог». Людмила Иванова, дочь Бориса Амвросиевича Сметанина, принявшего первый бой с фашистами под Брестом, сохранила воспоминания своего отца о войне, опубликованные в книге «Летопись Великой Победы. Камчадалы — защитники Отечества».

Остатки моста на реке Еловке

Герб Камчатской области

ХАРЧИНО, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

В 1740 году Степан Петрович Крашенинников отмечал в своей книге «Описание земли Камчатки»: «Между озером Кайначем и рекою Еловкою есть камчатской острожек Коанным называемой, в котором до измены бывал тойоном Федор Харчин, главный начальник бунта, по которому казни поручен оной острожек в правление брату его Степану Харчину».

Восстание случилось в 1731 году за 14 лет до появления на Камчатке Духовной миссии, в результате деятельности которой все коренное население Камчатки, приняв христианство, получило русские фамилии.

Но на самом раннем этапе — еще мирской — миссионерской деятельности казаки давали фамилии новокрещенным детям тойонов по именам их отцов. Так по имени вачинского тойона Тареи его сын стал Михаилом Тареиным, а дети еловского тойона Харуча (Харлуча) — Федором и Степаном Харчиными.

В перечне населенных пунктов аборигенов обращает на себя внимание тот факт, что С.П. Крашенинников, называя в нескольких местах своей книги этот острожек Харчиным, в данном конкретном, официальном случае пишет: «Усть-Еловской, или Коанным, тоион Степан Харчин». То есть, по всей видимости, новое официальное название за этим населенным пунктом закрепляется во времена правления острожком младшего из братьев Харчиных. Здесь, как отмечает Степан Петрович, было всего 15 «плательщиков ясака» — 4 собольника и 11 лисичников. Строения — две земляные юрты для проживания в зимних условиях и 13 летних семейных балаганов.

О Харчинском бунте написано немало книг и научных статей. Материалы об этом бунте собирал и Александр Сергеевич Пушкин.

Конечно же, и Степан Петрович не обошел стороной эту тему, поэтому мы ему и предоставим первое слово: «С самого взятия Камчатки по 1733 или 1734 год камчадалы каждой платил от себя в год в казну ее императорского величества одного соболя или лисицу…»

А теперь внимание!

«…Да четыре чащины (подарков. — *С.В.*) то есть четыре соболя или лисицы ясашным сборщикам. С них же летом и осенью збирали юколу, гусей, траву сладкую (для винокурения. — *С.В.*), кипрей, нерпичьи кожи (на лыжи. — *С.В.*) и прочее, где какой промысел бывает, которое они с прикащиками по себе делили, а у кого чего дать не было, у того детей и жену за чащины бирали, которых держали у себя в холопстве, отчего камчадалам разорение немалое было, и они ясашных зборщиков, не стерпя обид, часто побивали, а в 1728 году вздумали было они и всех русских на Камчатке перевесть…»

Почему переломным в жизни аборигенов бассейна реки Камчатка, где и полыхнул во всю силу этот бунт, быстро распространившись впоследствии на всей территории полуострова, стал именно 1728 год.

Не поленимся повториться (если мы где-то приводил уже эти слова) и снова процитируем второго по значимости после С. Крашенинникова историка Камчатки А.С. Сгибнева: «Осенью 1727 г. пришел в

Селение Харчинское на реке Еловке; дворов 8, жителей 55, альбом А. Сильницкого

Вулкан Харчинский

Большерецк Беринг с двумя судами, погруженными провизиею и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того, камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для траспортирования грузов, камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжких работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения».

Вулкан Шивелуч

Это, разумеется, никоим образом не преуменьшает значения того зла, что творили казаки.

Более того, в нашем распоряжении имеется протокол допроса Федора Харчина, в котором раскрываются причины личной

Селение Еловка на реке того же имени; дворов 8, жителей 56, альбом А. Сильницкого

мести и жестокости тойона Харчина, по приказу которого был сожжен Нижнекамчатский острог и полностью — в том числе и женщины, дети, старики — были уничтожены все его жители, а женщины перед смертью еще и изнасилованы:

«Учинили мы за несносную от сборщиков обиду и служилых людей, которые ездят за сбором к нам. А именно в 730 году камисар Иван Новгородов посылал ко мне на Еловку за сбором ясашным брата своего Матвея и брал он с меня за родников моих двойной ясак, да сверх оного ясаку себе брал по пяти голов с человека за чащину соболями и лисицами, а у кого взять нечего, и лопотью (одеждой. — *С.В.*) и мужским и женским полом. Да при нем же Новгородове, был пищик Еким Мухоплев, буди за сбором изнасиловал блудным грехом жену мою венчальную. Да сего же 31 году от комисара Михайла Шехурдина была ко мне и родникам моим обида несносная, брал с нас по три ясака на год да по пяти мест с человека чащин соболями и лисицами, а у кого нет, лопотью и сладкою травою, из которой вино сидят, так ж с меня просил за умершего дяди моего Ухира из за пристрастия и взял с меня тридцать лисиц, в то число и соболями».

Бунт был кровавый — камчадалы не щадили никого из русских. Но и карательные экспедиции русских тоже были беспощадны. Следствие по бунту шло несколько лет и в итоге были казнены как камчатские приказчики, виновные в происшедшем, так и тойоны-камчадалы, возглавившие бунт. Во всех казачьих острогах полуострова —Верхне- и Нижнекамчатских и Большерецком, пороли кнутами, били батогами и тех, и других.

Не пострадал только Степан Харчин, вовремя открестившийся от бунтовщиков, в том числе и от родного брата Федора.

Поэтому при Степане Петровиче Крашенинникове он и был тойном Усть-Еловского острожка.

В 1745 году началась деятельность Камчатской духовной миссии, и мы видим уже русские фамилии у жителей села Харчино – Теребякины, Петровы, Холщевниковы, Неводчиковы.

Но после двух «оспенных поветрий», очаг которых был в центральной части полуострова по линии Большерецк-Верхнекамчатск-Нижнекамчатск в 1768/69 и в 1799/1800 годах, ситуация коренным образом изменилась — часть поселений перестала вообще существовать, а в других, где осталось две-три семьи, переселили жителей дальних поселений восточной и западной Камчатки, которых не затронули волны этих эпидемий.

Харчинский хребет

Поэтому в 1855 году, когда губернатор Камчатской области Василий Степанович Завойко обратился за помощью к местным жителям — к коренной Камчатке — о защите от врага, который после поражения в Петропавловским сражении в 1854 году должен вернуться назад с новыми силами, то в числе тех 250 камчадалов, откликнувшихся на этот призыв и прибывших весной 1855 года защищать Петропавловский порт, были и уроженцы села Харчинского, награжденные впоследствии памятными бронзовыми медалями на Андреевской ленте: Ефим Варфоломеевич Чабаев (1819); Семен Клочев (1820); Иван Петрович Клочев (1826–1885).

Спустя полвека в период Русско-японской войны на Камчатке в народном ополчении вместе с русскими казаками, крестьянами, мещанами и священнослужителями принимали участие коренные камчадалы, потомки участников Харчинского бунта — Василий Семенович Клочев (1855) и Александр Спиридонович Клочев (1868) — родной племянник Ивана Петровича Клочева.

Озеро Харчинское, вулкан Шивелуч

Чистополь, Никольский собор, вид с севера

Герб Казанской губернии

ЧИСТОПОЛЬ, КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Еще и не так давно — каких-то полтысячелетия назад — эти места назывались Чистым полем. Может быть, в отличие от Дикого разбойного поля, впоследствии тоже превратившегося в Новороссию, где тогда еще селиться мало кто рисковал — пограбить и сжечь могли и татары, и запорожцы, и ляхи.

В Чистом поле, после того как пало Казанское царство, наоборот, жизнь постепенно оживала.

Действительно оживала — ведь были и другие времена в истории этой земли: здесь, в чистополье, в X веке была основана крепость Джукетау (Липовая гора, которая по русским летописям известна как Жукотин). Ее строителями были переселенцы из Великой Булгарии. Выбор местности на сосредоточии торговых дорог был настолько удачным, что скоро Джукетау стал крупнейшим городом Волжской Булгарии. Он был в то время торговым центром, имевшим связи с Византией и Русью, а с развитием кузнечного и гончарного дела привлек купцов из Индии и Китая. В энные времена Джукетауское княжество напрямую подчинялось золотоордынским ханам, получив контроль над восточными землями Волжской Булгарии.

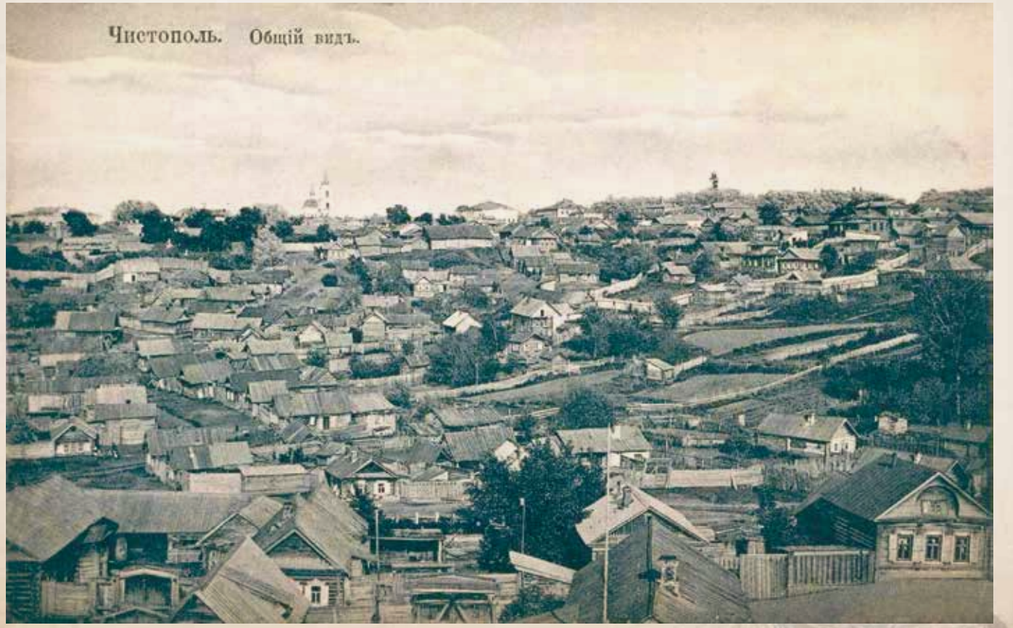
Но после Куликовской битвы и усиления Московского княжества, а также постоянных набегов на камские и волжские города русских ушкуйников коренные жители чистополья оставили эти места, и они постепенно начали засе-

Герб Чистополя

ляться беглыми крестьянами и раскольниками с Руси.

Первое поселение в чистом поле весьма символично и было названо Чистым Полем. Хотя есть и другая версия — о том, что беглые крестьяне и раскольники были насильно выселены из здешних мест, а само селение сожжено — и уже новое, основанное законными переселенцами — крестьянами помещика Саввы Аристова, в память о прошлом было названо Чистым Полем (а также Архангельской слободой). Хотя есть и иная трактовка: «Первыми поселенцами были беглые крестьяне, которых в 1720-е годы перевели в разряд государственных крестьян, в 1750-х годах приписали к Авзяно-Петровскому железоделательному заводу (в 1760 году перешел в собственность промышленника Е.Н. Демидова). В 1763 году их насчитывалось 437 душ мужского пола».

История повторилась — на сосредоточении торговых дорог село в 1781 году настолько выросло, что превратилось в центр Чистопольского уезда и город, а город, в свою очередь, снова стал крупным торговым центром — вторым по значению после Казани. Город торговал зерном. Были здесь и свои «хлебные короли» — Челышевы, Шашины, Чукашевы, Подуруевы…

18 октября 1781 года был Высочайше утвержден и городской герб с официальным описанием: «Въ верхней части щита гербъ Казанский. Въ нижней — золотой, клейменый четверикъ въ зеленомъ поле, въ знакъ того, что въ семъ новомъ городе производится велишй торгъ всякимъ хлебомъ».

Чистополь активно развивался и к 1860-м годам стал крупным торгово-перевалочным пунктом, в который свозили хлеб и сельскохозяйственное сырье из уездов Западного Закамья для отправки в города Астрахань, Вятка, Нижний Новгород, Пермь, Рыбинск, Саратов.

По материалам ревизий, в 1815 году в городе насчитывалось 4404, в 1834 году — 5528, в 1858 — 14 550 жителей.

Наш герой — Степан Васильевич Спылихин (в документах Спилихин) родился в Чистополе в 1810 году в семье мещан (горожан-домовладельцев). Лицом он был бел, носил русые волосы, а глаза у него были серые (так записано в его личном деле). 1 ноября 1829 года он взят в рекруты и зачислен матросом 2-й статьи 22-го флотского экипажа, а в 1830 году переведен лазаретным служителем в Гвардейский экипаж, откуда его забрал в денщики в 1839 году капитан 2-го ранга Николай Васильевич Страннолюбский, который с 7 октября 1840 года по 7 февраля 1845 года был начальником Камчатки, почему вместе с ним оказался на далеком полуострове и Степан Васильевич.

Мы не знаем, почему он не вернулся на материк вместе со Страннолюбским. Возможно, в это время Николай Васильевич был сильно болен (в 1846 году он умер), и его сопровождали совсем другие люди.

А может быть, причина в другом — список унтер-офицеров 47-го флотского экипажа 1855 года открывается его именем, то есть он был самым старшим из унтер-офицеров — боцманом и имел на левом рукаве мундира нашивку из желтой тесьмы за 20-летнюю «безпорочную» службу, а также медали — серебряную на Владимирской

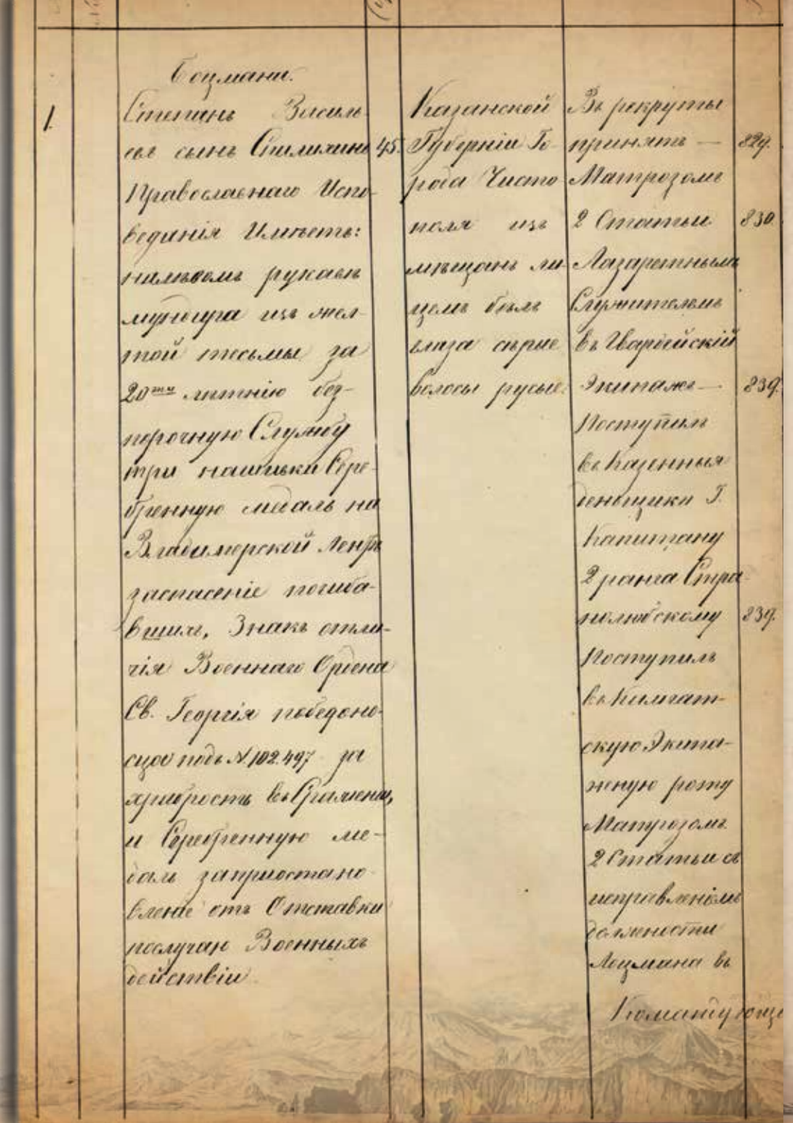
ленте (за спасение «погибаших») и другую, тоже серебряную «за пристановление от отставки по случаю военных действий».

Но главная его награда — знак отличия военного ордена Святого Георгия Победоносца № 102497.

В приказе о награждении его фамилия стоит второй.

«Спилихин — он первый, вызвав в охотники (в добровольцы. — *С.В.*) 17-ть человек, бросился в центр неприятеля, расстянувшегося по горе, и, наделав в них переполоху, и тем приостановил его движение, пока наши остальные партии подходили».

Это был самый отчаянный, самый важный по значению момент сражения, когда картечь и гвозди из полевой пушки пятидесятника Карандашева, угодив в самый центр колонны англо-французов, которые двигались со стороны Култучного озера в сторону Петропавловска, разметали

колонну и заставили англичан и французов в поисках укрытия от нового поражающего выстрела забраться на вершину Никольской сопки, не ведая, что они находятся при этом на краю пропасти. И в буквальном (там отвесные многометровые скалы) и в фигуральном (под натиском русских штыков) смыслах.

Первым замешательством, паникой, страхом врага воспользовался именно боцман Спылихин. Его небольшой отряд, появившийся внезапно среди каменных берез и зарослей кедрового стланика, еще более усилил панику, и боцман, прекрасно владея знакомой ему обстановкой, безжалостно погнал врага к обрыву.

Петропавловск-Камчатский, Никольская сопка, склон к бухте, фото М. Путника

Вот как Вячеслав Кусков на основе собранных им по крохам различных эпизодов из воспоминаний ветеранов тех сражений попытался реставрировать события нескольких часов, определивших историческую судьбу нашего героя: «Удивленные неожиданным появлением, ошарашенные залпом в упор, перепуганные бегущими со штыками наперевес русскими матросами, первые ряды попятились назад. На тропе возникло замешательство. Сзади напирали, один толкал другого. Вот уже раздался крик морского пехотинца, беспомощно балансирующего на краю обрыва. Он бросил ружье и попытался ухватиться за ближайшего солдата, чтобы не упасть в бездну на острые, полуприкрытые водой камни. Тот тоже бросил ружье, ударил по протянутым к нему рукам и отскочил подальше от обрыва. С душераздирающим воплем пехотинец полетел вниз. Остальные дружно повернули назад.

Несмотря на призрак суда и неизбежных после него трупов, развешенных на реях, ужас погнал матросов и солдат обратно. Теперь они уже разглядели, что перед ними нет и двух десятков бойцов. Появился стыд за минутную растерянность. Вперед, парни! Сейчас мы сотрем с лица земли эту жалкую кучку невзрачных людишек!

Спылихин и его товарищи стояли молча. Все силы исчерпаны. Оставалось только упасть на свою землю, глядя в лицо врагу. Единственная удача, на которую можно рассчитывать, — падая, увлечь за собой и врага. Авось получится… Эх, не сумели мы свое дело исполнить, как следовало…

Еще несколько секунд — и оборвутся жизни собранных с разных сторон России мужиков… Красно-синяя шеренга уже подняла штуцеры к груди.

Вдруг в кустах у правого фланга шеренги послышался нестройный шум. Его перекрыли звуки русского рожка, трубившего атаку. Дула штуцеров заколебались, головы неуверенно поворачивались вправо… Боже! К русским подошло подкрепление!

— Успели, сукины дети! — радостно выкрикнул Спылихин. — Наша берет! Ура-а!

Из кустов появился мичман Фесун с саблей в руке, за ним горнист, затем один за другим посыпались матросы-авроровцы. Выстрелив в толпу красных и синих мундиров, они бросались на них, выставив вперед штыки. Бросились вперед и спылихинцы.

Англичане и французы тоже стремились вперед. В первую очередь они хотели оторваться подальше от обрыва, чтобы почувствовать себя поспокойнее. Где-то позади также послышались крики. Еще одна партия с “Авроры” вступила в схватку. Хотя в общей сложности на сопке набралось лишь немногим более полусотни петропавловцев, но, растянувшись по гребню, они производили впечатление нескончаемого потока. Подоспели несколько камчадалов. Эти не стали ввязываться в свалку. Они аккуратно располагались за камнями и, тщательно убедившись в своей безопасности от выстрелов, начинали спокойно выцеливать очередного. Приученные с детства беречь каждую крупинку пороха, каждый кусочек свинца, они били без единого промаха.

Несколько минут трудно было сказать, кто кого. Но вот один солдат бросает ружье и бежит назад. Его примеру следуют еще один, второй, третий… Наконец, вся колонна в панике бежит к шлюпкам».

«…И так, можно сказать, неприятель потерял сознание, был прижат на выдающемся в море мысе узкую площадку, откуда вследствие натиска наших штыков, спихивал своих товарищей с высоты 80 фут в морскую пучину, прикрывающую острые каменья у подножия утеса, и разбивались насмерть.

Тут, можно выразить, текла кровь ручьями с горы, так как ни один человек неприятельского десанта не сошел с горы живой, все были перебиты и сброшены с высоты утеса, а катера неприятельские отошли от берега пустые только по причине того, что недостало у нас зарядов».

Судьбу сражения решали тогда мгновения.

Но эти мгновения, как искры, рождали большой огонь, в котором уже и неважным было, что силы русских были втрое меньшими, нежели вражеские — а поначалу и вовсе восемнадцать отчаянных русских парней противостояли шести сотням откормленных головорезов, потерявших от страха голову…

«В то время как Анкудинов, Михайлов и Кошелев атаковали северный склон Никольской горы, а Фесун, Пилкин и Жилкин — южный, в интервал между Кошелевым и Фесуном губернатор двинул 22 человека, подоспевших с гардемарином В.Д. Давыдовым от батареи № 2, а левее их еще 30 человек из резерва во главе с А.П. Арбузовым.

Последний отряд при подъеме в гору разделился. Боцман Степан Спылихин, хорошо знавший местность, с 17 матросами 3-го портового отряда пошел вверх по распадку к вершине горы, а Арбузов с остальными людьми уклонился левее. Разойдясь с партией Фесуна, он присоединился к отрядам Пилкина и Жилкина. В результате весь восточный склон Никольской горы был охвачен русскими партиями и отрядами, которые по дуге с севера на юг атаковали врага в следующем порядке: Е.Г. Анкудинов (36 чел.), Д.В. Михайлов (49 чел.), Кошелев (30

чел.), В.Д. Давыдов (22 чел.), С.В. Спылихин (17 чел.), Н.А. Фесун (32 чел.), А.П. Арбузов (13 чел.), К.П. Пилкин (32 чел.), Д.О. Жилкин (27 чел.) — всего 267 человек».

Я не знаю, вспоминают ли на родине в прекрасном музейном городе Чистополе их земляка боцмана Степана Васильевича Спылихина, героя Петропавловской обороны. Вполне возможно, что на родине и не знают об этом человеке.

Как, вероятно, не знают они и о том, что в Петропавловской обороне принимали участие и другие чистопольцы.

Это были матросы 2-й статьи Платон Сухопаров сын Андреев (1825), Андрей Чурбанов сын Григорьев (1825), Абрахит Аббуйхакимов Тимирбулатов (1831) — помимо Петропавловского сражения августа–сентября 1854 года все они, в том числе и Степан Васильевич Спылихин, также участвовали 8–9 мая 1855 года в сражении в заливе Де-Кастри при попытке англо-французской эскадры захватить русские суда, следующие из Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре.

Надеюсь, что теперь они не будут забыты и на родине…

Чистополь — город портовый, вид на Каму с высоты птичьего полета

Герб Камчатской области

ШАРОМЫ (ШЕРОМЫ), КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

И снова мы обращаемся к походным записям Карла фон Дитмара, сделанным им в 1852 году:

«В 4 часа мы прибыли в Шарому. 9 домов этого поселения и небольшая часовня лежат у самого берега главной реки и вместе с тем — у устья одноименной небольшой горной речки. Уже дорогой начался дождь, промочивший нас до костей; теперь же лило так, что оставалось только радоваться найденному убежищу в теплом и уютном доме тойона. Радушный хозяин хорошо угостил нас, мы же отблагодарили его за гостеприимство чаем.

...Жители Шаромы (33 мужчины и 41 женщина) уже более производят впечатление чисто камчадальского происхождения. Тойоном здесь был тоже Мерлин, происходивший из проживающей в Машуре отрасли этой фамилии. Здесь царит порядок и здоровье; по-видимому, обыватели отличаются даже некоторой зажиточностью. Превосходные сенокосы окрестных мест доставляют более чем достаточно корма для имеющихся здесь 36 голов рогатого скота, а на огородах поспевает достаточно овощей для людей. Точно так же богатую добычу дают охота и рыбная ловля. Местность здесь изобилует соболями, река полна лососей, хотя последние приходят сюда гораздо позже, чем в низовья Камчатки и, кроме того, являются уже сильно отощавшими после продолжительного и изнурительного путешествия вверх по реке. При нашем посещении шла еще красная рыба и хайко; ход же кизуча только что начался.

В Шароме мне дважды приходилось вспомнить о давно прошедшей старине. Прежде всего, я увидел там каменный топор, принадлежавший тойону и хранившийся как древняя святыня. Этот древний, почтенный памятник каменного века в

Камчатке уже вышел из употребления; но мне сегодня же еще пришлось видеть, как выдалбливали ствол ивы железным топором, сделанным совершенно наподобие каменного. Каменный топор имел в длину 5 дюймов, его очень острое лезвие — 3 дюйма. Весь камень, прочный темно-серый кварц, был очень плоско сточен; конец, противоположный острию, был значительно сужен, вставлен в сильно изогнутый конец толстой палки и укреплен здесь ремнями. Тойон сообщил мне, что очень старые люди в Камчатке все еще прекрасно помнят время, когда подобные каменные топоры и другие каменные орудия были во всеобщем употреблении. Теперь железо стало общедоступным материалом, и поэтому старинные каменные орудия совсем исчезли.

Другим памятником старины оказалась коса, в которую были заплетены волосы одного пришедшего ко мне очень старого туземца. Такая прическа, очень распространенная, судя по рассказам, в Камчатке в прошлом столетии и теперь еще вполне уцелевшая среди многих сибирских инородцев (например, тунгусов, гиляков и др.), здесь в настоящее время совершенно вывелась. К сожалению, старик мог сообщить мне очень мало про старину. Будучи еще совсем молодым человеком, он, по приказанию тогдашнего начальника края, должен был оставить свою любимую родину и переселиться в Верхнекамчатск. Старик был родом с западного берега, где он жил со многими другими земляками в области истоков р. Воровской. По его рассказам, охота там чрезвычайно богата; соболя, лисицы, каменные бараны, северные олени и медведи водятся в изобилии, а также достаточно и рыбы. Жилось там очень привольно и хорошо, и с тяжелым сердцем расстались бедняки со своей родиной. Эта местность, по словам старика, представляет собою очень дикую и скалистую страну, где все охотничьи скитания совершались исключительно пешком, потому что на лошади пройти там удается лишь с трудом.

Шаромы, альбом А. Сильницкого

Старая церковь в селе Шаромы, альбом А. Сильницкого

Тойон и его семейство все время оставались при мне, осыпая меня всякими знаками внимания и любезностями. Таким образом, я имел удовольствие познакомиться с их поистине счастливой семейной жизнью. Тойон привел ко мне своего внука, лет десяти, и сообщил мне, что мальчик уже учится управлять батом и обращаться со своим маленьким ружьем. Такое раннее обучение, прибавил тойон, в Камчатке необходимо, так как хорошо прожить здесь может только очень умелый человек. Кроме того, этот мальчик тоже Мерлин, а потому с раннего возраста должен стараться подражать своим древним героям-предкам. В Шароме также был известен богатырь Божош, и здесь камчадалы прославляли его необыкновенную силу и ловкость. Богатырь этот, охотясь за дикими баранами, догонял на бегу

Горный баран-толсторог

Апачинский староста Панов, альбом Б. Дыбовского

этих быстрых животных и убивал их копьем, так что спутникам его никогда не приходилось сделать ни одного выстрела.

Отец тойона в Верхнекамчатске выучился чтению и письму от Ивашкина, политического преступника, сосланного в Камчатку императрицей Елизаветой (об Ивашкине еще теперь часто приходится слышать в Камчатке). Благодаря своей грамотности, этот отец впоследствии был отправлен начальником края Бемом в качестве учителя в Большерецке. Там родился теперешний тойон, там же он познакомился со своей женой, дочерью казака, и женился. Впоследствии его перевели в Шарому».

В 1855 году в отряде добровольцев-охотников в Петропавловский порт прибыло трое жителей Шером: Артамон Садовников (1815), Василий Панов (1830) и Николай Каменской (1835).

Фамилия Каменских к началу XX века исчезла на Камчатке.

А вот фамилия Садовниковых как раз и напоминала о переселении камчадалов с западного побережья: Садовниковы прежде проживали на реке Морошечной, где у них оставались родники (родственники).

Что же касается Пановых, то во времена Степана Петровича Крашенинникова камчатский казак-старожил Федор Панов был заказчиком Нижнекамчатского острога, и его фамилия была во многих селах центральной, юго-восточной и западной Камчатки, где у него были свои крестники – камчадалы Пановы.

И в период Русско-японской войны 1904–1905 годов это наиболее полно раскрылось.

В народном ополчении принимали участие Василий Васильевич Панов (Шаромы), Власий Иванович Панов (Апача), Даниил Петрович Панов (Апача), Иван Иванович Панов (Апача), Прокопий Евсеевич Панов (Малка), Яков Гаврилович Панов (Апача).

Евстигней Прокопьевич Панов (Апача) за свои подвиги был награжден серебряной медалью «За усердие».

А Гавриил Иванович Панов (Апача) «за мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев 17 июля 1904 г. на реке Озерной» и «за мужество и храбрость, оказанные им при отражении японцев на реке Опала 10 июля 1905 г., где получил рану в правую щеку при нападении на него трех японцев» был награжден Георгиевским крестом IV степени (№ 169566) и Георгиевским крестом III степени (№ 8610).

Камчатский закат, фото Д. Задерея, архив «Витязь-Тревел»

Деревянная церковь Николая Чудотворца. Находится между Вельском и Шенкурском

Герб Архагельской губернии

ШЕНКУРСКИЙ УЕЗД, АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Необычное на слух название уездного города обозначает, что это «селение на курье реки Шенги». Курья — «речной залив, заводь, узкий проток реки». Шенга — правый приток реки Ваги, на которой и расположен город. Река Шенга получила свое название по характерной примете, в переводе с саамского — «осоковое болото».

Еще в 14-м столетии поселение называлось Шенга-Курья.

Но это не первое название здешних мест. Историки предполагают, что прежде, во времена новгородского князя Святослава Ольговича в 1137 году здесь находился пункт сбора дани с местных племен, который назывался Чудин, по группе племен чудь, в которую входили водь, весь, сумь, емь, ижора, эсты и др.

Как Шенкурский погост известен с 1315 года.

При Иване Грозном он под названием Вага, как центр Важского уезда, вошел в состав опричных земель Московского государства.

В 1586 году город Вага — вотчина будущего царя Бориса Годунова, который в 1602 году завещал этот город в случае свадьбы его дочери Ксении с герцогом Шлезвигским и Голштинским Гансом жениху, но брак не состоялся, и город впоследствии перешел во владение царей Романовых.

В 1627 году поселению вернулось его прежнее название — Шенкурское.

Герб Шенкурска

Интересен и герб Шенкурска, который был дан этому уездному городу в 1780 году Екатериной II: «В верхней части герб

вологодский, в нижней — зверек, называемый барсук, в зеленом поле, которых в окрестностях сего города много находится».

Герб вологодский по той причине, что в это время Шенкурск был уездным городом в составе Архангельской области Вологодской провинции. В 1854 году в составе 46-го Камчатского флотского экипажа служили двое уроженцев Шенкурского уезда, принявших участие в Петропавловской обороне:

Федор Детков сын Иванов (1816) — уроженец Ростовской волости деревни Кудинской из удельных крестьян, в 1850–1851 годах участник кругосветного плавания на корвете «Оливуца», в 1854 году на этом корвете был в порту Гонолулу, в 1855 году на нем же участвовал в сражении с англо-французами в заливе Де-Кастри.

Деревня в XIX веке: «Кудинская (Шелагины) — деревня в Шенкурском уезде Архангельской губернии. Находится на левой стороне реки Северной Двины (по реке Северной Двине). Расстояние до уездного города (Шенкурск) — 108,5 верст, до становой квартиры — 42,5 верст. Стан 2-й. Местоположение становой квартиры — деревня Горличевская (Волость).

Жителей мужского пола 21, женского — 33. Всего 54 человека, живут по 6 дворам».

Шенкурск, мост через Вагу

Берег реки Ваги

Алексей Таскаев сын Андреев (1819) — марсовый матрос, уроженец Кириловского общества деревни Усть-Шердской (Устьишерской, Устьшордской), из крестьян казенного ведомства, в 1852–1853 годах совершил кругосветное плавание на транспорте «Двина», в августе 1854 года на гребном плашкоуте в команде боцмана Павла Васильевича Усова взят в плен англо-французами.

Эта деревня в XIX веке: «Находится на правой стороне реки Мехренги (по рекам Пуксе, Мехренге и Шорде, впадающим в Северную Двину). Расстояние до уездного города (Шенкурск) — 165 верст, до становой квартиры — 192 версты. Стан 1-й. Местоположение становой квартиры — деревня Село Воскресенское (Успаденский погост).

Жителей мужского пола 41, женского — 37. Всего 78 человек, живут по 7 дворам».

Герб Камчатской области

ЩАПИНО, КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

В 1852 году путешествующий по Камчатке чиновник по особым поручениям при губернаторе Карл фон Дитмар при особых обстоятельствах познакомился с жителями этого селения:

«Рано утром 18 августа мы оставили свой лагерь. Сначала плавание шло вполне хорошо, но, к сожалению, в скором времени дело изменилось к худшему. Переправляясь через реку, я благополучно прошел мимо места, где в глубокой воде и среди стремительного течения лежала куча застрявшего леса. Мой бат продолжал свое плавание вдоль берега, как вдруг позади нас послышался крик. Я сейчас же повернул назад и к ужасу своему увидел, что благодаря неосторожному управлению бат Шестакова (боцмана Ивана Ивановича Шестакова — впоследствии героя обороны Петропавловского порта, награжденного знаком военного ордена Святого Георгия Победоносца. — *С.В.*) опрокинулся у той же кучи дерева. Все люди спаслись, но потеряна была масса крайне необходимых вещей. Палатка, двустволка, котел, множество провизии, ружье Шестакова, два ружья камчадалов и, наконец, значительная часть моих коллекций безвозвратно остались на глубине. Только несколько мелочей, как платье и медвежьи шкуры, плавали по воде и были вытащены. С грехом пополам обсушившись, мы быстро двинулись к Чапинскому переходу, где нас, теперь не имеющих своего крова, укрыла от начинающегося дождя избушка. Здесь находится выход сухопутной дороги к деревне (острогу) Чапиной; пешком туда пять верст. От избушки было также очень близко и устье реки Чапиной; она больше Никола и истоки ее лежат на хребте Кинцекла близ истоков последнего. Сама деревня находится верстах в 10 от устья вверх по реке Чапиной. Сейчас же по нашему прибытию сюда двое из моих камчадалов поспешно отправились ближней

сухопутной дорогой в деревню, чтобы заготовить все нужное для продолжения нашего путешествия.

Проведя из-за множества комаров очень беспокойную ночь, мы рано утром 19 августа были удивлены появлением в нашем лагере тойона и его однодеревенцев. К нам явилось почти все население Чапиной, в том числе женщины и дети. Целью этого посещения было не только выражение соболезнования по поводу испытанного нами несчастья, но также и еще доставка множества всякого рода съестных припасов. Кроме того, мы получили в пользование до ближайшей станции палатку и котел. Коротко сказать, обыватели изо всех сил старались возместить наши потери. Но здесь я не мог возместить гораздо более чувствительной потери камчадалов — затонувших ружей. Я обещал только довести о том до сведения начальства в Петропавловске, и впоследствии исполнение этого обещания имело результатом то, что губернатор не только заменил потерянные ружья новыми, но еще прибавил к ним разные другие полезные в быту камчадала подарки. Пока же все очень радовались тому, что не погиб хоть ящик с чаем; прошло немного времени, как уже стар и млад наслаждались любимым напитком. За этим приятным занятием у камчадалов развязались языки, и опять пошли обычные расспросы и рассказы. Узнав, что мы морем проехали из Петропавловска в устье реки Камчатки, чапинские обыватели тотчас же поинтересовались узнать, видели ли мы балаганы на Кроноцкой реке (Кродакынге) и стоят ли они еще там. Эти балаганы принадлежат чапинцам и были построены для заготовки корма

Долина реки Правая Щапина. Справа — вулкан Кизимен, фото С. Моренко

Кипрей — «Иван-чай» над водопадом, автор magadansky.livejournal.com

Вулкан Кизимен, фото А. Елисеевой

собакам из трех выброшенных там мертвых китов. Мои собеседники провели целое лето в этой богатой рыбою, дичью и ягодами местности. Туда нетрудно попасть, следуя сперва вверх по реке Чапиной до истоков ее в Кинцекле и затем дойдя через перевал к речкам, текущим с восточного склона этого хребта в Кроноцкое озеро.

...Относительно деревни Чапиной, которой мне не пришлось посетить самому, тойон сообщил мне, что население ее состоит из 21 души мужского и 16 женского пола; санитарное положение жителей вполне удовлетворительно. В деревне 8 домов и одна часовня. Всего у обывателей имеется 8 голов рогатого скота и 2 лошади».

За век до него С.П. Крашенинников отмечал в острожке Шапин или Шепен, тойоном которого был Начика, 13 «плательщиков ясака» — восемь «собольников» и пять «лисичников».

В 1739 году в одном из своих рапортов он сообщал следующее: «Шепен острожек, немного пониже переезду Шепена реки на левом ее берегу. Строения в нем одна юрта, 9 балаганов, ясашных 14 человек, в том числе 7 собольников. Тойон называется Дочеку».

Любопытно, что из четырех охотников-добровольцев из Щапино, отозвавшихся на призыв камчатского губернатора отстоять от врага Петропавловский порт, трое были Овцыными — Николай (1808), Андриан (1825) и Иван (1830).

В истории Камчатки мне пока известен только один Овцын – участник Второй Камчатской экспедиции, разжалованный в матросы лейтенант:

«Овцин (Овцын) Дмитрий Леонтьевич — капитан 2 ранга (из штурманов), участник Великой Северной экспе-

диции. В 1725 г. плавал штурманским учеником на корабле первой русской экспедиции, отправленной в Испанию (под начальством И. Кошелева). В начале 1733 г. в чине лейтенанта назначен в Великую Северную экспедицию начальником отряда для описи берега Сибири от Оби до Енисея с базой в Тобольске. Летом 1734 г. спустился на дубель-шлюпке “Тобол” вниз по Иртышу и Оби и обследовал Обскую губу. Летом 1737 г. на боте “Обь-Почталион” (вместе с флота мастером И. Кошелевым, командиром “Тобола”) вышел в Карское море до 74°02′ с. ш. и, обогнув Гыданский п-ов, вошел в р. Енисей. В начале 1739 г. за связь с ссыльной семьей князя Долгорукого разжалован в матросы и под конвоем послан в Охотск под команду Беринга. Вместе с ним в 1741 г. плавал на пакетботе “Св. Петр” к северо-западной Америке. На обратном пути в 1741–42 г. зимовал на о. Беринга. По возвращении был восстановлен в офицерском звании. В 1744–48 гг. плавал на Балтийском море. В 1749–52 гг. в чине капитана 2 ранга плавал из Кронштадта в Архангельск и обратно. Службу во флоте оставил по болезни в 1757 г.».

Дмитрий Леонтьевич мог участвовать в крещении авачинских камчадалов, которые позже были расселены по различным поселениям после двух опустошительных эпидемий. Так, например, авачинские Елагины, оказались в Коряках и Ганалах, Волковы — в Малках, Табарины — в Начиках…

А четвертым добровольцем-охотников был Иван Пермяков (1817) из рода камчадалов, крестным отцом которых был заказчик Верхнекамчатского острога капрал Ефим Пермяков, участник плавания бота «Святой Гавриил» к берегам Америки в 1732 году.

К началу 20-го столетия фамилия Овцыных на Камчатке исчезает…

Но фамилия Пермяковых, родовое гнездо которых было в Машуре, распространилась к тому времени по многим населенным пунктам юго-востока Камчатки.

О начикинской ветви Пермяковых мы уже говорили.

Но в событиях Русско-японской войны на Камчатке, на защиту которой выступили представители всех коренных и старожильческих родов, были и камчадалы Пермяковы. В народном ополчении состояли: Арсений Герасимович Пермяков (Машура), Василий Семенович Пермяков (Кирганик), Николай Миронович Пермяков (Малка).

А в годы Великой Отечественной войны прославил Камчатку гвардии старший лейтенант Василий Васильевич Пермяков — кавалер орденов Красной Звезды (18.08.1943), Отечественной войны I степени (21.07.1944), Александра Невского (17.08.1944) и двух орденов Боевого Красного Знамени.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество – ПЕРМЯКОВ Василий Васильевич
2. Звание – гвардии лейтенант
3. Должность, часть – командир батареи 121 го полка 35 отдельной Гвардейской Минометной Резерва Главного Командования
4. Год рождения – 1920 5. Национальность
6. Партийность, стаж – член ВКП(б) с апреля 6261660
7. Участие в гражданской войне, последующих СССР и Отечественной войне (где, к не и последующих действиях по защите ственной войне участвует с ноября 194 ном с августа по ноябрь 194 г. на Ста 1943 года на Центральном и с ноября 1 фронтах
8. Имеет ли ранения и контузии в отечест ре 1942 г. на Западном фронте, в октябр ком фронте.
9. С какого времени в Красной Армии – с
10. Каким ВВК призван – Благовещенским Р
11. Чем ранее награжден (за какие отличия КРАСНАЯ ЗВЕЗДА 18.08.1943 года прика № 9/Н
12. Постоянный точный адрес представля ера семьи

КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГ

Тов. ПЕРМЯКОВ В.В. в боях при форсиро районе д. Гусынне при поддержке 122 СП 370 СД 20 под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника на подручных средствах форсировал реку и выбрав наблюдательный пункт на ее западном берегу, вел наблюдение за противником. При контратаке противника, пытающегося отбросить на восточный берег первые форсирующие группы, вел огонь своей батареей и уничтожил 4 пулеметных точки, 1 повозку, 1 минометную батарею, рассеял и частично уничтожил до 2-х взводов пехоты противника, не понеся потерь в личном составе и технике своей батареи. и дал возможность закрепиться и расширить плацдарм на западном берегу реки Западный Буг.

Тов. ПЕРМЯКОВ достоин представления к правительственной награде ордену АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

КОМАНДИР 121 ГВАРДЕЙСКОГО МИНОМЕТНОГО ПОЛКА ГВАРДИИ МАЙОР (ЛОВАЛЕВ)

"26" июля 1944 года

НАГРАДНОЙ

ЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

(предприятия, учреждения или заведения)

наступательных боях на участке 409 СП 137 СД

1943г. по 31.07.43г. своим взводом уничтожил до рот

в одну автомашину с боеприпасами, подавил огонь

пулеметных точек.

ния командования, мужество и отвагу достоин представ

ленной награды ордена "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

/РАЗИН/

Юрьевец, Георгиевская колокольня

Герб Костромской губернии

ЮРЬЕВЕЦКИЙ УЕЗД, КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Юрьевец — один из старинных городов России, построенный на Волге великим князем Владимирским Юрием (Георгием) Всеволодовичем, который был назван в честь небесного покровителя князя — Юрьевом. В отличие от уже существовавших к тому времени других Юрьевых городов (Польского и Ливонского) этот был назван Юрьевом Поволжским (или, как тогда говорили, Повольским), назывался также Георгиевском, но сохранился в истории под оригинальным именем Юрьевец.

Год его рождения — 1225.

Город сначала рос как крепость на крутом повороте Волги, напротив устья реки Унжа. У стен крепости возник посад. В 1237 году сожжён войсками хана Батыя.

А затем, хотя сам город и оставался на одном и том же месте, его начали «разметывать» сначала по разным княжествам, а потом по губерниям и областям

С 1405 года Юрьевец был в составе Городецкого княжества, с 1448 года — Московского, с 1451 года — Суздальского, затем снова Московского. В 1556 г. отписан Иваном Грозным в опричный удел Московского царства.

С 1708 года Юрьевец Повольской находится в составе Казанской губернии, в 1714–17 годах в составе Нижегородской губернии, с 1717-го снова в Казанской губернии. С 1719 года Юрьев-Повольский в Нижегородской провинции Нижегородской губернии. С 1778 года — уездный город Костромской области Костромского наместничества (с 1796 года — Костромской губернии).

На период, когда Юрьевец был уездным городом Костромской губернии (сейчас он относится к Ивановской

Герб Юрьевца Повольского

области), и приходится время, когда жили, служили и сражались за Родину на Камчатке уроженцы этого уезда.

В списке героев Петропавловской обороны, награжденных солдатскими знаками отличия ордена Святого Георгия Победоносца, до недавнего времени не было этого имени. По какой-то досадной ошибке его пропустили, и мы совершенно случайно обнаружили не известного нам Георгиевского кавалера, когда знакомились со списочным составом 47-го Камчатского флотского экипажа за 1855 год. В это время гарнизон Петропавловского порта был уже переведен в Николаевск-на-Амуре и пополнился новым составом.

ГОРОДЪ ЮРЬЕВЕЦЪ (КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.)

Степан Николаевич Соловьев, квартирмейстер 47-го флотского экипажа. В 1845 году он был записан в рекруты и доставлен в Кронштадт, где стал теперь матросом 13-го флотского экипажа. В 1846–1847 годах служил на корабле «Великий князь Михаил», в 1849 году. на «Сысое Великом», а с 1852 по 1853 год находился в кругосветном плавании на транспорте «Двина», который был отправлен на Камчатку, чтобы пополнить состав местной флотилии и флотского экипажа.

В 1854 году квартирмейстер Соловьев участвовал в сражении и был отмечен за храбрость высокой солдатской наградой — знаком отличия военного ордена Святого Георгий Победоносца №102060.

А в 1855 году на своем родном транспорте «Двина» Степан Николаевич участвовал в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри.

А вот с деревней Быково Юрьевецкого уезда, откуда он родом, вышла «незадача» — деревень с таким названием в этом уезде было четыре: в Горбунихинской волости на реке Пестанка; в Кандауровской волости на реке Ломна; в Якушевской волости на реке Мазница и в Худынской волости на реке Лух,

Юрьевец, фигурка ангела на воротах храма

Церковь Рождества Христова в Юрьевце

известной также как село Богоявленское Новое (деревня, как известно, становится селом, когда в ней появляется церковь).

Единственным ориентиром для выбора деревни могло быть то, что она принадлежала помещице Бахметевой, из известного дворянского рода. Но найти информацию об этой землевладелице нам, к сожалению, не удалось.

Но мы готовы представить имена других уроженцев Юрьевецкого уезда, которые принимали участие в обороне Петропавловского порта и место рождения которых мы выяснили довольно точно.

Юрьевец-Повольский, художник Н.Г.Чернецов.

Болотниковская волость, деревня Холтурки. Федор Бражников сын Иванов (1812) — из крестьян «покойного прапорщика ныне сына его Сергея Николаева Попова», в 1851–1852 годах участник кругосветного плавания на корвете «Оливуца», в 1854 г. в порту Гонолулу, в 1855 году на этом же корвете участвовал в сражении в заливе Де-Кастри.

Горбунихинская волость, деревня (написано неразборчиво, подходят) Мамишна, Махниха и Матасиха. Абрам Сычев сын Иванов (1824) — матрос 1-й статьи, из удельных крестьян, в 1850–1851 годах на корвете «Оливуца» в кругосветном плавании, в 1853–1854 годах служит на этом же корвете, в 1855 году участвует на транспорте «Иртыш» в сражении в заливе Де-Кастри.

Кандауровская волость, деревня Иголкино.

Юрьевец, на территории кремля

Николай Косарев сын Степанов (1821) — матрос 1-й статьи, из удельных крестьян, в 1852–1853 годах в кругосветном плавании на транспорте «Двина», в 1854 году взят в плен с парусного плашкоута гребными судами англо-французской эскадры вместе с семьей боцмана Павла Усова и матросами, в числе которых был и Семен Удалов. В 1855 году, когда англо-французская эскадра пришла в Петропавловский порт и не застала здесь военного гарнизона и судов Камчатской флотилии, русским военнопленным приказано было стрелять по безоружному городу. Семен Удалов предпочел смерть позору, выпрыгнул с борта судна и утонул. Остальные пленные позже были возвращены в Россию.

Махловская волость, деревня Осинок. Андрей Ильин сын Ильин (1821) — из удельных крестьян, в 1852–1853 годах участник кругосветного плавания на транспорте «Двина», «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Двина» был в действительном сражении в заливе Де-Кастри.

Мордвиновская волость, деревня Софронихи. Иван Цевочкин сын Васильев (1826) — из удельных крестьян. В 1852–1853 годах в

кругосветном плавании на транспорте «Двина», «в 1854 г. участвовал в действительном сражении против англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа 1854 г.», в 1855 году на транспорте «Двина» был в сражении в заливе Де-Кастри.

Мордвиновская волость, деревня Токарева. Семен Головников сын Иванов (1814) — мастеровой матрос, из удельных крестьян, в 1850–1851 годах в кругосветном плавании на корвете «Оливуца», в 1855 году на этом же корвете участвовал в сражении в заливе Де-Кастри.

Мелечкинская (Повольская) волость, деревня Дворянская на реке Парша. Афанасий Горшков сын Варфоломеев (1823) — матрос 1-й статьи, из крестьян помещика Александра Степанова Карлова, в 1850–1851 годах совершил кругосветное плавание на корвете «Оливуца», в 1852–1855 годах служил на этом же корвете и на нем участвовал в сражении в заливе Де-Кастри в 1855 году.

Обжернихинская волость, деревня Камешки. Василий Шуненков сын Павлов (1822) — марсовый матрос, из удельных крестьян, в 1850–1851 годах участник кругосветного плавания на корвете «Оливуца», в 1852–1855 годах служит на корвете и в 1855 году. участвует на нем в сражении в заливе Де-Кастри.

Деревня Петрушиха (одна в Обжерихинской волости на реке Костромка, а другая в Мордвинской волости). Иван Воробьев сын Фокиев (1830) — матрос 1-й статьи, из удельных кре-

Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, Ивановская область

стьян, в 1850–1851 годах на корвете «Оливуца» в кругосветном плавании, в 1853–1854 годах служит на этом же корвете и в 1855 году участвует на нем в сражении в заливе Де-Кастри.

Деревня Угрюмова (одна в Мордвинской волости на реке Волга, а вторая в Обжерихинской волости на озере Елхипском). Гаврило Казинов сын Корнилов (1824) — матрос 1-й статьи, из государственных крестьян, в 1850–1851 годах на корвете «Оливуца» в кругосветном плавании, в 1853–1854 годах служит на этом же корвете и в 1855 году участвует на нем в сражении в заливе Де-Кастри.

И у нас остался еще один участник тех далеких событий — Игнатий Дмитриевич Яблоков (1816), уроженец деревни Клюшино Макатовской волости Юрьевецкого уезда, из крестьян помещика Ничаева, который еще в далеком 1837 году поступил на службу в Петропавловскую экипажную роту.

В 1854 году Игнатий Дмитриевич служил на Петропавловском маяке и первым оповестил командира Петропавловского порта Василия Степановича Завойко о входе вражеской эскадры в Авачинскую бухту.

1 октября 1856 года после своей отставки Игнатий Дмитриевич возвратился в Петропавловск, откуда, по всей видимости, была родом его жена Дарья Николаевна.

В исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 год есть запись о том, что семидесятилетняя вдова отставного баталера Дарья Николаевна Яблокова была тещей урядника Алексея Феофилактовича Павлова (1848), за которым замужем была ее дочь Ирина Игнатьевна (1858). И эта дочь была не единственной — известно, что на воспитании бабушки находился двенадцатилетний внук Василий Николаевич Пинизин.

Вот какие сведения о внуке нам удалось найти: Василий Николаевич Пинезин (1881), казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 годов, кавалер Георгиевского креста IV степени (№ 171279).

В этих же событиях обороны Камчатки 1904–1905 годов отметился и его отец — Николай Николаевич Пенизин (1856), петропавловский казак, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 годов, кавалер Георгиевского креста IV степени (№ 171285).

Мы сохраняем то написание фамилий, которое встречается в документах, поэтому есть и другие варианты этой же фамилии, как Пинижины, Пинежины — когда-то предки этих казаков пришли в Сибирь и на Камчатку с Русского Севера — с реки Пинеги, то есть они пинежане, и их фамилия хранит в себе эту память о далекой родине.

Юрьевец, Собор Входа Господня в Иерусалим

Сергей Иванович ВАХРИН

Камчатка – Россия – Мир
Петропавловская оборона 1854 г.

Верстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца

Подписано в печать 23.03.2021. Формат 84×108/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 51,24. Тираж 300 экз. Заказ № КПОО–001678.

КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!»

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, д. 12а.
www.kamchatpress.ru